

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Матюхин А.Е., Сапелко Т.В. Вопросы геологии, хронологии и палеоэкологии палеолитического памятника Бирючья Балка-2	2
Васильев С.Г., Рыбин Е.П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека на ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья	13
Величко А.А., Писарева В.В., Седов С.Н., Синицын А.А., Тимирева С.Н. Палеогеография стоянки Костенки-14 (Маркина гора)	35

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Триквостры скифского времени Северного Алтая	51
Зах В.А., Глушкова Т.Н. Тканые пояса из Саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9	57
Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья	67
Горюнова О.И., Новиков А.Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья	76
Маточкин Е.П. Петроглифы Поперечной Красноярки	83

ЭТНОГРАФИЯ

Карнаухов Д.В. Образы этничности Евразии в трудах польских историков эпохи Возрождения	92
Березкин Ю.Е. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: североевразийские этно-культурные связи в зеркале космонимии	100

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ Культурное наследие и промыслы народов Евразии

Пимокаты Алтая	114
----------------	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой)	125
Аксянова Г.А. Основные результаты расогенетических исследований в Туве в XX столетии (обзор литературных источников)	137
Моисеев В.Г. О происхождении населения островов Рюкю: интеграция краниометрических и краниоскопических признаков	146

ПЕРСОНАЛИИ

Анатолий Дмитриевич Пряхин	153
----------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2009 ГОДУ	159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551

А.Е. Матюхин, Т.В. Сапелко

ВОПРОСЫ ГЕОЛОГИИ, ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА БИРЮЧЬЯ БАЛКА-2

Статья посвящена изучению геологии, хронологии и палеоэкологии многослойного памятника Бирючья Балка-2 в долине р. Северский Донец (Ростовская обл.). В ходе раскопочных работ выделены семь мустырских и четыре позднепалеолитических горизонта. Подавляющее большинство костных остатков, принадлежащих преимущественно древнему зубру, обнаружено в мустырских горизонтах. Индустрии позднепалеолитических горизонтов включают скребки, скребла и двусторонние орудия. Характерная особенность нижних мустырских горизонтов – наличие признаков не только традиционных приемов первичной обработки, но и объемного расщепления. Согласно результатам палинологического анализа, суглинки, содержащие кремневые изделия, формировались в периоды как потеплений, так и похолоданий. Абсолютные даты для позднепалеолитических горизонтов – 26 и 31 тыс. л.н. Абсолютная дата 40 тыс. л.н. для одного из верхних мустырских горизонтов представляется несколько удрученной. Перерыв в заселении стоянки установлен для периода позднего похолодания (34,0–32,5 тыс. л.н.). Есть основания полагать, что появление новых приемов обработки камня (в данном случае пластинчатого расщепления) прямо не связано с ландшафтно-климатическими условиями и обусловлено, скорее всего, внутренними закономерностями развития материальной культуры. Нельзя исключать и роль природных факторов в этом процессе.

Ключевые слова: Северский Донец, Бирючья Балка-2, палеолит, раскопки, разрез, отбор образцов, хронология, геология, палинология, палеозоология, палеоклимат, окружающая среда.

Введение

Бирючья Балка-2, как и другие археологические объекты, расположенные у хутора Кременского Константиновского р-на Ростовской обл., является многослойным памятником [Матюхин, 1994, 2002, 2003, 2006, 2007; Matioukhine, 1998а, б]. В ходе многолетних раскопок одним из авторов настоящей статьи, А.Е. Матюхиным, выделены семь мустырских и четыре позднепалеолитических горизонта. Мустырские индустрии горизонтов 6, 5в, 5б, 5 и 4 близки таким памятникам Русской равнины, как Калитвенка-1 и -1в в Каменском р-не Ростовской обл., Белокузьминовка и Курдюмовка в Донбассе, Марьева Гора в Приазовье, Шлях в Поволжье, Хотылево-1 в долине Десны и др. (рис. 1). Индустрия самого верхнего мустырского горизонта 3в сближается с инвентарем памятников Антоновка-1 и -2 в Приазовье и Калитвенка-1а. Позднепалеолитические индустрии горизонтов 2, 3 и 3б, содержащие треугольные

острия, соответствуют кругу памятников стрелецкого типа. К ним относятся также слой 3 Костенок-12, слой 5 Костенок-11, Костенки-6 [Аникович, 2005б, с. 40], Сунгирь [Бадер, 1978] и Гарчи-1 в Приуралье [Павлов, Макаров, 1998].

Памятник Бирючья Балка-2 изучен археологами достаточно полно. Результаты этих исследований широко освещены в ряде публикаций. В последние годы уже вышли или подготовлены к печати работы, касающиеся геологии, хронологии и фауны памятника [Титов, Тесаков, 2005; Додонов и др., 2007; Otte, Matioukhine, Flas, 2006].

В данной статье излагаются результаты комплексного исследования Бирючей Балки-2. Основное внимание уделяется вопросам хронологии и палеоэкологии, в частности, реконструкции природной среды, окружавшей древних обитателей этих мест. Рассматривается влияние ландшафтно-климатических условий на развитие каменных индустрий, в первую очередь в эпоху мустые.

Рис. 1. Расположение некоторых памятников конца мустье и начала позднего палеолита на территории Русской равнины.

1 – Бирючая Балка-2; 2 – Калитвенские памятники; 3, 4 – Белокузьминовка и Курдюмовка; 5 – Марьева Гора; 6 – Носово-1; 7, 8 – Антоновка-1 и -2; 9 – Шлях; 10 – Костенковские памятники; 11 – Хотылево-1; 12 – Сунгирь; 13 – Гарчи-1; 14 – Ильская; 15 – пещерные стоянки Северного Кавказа.

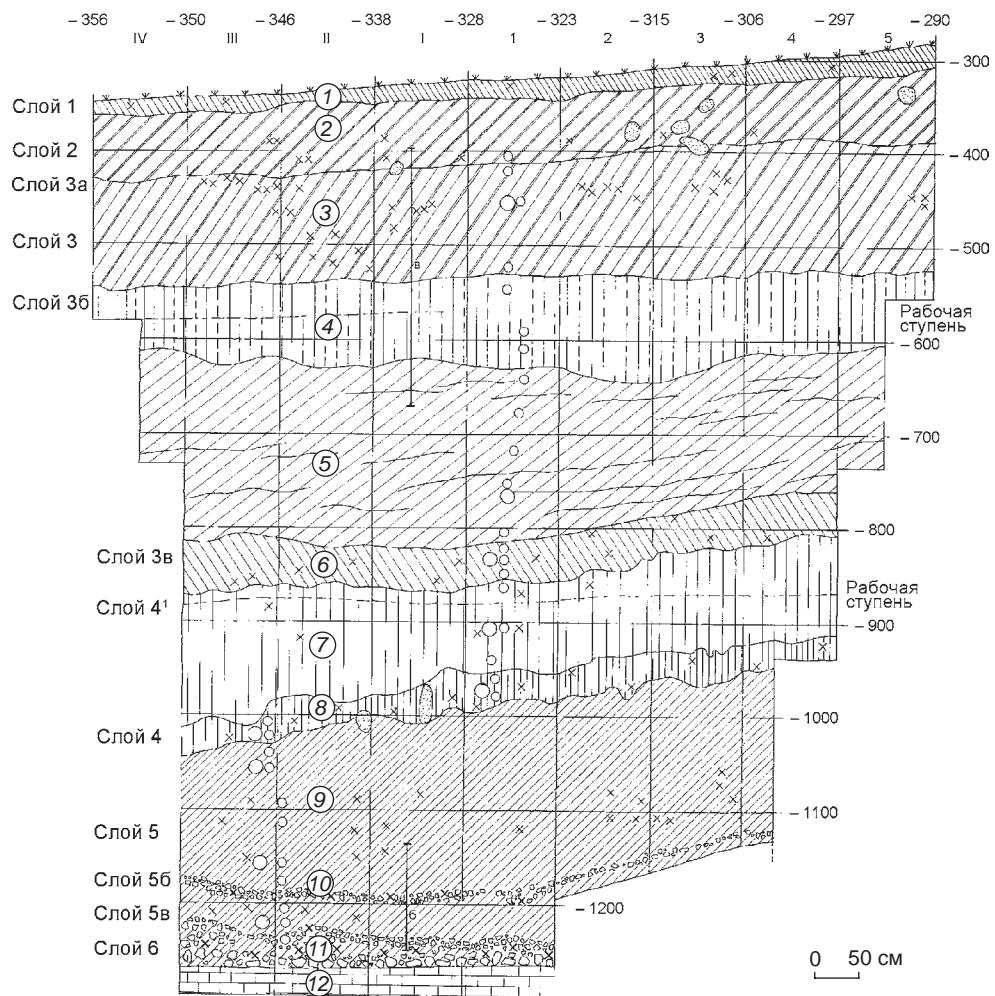

Рис. 2. Разрез отложений по восточной стене раскопа 2005 г. Бирючей Балки-2 (по А.Е. Матюхину). Цифры в кружках соответствуют нумерации литологических слоев; пустые кружки – места взятия образцов для люминесцентного датирования; вертикальные жирные линии обозначают участки стены, где взяты образцы для палеомагнитного исследования.

1 – современная почва; 2 – суглинок светло-бурый; 3 – суглинок серовато-бурый; 4 – суглинок желтовато-серый; 5 – суглинок желтоватый; 6 – суглинок темно-серый; 7 – суглинок коричневатый; 8 – суглинок гумусированный; 9 – суглинок зеленовато-коричневый; 10, 11 – прослои щебня; 12 – мергель.

Памятник приурочен к левому берегу балки Бирючей, впадающей в Северский Донец (Ростовская обл.). Раскопки проводились на северном, южном и восточном участках в 1988–1992 и 2000–2005 гг. Общая площадь памятника ок. 5 тыс. м². Основные работы развернулись на восточном участке; здесь вскрытая площадь составляет примерно 180 м².

Геолого-стратиграфическая характеристика памятника и условия залегания находок

Геологические особенности памятника изучались в 1990-х гг. С.В. Хруцким (Воронежский государственный агроуниверситет), а в последние годы – А.Е. Додоновым (Геологический институт РАН). Согласно заключению А.Е. Додонова [Додонов и др., 2007], левый борт балки, на котором находится стоянка, покрыт суглинками, слагающими балочную террасу; послед-

няя возвышается над дном балки в ее тыловой части на 8–10 м и у прибрежной – на 7 м. Уклон поверхности террасы в сторону балки составляет 2–3°. Ширина балки не превышает 300–400 м. В ходе раскопочных работ в 2000–2005 гг. был получен полный стратиграфический разрез [Там же] (рис. 2, 3)*. В верхней части разреза под современной почвой залегают три горизонта бурых и сероватых суглинков, содержащих позднепалеолитические горизонты 2, 3а и 3. Нижний прослой серовато-бурового суглинка А.Е. Додонов рассматривает как слабо развитую почву. К этому суглинку приурочен основной позднепалеолитический горизонт 3. Почва подстилается лессовидным желтовато-серым суглинком, который включает находки горизонта 3б. Ниже идет желтоватый лессовидный, заметно слоистый суглинок. Археологические предметы здесь не обнаружены. Далее следует темно-серый суглинок, который, согласно А.Е. Додонову, является слабо гумусированной почвой мощностью 30–50 см. Верхняя и нижняя границы слоя преимущественно ровные, не языковатые. Здесь выявлены артефакты самого верхнего мустырского горизонта 3в. Под этой почвой фиксируется коричневатый, местами с сероватым оттенком суглинок, содержащий кремневые изделия верхнего мустырского горизонта 4¹. Несомненный интерес с геологической точки зрения представляет нижележащий слой гумусированного суглинка мощностью 10–20 см, включающий изделия верхнего мустырского горизонта 4. Данный прослой с нечеткими границами кровли и подошвы четко виден лишь в правой части разреза. В левой части прослой фиксируется неотчетливо, скорее всего, по причине размыта. Гумусированный суглинок налегает на пачку зеленовато-коричневого суглинка мощностью более 2 м, который в основании пронизан прослойкой (10–20 см) мергелевого щебня. В кровле коричневато-зеленоватого суглинка залегали артефакты горизонта 5, а в подошве – горизонта 5в. С прослойкой щебня связаны изделия горизонта 5б. Базальные отложения представлены глыбово-щебнистой толщей, которая, по мнению А.Е. Додонова, имеет аллювиально-пролювиальный характер. Они содержат изделия горизонта 6. Под глыбово-обломочной толщей и сизоватой глиной находятся коренные породы – меловые мергели.

Отметим, что описания разреза обоих исследователей в целом сходны. Однако, как отмечалось выше, А.Е. Додонов выделяет в кровле отложений верхнюю ископаемую почву. Мы принимаем во внимание это его наблюдение. Согласно А.Е. Додонову, история отложений, прослеженная в разрезе, включала несколь-

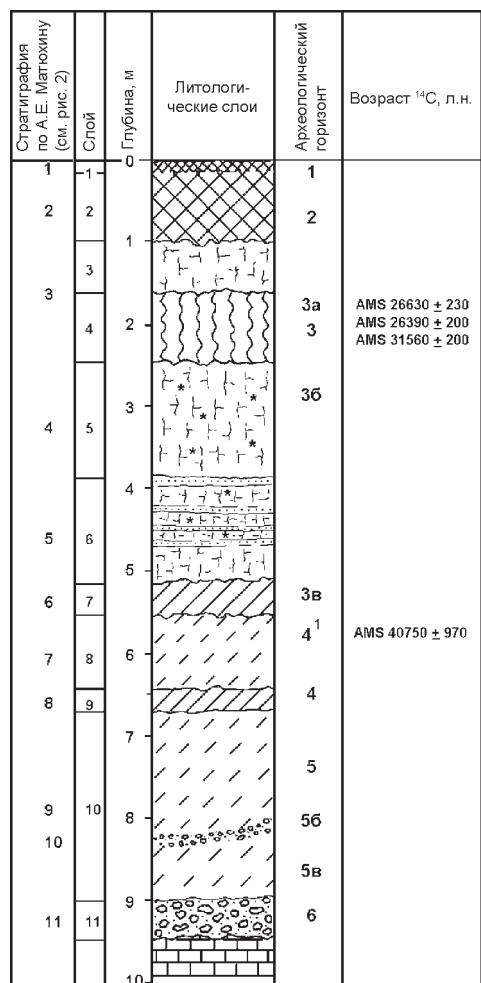

Рис. 3. Разрез отложений по восточной стене раскопа 2003 г. Бирючей Балки-2 (по А.Е. Додонову). Описание слоев см. в тексте.

*А.Е. Матюхиным разрез описан по всей длине раскопа в 2005 г. (рис. 2), а А.Е. Додоновым – в правой части раскопа в 2003 г. (рис. 3).

ко последовательных этапов. Базальный обломочный материал представляет заключительную fazу деформации коренных пород, обусловленную воздействием водной среды. Вероятно, основной этап врезания балки приходился на последнее межледниковые. Лесовидные суглинки накапливались в валдайское время. По мнению А.Е. Додонова, верхний почвенный слой (горизонт находок 3) может быть рассмотрен как аналог брянской палеопочвы, которая формировалась в довольно холодных условиях; это подтверждается данными по многим опорным разрезам Русской равнины [Величко и др., 1993, с. 16]. Что касается средней и нижней ископаемых почв (горизонты 3в и 4), то их следует связывать, вероятно, с интерстадиальными событиями среднего валдая.

Важным представляется заключение А.Е. Додонова о перемещении некоторых покровных суглинков в результате склоновых процессов. Оно подтверждается и нашими наблюдениями. Находки из горизонтов 3в (темно-серый суглинок), 4¹ (коричневатый суглинок) и 4 (гумусированный суглинок) содержат в разной степени окатанные и поврежденные кремневые изделия. Это объясняется, возможно, размывом суглинков. Однако при разборке всех указанных горизонтов обнаружены непотревоженные участки, где выявлены кости животных, в т.ч. лежавшие в анатомическом порядке (горизонты 4¹ и 4), а также зольные пятна (в тех же горизонтах). В горизонте 3в найдены только кремневые изделия. Таким образом, можно говорить о частичном переотложении горизонтов 4¹ и 4.

Верхняя, по А.Е. Додонову, ископаемая почва (серовато-бурый суглинок), как уже отмечалось, включала находку из позднепалеолитического горизонта 3. Наши многолетние полевые наблюдения показывают, что этот суглинок во многих местах представляет собой комковатую, структурно не выраженную (грязевидную) массу. Кремневые изделия залегают, как правило, хаотично – в вертикальном и наклонном положении. Характерна вертикальная рассредоточенность находок: нередко они образуют узкие в плане полосы или небольшие линзы, иногда удаленные друг от друга на расстояние ок. 1 м. На поверхности многих изделий отмечены участки естественной заполировки и короткие тонкие блестящие штрихи. Последнее указывает на контакт одного предмета с другим, видимо, в результате передвижения. Часто фрагменты одного орудия, например наконечника, залегают на разных высотных уровнях. Перечисленные особенности свидетельствуют не о разных уровнях захоронения находок (обитания людей), а об опускании, передвижении предметов в результате естественных процессов, например, склоновых или солифлюкционных.

Что касается находок из горизонта 3а, то на большей части раскопов 8 и 9 они выявлены в непотрево-

женном состоянии в кровле серовато-бурового суглинка. Лишь в отдельных местах отмечено их хаотичное залегание. То же следует сказать и о находках из горизонтов 3б и 2.

Изделия из нижних мустерских горизонтов (6, 5в, 5б и 5) хорошей сохранности. Следовательно, нет оснований говорить о заметном размытии верхней части зеленовато-коричневого суглинка. Отметим, что в горизонте 5 выявлены не только кремневые изделия, но и кости животных, зольные пятна и кусочки обгорелых костей. Материалы обнаружены также в подошве коричневато-зеленоватого суглинка. Помимо костей и кремневых изделий, встречены многочисленные зольные пятна. Практически в своем первоначальном положении зафиксированы находки в верхнем относительно маломощном прослое щебня (горизонт 5б) и базальном горизонте – глыбово-щебнистой толще. Наряду с большим количеством кремневых предметов здесь было немало костей животных. Многие находки залегали в горизонтальном положении. Кремневые изделия слабо или совсем не патинированы, а также почти не повреждены.

Результаты анализа костных остатков

В горизонтах 2 и 3б кости животных не отмечены. Несколько трубчатых костей и обломок тазовой кости найдены в горизонте 3а. Единичные кости обнаружены в горизонте 3. Здесь зафиксированы зуб акулы и пресноводные раковины. Несомненный интерес представляет зуб акулы без эмали – она, как считает В.В. Титов, была удалена древними людьми. Очевидно, что этот зуб был специально принесен на место обитания. Редки кости также в горизонтах 4¹ и 4. Примечательно, что на всех костях имелся толстый известковый настек, что свидетельствует о формировании гумусированного суглинка во влажных условиях; это подтверждают и палинологические данные.

Основная часть остеологического материала относится к нижним мустерским горизонтам. Много неопределенных костей. Определены кости крупных копытных животных: ребра, лопатки, нижние челюсти, отдельные позвонки и зубы, различные кости конечностей, а также черепа и рога. Правда, последних немного. Следует отметить целый череп зубра с рогами из горизонта 5б. Расстояние между рогами составляет 85–90 см. Почти целый череп зубра, без рогов и нижней челюсти, а также фрагмент черепа с рогом и отдельно один рог найдены в горизонте 6. По мнению В.В. Титова, подавляющее большинство определимых костей принадлежит древнему зубру (*Bison priscus*). Единичны кости первобытного быка (*Bos primigenius*), гигантского оленя (*Megaloceros* sp.) и лося (*Alces* sp.). Немногочисленны также кос-

ти грызунов, изученные В.В. Титовым и А.С. Тесаковым [Титов, Тесаков, 2005]. Основная часть принадлежит желтой пеструшки (*Eolagurus luteus*). Немногочисленны костные остатки зайца (*Lepus* sp.), суслика (*Spermophilus* sp.), хомячка (*Cricetini* gen.) и серой полевки (*Microtus* sp.).

Как отмечают В.В. Титов и А.С. Тесаков, присутствие костей крупных полорогих, а также суслика и хомячка может указывать на преобладание открытых ландшафтов степного типа. Наличие костей желтой пеструшки свидетельствует, скорее всего, о том, что климат позднего миоцена был более засушливый по сравнению с современным. Наличие в нижних мусетьевских горизонтах остеологических остатков крупных оленей указывает на одновременное существование обширных остеопренных участков водоразделов, а также пойменных и байрачных лесов [Там же]. Эти выводы согласуются с данными палинологического изучения нижней пачки отложений.

Преобладание в нижних горизонтах костных остатков древнего зубра характерно и для мусетьевских стоянок Рожок-1 в Северо-Восточном Приазовье [Праслов, 1968, с. 65–93], Ильская в предгорьях Кавказа. Отметим, что присутствие здесь большого числа костей зубра следует объяснить не столько широким распространением этого вида копытных, сколько охотничьей специализацией древних коллективов неандертальцев.

Палинологическая характеристика отложений и реконструкция ландшафтно-климатических условий

Наиболее полное палинологическое исследование всего разреза на Бирючей Балке-2 выполнено Т.В. Сапелко. Г.М. Левковская и А.Н. Симакова проводили лишь выборочное изучение отложений памятника; они ограничились слоями суглинков, содержащих горизонты 3 и 3в. В данном разделе будут изложены результаты анализа Т.В. Сапелко. Для сравнения мы используем данные палинологического исследования других стоянок юга Русской равнины, в частности, Поволжья.

Для палинологического анализа было отобрано 90 образцов из восточной стенки раскопа 8. Все изученные образцы сильно карбонатные. Техническая обработка проводилась по усовершенствованной стандартной методике [Гричук, 1940; Berglund, Ralska-Jasiewiczowa, 1986] с применением тяжелой жидкости ($CdI_2 + KI$). По результатам спорово-пыльцевого анализа выделено 12 палинозон (рис. 4)*.

*Палинозоны увязаны с литологическими слоями полного разреза (см. рис. 2).

Концентрация пыльцы в начале слоя 9 (палинозона 1) очень низкая. Некоторое увеличение общего количества пыльцы и спор начинается с глубины 1 130 см. Пыльца древесных пород представлена в основном единичными пыльцевыми зернами сосны и березы или отсутствует совсем. Велико участие трав (30–70 %). С середины слоя 10 концентрация пыльцы возрастает. Увеличивается количество пыльцы древесных пород (береза, сосна). Появляются широколиственные породы (вяз, липа). Травы по-прежнему играют важную роль, но их количество немного уменьшается. Преобладают злаки, осоки, вересковые, присутствуют полыни и маревые.

Низкая концентрация пыльцы в начале зоны может свидетельствовать о перерыве в осадконакоплении. Можно говорить о достаточно благоприятных условиях для развития лесов с доминированием березы. Отмечены также ольха, широколиственные породы. В подлеске росла лещина. Широкое распространение имели также открытые ландшафты. Это обстоятельство, а также полное отсутствие ели в составе лесов свидетельствуют о более засушливых условиях на нижнем Дону, чем на верхнем и среднем. В этот же период на верхнем [Спиридовна, 1991] и среднем Дону [Некоропев и др., 2003], по данным палинологического анализа, были распространены еловые леса. Данная зона может быть отнесена к раннему этапу гражданского потепления.

Палинозона 2 соответствует слою 9. Зеленовато-коричневый суглинок здесь переходит в гумусированный. Данная зона является переходной к следующей зоне с более суровыми и неблагоприятными условиями. Содержание пыльцы древесных пород еще велико, но количество пыльцы трав возрастает за счет снижения содержания спор. Среди трав ведущая роль принадлежит злакам, полыни. Однако климат еще достаточно теплый, но более сухой. Стратиграфическая зона отражает переход от гражданского потепления к раннему средневалдайскому похолоданию.

Палинозона 3 соответствует верхней части слоя 9 и слою 8. Литологическая зона представлена лессовидным зеленовато-темно-серым и гумусированным суглинками. Палиноспектры отражают перигляциальный тип растительности. Наблюдается сокращение пыльцы древесных пород, среди которых продолжают преобладать береза и сосна. Исчезает пыльца широколиственных пород, ольхи. Среди трав преобладают степные и тундровые виды. Встречаются *Betula nana* и *Salix*. Формирование этой зоны происходило в условиях холодного и засушливого климата, но температура была не настолько низкой, чтобы совсем не могла развиваться древесная растительность. Спектры отражают наиболее холодные условия по разрезу. Неблагоприятные условия отмечаются только в верхней части разреза (зоны 10, 11). Эта зона, возможно, соответствует ранне-

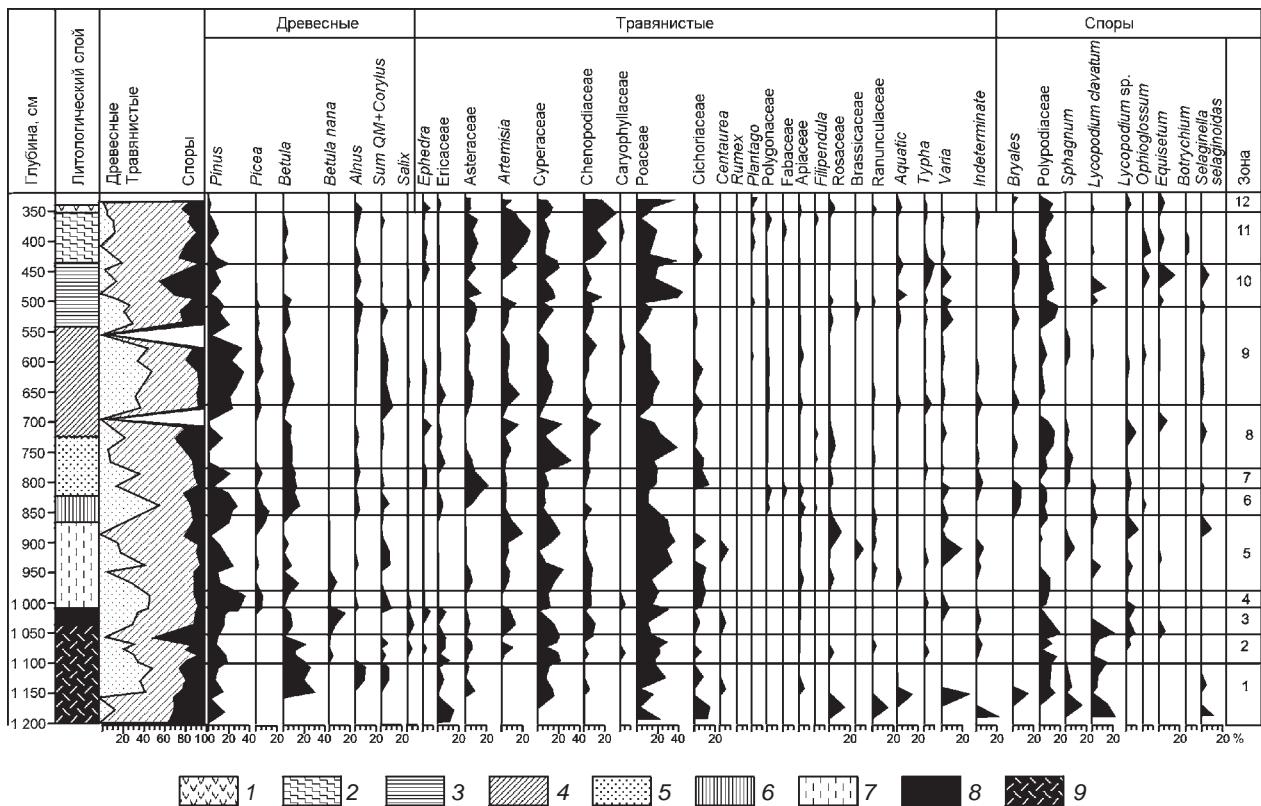

Рис. 4. Споро-пыльцевая диаграмма памятника Бирючья Балка-2.

1 – современная почва; 2 – суглинок светло-бурый; 3 – суглинок серовато-бурый; 4 – суглинок желтовато-серый; 5 – суглинок желтоватый; 6 – суглинок темно-серый; 7 – суглинок коричневатый; 8 – суглинок гумусированный; 9 – суглинок зелено-коричневый.

му похолоданию. Гумусовый материал, который входит в суглинок данной и предыдущей зон, вероятно, был снесен вниз по склону с высоких его частей в холодное время. Разрезы с подобной ситуацией ранее были описаны, например, геологами Чехии и Словакии (см., напр.: [Григорьев, 1968]). Известны также примеры, когда почвенные горизонты и гумусированные слои не соответствуют межстадиальным условиям, а лессовидные породы – стадиальным [Болиховская, 1995].

Палинозона 4 представлена тремя образцами на границе слоев 7 и 8. Гумусированный суглинок переходит в коричневатый. Значительно возрастает роль древесных пород. При доминировании пыльцы сосны (до 30 %), впервые появляется пыльца ели. Сокращается процентное содержание берескы, исчезает пыльца *Betula nana*. Отмечена большая доля пыльцы широколиственных пород (до 10 %). Несколько меняется состав трав: исчезают полыни. Основную роль здесь играют злаки. Получают распространение еловые и сосновые леса. Зона отражает промежуточный потеплении и увлажнения условий. Она хорошо сопоставляется с первой стадией кашинского потепления для разрезов бассейна Дона по Е.А. Спиридоновой [1991], палинозоной 3, выделенной на стоянке Шлях

на среднем Дону [Нехорошев и др., 2003], палинологическими данными А.Н. Симаковой (см.: [Додонов и др., 2007]). Это дает основание отнести палинозону 4 к началу кашинского потепления.

Палинозона 5 почти целиком соответствует большей части слоя 7, представленного коричневатым суглинком. Вновь сокращаются концентрация пыльцы и количество древесных компонентов. Палиноспектры этого периода отражают более влажные условия. Появляется пыльца водных растений. Пыльца древесных пород временами отличается большим разнообразием, ее количество значительно. Встречаются широколиственные породы, ольха, ель при господстве сосны, берескы. При этом основными таксонами зоны являются полыни, маревые, злаки. Велико количество пыльцы осок. В небольших количествах встречена пыльца карликовой берескы, споры плауна. Можно говорить о некотором остынении территории, но не на всем протяжении формирования спектров этой зоны. Частичное остынение в оптимуме кашинского потепления отмечено Е.А. Спиридоновой в зоне господства бореальной флоры [1991].

В целом условия формирования палиноспектров данной зоны достаточно сложные. Некоторое похо-

лодание в начале зоны сменяется теплыми и влажными условиями, которые напоминают наиболее благоприятные условия зоны 4. Далее вновь наступает небольшое похолодание. Низкая концентрация пыльцы соответствует началу и концу зоны. Однако низкая концентрация и преобладание пыльцы в палиноспектрах могут быть связаны не с похолоданием климата, а например, с потоками, размывавшими отложения, что подтверждается наличием водных и прибрежно-водных растений. Поэтому все это вкупе дает возможность включить палиноспектры в одну зону и отнести ее к продолжению периода кашинского потепления. Эта зона с переходными спектрами [Спиридонова, 1989] отчасти совпадает с зоной 4 стоянки Шлях на среднем Дону [Некорошев и др., 2003].

Палинозона 6 целиком соответствует слою 6 коричневато-серого суглинка. Резко возрастает (до 70 %) количество древесных. Уменьшается процент пыльцы трав. Отмечена максимальная доля пыльцы ели (до 15 %). Видимо, развивались еловые леса. Встречаются широколиственные породы (вяз, дуб, граб), ольха. После небольшого похолодания климата произошло восстановление еловых и сосновых лесов. Условия формирования палиноспектров данной зоны более благоприятны, чем предыдущей зоны 5. Эта зона отражает последний этап кашинского потепления.

Палинозона 7 соответствует началу слоя 5 желтоватого суглинка. Вновь снижается количество пыльцы древесных пород и увеличивается процентное содержание пыльцы травянистых. Единична пыльца водных (*Turpha*), но условия становятся более суровыми. При распространении перигляциальных комплексов появляется *Ephedra*. Климат остается гумидным, но значительно более холодным. Распространяются травяно-кустарничковые группировки. Преобладают астровые, злаки, полыни, цикориевые. Палиноспектры данной зоны отражают более благоприятные условия, чем зоны 3, однако по составу они похожи. При сокращении еловых и сосновых лесов местами получают распространение бересковые.

Зона соответствует позднему похолоданию – зоне перигляциальной флоры с береской по Е.А. Спиридоновой [1991]. Отмечено доминирование берески в древостое. Следует отметить, что в районе стоянки Бирючья Балка-2 было теплее, чем в районе Костенок-17 (комплекс XVII).

Палинозона 8 соответствует концу слоя 5 и началу слоя 4, т.е. желтоватый суглинок переходит в желтовато-серый. Содержание пыльцы древесных пород еще более уменьшается (до 30 %). Среди них преобладает пыльца сосны и берески. Исчезает пыльца термофильных видов и ели. Среди трав выделяются перигляциальные комплексы. Общая концентрация пыльцы снижается. Видимо, островные леса еще существовали,

но в основном были широко распространены полынно-злаковые с участием маревых сообществ. Условия данной палинозоны следует считать более суровыми, чем палинозоны 7. Заметно сократились площади, занятые лесами.

Зона более отвечает палинологической характеристике зоны позднего похолодания (перигляциальная флора с береской) [Там же, 1991].

Палинозона 9 соответствует слою 4 и началу слоя 3, которые представлены слабо развитой почвой и лесовидным суглинком. В начале зоны увеличивается пыльца древесных, но и количество трав достаточно велико. Вновь появляется пыльца ели, резко возрастает количество пыльцы сосны. Появляются и широколиственные породы, среди которых единично отмечены *Ulmus*, *Carpinus*. К концу зоны условия становятся менее благоприятными. Процентное содержание пыльцы древесных снижается.

При большом участии в спектре пыльцы злаков, полыней, осок, маревых и разнотравья встречается пыльца водных. Среди древесных преобладает пыльца сосны, очень значителен также процент пыльцы широколиственных, на всем протяжении формирования спектров этой зоны постоянно участие пыльцы ели (ок. 15 %). Климат стал теплее, увеличилась влажность. В долинах рек получили распространение смешанные леса со значительным включением широколиственных пород, а открытые пространства занимали остепненные луговые ценозы.

Зона отражает межстадиальные условия и соответствует периоду позднего дунаевского потепления. Данная зона коррелируется с зоной бореальной флоры с сосной, елью и значительным присутствием берес и трав, выделенной Е.А. Спиридоновой [Там же], а также с зоной 7 разреза Шлях на среднем Дону [Некорошев и др., 2003], которая отражает теплые и влажные условия. По другим данным, в данный период происходило потепление климата, однако увлажнение территории было различным даже в пределах Подонья. Распространение хвойных лесов в это время в пределах Русской равнины отмечается почти повсеместно [Гричук, 1972; Серебрянкий, 1978; Величко и др., 1993; Болиховская, 1995; Додонов и др., 2007].

Палинозона 10 соответствует слою 3. Доля пыльцы древесных, в основном сосны, берес и ольхи, снижается в среднем до 30–40 %. Однако количество спор резко увеличивается, что может свидетельствовать о существовании островных лесов вблизи водоемов. В основном же здесь наблюдается господство пыльцы трав. Главная роль принадлежит пыльце злаков, осок, маревых и разнотравья. Встречается эфедра. Можно говорить о распространении степной растительности с влажными участками, занятими островными лесами. Климат становится явно аридным.

Зона отражает конец межстадиального потепления с возросшей ролью злаково-разнотравных сообществ. Вдоль рек еще существовали леса, в которых главной лесообразующей породой становится менее прихотливая сосна.

Палинозона 11 целиком соответствует слою 2, представленному светло-бурым суглинком. Количества пыльцы древесных пород еще более снижается. Эта группа представлена в основном пыльцой сосны и березы, в меньшей степени – ольхи. Ведущая роль принадлежит пыльце трав. Много пыльцы трав, сопутствующих поселениям человека. Распространение степных сообществ стало повсеместным. Пыльца древесных пород, видимо, принесенная.

Зона соответствует конечной фазе похолодания. Повсеместно распространились разнотравно-злаковые сообщества со значительным участием полыней и маревых. Климат стал более суровым. О резком похолодании после дунаевского потепления свидетельствуют многие данные. А.А. Величко началом этого похолодания считает 24–23 тыс. л.н. [Величко и др., 2003], что отвечает принятой схеме [Спиридонова, 1991; Заррина, 1991; Вишняцкий, Нехорошев, 2001] и полученным по разрезу Бирючей Балки датам для брянской почвы.

Палинозона 12 соответствует современной почве. Содержание пыльцы древесных пород снижается до минимальных значений по разрезу (не более 10 %, однако и это за счет пыльцы ольхи). Преобладает пыльца

трав. Господствует степная растительность. Присутствие пыльцы водных растений отражает локальные условия среды.

Корреляция данных (см. *таблицу*) проведена по схеме средневалдайского мегаинтерстадиала [Заррина, 1991; Спиридонова, 1991]. Ей наиболее соответствуют палинологические зоны стоянки Бирючья Балка-2, как и стоянки Шлях [Нехорошев и др., 2003]. Для последней было проведено обобщение данных различных авторов по климатическим стадиям среднего валдая [Вишняцкий, Нехорошев, 2001]. По рабочей схеме, составленной на основе результатов этого обобщения, слои 6, 7 и верхняя часть слоя 8 Бирючей Балки-2 относятся к межстадиалу СВС 3 (стадии среднего валдая 3), а верхняя часть слоя 4 и слой 3 – к СВС 5. Однако климатическая характеристика этих периодов в районе Бирючей Балки-2 еще более разнообразна, чем на среднем Дону. Возможно, это связано с локальными условиями отложений. Многие слои явно переотложены, что вызывает определенные трудности при составлении точной характеристики природных условий.

Согласно приведенному палинологическому описанию разреза, геологические слои не всегда совпадают с палинозонами (см. *таблицу*). Вместе с тем прослеживается близость по составу палинозон в пределах одного литологического слоя, а также соседних слоев. Обычно речь идет о смежных геологических слоях и палинозонах в пределах отдельного подраз-

Рабочая схема корреляции геологических слоев, археологических горизонтов, палинозон, палеогеографических и хронологических событий Бирючей Балки-2

Литологические слои	Археологические горизонты	Палинозона	Подразделения среднего валдая [Заррина, 1991; Спиридонова, 1991]	Возраст по ^{14}C , тыс. л.н.
1	1	12	Современная почва	–
2	2	11	Конечная фаза похолодания (25,0–23,5 тыс. л.н.)	–
3	3а, 3	10	Дунаевское потепление (32,5–25,0 тыс. л.н.)	26 630 \pm 230 26 390 \pm 200 31 560 \pm 200
		9		
4	3в	8	Позднее похолодание (34,0–32,5 тыс. л.н.)	–
5	3в	7		
6	3в	6	Кашинское потепление (37,5–34 тыс. л.н.)	40750 \pm 970
7	4 ¹	5		
8	4	4		
9+10	5, 5б, 5в	3	Раннее похолодание (40,0–37,5 тыс. л.н.)	–
		2		–
		1	Гражданское потепление (40–50 тыс. л.н.)?	
11	6	Нет образцов	–	–

деления (стадиала или межстадиала). Наконец, нельзя исключить возможности проникновения пыльцы из вышележащих слоев, пример – палинозоны 8 и 9.

Хронология мустырских и позднепалеолитических горизонтов

Вопросы хронологии памятника полностью не решены в силу объективных трудностей. Во-первых, отсутствует древесный уголь – материал, наиболее пригодный для абсолютного датирования. Во-вторых, кости из мустырских и позднепалеолитических горизонтов заметно минерализованы, что не может не сказываться на результатах радиоуглеродного анализа. Так, по заключению радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, возраст костей из горизонтов 5 и 5б составляет ок. 20 тыс. лет, что явно не соответствует действительности. Для образца кости из горизонта 4 имеется AMS-дата: $30\ 240 \pm 360$ л.н. (Beta 183591), которая также является омоложенной. В этой связи уместно напомнить об осторожности в отношении к молодому возрасту некоторых мустырских горизонтов ряда памятников Крыма [Степанчук, 2004]. К сожалению, эти предварительные даты отдельные исследователи уже используют для подтверждения некоторых своих схем (см., напр.: [Аникович, 2005б, с. 46]). Как они предполагают, неандертальцы были в Восточной Европе в более позднее время, чем принято считать, и представляли тупиковую линию развития. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы не разделяем такой подход к решению данной проблемы.

В последние годы для мустырских и позднепалеолитических горизонтов Бирючей Балки-2 получено несколько радиоуглеродных дат [Otte, Matioukhine, Flas, 2006]. Для верхней ископаемой почвы, которую А.Е. Додонов связывает с брянским интерстадиалом, в лаборатории радиоуглеродного датирования г. Майами американского штата Флорида получены три AMS-даты. Одна из них – для кровли почвы, которая содержит горизонт 3а: $26\ 630 \pm 230$ л.н. (Beta 183588), две другие – для средней части почвы: $26\ 390 \pm 200$ л.н. (Beta 177776) и $31\ 560 \pm 200$ л.н. (Beta 183589). Показательно, что две последние даты получены для костей, залегающих на одном уровне. Более предпочтительной представляется последняя. Образцы костей из горизонтов 3а и 3 были датированы также в Центре радиоуглеродного датирования Университета г. Лион (Франция). Получены даты: $31\ 610 \pm 460$ л.н. (Ly 17242) и $28\ 930 \pm 340$ л.н. (Ly 17243) соответственно*. Говоря об имеющихся датах для горизонта 3 Бирючей Балки-2, нужно иметь

в виду, что они отражают лишь какой-то отдельный временной эпизод. В этой связи сошлемся на работу Д.Д. Соколова, Л.Д. Сулержицкого и В.Н. Тутубелина, в которой нашла отражение попытка определить относительно точные хронологические рамки активной фазы и расцвета стоянки ранней поры позднего палеолита Сунгирь [2004]. Наконец, датирован образец кости из средней части слоя коричневатого суглинка: $40\ 750 \pm 970$ л.н. (Beta 183590). По сути, это дата верхнего мустырского горизонта 4¹.

Проведенное палеомагнитное исследование образцов, отобранных по всему разрезу из восточной и нижней части северной стен Бирючей Балки-2, не позволило обнаружить четкие геомагнитные экскурсы (Каргаполово и Моно)*. Вместе с тем несколько образцов из средней части коричневато-зеленоватого суглинка в северной стене указывают на вероятность обнаружения экскурса Каргаполово. Известно, что его хронологические рамки оцениваются по-разному. Мы принимаем временной диапазон 44–42 тыс. л.н. Неясным остается возраст горизонта 3в, связанного со средней погребенной почвой. Согласно результатам палинологического анализа, в ней преобладает пыльца древесных пород, в т.ч. широколиственных. Другими словами, речь идет о потеплении в пределах среднего вальдая. На это указывают и геологические данные. Имеющиеся даты для нижележащего коричневато-зеленоватого суглинка (горизонт 4¹), а также для вышележащего суглинка (горизонт 3) соответствуют кашинскому потеплению, хронологические рамки которого находятся в пределах 37,5–34 тыс. л.н. [Заррина, 1991, с. 163; Спирионова, 1991, с. 70–71]. Если это определение окажется достоверным, то нужно будет признать существование индустрий позднего мусты и ранней поры позднего палеолита. Для горизонта 3 многослойной палеолитической мастерской Бирючья Балка-1а получена AMS-дата $36\ 000 \pm 280$ л.н. [Otte, Matioukhine, Flas, 2006]. Кроме того, для ряда памятников ранней поры позднего палеолита Костенковско-Борщевского р-на Воронежской обл. возрастные значения составляют 34–35 тыс. лет [Аникович, 2003, 2004, 2005б; Синицын, 2004; Sinitsyn, 2004]. Отметим попутно, что имеющиеся для нижних культурных слоев стоянки Костенки-12 JRSL-даты (в пределах 46–43 тыс. л.н.) могут оказаться вполне реальными [Аникович и др., 2005, с. 75]. Хотя нельзя исключить и некоторое удревнение возраста этих слоев.

*Палеомагнитное исследование осадков стоянки Бирючья Балка-2 выполнено Е.Г. Гуськовой (Санкт-Петербургский филиал Института земного магнетизма, ионосфера и распространения радиоволн РАН) и А.Г. Иосифиди (Всероссийский научно-исследовательский геологоразведочный институт, Санкт-Петербург).

*Письменное сообщение М. Отта (Льеж, Бельгия).

До конца не выяснен возраст нижних мустырских горизонтов. Он не превышает 45 тыс. лет, если учитывать возраст верхнего мустырского горизонта 4¹ (40 тыс. л.н.), а также результаты палеомагнитного исследования (к ним следует относиться с осторожностью!). Примерно такие же (или несколько более древние) хронологические рамки применимы к самому нижнему мустырскому горизонту 6. Отметим, что в целом предлагаемый возраст нижних мустырских горизонтов Бирючей Балки-2 соответствует абсолютным датам для нижнего мустырского горизонта Шляха.

Заключение

Пачка отложений, фиксируемая в разрезе Бирючей Балки-2, накопилась в течение примерно 25 тыс. лет в среднем валдае. Для вывода о более раннем возрасте отложений нет оснований. Результаты геологического и палинологического исследований указывают на то, что различные по генезису и структуре суглинки отложились в холодные и относительно теплые периоды. Наиболее теплые условия, по данным спорово-пыльцевого анализа, приходятся на время формирования темно-серого слабо гумусированного суглинка. Это заключительный этап кашинского межстадиала. Напротив, самый нижний гумусированный суглинок (литологический слой 8, см. рис. 2) указывает на холодные условия. Согласно археологическим исследованиям, не все геологические слои содержат артефакты. Полностью отсутствуют позднепалеолитические находки в желтоватом суглинке (литологический слой 5, см. рис. 2), связанном с поздним похолоданием. Не выявлены изделия и в нижней части желтовато-бурого суглинка, формировавшегося тогда же. Однако во всех литологических слоях нижней пачки отложений обнаружены предметы мустырского времени. Это относится и к слою нижнего гумусированного суглинка, который сопоставляется с ранним похолоданием. Трудно назвать причины, определившие перерыв во времени обитания людей на данной территории. Возможно, это было похолодание или недоступность источников сырья. Можно полагать, что выходы камня в балке Бирючей на протяжении длительного времени постоянно притягивали к себе древних людей. К тому же р. Северский Донец была удобным географическим указателем, позволявшим ориентироваться при передвижении.

С учетом принятой нами хронологии памятника верхние мустырские горизонты (4, 4¹ и 3в) следует отнести к 40–34 тыс. л.н. Им синхронны на среднем Дону стоянки ранней поры позднего палеолита (нижние культурные слои Костенок-14, слой 3 Костенок-12 и слой 2 Костенок-17 и др.). Первые позднепалеолитические индустрии на разных территориях Евразии

появились не одновременно. Не исключено, что становление позднего палеолита в некоторых регионах происходило позднее 30 тыс. л.н. Важно отметить появление новых приемов первичной обработки, например, пластинчатого расщепления; оно получило отражение в материалах, в частности, нижних мустырских горизонтов Бирючей Балки-2 и было обусловлено в первую очередь не влиянием ландшафтно-климатических условий, а характером изменения самой производственной деятельности первобытных людей.

Список литературы

- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – №2. – С. 15–29.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы (периодизация, хронология, генезис) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: путеводитель. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 86–91.
- Аникович М.В.** О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005а. – № 3. – С. 70–86.
- Аникович М.В.** Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005б. – №2. – С. 37–47.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Дудин А.Е., Холлидей В.Т., Форман С.Л., Левковская Г.М., Пospelова Г.А., Кузьмина И.Е., Платонова Н.И., Картэр Б.** Хроностратиграфия многослойной стоянки Костенки-12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района // Проблема ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 66–86.
- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
- Болиховская Н.С.** Эволюция лесово-почвенной формации Северной Евразии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. – 270 с.
- Величко А.А., Борисова О.К., Доскач А.Г., Морозова Т.Д., Спасская И.И., Фаустова М.А.** Русская равнина // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. – М.: Наука, 1993. – Вып. 1. – С. 11–21.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Позднепалеолитический человек заселяет Русскую равнину // Природа. – 2003. – № 3. – С. 52–60.
- Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е.** Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4. – С. 8–24.
- Григорьев Г.П.** Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 175 с.
- Гричук В.П.** Методика обработки осадочных пород, бедных органическими остатками, для целей пыльцевого

анализа // Проблемы физической географии. – 1940. – Вып. 8. – С. 53–58.

Гричук В.П. Основные этапы истории растительности юго-запада Русской равнины в позднем плейстоцене // Палеонтология плейстоцена. – М.: Наука, 1972. – С. 9–53.

Додонов А.Е., Матюхин А.Е., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Геоархеология и палеогеография палеолитической стоянки Бирючья Балка-2, долина р. Северского Донца // Вестн. Юж. науч. центра. – 2007. – Т. 3, № 3. – С. 71–80.

Заррина Е.П. Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1991. – 191 с.

Матюхин А.Е. Многослойный палеолитический памятник Бирючья Балка-2 // Дон. древности. – 1994. – Вып. 4. – С. 4–36.

Матюхин А.Е. Позднепалеолитические слои многослойного палеолитического памятника Бирючья Балка-2 // Дон. археология. – 2002. – № 3/4. – С. 36–57.

Матюхин А.Е. Мустьерские комплексы долины Северского Донца // Археол. зап. – 2003. – Вып. 3: Каменный век. – С. 5–27.

Матюхин А.Е. Мустьерские горизонты многослойного палеолитического памятника Бирючья Балка-2 на Северском Донце // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – 2006. – Вып. 21. – С. 142–161.

Матюхин А.Е. Бирючья Балка-2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце // Археол. вести. – 2007. – № 14. – С. 23–45.

Некоропев П.Е., Вишняцкий Л.Б., Гуськова Е.Г., Мусатов Ю.Е., Сапелко Т.В. Результаты естественно-научного изучения палеолитической стоянки Шлях // Нижневолж. археол. вестн. – 2003. – Вып. 6. – С. 9–24.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи-1 – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. – Вып. 13. – С. 14–17.

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. – Л.: Наука, 1968. – 156 с.

Серебрянnyй Л.Р. Динамика покровного оледенения и гляциоэвстазия в позднечетвертичное время. – М.: Наука, 1978. – 270 с.

Синицын А.А. Современный этап исследования палеолита Костенок. Хроностратиграфия и таксономия памятни-

ков ранней хронологической группы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: путеводитель. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 133–135.

Соколов Д.Д., Сулержицкий Л.Д., Тутубелин В.Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // РА. – 2004. – № 3. – С. 99–102.

Спиридонова Е.А. Опыт восстановления палеоландшафтов верхнего плейстоцена по данным палинологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 176–193.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1991. – 221 с.

Степанчук В.Н. Новые данные о переходе к верхнему палеолиту на территории Украины // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: путеводитель. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 137–138.

Титов В.В., Тесаков А.С. Fauna мустьерской эпохи нижней Северского Донца // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. конф. – Ростов н/Д, 2005. – С. 96–97.

Berglund B.E., Ralska-Jasiewiczowa M. Pollen analysis and pollen diagrams // Handbook of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology. – Chichester: Wiley-Interscience, 1986. – P. 455–484.

Matioukhine A.E. Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie. – 1998a. – T. 102, N 4. – P. 467–494.

Matioukhine A.E. Les ateliers Paléolithique de taille du silex dans la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // Préhistoire Européenne. – 1998b. – T. 13. – P. 67–113.

Otte M., Matioukhine A.E., Flas D. La chronologie de Biryuchya balka (région de Rostov, Russie) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Мат-лы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках, 23–26 августа 2004 г. – СПб., 2006. – С. 183–192.

Sinitsyn A.A. Earliest Upper Palaeolithic layers at Kostenki 14 (Markina gora): preliminary results of the 1998–2001 excavations // BAR. – 2004. – № 1240. – P. 181–190.

Материал поступил в редакцию 06.02.09 г.

УДК 903.2

С.Г. Васильев, Е.П. Рыбин

СТОЯНКА ТОЛБАГА: ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА НА РАННЕЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Статья посвящена изучению одного из наиболее важных археологических объектов ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья – стоянке Толбага, датируемой 35–25 тыс. л.н. Основное внимание уделяется анализу взаимосвязи особенностей доставки камня на территорию стоянки, технологии раскалывания и утилизации каменного и костяного сырья, палеографии поселения и способов потребления охотничьей добычи. На основе сопоставления характера жизнеобеспечивающей деятельности человека и утилизации камня на поселении делается вывод, что жизненный цикл древнего населения стоянки был адаптирован к многократным посещениям территории, удобной для сезонной охотничьей деятельности.

Ключевые слова: поздний плейстоцен, ранний этап верхнего палеолита, каменная технология, археозоология, поселенческие системы.

Введение

Около 43–40 тыс. л.н. с территории Горного Алтая человеческие популяции раннего этапа верхнего палеолита мигрировали на восток по поясу гор и предгорий Южной Сибири [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2004]. Пока исследователи не располагают прямыми палеоантропологическими свидетельствами о физическом облике носителей культуры этой поры для Южной Сибири, однако установленный общий и синхронный для Евразии тренд распространения специфических пластинчатых индустрий позволяет связать этот феномен с расселением человека современного анатомического облика. Верхнепалеолитические традиции распространялись довольно быстро; ок. 40–38 тыс. л.н. пластинчатые индустрии верхнего палеолита уже были представлены в Забайкалье (Хотык, Каменка, Подзвонская) и Северной Монголии (Толбор-4, Орхон-1 и -7).

Памятники Забайкалья, относящиеся к самой восточной в Евразии части ареала пластинчатых культур

начала верхнего палеолита, представляют значительный интерес для реконструкции характера первых верхнепалеолитических адаптаций к палеогеографическим условиям контактной зоны крупных природно-ландшафтных областей Северной и Центральной Азии [Germonpre, Lbova, 1996; Клементьев, 2001; Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005]. В основу настоящей работы положены материалы культурного слоя стоянки Толбага. Этот памятник, исследовавшийся в 1970–1990-е гг., стал основой для выделения первой локальной (толбагинской) культуры раннего этапа верхнего палеолита Южной Сибири [Геология и культура..., 1982]. Стоянка Толбага, отличающаяся обширной вскрытой площадью, богатой коллекцией каменных артефактов и представительным набором костей животных, является одним из наиболее значимых для Забайкалья памятников. Она уже рассматривалась в ряде публикаций [Там же; Оводов, 1987; Константинов М.В., 1994; Goebel, 2004; Васильев, 2005]. Однако эти работы касались не всех сторон этого комплекса либо учитывали лишь часть коллекций, полученных при исследовании стоянки. Нами учитывались все доступные для изучения материалы раскопок Толбаги. Используя современные методы анализа каменной индустрии и остеологической коллекции, мы попытались комплексно изучить

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 09-01-00028а и № 07-01-00417а, а также программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект 1.7.

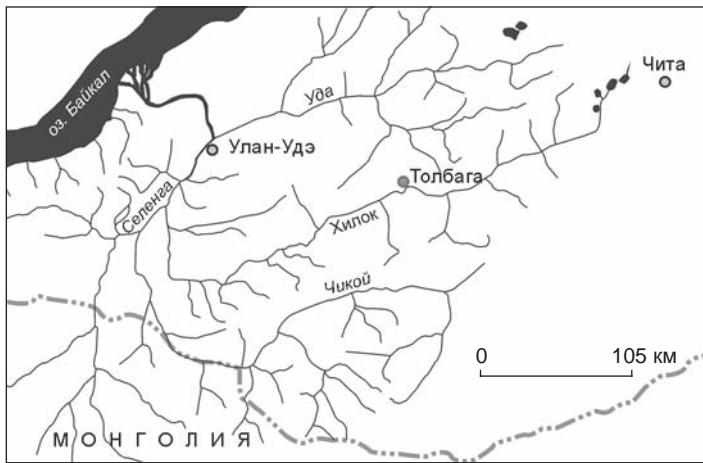

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Толбага.

технические приемы, поселенческую специфику, характер мобильности и жизнеобеспечивающего поведения древнего населения Забайкалья на примере одного из опорных для этого региона объектов.

Расположение, стратиграфия и даты памятника

Палеолитическая стоянка Толбага была открыта в 1971 г. М.В. Константиновым. Ее координаты: 51°12'43,1" с.ш., 109°19'17,3" в.д. (рис. 1). Памятник

расположен в 230 км восточнее оз. Байкал на делювиальном склоне в долине р. Хилок – правого притока Селенги, на высоте 35–50 м от уровня реки (773–758 м над ур.м.). Делювиальный шлейф, включающий остатки стоянки, представляет собой аккумулятивную поверхность с углом наклона 8–12°, простирающуюся вдоль долины на 500–600 м. В формировании поверхности приняли участие делювиально-пролювиальные процессы, что определило ее продольно-волнистый характер. По ряду слабо выраженных ложбин на склоне периодически образовывалась сеть неглубоких овражков, которые способствовали выносу материала с территории стоянки, расположенной вдоль одной из таких ложбин (рис. 2). Раскопки производились Читинским археологическим отрядом под руководством

М.В. Константина и С.Г. Васильева в 1970–1990-е гг. На данный момент общая площадь системы раскопов составляет 1 100 м². Наличие находок в отдельных разведывательных шурфах позволило сделать вывод о локализации стоянки на площадке, вытянутой вдоль склона на 100–120 м и имеющей ширину до 30 м. Длинной осью площадка ориентирована в направлении север – юг и перпендикулярна реке. Профиль длиной свыше 100 м, соответствующий линии падения склона, отражает падение литологических слоев с постепенным увеличением их мощности к нижней части разреза. Средняя глубина полученного

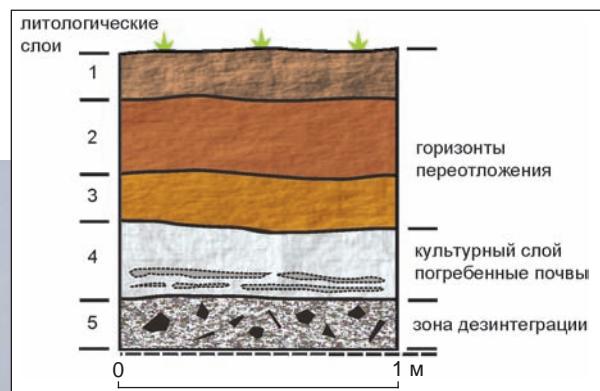

Рис. 2. Общий вид стоянки. На врезке – схематическая стратиграфическая колонка отложений стоянки.

профиля достигает 1,0–1,5 м. Зафиксирована однородная стратиграфическая ситуация, в целом характерная для покровных делювиальных и пролювиальных отложений каргинского и сартанского горизонтов (рис. 2). Выделены четыре литологических слоя, с которыми связан археологический материал: 1) почвенный; 2) каштановая супесь; 3) коричневая супесь с дресвой; 4) палево-серый суглинок, включающий остатки двух палеопочв. Далее в разрезе прослежен дресвяно-щебнистый слой, открывающий мощную пачку щебнисто-песчаных отложений (прослежена на глубине до 3 м). Гипсометрия поверхности этого слоя определила характер хозяйственных структур стоянки. Литологические слои 3–1 рассматриваются как горизонты переотложения материала в результате склоновых процессов. Источником материала является культурный компонент, связанный со слоем 4. В слое, где обнаружены остатки восьми жилищ, ок. 30 очагов и зольных пятен, зафиксировано 77,6 % всех находок – каменных артефактов и костей животных. Толбага является одним из немногих на территории Сибири памятников раннего этапа верхнего палеолита, где выделены жилища. Она получила широкую известность благодаря найденному на ее территории древнейшему произведению искусства – скульптуры головы медведя, выполненной на позонке шерстистого носорога [Константинов М.В. и др., 1983]. По образцам кости из слоя 4 были получены следующие ^{14}C -даты: $27\ 210 \pm 300$ л.н. (СО АН-1523), $34\ 860 \pm 2\ 100$ л.н (СО АН-1522) [Геология и культура..., 1982], $26\ 900 \pm 225$ л.н. (СО АН-3078) [Орлова, 1998], $25\ 200 \pm 260$ л.н. (АА-8874), $29\ 200 \pm 1\ 000$ (АА-26740) [Goebel, Waters, 2000]. Разброс значений позволяет сделать вывод о длительности периода обитания на стоянке, который охватывал вторую половину каргинского интерстадиала.

Планиграфия и тафономия

Для понимания планиграфической структуры стоянки важно реконструировать поверхность склона во время заселения его палеолитическими людьми. При анализе продольных профилей раскопов установлено, что линия падения подошвы литологического слоя 4, включающего культурные остатки, через короткие 5–10-метровые отрезки регулярно становится горизонтальной. Выравнивание подошвы слоя связано с особенностями древнего рельефа поверхности, сформированного в условиях прогрессивной дезинтеграции гнейсов. Поверхность коренных пород представляла собой агломерат обломков, местами структурированных в невысокие гряды, которые располагались вдоль склона; со временем она была пе-

рекрыта продуктами выветривания горных пород. На данной пачке дресвяно-щебнистых отложений сформировался слой палево-серых суглинков (литологический слой 4), нижний уровень которого включает остатки двух палеопочв, определенных как каргинские. С этим уровнем связаны очаги, хозяйственныекомплексы, основная масса артефактов и костей животных.

Таким образом, осваиваясь в данном месте, люди могли выбирать небольшие ровные площадки, чередующиеся по склону (рис. 3). Больше всего таких площадок могло сформироваться в неглубокой ложбине, с которой связана стоянка. На ровных площадках древнее население, очищая необходимую территорию от крупных глыб и обломков и модифицируя поверхность выходов гнейсов, также имело возможность без особых физических усилий трансформировать поверхность обитания.

Правильность построения данной модели поверхности обитания находит подтверждение в материалах раскопок. Благодаря физическим свойствам плотного вязкого суглинка, перекрывающего поверхность обитания, в основании слоя 4 Толбаги сохранились многочисленные следы поселенческих структур [Геология и культура..., 1982]. С выделенными площадками связана основная масса артефактов, в частности, уникальные предметы палеолитического искусства, каменные и костяные орудия. На межжилищном пространстве археологический материал малочислен, залегал в основном в вышележащих горизонтах переотложения.

В северной части памятника выделены комплексы, позволяющие говорить о существовании жилых конструкций, а также зон производственной деятельности, которые ранее на Толбагинской стоянке не выделялись (рис. 3). Один из комплексов включает массивную плиту гнейса; в сочетании с прилегающими обломками костей она интерпретируется как место разделки добычи. На другой площадке, расположенной вблизи крупного очага, обнаружены наковальня из плоского валуна и несколько крупных ребер с отсеченными концами. Вниз по склону от указанных комплексов выделяется участок протяженностью 20 м, на котором количество находок как в культурном слое, так и в горизонтах переотложения материала меньше, чем в вышележащих комплексах. Здесь обнаружен очаг с большим количеством костей и охры. Далее (южнее) находятся жилищные комплексы, выделенные в 1970 – начале 1980-х гг. [Там же; Константинов М.В., 1994]; они также вытянуты вдоль склона. Подобное «гнездовое» расположение жилищных комплексов и участков производственной деятельности объясняется особенностями поверхности обитания. Создание жилых площадок вдоль склона предполагало развитие стоянки предположительно вверх по склону. Такое развитие стоянки во

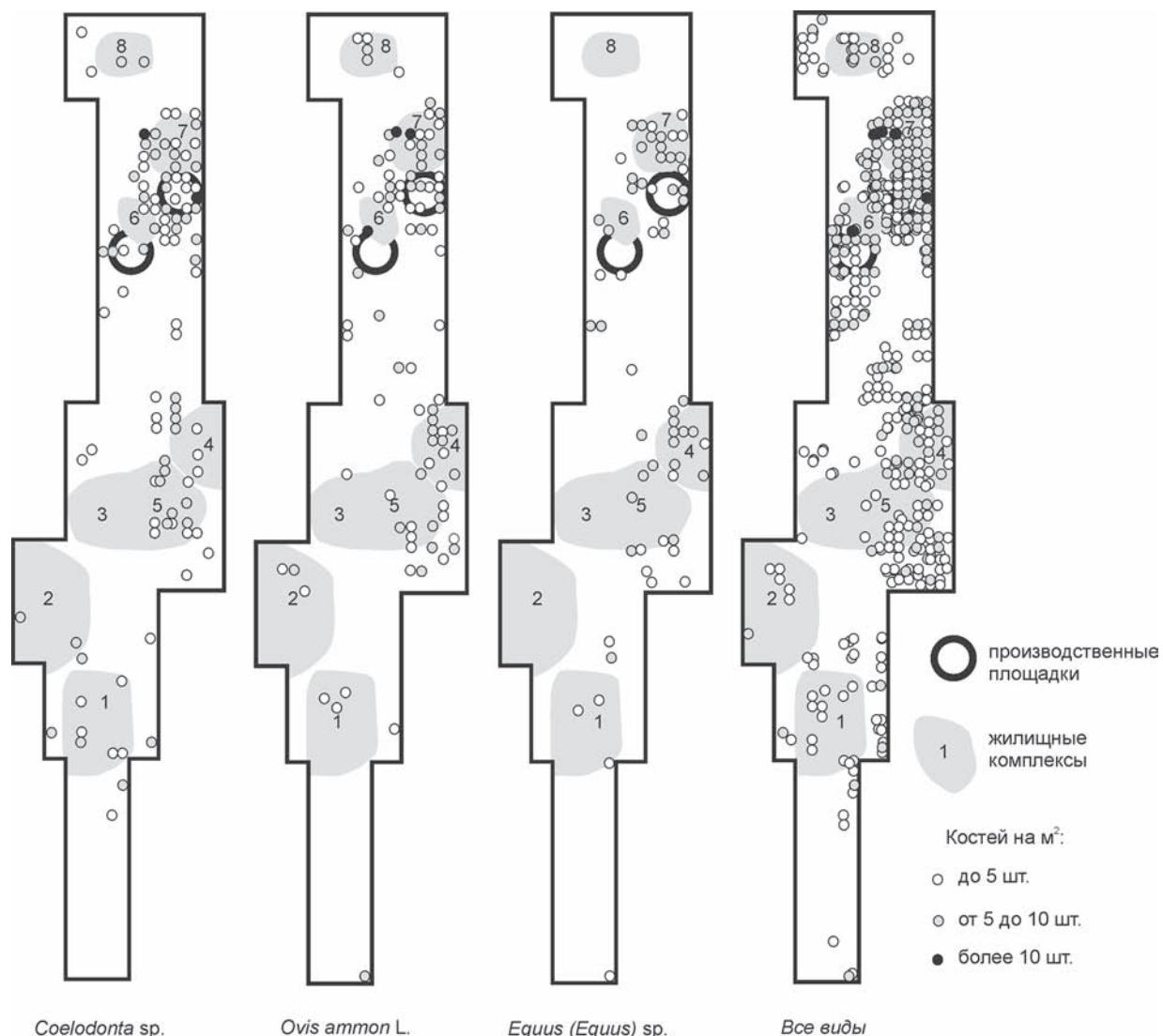

Рис. 3. Плотность распространения костей животных в сочетании с выделенными производственными и жилищными комплексами.

времени и пространстве позволяет объяснить специфику формирования культурного слоя, материала которого аккумулировался в условиях постоянного сноса-накопления.

Определение особенностей переотложения материала – важнейшая задача изучения Толбаги. Для ее решения важно изучить вопрос о продолжительности существования стоянки и возможности переотложения культурных остатков. При этом необходимо исходить из характера отложений литологического слоя 4, представленного карбонатизированным суглинком мощностью 0,3–0,5 м.

В нижней части слоя зафиксированы погребенные поверхности, с которыми были связаны основания всех искусственных конструкций стоянки. Выше – уровни переотложения материала, развеян-

ного в направлении «вниз по склону – выше по слоям». К ним относятся разные горизонты культурного слоя и вышележащие литологические слои. Кости сосредоточены в средней части слоя (66 %) и ближе к его основанию (21 %), часть (1 %) находилась на уровне основания. В уровнях 1 и 2 слоя 4 доля костей значительно уменьшается (9 и 3 % соответственно). Выше по профилю, в литологических слоях 3–1, доля костей составляет 1–3 %. Таким образом, «костеносный» горизонт связан с поверхностями обитания в нижней части литологического слоя 4, которые были выявлены по остаткам очагов и хозяйственных конструкций. Нижний уровень является также источником распространения каменных артефактов в вышележащие слои вплоть до современной дневной поверхности.

Анализ распространения костного материала в горизонтальной плоскости позволил выявить три крупных скопления. Они приурочены к жилищам и очагам. Наиболее крупное отмечено в северной части стоянки. Второе и третье скопления связаны с остатками комплекса жилищ, выделенных в центральной части [Константинов М.В., 1994, с. 49–50]. Участки локализации костей основных видов промысловых животных на территории памятника соответствуют выделяемым зонам скопления костей в целом. К северному и центральному скоплениям остеологических находок относятся костяные орудия, причем наибольшая их доля приходится на северную часть стоянки. Большая часть орудий тяготеет к очагам. Отщепы и осколки костей концентрируются в пределах выделенных жилищ. Кости, не модифицированные человеком, располагаются в основном на площадках, не занятых жилыми комплексами.

Анализ каменной индустрии слоя 4

Основу коллекции составляют каменные артефакты, как правило, из в разной степени окварцованных и окремненных разностей эфузивных (вулканических) пород (преимущественно кислых), имеющих окраску от черного до различных оттенков серого (93 % всех артефактов), а также из окремненных осадочных пород (песчаников и алевролитов), халцедонов, кварца* (7 %). На артефактах имеются участки хорошо окатанной галечной поверхности. По данным М.В. Константина [Геология и культура..., 1982, с. 35], петрографический состав артефактов соответствует составу галечного аллювия р. Хилок.

Исследование проводилось на материалах слоя 4 стоянки. Артефакты из горизонтов переотложения в литологических слоях 1–3 не рассматривались, как относящиеся к явно смешанным комплексам, возможно, включающим более позднюю примесь. В нашем расположении было 3 184 каменных артефакта (табл. 1). При изучении орудийного набора и нуклеусов учитывался весь набор артефактов, неретушированных сколов – ценные сколы и их проксимальные фрагменты. Остальные неретушированные предметы – дистальные и медиальные фрагменты, а также сколы длиной меньше 2 см – в анализируемую массу не включались.

Технология расщепления

Представлено 217 нуклеусов (табл. 1). По признакам принадлежности к конкретной стадии подготовки и степени утилизации они разделены на две группы.

*Петрографическое определение к. г-м.н. Н.А. Кулик.

Таблица 1. Типологический состав артефактов культурного слоя

Тип	Кол-во	%
Нуклеусы и преформы	217	6,8
Орудия	644	20,2
Отщепы > 2 см	491	15,4
» < 2 см	1 005	31,6
Пластинчатые сколы		
В том числе:	564	17,7
пластинки	48	–
остроконечные пластины	10	–
пластины	506	–
Технические сколы		
В том числе:	77	2,4
реберчатые пластины	24	–
сколы подправки ударной площадки	13	–
первичные пластины	18	–
полупервичные пластины	7	–
краевые сколы	15	–
Обломки, осколки	164	5,2
Отбойники, ретушеры	14	0,4
Необработанные гальки	8	0,3
Всего	3 184	100,0

К первой отнесены преформы (116 экз.): плоские, кубовидные и цилиндрические разноразмерные гальки. У большинства предметов ударная площадка либо не оформлена, либо была образована в результате одного снятия, на фронтах раскалывания прослеживаются негативы одного – трех пробных беспорядочных сколов. Вторая группа образована нуклевидными формами («формальные» нуклеусы) – 101 предмет. Для этих изделий характерно наличие оформленных ударных площадок и отчетливо прослеживаемой системы снятий на фронтах раскалывания. Ядрица раскалывались, как правило, в системе параллельного расщепления. Они отличались количеством оформленных ударных площадок и степенью выпуклости фронта.

Большая часть одноплощадочных монофронтальных нуклеусов (табл. 2) (32 экз., 32,7 % от общего количества формальных нуклеусов) представляет начальную стадию расщепления, поэтому на их основе возможно реконструировать приемы подготовки фронта раскалывания. Способы организации расщепления зависели от формы исходного субстрата. Если галька была плоская, то раскалывание начиналось от узкой стороны заготовки, если цилиндрической или кубовидной формы, то скальвание могло начинаться по естественным граням или по подго-

Таблица 2. Типологический состав нуклеусов

Тип	Кол-во	%
Ортогональные	5	5,0
Одноплощадочные монофронтальные	33	32,7
Плоскостные двуплощадочные монофронтальные	23	22,8
Двуплощадочные монофронтальные подпризматические	27	26,7
Мелкие торцовые нуклеусы для пластинок	5	5,0
Подпризматические микронуклеусы	6	5,9
Центростремительные	2	2,0
<i>Всего</i>	101	100,0

тствленному поперечными сколами грубому ребру. Как правило, раскалывание прекращалось после снятия нескольких сколов, окончившихся заломами. Очевидно, исходная разница в морфологии заготовки определила облик двух основных типов нуклеусов комплекса, которые мы обозначили как двуплощадочные монофронтальные плоскостные (23 экз., 22,8 %; рис. 4, 1, 5, 8, 9, 13) и двуплощадочные монофронтальные с выпуклым фронтом (27 экз., 26,7 %; рис. 4, 3, 4, 6, 7, 11). Судя по сохранившимся негативам снятий, расщепление этих нуклеусов происходило в параллельной системе. Скалывание производилось с противолежащих площадок, основным сколом-заготовкой служили пластины и подпрямоугольные отщепы. Примерно треть нуклеусов сохраняют оформ-

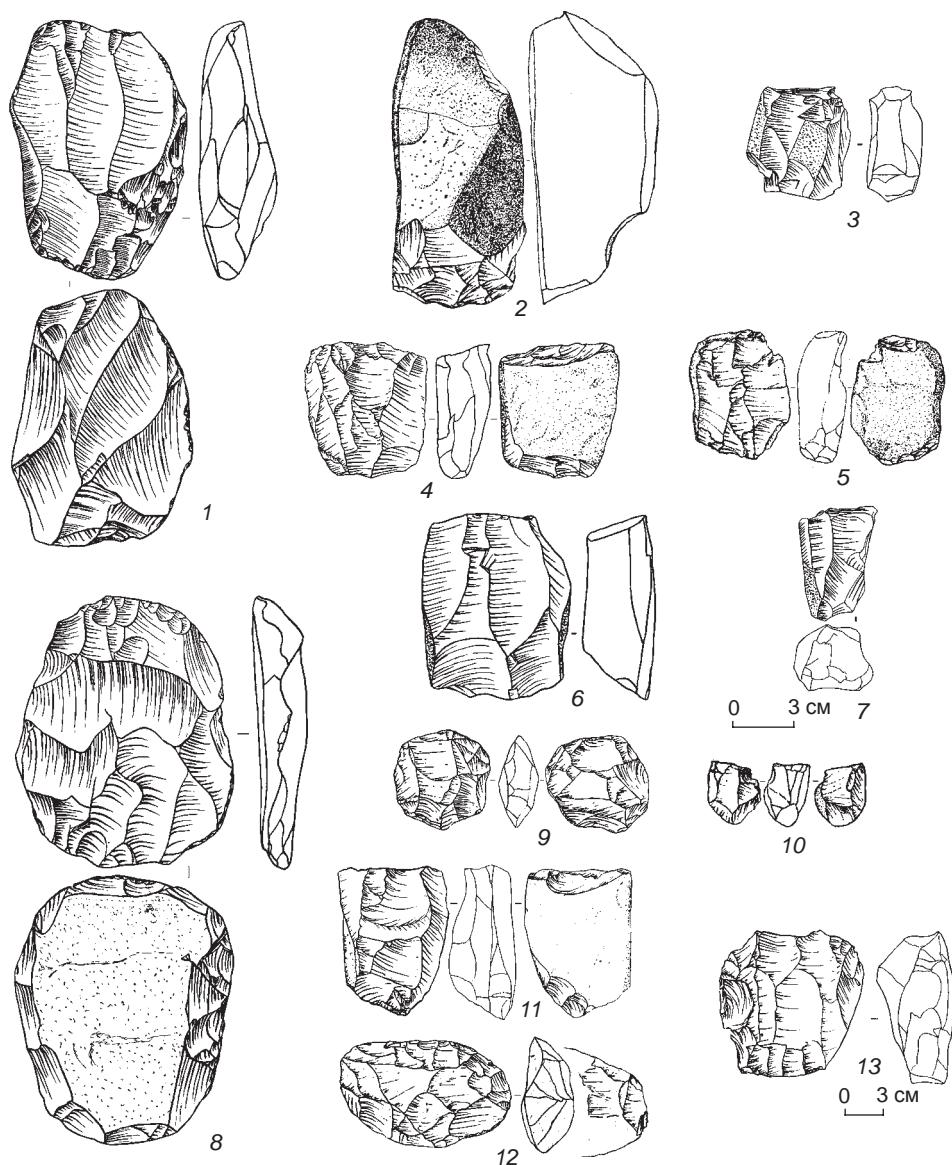

Рис. 4. Каменные артефакты из культурного слоя (литологический слой 4).

ленное на латерали с помощью поперечных сколов и ретуши извилистое ребро. Несмотря на различия в степени выпуклости рабочих фронтов, нет основания предполагать, что рассматриваемые типы отражают разные методы или стадии раскалывания. Система распределения сколов на фронтах расщепления этих нуклеусов очень близка. Оба типа нуклеусов характеризуются «челночным» раскалыванием, при котором снятие сколов производилось от одного края ударной площадки к другому. Поддержание выпуклости фронта расщепления осуществлялось с помощью снятий краевых сколов (40,8 % от всех технических сколов), реже – реберчатых и полуреберчатых пластин (23,1 %). Большая часть этих технических пластин (от 45 до 70 %) длиной 60–90 мм; учитывая это, можно представить изначальные размеры основной массы нуклеусов. Не прослеживается разница и в длине остаточных нуклеусов (табл. 3). Если бы эти предметы относились к разным стадиям расщепления и плоскостные нуклеусы являлись продуктом утилизации подпризматических, то различия были бы явными. Однако площадь фронта раскалывания у плоскостных нуклеусов даже превышает таковую у подпризматических. Вместе с тем по толщине подпризматические нуклеусы намного превосходят плоскостные. Анализ нуклеусов, сохранивших форму начального субстрата, позволяет утверждать, что степень выпуклости фронта расщепления ядрищ определялась заготовкой. Поэтому предположение о том, что плоскостные нукле-

усы отражали «архаическую», или «леваллуазскую», технологию расщепления, отличную от верхнепалеолитического призматического метода раскалывания, вызывает сомнение. Основой для нуклеусов с плоским фронтом служили чаще всего плоские гальки, для подпризматических

Другие разновидности ядрищ представлены реже и суммарно не превышают 18 % от числа всех формальных нуклеусов. Среди них отмечаются такие своеобразные типы, как торцовые микронуклеусы для снятия пластинок, на узкой грани которых производились снятия узких (не шире 12 мм) пластинок. К ним примыкает серия подпризматических микроядрищ (рис. 4, 10), изготовленных на мелких гальках или фрагментах сколов, у которых 3/4 фронта занимали негативы снятий пластинок. Несколько образцами представлены нуклеусы, раскалывавшиеся в ортогональной (подперекрестной) и центростремительной системах.

Чтобы лучше представить особенности первично-го раскалывания на основе дорсальной огранки целых артефактов, мы провели исследование по методике Д. Адлера [Adler, 2002], которая позволяет определить степень распространения и направление сколов, снятых с основных и вспомогательных площадок нуклеуса. Согласно схеме, разработанной Д. Адлером, после расположения предмета проксимальной частью (или главной ударной площадкой нуклеуса) вверх, дорсальная поверхность всех целых сколов (длиной больше 2 см) или нуклеусов делится на

Таблица 3. Основные метрические показатели нуклеусов

Нуклеусы	Длина средняя/стандарт. отклонение, мм	Длина макс./мин., мм	Ширина фронта средняя/стандарт. отклонение, мм	Ширина фронта макс./мин., мм	Толщина средняя / стандарт. отклонение, мм	Толщина макс./мин., мм	Средний угол площадки, град.	Площадь фронта расщепления/стандарт. отклонение, мм ²	Длина макс. негатива средняя/макс., мм	Ширина макс. негатива средняя/макс., мм	Всего, экз.
Подпризматические и торцовые для пластинок	41,8/15,6	68/30	25/8	37/15	19,8/4,9	26/15	80	1 032/408	28/41	11/15	11
Одноплощадочные монофронтальные	63,9/14,3	90/38	51,5/11,5	81/26	35,5/7,7	62/20	83	3 316/1 209	41/71	25/41	33
Ортогональные и центростремительные	54,2/10	69/43	42,6/11,4	57/29	31,4/15,6	57/21	76	2 279/630	30/38	25/40	7
Плоскостные двуплощадочные монофронтальные	69,4/24,8	138/43	58,5/17	103/29	24,5/8,6	45/9	76	4 403/2 094	43/90	25/44	23
Двуплощадочные монофронтальные с выпуклым фронтом	69,3/15,2	108/46	44,8/9,7	64/30	37,5/10,7	61/24	80	3 099/947	42/65	23/45	27
<i>Всего, экз.*</i>	64 (18,4)	138 (30)	48 (15,7)	103 (15)	32 (10,8)	62 (9)	79	3 243 (1 943)	39 (90)	23 (45)	101

*В скобках – средние показатели для всех типов.

четыре равных сектора. Левый верхний сектор (левая часть проксимального сегмента) обозначается как сектор А, следующий за ним по часовой стрелке сектор – В, далее – С и D (левая часть дистального сегмента). Внутри каждого сектора подсчитываются количество и процент негативов сколов, снятых с дистальной и проксимальной частей, а также левой и правой латералей заготовки. По распределению негативов сколов по секторам нуклеусов (учитывался весь массив целых формальных нуклеусов) реконструируется следующая картина (рис. 5): подавляющее большинство снятий в верхних секторах нуклеусов производилось с верхней ударной площадки (ок. 83 %); 40–43 % негативов сколов с верхней ударной площадки дошли до нижней половины ядра; с нижней ударной площадки снималось лишь 39–43 % сколов. В верхней половине нуклеусов фиксируется лишь ок. 8 % негативов сколов, снятых с нижней ударной площадки. Это намного меньше показателя снятий с верхней ударной площадки, из которых ок. 40 % достигали нижней половины ядра. Таким образом, реконструируемая на основе остаточных форм нуклеусов техно-

логия – типичный продольный метод раскалывания; при ее применении нижняя ударная площадка предназначалась для снятия коротких сколов, служивших, как правило, средством поддержания дистальной выпуклости фронта. Более интенсивно использовалась одна из ударных площадок. Основываясь на средних показателях количества негативов сколов на рабочих фронтах нуклеусов, мы установили, что в среднем 3,5 негатива сколов явились результатом снятий с основной ударной площадки, 1,5 негатива – с противолежащей вспомогательной.

Ориентация технологии раскалывания толбагинского технокомплекса на получение пластин отчетливо прослеживается по составу отходов первичного расщепления. Индекс пластинчатости (Пам) индустрии составляет 39. Он рассчитан по 17,7 % неретушированных пластин и их фрагментов в общем составе комплекса, технических сколов, имеющих пропорции пластин (реберчатых, первичных и краевых), а также пластин, на которых были оформлены орудия. Степень переоформления пластин очень велика – 41,9 % всех пластин было преобразовано в орудия.

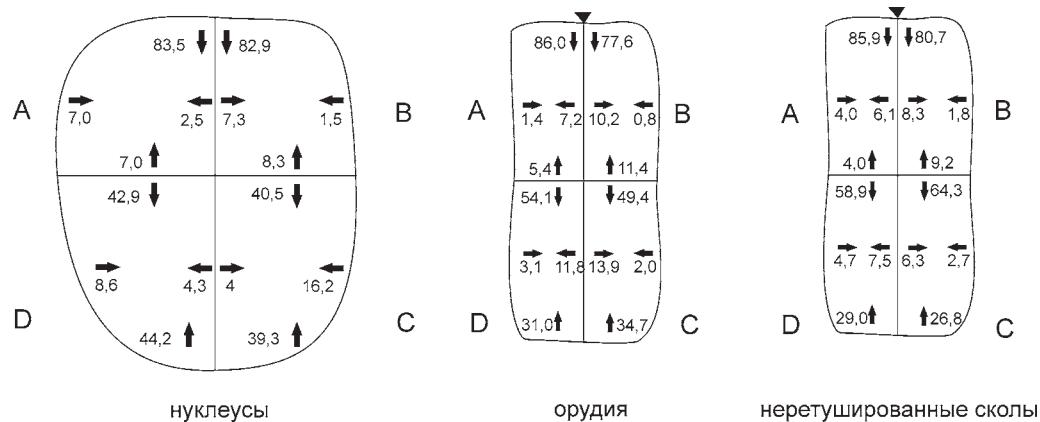

Рис. 5. Схематическое распределение негативов сколов на дорсальных поверхностях основных категорий артефактов (%).

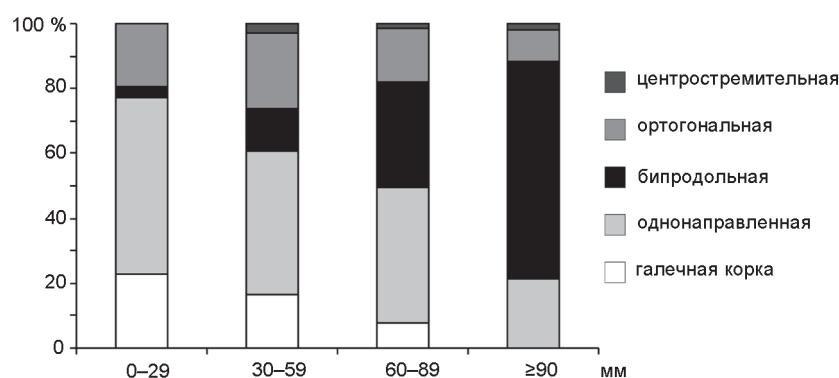

Рис. 6. Распределение сколов с элементами огранки на дорсали по длине (учитывались только целые предметы (457 экз.) длиной более 20 мм).

Большая часть пластин шириной более 15 мм. Доля пластинок (сколов шириной менее 15 мм) относительно невелика.

Большая часть сколов несет следы односторонней огранки (41,6 %), заметно меньше предметов со следами бипротротальной (24 %) и ортогональной (19,5 %) обработки дорсальных поверхностей. Весома доля сколов, полностью покрытых галечной коркой (12,7 %). Вместе с тем, как показывает анализ, по мере увеличения длины заготовок возрастает доля признаков бипротротальной огранки, их максимальные значения соответствуют сколам длиной более 90 мм – 67 % (рис. 6).

Таким образом, раскалывание нуклеусов начиналось в основном в бипротротальной системе; по мере уменьшения длины ядрищ снятие сколов, направленных на поддержание дистальной выпуклости, становилось все более редким. Это находит отражение в резком возрастании частоты встречаемости дорсальных поверхностей со следами односторонней огранки у сколов меньших размеров (54 % от количества предметов с элементами односторонней огранки против 3 % – с признаками бипротротальной). Максимальную долю артефактов, полностью покрытых галечной коркой, составляют самые мелкие; эти сколы являлись продуктами первичной подготовки нуклеусов.

Ударные площадки сколов в основном гладкие и покрытые галечной коркой (74,5 % от всех площадок); индексы фасетированных и двугранных площадок (IFlarge) составляют 20,2, только фасетированных талонов (IF strict) – 5,2. Очень мала доля точечных и линейных площадок – лишь 5,25 %. Анализ элементов подправок площадок и степени выпуклости ударных бугорков сколов, среди которых преобладают выпуклые разновидности, в целом позволяет предположить, что в комплексе Толбаги в основном использовалась техника скальвания жестким отбойником.

Типологические характеристики орудийного набора

Характер первичного расщепления особенно ярко выявляется при рассмотрении состава заготовок для орудий – 70,5 % предметов выполнено на пластинах. Этот показатель значительно превышает индекс пластичности индустрии и отражает предпочтительный выбор предметов с максимально длинным рабочим краем. Остальные орудия выполнялись на отщепах (26,4 %), модифицированных гальках и нуклеусах (3,1 %).

Типологический набор орудий индустрии слоя 4 включает несколько основных компонентов (табл. 4). К категории ситуационных, или неформальных, могут быть отнесены орудия, оформление которых не требовало значительных трудозатрат; артефакты, отно-

Таблица 4. Типологический состав орудий

Тип	Кол-во	%
Пластины с элементами ретуши	151	23,4
Отщепы с элементами ретуши	52	8,1
Скребки	42	6,5
Скребла	39	6,1
Резцы	7	1,1
Зубчатые	13	2,0
Выемчатые	19	3,0
Зубчато-выемчатые	10	1,6
Ножи	17	2,6
Клювовидно-шиповидные (перфораторы)	44	6,8
Долотовидные	25	3,9
Пластины с черешком, выделенным ретушью	5	0,8
Острия	36	5,6
Скребла на пластинах	96	14,9
Комбинированные	74	11,5
Галечные	14	2,2
<i>Всего</i>	644	100,0

сящиеся к ним, претерпели минимальные изменения при обработке. Большая часть орудий этой категории имеет один рабочий край, обработана в основном слабомодифицирующей ретушью, сохраняет следы однодетальной, однообразной подготовки, следы ретуши распространены лишь на 1/4 периметра края. Основой для данных орудий служили, как правило, небольшие сколы – длиной до 60 мм. Необходимость изготовления таких инструментов была вызвана потребностями, возникшими непосредственно во время работы. В состав группы входят отщепы с элементами ретуши – 8,1 % от всех орудий, зубчатые и выемчатые изделия – суммарно 6,5, шиповидные орудия (перфораторы) – 6,8 (рис. 7, 29, 31), ножи – 2,6, долотовидные орудия – 3,9 % (рис. 7, 18, 33).

К орудиям второй типологической группы отнесены скребки (6,5 %). Среди комбинированных орудий 22 предмета имеют скребковые элементы, благодаря чему доля скребков в составе орудийного набора достигает 9,9 %. Скребки могут быть разделены на две основные группы, равные по количеству: угловые (рис. 7, 7) и концевые (рис. 7, 6, 16, 26). Большинство скребков оформлено на отщепах. К этой же типологической группе могут быть отнесены и скребла на отщепах (6,1 %). Большая часть скребел (16 экз.) относится к продольным, остальные имеют элементы ретуши по периметру (см. рис. 4, 12), а также представлены в поперечных и конвергентных вариациях.

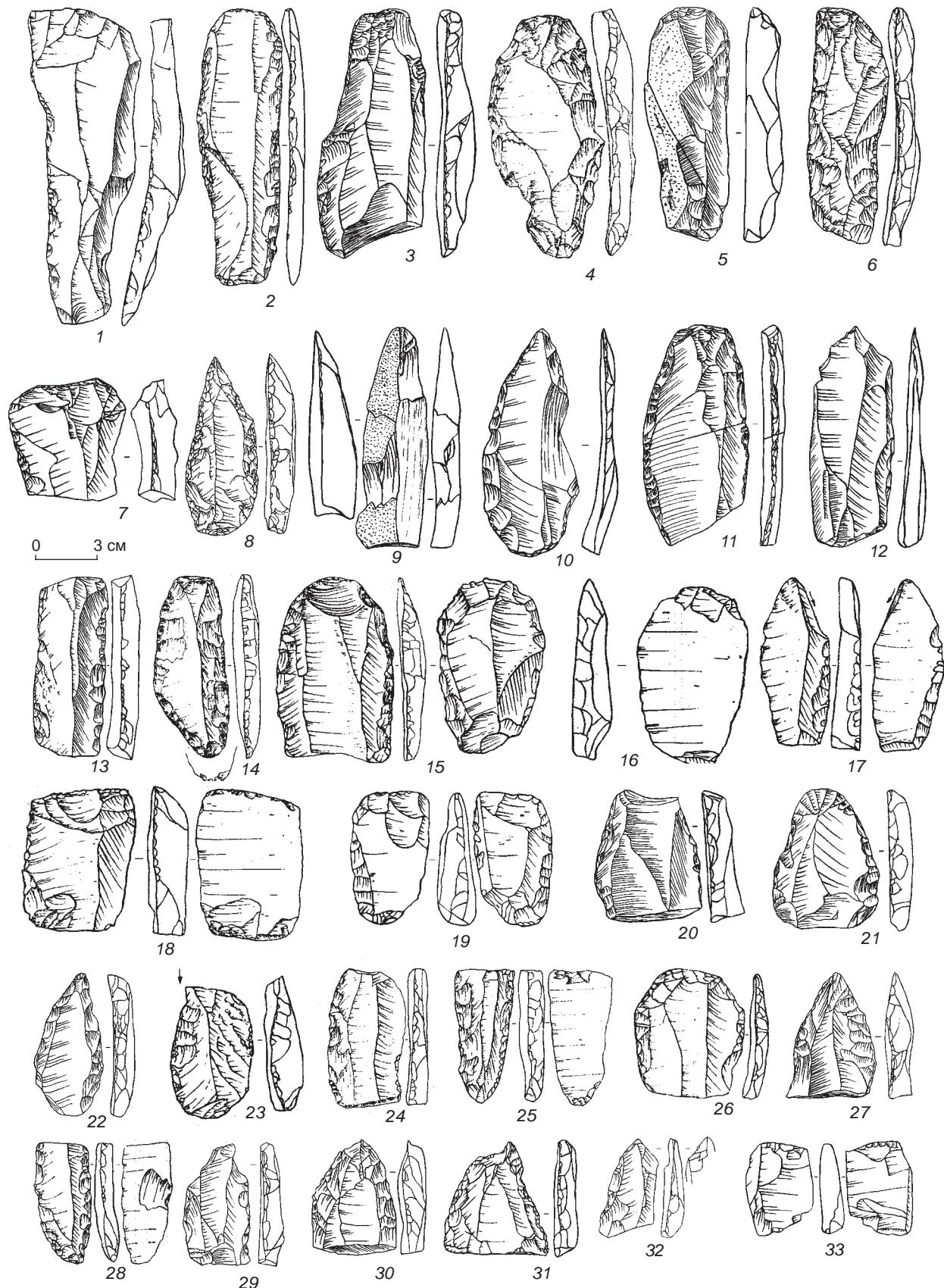

Рис. 7. Каменные артефакты из культурного слоя (литологический слой 4).

Наиболее яркой и выразительной, во многом определяющей облик типологического набора орудийного комплекса Толбаги является группа универсальных орудий на пластинах (44,7 %). Как отмечал М.В. Константинов [1994], разделение данных предметов на типологические единицы зачастую может быть условным, чаще всего отнесение орудия к тому или иному типу определяется характером вторичной обработки или (в отдельных случаях) особенностями заготовки. Как универсальные орудия нами были определены ретушированные пластины – 23,4 % (рис. 7, 1, 2, 9, 12, 13). У 88 орудий обрабатывался лишь один продольный край. Большая часть орудий (98 экз.) несет признаки слабомодифицирующей ретуши. С одним морфологическим элементом вторичной обработки представлено 138 орудий. Следы преднамеренной фрагментации имеют 85 предметов. Такие артефакты со следами скопой обработки – наиболее крупные в комплексе (средняя длина 94 мм). Они могут восприниматься как орудия-заготовки, которые могли переоформляться, фрагментироваться в соответствии с возникавшей надобностью или использоваться после минимальной обработки во многих трудовых операциях. Скребла на пластинах (14,9 %) представляют тип наиболее интенсивно обработанных и своеобразных орудий комплекса. Это длинные и широкие сколы, которые могут быть отделены от группы ретушированных пластин только по следам более выразительной модифицирующей обработки крутой ступенчатой и чешуйчатой ретушью. Как было показано М.В. Константиновым [Геология и культура..., 1982; Константинов М.В., 1994], сначала орудия подвергались вторичной обработке, а затем с целью увеличения количества пригодных для работы орудий фрагментировались (рис. 7, 11), об этом свидетельствуют имеющиеся на многих орудиях фасетки ретуши, разорванные пополам при нанесении сильного поперечного удара. Из 96 орудий 71 предмет несет следы преднамеренной фрагментации, осуществлявшейся, как правило, с помощью поперечного удара, реже – в ходе дополнительного ретуширования с целью выравнивания участка фрагментации (рис. 7, 25). Целыми обнаружены 14 орудий (рис. 7, 4, 6, 14), 24 предмета представлены проксимальными (рис. 7, 15), 31 – медиальными (рис. 7, 20, 24) и 27 – дистальными (рис. 7, 27, 30) фрагментами. Таким образом, распределение фрагментов довольно равномерное; это позволяет предположить, что фрагментация осуществлялась непосредственно на месте стоянки. При фрагментации достигалась высокая степень стандартизации изделий. Наиболее ярким примером являются медиальные фрагменты скребел, отличающиеся высокой степенью единобразия элементов вторичной обработки и сходством по размерам. Острия на пласти-

нах составляют 5,6 % орудийного набора (рис. 7, 8, 10, 22). Это один из наиболее характерных для раннего этапа верхнего палеолита Южной Сибири типов орудий. Конвергенция краев у этих орудий – результат вторичной обработки. В отличие от скребел на пластинах острия менее широкие и более тонкие. Фиксируется распространение приема преднамеренного фрагментирования: 19 орудий представлены дистальными фрагментами, из них 15 с признаками тронкирования. Следы обработки на них, как правило, разнообразные; многие образцы среди этих орудий относятся к специфическим, стилистически значимым типам, распространенным на территории от Горного Алтая до Монголии. К стилистически значимым типам относятся также пластины с черешком, выделенным ретушью, – 0,8 % (рис. 7, 3). Это крупные пластины, у которых продольные края в проксимальной части орудия обработаны сильномодифицирующей аккомодационной ретушью, благодаря которой сформировался своеобразный черешок.

В комплексе немного резцов (1,1 %), представленных в угловых и срединных вариантах (рис. 7, 23, 31), а также галечных орудий (2,2 %; см. рис. 4, 2). Для комплекса Толбаги характерно сочетание на одном орудии элементов разных морфологических типов; доля комбинированных орудий составляет (11,5 %; см. рис. 7, 17, 19, 21).

Вторичная обработка орудий

Определить вероятную роль артефакта в трудовых процессах поможет анализ признаков интенсивности вторичной обработки. Ретушь наносилась преимущественно на дорсальную плоскость орудия (89,9 % от всех орудий). По форме фасеток она может быть разделена на параллельную (35,8 %), чешуйчатую (32,5 %) и ступенчатую (12,3 %). Менее 20 % составляют орудия, представляющие различные сочетания этих типов вторичной обработки. По углу наклона ретушь разделялась на плоскую (18,5 % от всех орудий), полукруглую (46,1 %), круглую (30 %) и отвесную (5,4 %). При анализе степени модификации орудий с помощью вторичной обработки обращает на себя внимание относительно низкая доля элементов слабомодифицирующей ретуши (они имеются на 24,1 % всех орудий); основная часть артефактов обработана средней (46,6 %) и сильномодифицирующей (29,3 %) ретушью. Следы вторичной обработки, занимающие 1/2 периметра и более, имеют 57,7 % орудий, причем 12,6 % орудий обработаны по всему периметру. У 44,6 % орудий – два и более рабочих краев. Существенна доля орудий с двумя и более морфологическими элементами вторичной обработки –

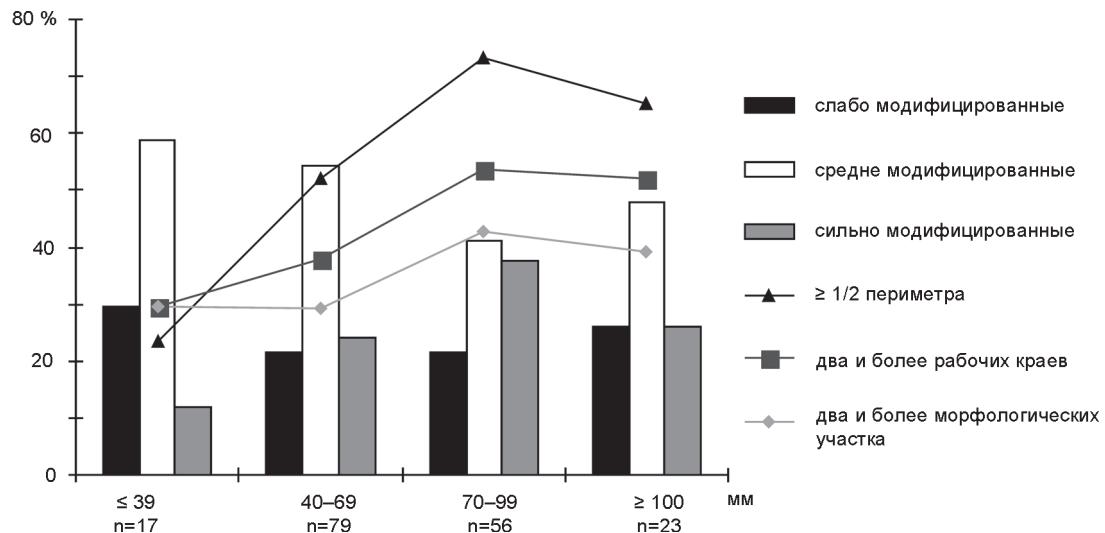

Рис. 8. Распределение орудий по протяженности обработанного края и степени модификации.

34,9 % от общего числа орудий. Исключительно велика степень преднамеренной фрагментации орудий; она прослеживается на 278 орудиях (45,5 %). Впервые в Сибири, именно на примере Толбаги, было доказано применение и широкое распространение этого технического приема [Геология и культура..., 1982; Мещерин, 1998; Константинов М.В., 1994]. О преднамеренной фрагментации свидетельствуют четко читаемые следы на поперечном сечении фрагментов орудий. Высокие показатели фрагментации и разнообразие элементов вторичной обработки позволяют сделать вывод о значительном переоформлении орудий в ходе трудовых процессов.

Для выявления зависимости между размерами орудий и интенсивностью и разнообразием их вторичной обработки весь массив целых орудий был разделен на четыре размерные группы (рис. 8). Наименее модифицированными оказались орудия длиной меньше 40 мм. Следовательно, нельзя предположить редуцирование размеров этих предметов в результате вторичной обработки. Вероятно, такие орудия изначально предназначались для кратковременного и малоинтенсивного использования. Близкие показатели имеют предметы длиной 40–70 мм. Таким образом, орудия таких размеров могут быть определены как ситуационные, или неформальные. Орудия (в основном ретушированные пластины) длиной более 100 мм по модификации вторичной обработки близки орудиям первых двух групп. Вместе с тем по таким показателям, как протяженность участков со следами ретуши, количество рабочих краев и морфологических участков они превосходят более короткие орудия. Наиболее модифицированными, интенсивно и разнообразно обработанными являются орудия длиной 70–100 мм. Артефакты,

попавшие в эту категорию, отчетливо выделяются в общем массиве орудий. Именно эти предметы могли быть основой для последующей фрагментации.

Интенсивность раскалывания нуклеусов

При анализе морфологии артефактов как показателя интенсивности утилизации камня мы исходили из следующих положений: чем выше степень редукции предмета, тем меньше процент первичной корки на его поверхности, меньше количество предметов с первичной коркой в комплексе, меньше размеры артефактов; чем выше уровень утилизации нуклеуса, тем меньше доля галечной поверхности, меньше длина и толщина ядрищ, а также размеры негативов сколов, сохранившихся на нуклеусе.

Длина примерно 70 % нуклеусов и преформ находится в пределах 50–90 мм (рис. 9). По размерам преформы и формальные нуклеусы распределяются примерно одинаково; исключение составляет несколько преформ длиной более 90 мм. В случае интенсивного использования и связанного с ним переоформлением ударных площадок длина нуклеусов должна была уменьшаться. Однако небольшая разница между длиной ядрищ и преформ – признак относительно невысокой интенсивности раскалывания и отсутствия стремления к максимальному использованию нуклеусов; многие из них, вероятно, выбрасывались после первых же неудачных снятий.

Как показывает анализ распределения нуклеусов по площади фронта скальвания, покрытого галечной коркой, на 53,5 % артефактов сохранились следы естественной поверхности, лишь на 19,8 % остались участки корки, покрывающие больше 1/4 поверхности

ти рабочего фронта. При многочисленности мелких сколов с галечной коркой столь значительная доля предметов с естественной поверхностью может свидетельствовать о том, что в деятельности человека на территории памятника значительную роль играли процессы начальной подготовки ядрищ.

Сравнение метрических данных нуклеусов со следами галечной корки на фронте раскалывания и с полностью обработанной поверхностью (табл. 5), позволило установить, что основные размеры ядрищ этих групп совпадают и статистически не различаются. Если исходить из предположения, что нуклеусы раскалывались в рамках единой технологической последовательности на территории стоянки, то артефакты без следов первичной поверхности на фронте скальвания должны соответствовать более продвинутой стадии расщепления и, соответственно, иметь меньшие размеры. Однако для нуклеусов без корки характерны даже большие, чем для ядрищ со следами корки, экстремальные размеры (за исключением толщины). Анализ распределения нуклеусов по размерным группам выявил ту же самую картину: исключение составляют два артефакта длиной 135 и 138 мм без корки (см. рис. 4, 1, 8), доля нуклеусов с коркой и обработанных в пределах каждой размерной группы практически аналогична. Наличие очень крупных образцов среди нуклеусов без следов галечной корки позволяет предположить, что некоторые заготовки были принесены на территорию стоянки, возможно, в подготовленном виде. Однако основную часть нуклеусов, скорее всего, доставляли в виде необработанных галек, которые подвергались первичной обработке уже на месте. Об этом свидетельствует, например, обилие преформ в комплексе стоянки. Отметим, что по такому признаку, как огранка дорсальных поверхностей, нуклеусы близки орудиям и неретушированным сколам (см. рис. 5). Если бы нуклеусы раскалывались более интенсивно и большинство их находилось бы в истощенном состоянии, то сколы и нуклеусы демонстрировали бы разные системы дорсальной огранки: они относились бы к различным производственным этапам.

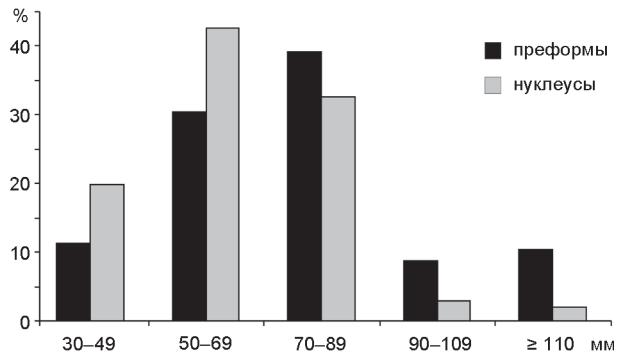

Рис. 9. Распределение нуклеусов (101 экз.) и преформ (116 экз.) по длине.

Дополнить сказанное могут результаты сравнения длины максимальных негативов сколов на ядрищах и длины остаточных нуклеусов. Стремления к максимальному использованию сырья не было: нуклеусы, у которых негативы наибольших сколов менее 50 мм, составляют 82 %, в то время как доля остаточных нуклеусов, попадающих в те же рамки, – лишь 20 % (рис. 10). Только на 2 % ядрищ негативы сколов имеют длину больше 70 мм, против 37,5 % нуклеусов таких размеров. Таким образом, работа с нуклеусами была прекращена на стадии, когда расщепление еще было возможно. Возможно также, что на территории стоянки накапливался запас подготовленных нуклеусов для дальнейшего использования.

Анализ соотношения длины максимальных негативов сколов на нуклеусах, неретушированных сколах и орудиях показывает, что по длине неретушированные сколы и негативы снятых на нуклеусах распределяются одинаково (рис. 11). Иная картина прослеживается при анализе длины орудий: у 45 % она составляет более 50 мм, что не соответствует данным по первым двум категориям (лишь 2 % негативов снятых и 12,5 % неретушированных сколов попадают в эту размерную группу). Опираясь на данные об отсутствии признаков максимизации интенсивности раскалывания, а также о том, что расщеп-

Таблица 5. Основные метрические показатели нуклеусов со следами галечной корки на фронте раскалывания и без таковых

Фронт скальвания нуклеуса	Длина средняя/отклонение, мм	Длина макс./мин., мм	Ширина средняя/отклонение, мм	Ширина макс./мин., мм	Толщина средняя/отклонение, мм	Толщина макс./мин., мм	Длина макс. негатива средняя/макс., мм	Ширина макс. негатива средняя/макс., мм	Площадь фронта расщепления/стандарт. отклонение, мм ²	Всего, экз.
Со следами корки	64/16,5	108/30	46,8/14,5	81/15	34,3/12,1	62/9	37,5/71	23/45	3 071/1 405	54
Без следов корки	64,9/20,5	138/30	49,7/17	103/17	30/8,5	49/14	42/90	23/44	3 441/2 420	47

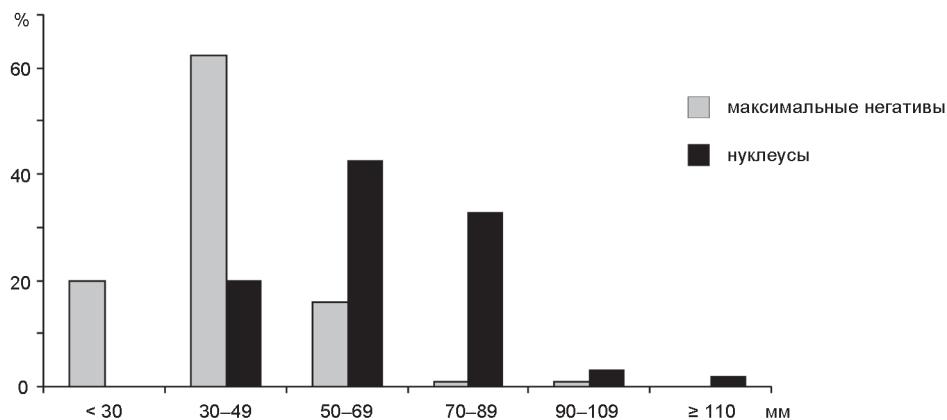

Рис. 10. Соотношение длины нуклеусов и максимальных негативов сколов на нуклеусах.

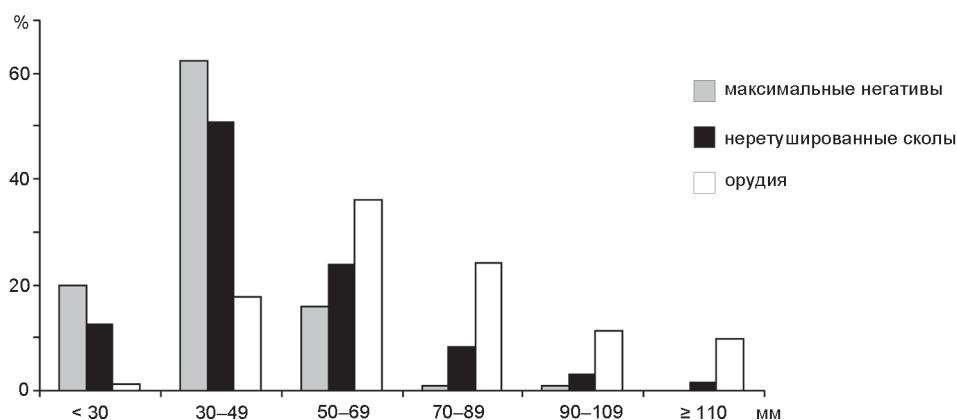

Рис. 11. Соотношение длины максимальных негативов сколов на нуклеусах, неретушированных сколов и орудий.

ление большинства нуклеусов останавливалось на стадии снятия отщепов и небольших пластин, можно предположить несоответствие в размерах между представленными в комплексе орудиями и нуклеусами. Судя по морфологическим характеристикам, нуклеусы, имеющиеся в коллекции, не могли служить основой для производства распространенных в индустрии Толбаги орудий из крупных пластин. Сопоставление метрических показателей сколов и орудий (табл. 6) выявило значительное превосходство

орудий над неретушированными сколами по длине. По толщине сколы и орудия статистически одинаковы, как и по ширине, что, вероятно, объясняется редукцией размеров орудий в ходе вторичной обработки. Все остальные показатели (площадь сколов, показатели удлиненности (отношение длины (l) к ширине (m), индексы массивности (отношение ширины (m) к толщине (n)) указывают на то, что площадь поверхности у орудий была больше, чем у сколов, орудия более удлиненные и менее уплощенные

Таблица 6. Основные метрические показатели неретушированных сколов и орудий

Категория	Длина средняя/отклонение, мм	Длина макс./мин., мм	Ширина средняя/отклонение, мм	Ширина макс./мин., мм	Толщина средняя/отклонение, мм	Толщина макс./стандарт. отклонение, мм	Площадь дорсала/стандарт. отклонение, мм^2	$m : n$, стандарт. отклонение	$l : m$, стандарт. отклонение	Всего, экз.
Неретушированные сколы	51/19,6	153/20	36,4/14,5	98/5	10,3/5,5	31/2	1950/1333	4,24:2	1,57:0,7	392
Орудия	71/26	155/24	38,8/13,4	122/10	11,7/3,9	27/4	2850/1677	3,47:1	1,96:0,7	175

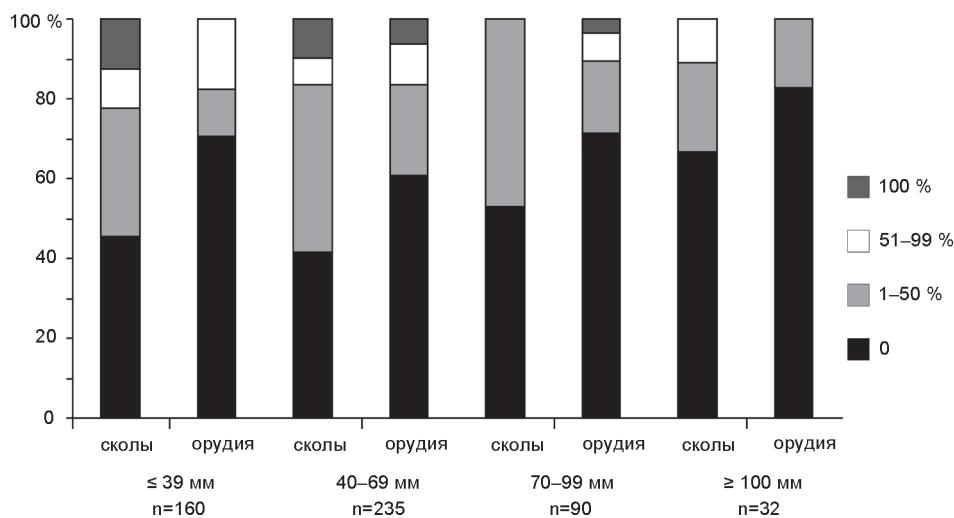

Рис. 12. Распределение сколов и орудий по длине и проценту площади дорсала, покрытого галечной коркой.

(более массивные). Вероятно, значительная часть наиболее крупных орудий была принесена на территорию стоянки.

Элементы поведенческих особенностей обитателей Толбаги могут быть выявлены при анализе степени покрытия галечной коркой дорсальных поверхностей неретушированных сколов и орудий. Суммарная доля предметов, сохранивших следы галечной корки, весьма значительна – 33,6 % от количества всех целых сколов и проксимальных фрагментов. Показатели отношения длины орудий и сколов к площади галечной корки, покрывающей дорсальную поверхность, свидетельствуют о том, что по мере увеличения размеров орудий доля естественной поверхности уменьшается (рис. 12). Например, среди орудий, длина которых превышает 100 мм, лишь 17 % предметов имеют естественную поверхность, которая занимает менее половины площади дорсала. Среди неретушированных сколов этой размерной группы удельный вес артефактов с таким же распределением галечной корки составляет 34 %. Вероятно, наиболее крупные сколы-заготовки орудий производились за пределами стоянки. Они могли скальвяться с нуклеусов, уже прошедших стадию декортификации, и более крупных, по сравнению с представленными в комплексе стоянки. Именно в размерную категорию предметов длиной более 100 мм попадают универсальные заготовки – ретушированные крупные пластины, которые уже на территории стоянки фрагментировались с целью получения максимального количества пригодных для работы орудий. Основной же цикл расщепления на стоянке осуществлялся на основе принесенных с собой заготовок нуклеусов и необработанных галек, которые утилизировались по мере необходимости.

Остеологическая коллекция

Исходный массив составляют 4 630 целых костей и фрагментов. До видового уровня определено 1 055 экз. (определение канд. биол. наук Н.Д. Оводова). Тафономическое состояние коллекции оценивалось по четырехбалльной шкале – от фрагментов с высокой степенью сохранности до костей с полностью разрушенным поверхностным слоем. Костные остатки Толбаги в основном удовлетворительной естественной сохранности, которая позволяет идентифицировать их видовую и анатомическую принадлежность.

Костные остатки со следами воздействия хищников составляют 9 % (из 1 374 модифицированных костей). Это позволяет говорить о явной преобладающей роли человека (91 % от общего числа костей) в формировании толбагинского тафоценоза. Необходимо учитывать, что хищники могли выступать в роли комменсалов по отношению к остаткам, брошенным людьми. Среди основных признаков, по которым возможно определить действия хищников, – U-образные в поперечном сечении следы зубов на отдельных костях и фрагментах, отличные от следов, оставленных каменными орудиями, а также признаков выгрызания губчатой массы на отдельных костях, в основном крупных диафизов.

В тафоценозе преобладают остатки *Coelodonta* sp. (35,4 %), *Ovis ammon* L. (25,1 %) и *Equus* sp. (15 %). Доля их костей значительно превышает суммарное количество костей других видов. Сравнительно высокий показатель соответствует представителям семейства полорогих: *Procapra gutturosa* Pall. (4,7 %), *Spirocerus* cf. *kiakhtensis* M. Pavl. (2,7 %), *Bison* sp. (1,9 %), *Poephagus baikalensis* N. Ver. (1,8 %). Отмеча-

ется также присутствие костей *Canis lupus* L. (7,2 %). Остатков мамонта, за исключением небольшого обломка бивня, в слое не обнаружено. В целом толбагинский тафоценоз соответствует составу фауны, входящей в позднепалеолитический комплекс, выделенный в Забайкалье Э.А. Вангенгейм [1977, с. 102].

Подсчет минимального числа особей каждого вида животных (рис. 13) выявил преобладание архара, лошади, носорога. Остальные виды представлены единичными находками. Если брать во внимание потери, которые происходили еще до попадания костей в культурный слой, то количество добытых животных сле-

дует многократно увеличить. На численность и состав костей на Толбаге значительно повлияло то, что разделка добычи производилась на месте охоты, а на поселение доставлялись отдельные части туш. Об этом свидетельствуют данные по анатомическому составу коллекции. Насчитывается 2 385 фрагментов анатомически определимых костей (рис. 14). Наибольшую долю составляют кости конечностей – 66,5 %, преобладают кости дистальных отделов задних конечностей. Вторыми по частоте встречаются аналогичные кости передних конечностей. Примерно в одинаковых долях (по 5–6 %) представлены кости плечевого

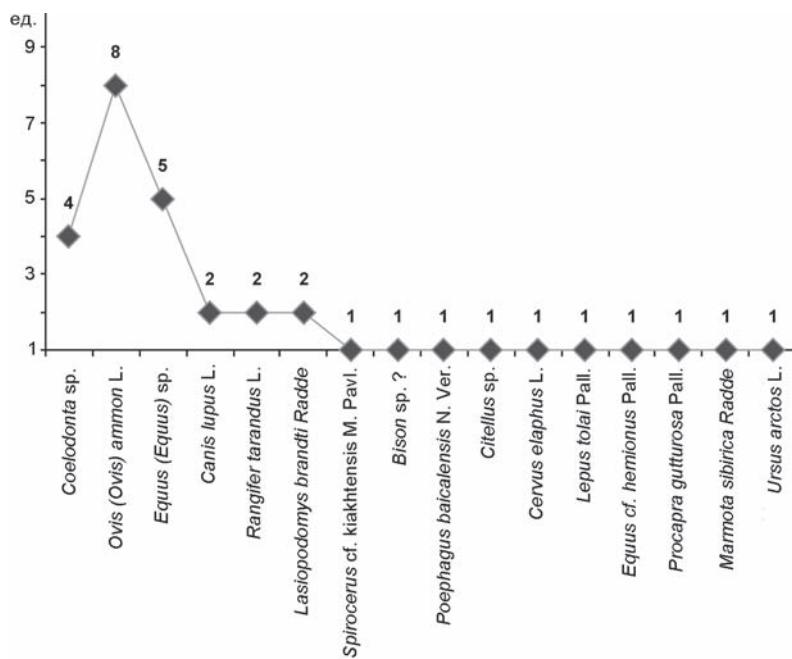

Рис. 13. Минимальное число особей животных.

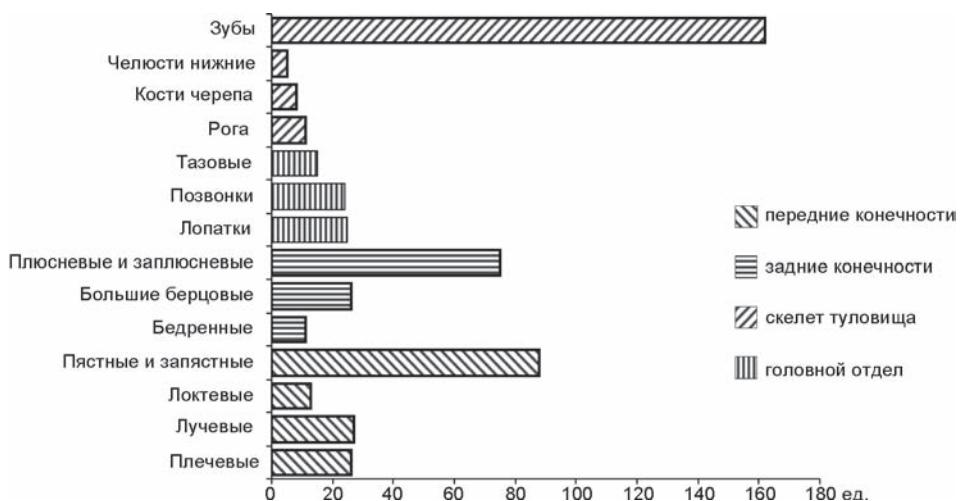

Рис. 14. Соотношение количества элементов скелетов животных.

и тазового поясов и проксимальных отделов конечностей. Кости отдела туловища, включающие позвонки и ребра, составляют 14,1 % от всех определимых костей. Целых черепов на стоянке не обнаружено. Среди фрагментов черепов (19,4 %) преобладают кости висцеральных отделов и нижние челюсти.

Характер эксплуатации каменного сырья

Какое место занимает толбагинская система утилизации камня среди себе подобных, выявленных на южносибирских поселениях? Для ответа на этот вопрос нами были использованы материалы из девяти памятников,

включающих индустриальные комплексы 17 культурных слоев [Рыбин, Колобова, 2004; Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005; Деревянко и др., 2007]. Все они представляют пластинчатые культуры раннего этапа верхнего палеолита Южной Сибири и соответствуют 45–30 тыс. л.н. Географический разброс довольно широк – от западной границы ареала пластинчатых культур раннего этапа верхнего палеолита (Горный Алтай) до восточной (Забайкалье и Монголия). В качестве показателей интенсивности и разнообразия производственной деятельности в указанных комплексах рассматривались элементы вторичной обработки орудий, а также соотношения основных категорий каменного инвентаря индустрий (табл. 7).

Таблица 7. Основные категории каменных артефактов в индустриях ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири

Стоянка	Слой	Всего учтенных артефактов, экз.	Артефакты со следами сплабомоди- фицирующей ретуши, %	Артефакты со следами средне-, сильномодифицирующей ретуши, %	Артефакты со следами ретуши на 1/4 и менее периметра, %	Артефакты со следами ретуши на 1/2 и более периметра, %	Артефакты с одним элементом вто- ричной обработки, %	Артефакты с более чем одним эле- ментом обработки, %	Нуклеусы : орудия	Орудия : отходы расщепления + нуклеусы	Нуклеусы : сколы + орудия	Доля нуклеусов в комплексе, %	Доля сколов в комплексе, %	Доля орудий в комплексе, %
Кара-Бом	ВП6	878	59,8	40,2	55,3	44,7	56,3	43,7	1:8,9	1:5	1:52,7	1,8	79,7	16,3
	ВП5	594	62,1	37,9	61,3	38,7	61,9	38,1	1:11,5	1:6,2	1:82	1,2	83,7	13,6
	ВП1–4	395	57,9	42,1	70,0	30,0	44,3	55,7	1:9,1	1:4,4	1:48,3	2,0	79,5	18,5
Денисова пещера	11	1326	39,1	60,9	67,0	33,0	53,4	46,6	1:4,9	1:4,5	1:26	3,7	78,3	18
	9	804	46,5	53,5	64,2	35,8	43,9	56,1	1:3	1:4,8	1:16,9	5,6	77,1	17,3
Усть-Каракол-1	11	184	78,2	21,8	95,5	4,5	84,6	15,4	1:4,2	1:2,1	1:12,1	7,6	60,3	32,1
	10	296	52,0	48,0	83,0	17,0	64,0	36,0	1:6,7	1:1,9	1:12,1	5,1	60,8	34,1
	9	628	61,0	39,0	85,0	15,0	73,9	26,1	1:5,6	1:2,2	1:16,9	5,6	63,4	31,0
Кара-Тенеш	б/н	809	27,6	72,4	54,1	45,9	42,1	57,9	1:4,8	1:6,3	1:34	2,8	83,1	13,6
Малояломанская	б/н	48	50,0	50,0	50,0	50,0	71,4	28,6	1:8	1:2	1:23	4,1	62,5	33,3
ЗАБАЙКАЛЬЕ														
Хотык	гор.2	675	21,6	78,4	37,3	62,7	60,8	39,2	1:6,4	1:3,6	1:28	2,8	79	18
	гор.3	491	42,0	58,0	32,0	68,0	62,0	38,0	1:4	1:3,3	1:16,5	5	74,5	20,5
Каменка	A(C)	970	20,7	79,3	27,0	73,0	58,6	41,4	1:8,3	1:2,7	1:32	2,6	74,4	23
Толбага	гор.4	3184	24,1	75,9	42,3	57,7	65,1	34,9	1:3	1:3,7	1:12,8	6,8	72,9	20
СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ														
Толбор-4	гор.4	4966	40,3	59,7	51,7	48,3	65,8	34,2	1:3,6	1:11,7	1:44,6	1,1	92,8	6,1
	гор.5	6992	43,7	56,3	57,0	43,0	88,2	11,8	1:2,4	1:10,7	1:27,3	2,8	90,5	6,7
	гор.6	5035	53,6	46,4	76,8	23,2	87,5	12,5	1:1,5	1:15,5	1:23,5	2,7	93,3	4,0

В южно-сибирских индустриях средне- и сильномодифицирующая ретушь характерна для 40–60 % всех орудий. На Толбаге этот показатель является одним из самых высоких по региону – 75,9 %. Сопоставимые показатели фиксируются в комплексах А(С) стоянок Каменка и Хотык (горизонт 2), а также стоянки Кара-Тенеш. В коллекции Толбаги орудия, у которых обработана половина и более длины рабочего края, составляют 57,7 %. Во всех алтайских и монгольских индустриях этот показатель меньше 50 %, в забайкальских он выше толбагинского и равняется 62–73 %. Более одного элемента вторичной обработки имеют 34,9 % орудий из Толбаги; это ниже, чем в большинстве памятников Горного Алтая, для которых характерна полиморфичная обработка орудий. Близкие значения отмечены для всех забайкальских объектов и ряда слоев Кара-Бома; показатели по Толбаге выше, чем по Усть-Караколу и Толбору-4. Вместе с тем орудий, имеющих два рабочих края и больше, на Толбаге относительно много – 44,6 %.

Процент нуклеусов в индустрии Толбаги – один из самых высоких среди показателей для Южной Сибири. Удельный вес орудий этого памятника является средним по Сибири; он очень близок к аналогичному показателю по забайкальским памятникам и значительно уступает показателям индустрий Усть-Каракола и Малояломанской пещеры (определенены ранее [Рыбин, Колобова, 2004] как кратковременные охотничьи лагеря), но заметно превосходит показатели мастерской Толбор-4. Процент необработанных сколов несколько ниже, чем в остальных комплексах. Определенную информацию о характере деятельности человека на территории стоянки может дать анализ соотношения ряда категорий инвентаря. Отношение нуклеусов к орудиям позволяет представить эффективность утилизации нуклеусов на памятнике. Отношение орудий к неретушированным сколам и нуклеусам дает возможность установить интенсивность деятельности по оформлению орудий в индустрии. Отношение нуклеусов к неретушированным сколам и орудиям может помочь при определении интенсивности первичного расщепления на памятнике.

В комплексе Толбаги на один нуклеус приходится три орудия; это один из самых низких показателей эффективности утилизации нуклеусов, он превосходит значения только комплексов мастерской Толбор-4. Интенсивность расщепления очень низкая: на один нуклеус приходится 12,8 сколов. Более низкие значения имеют только индустрии Усть-Каракола. Максимальные показатели интенсивности расщепления характерны для мастерских (Толбор-4) и памятников с обилием приносного сырья (Кара-Бом, Каменка, Хотык).

Показатели интенсивности деятельности по производству орудий на Толбаге весьма высокие (на одно орудие приходится 3,7 неретушированных предмета), они совпадают с данными по остальным забайкальским объектам и уступают лишь очень высоким характеристикам Усть-Каракола и комплекса Малояломанской пещеры. Обычные показатели для Горного Алтая – от 4 до 6 продуктов первичного расщепления на одно орудие, для мастерской Толбора – от 10 до 15. В целом по соотношению основных категорий инвентаря Толбага наиболее близка комплексам, определенным ранее [Рыбин, Колобова, 2004; Рыбин, Лбова, Клементьев, 2005] как кратковременные охотничьи стоянки. Однако могут быть отмечены и некоторые особенности толбагинского технокомплекса. С одной стороны, на памятнике много нуклеусов, которые раскалывали очень слабо, и, казалось бы, весьма малоэффективно использовали; об этом свидетельствует крайне малый показатель количества орудий, приходящихся на один нуклеус. Вместе с тем на этом памятнике каждый четвертый предмет переоформлялся в орудие.

В составе технокомплекса фиксируется большое количество нуклеусов со следами галечной корки, утилизация которых ограничивалась снятием нескольких отщепов. Приведенные ранее данные свидетельствуют о том, что первичная обработка основной части имеющихся ядрищ происходила на территории стоянки. Обилие слабоутилизированных нуклеусов может быть признаком того, что на территории стоянки приносили много сырья, вероятно местного, в расчете на предстоящую утилизацию. Возможно, именно данное обстоятельство обусловливало низкие показатели интенсивности раскалывания и эффективности использования нуклеусов. Продуктом упомянутой утилизации является значительное количество небольших «ситуационных» орудий, предназначенных для выполнения кратковременных и специфических функций, часто со следами галечной корки и легкой обработки. Вместе с тем в составе технокомплекса стоянки имеется представительная группа орудий, как правило, крупных и широких пластин длиной более 70 мм, имеющих признаки наиболее интенсивной и разнообразной обработки. Как показывают сравнительные характеристики основных категорий каменных артефактов индустрии, на территорию стоянки приносили не только необработанные гальки – заготовки нуклеусов, но и крупные, интенсивно обработанные орудия. Артефакты предназначались для долговременных и разнообразных операций, а также преднамеренного фрагментирования с целью увеличения количества пригодных для работы инструментов. Именно наличием многочисленных универсальных («формальных») орудий можно объяснить кажущиеся

противоречия между соотношениями категорий артефактов (высокой степени интенсивности производства орудий и крайне малой эффективности утилизации нуклеусов) и значительные показатели полиморфичной и сильномодифицирующей вторичной обработки в комплексе Толбаги.

Транспортировка и потребление добычи. Искусственная модификация кости

В остеологической коллекции Толбаги представлены практически все элементы скелетов животных; значительно преобладают кости конечностей, особенно дистальных разделов, ввиду их многочисленности в скелете животного любого вида. Наличие костей конечностей в составе фаунистического набора означает, что добыча транспортировалась с места охоты до лагеря целиком или в частично разделанном виде. При этом наименее ценные в пищевом отношении нижние части конечностей могли отсекаться на любой стадии разделки либо употребляться в пищу во время пищевого кризиса. Вариант поведения человека в качестве падальщика при анализе количества и состава добычи практически исключается.

В коллекции костей конечностей доминируют остатки носорога (35, 6 %), далее следуют кости архара (23,5 %), лошади (12,4 %), волка (7,5 %), бизона (6,2 %), северного оленя и дзерена (3,6 %), винторогой антилопы (3,3 %), байкальского яка (2,6 %), благородного оленя (1 %), кулана и медведя (0,3 %). Распределение костей передних и задних конечностей по видам примерно такое же. Животные некоторых видов представлены только костями конечностей. Это кулан, байкальский як и медведь. Кости туловища принадлежат в основном носорогу, архару, лошади. Единичны кости туловища дзерена и северного оленя. Самый высокий показатель частоты встречаемости костей черепа и зубов соответствует лошади, далее следуют архар, носорог, северный олень, волк, дзерен, бизон, винторогая антилопа, благородный олень.

Анализ костей конечностей архара как наиболее представленного вида (рис. 15) позволяет сделать выводы об особенностях потребления добычи на стоянке. В отличие от плечевых, кости предплечья представлены только проксимальными эпифизами. При этом более половины лучевых костей имеют явные следы искусственного отсечения. Таким образом, на месте забоя отсекались наименее ценные нижние разделы передних конечностей. Их остатки на стоянке почти отсутствуют. Исключение составляют две поч-

ти полные пясти, залегавшие в анатомической связке на границе предполагаемой жилой зоны стоянки, – свидетельство в пользу того, что нижние отделы передних конечностей в пищу не использовались, и возможно также, не приносились на стоянку. Отметим, что нижние разделы задних конечностей преобладают в коллекции.

Как показывает анализ остеологических материалов, обитатели стоянки не только отсекали конечности у убитых животных, но и намеренно рассекали, резали, скобили, шлифовали, полировали кости, подвергали термическому воздействию, делали из них орудия и украшения (рис. 16). В коллекции выделено 639 намеренно рассеченных костей и более 2 тыс. осколков и обломков, отражающих высокий индекс раздробленности. Отмечено несколько костяных нуклеусов. Они подготовлены для получения отщепов на отсеченных эпифизах костей конечностей крупных животных. Костяные отщепы с острыми краями могли использоваться для различных производственных операций, но по сравнению с каменными орудиями кратковременно, до тех пор, пока «свежая» кость сохраняла свою прочность. У инструментов из костяных отщепов дополнительно выкрашивали и выравнивали рабочие поверхности.

Костяные орудия составляют ок. 5 % от числа искусственно обработанных костей. Важнейшим фактором формообразования орудий были анатомические пропорции, морфологические особенности и уникальные свойства как целых костей, так и отдельных их

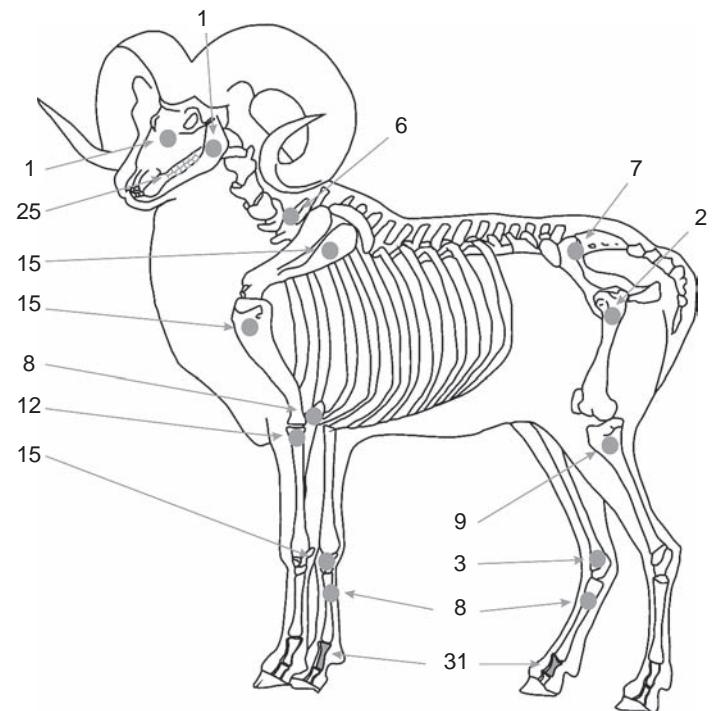

Рис. 15. Количество определимых костей архара, ед.

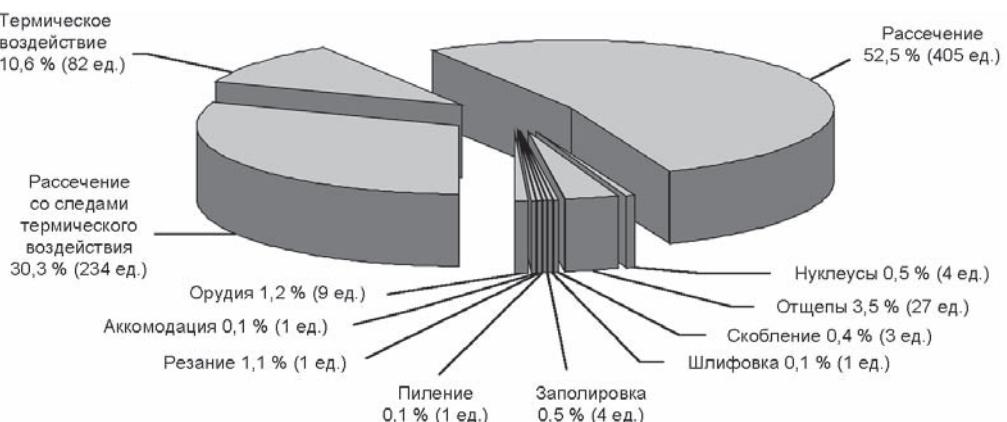

Рис. 16. Разновидности следов антропогенного воздействия на кости животных.

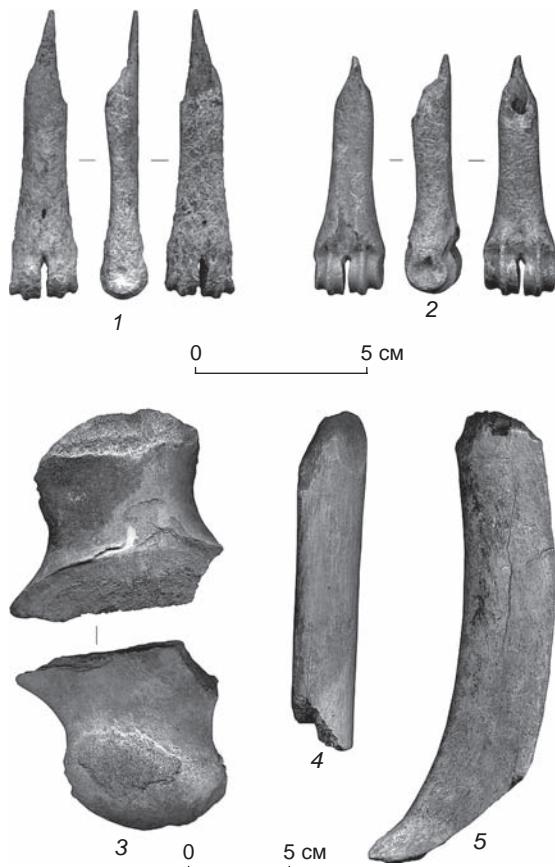

Рис. 17. Костяные орудия.
1, 2 – шилья на костях конечностей; 3 – скребло на отсеченном отростке бедренной кости носорога; 4, 5 – концевые орудия на ребрах.

частей. Концевые орудия изготавливали из крупных ребер (рис. 17, 4, 5). На изломах концов большинства из них выделены следы искусственной подработки и утилитарного использования. Ребра также могли быть основой для составных орудий – два из них име-

ют искусственные пазы в средней части латералей. В качестве рукояток шильев служили расширенные закругленные окончания (эпифизы) костей дистальных разделов конечностей животных (рис. 17, 1, 2) [Васильев и др., 1999]. Не имеют аналогов в палеолите обнаруженные на Толбаге скребла с рукоятью, изготовленные на отростках бедренных костей шерстистых носорогов (рис. 17, 3).

Заключение

Результаты анализа каменной индустрии археозоологической коллекции в сочетании с данными стратиграфии и планиграфии позволяют предложить новую интерпретацию стоянки Толбага. Ранее она рассматривалась как долговременное либо сезонное (предпочтительно зимнее) поселение [Константинов М.В., 1994, с. 142; Константинов А.В., 2001, с. 163–164]. В настоящее время на основе материалов нашего исследования объект можно считать местом периодических, многократных, относительно продолжительных посещений людьми. Распределение структур стоянки, удаленных друг от друга на расстояние до 100 м, относительно неширокой полосой вдоль склона перпендикулярно руслу р. Хилок является результатом продолжительного регулярного смещения «пятен» заселения по склону, в зависимости от наличия удобных ровных площадок, преимущественно по неширокой ложбине, вытянутой вдоль склона. Выделенные жилищные структуры демонстрируют эпизоды заселения, а территория стоянки размером более 1 тыс. м² может рассматриваться как палимпсест – результат накладывавшихся друг на друга эпизодов.

Выбор человеком этого места был обусловлен прежде всего гипсометрией склона. Именно здесь прослеживается неглубокая ложбина, закрытая с запада и севера водораздельными возвышенностями.

Склон открыт в долину реки и освещается практически весь световой день благодаря экспозиции и наклону в 8–12° по отношению к горизонтали. С данного места долина реки обозревается в среднем на 2 км. Широкая речная пойма, примыкающая к месту стоянки с юга, представляла большие возможности для охоты на животных, предпочитавших оステненный долинный ландшафт (носорог, лошадь, дзэрэн, кулан). Охотиться на архара, оленя, медведя можно было и на залесенных горных участках, примыкающих к стоянке с севера. Присутствие в долине древесной (сосна, береза), кустарниковой (ольха, лещина) и травяной (польниные, лебедовые, злаковые) растительности подтверждено спорово-пыльцевыми спектрами, выделенными преимущественно из нижней части разреза. Характер палинологического спектра предполагает наличие перигляциальных степей с сосново-бересовым редколесьем на склонах и предгорьях и кустарниками в подлесках [Константинов М.В., 1994].

В охотничьей добыче древних толбагинцев прослеживается преобладание трех видов животных – *Coelodonta* sp., *Ovis ammon* L. и *Equus* (*Equus*) sp. Ландшафтные характеристики зон обитания данных видов могут пересекаться лишь в плане привязки к широкой долине реки. При этом носорог больше тяготеет к болотистой кустарниковой местности, архар – к гористой, луговой, а лошадь – к открытым оステненным пространствам.

Толбагинский участок занимает в бассейне р. Хилок особое положение. Здесь река, прорезая отроги хребта Цаган-Хуртэй, образует сравнительно узкий (ширина ок. 2 км) участок, который животные, возможно, пересекали, двигаясь от одного расширенного участка долины к другому. Учитывая ландшафтное окружение, можно утверждать, что участки охоты располагались на сравнительно небольшом расстоянии от стоянки (в радиусе 2–3 км), преимущественно вдоль долины. По мнению Н.Д. Оводова, который дал видовое определение толбагинской коллекции, охота происходила преимущественно вблизи стоянки. «На это указывает сравнительно большое количество костей от “малосяедобных” участков туш (дистальные отделы конечностей, осколки черепов)» [Оводов, 1987, с. 124].

В толбагинском тафоценозе имеются свидетельства охоты в разные сезоны. Наличие костей новорожденных носорогов позволяет говорить об охоте в весенне-летний период, а неиспользованных в пищу фаланговых частей конечностей – об отсутствии на момент добычи пищевого кризиса, который характерен для зимы и ранней весны; следовательно, добыча этих животных происходила с наибольшей вероятностью летом или осенью. Данный вывод подтверждается и преобладанием в коллекции костей архаров, вероятность добычи которых воз-

растала в осенний период в связи с образованием больших групп во время гона [Наземные звери России..., 2002, с. 254].

Судя по составу скелетов основных видов промысловых животных, добыча утилизировалась прямо на месте стоянки, здесь осуществлялся полный цикл ее разделки и употребления в пищу. Статистика отражает кости всех частей скелета в пропорциях, примерно равных численному составу остеологической части биомассы. Это означает, что на стоянке присутствовали все части тел добытых животных. Вероятно, применялись разнообразные способы утилизации добычи. Туши животных средних размеров, возможно, приносили на место поселения целиком, а крупных животных (носорог, як, бизон) – в расчлененном виде, по частям, большими кусками, которые впоследствии разделялись на поселении. В связи с этим обращает на себя внимание малочисленность черепов крупных животных, которые должны были сохраняться лучше. Вероятно, массивные черепа оставляли за пределами поселения, на местах разделки добычи. Так же, возможно, поступали с массивными тазовыми костями (отсутствующими в толбагинской остеологической коллекции).

Сопоставляя характер жизнеобеспечивающей деятельности человека и особенности утилизации камня, можно предположить, что жизненный цикл древнего населения стоянки был адаптирован к многократным посещениям территории, удобной для сезонной (летне-осенней) охотничьей деятельности. Анализ тафоценоза Толбаги отражает поселенческий комплекс с полным циклом разделки и утилизации добычи (значительная модификация кости). Время пребывания на поселении отмечено интенсивной производственной деятельностью: люди приносили на территорию туши животных, добытых поблизости, разделяли их с помощью инструментов, сделанных из доставленных с галечных пляжей р. Хилок запасов сырья. Вероятно, в состав транспортируемого мобильного набора орудий входили тщательно обработанные крупные пластины, которые вместе с некоторым количеством неретушированных сколов и подготовленных крупных нуклеусов также были принесены на территорию поселения. Там эти орудия подвергались многократному и разнообразному переоформлению, фрагментации и приобретали универсальные функции. Показателен обширный диапазон технических приемов, применявшихся толбагинцами. На стоянке активно использовались орудия из кости, по функции, вероятно, аналогичные «ситуативным» каменным орудиям комплекса. Во время посещений стоянки человек приспособливал для своих нужд территорию обитания; на ней сохранились следы жилищных структур, очагов и производственных площадок. Изучение свидетельств жизнедеятельности населения

Западного Забайкалья на ранних этапах верхнего палеолита позволяют реконструировать своеобразную и сложную структуру его поселений, развитость материальной культуры и способности адаптироваться к особенностям ландшафта.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность А.А. Аноину, М.В. Константинову, Н.А. Кулик и М.Н. Мещерину за полезные замечания, сделанные во время обсуждения предварительного варианта статьи.

Список литературы

- Вангенгейм Э.А.** Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Евразии (по млекопитающим). – М.: Наука, 1977. – 172 с.
- Васильев С.Г.** Поселение Толбага: технология, обработка кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 56–63.
- Васильев С.Г., Марков В.В., Волков П.В., Оводов Н.Д.** Две находки из Толбаги // Молодая археология и этнология Сибири: Тез. докл. XXXIX Регион. археол.-этногр. студ. конф. – Чита, 1999. – Ч. 1. – С. 57–60.
- Геология и культура** древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д.Б. Базаров, М.В. Константинов, А.Б. Иметхенов, Л.Д. Базарова, В.В. Савинова. – Новосибирск: Наука, 1982. – 162 с.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсүрэн Б.** Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.
- Клементьев А.М.** О возможном промысловом значении дзерна в палеолите Западного Забайкалья // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 171–176.
- Константинов А.В.** Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). – Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – 264 с.
- Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М.** Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – Вып. 173. – С. 78–81.
- Мещерин М.Н.** О намеренной фрагментации пластинчатых орудий в палеолите Толбаги // Проблемы археологии Северной Азии: Тез. докл. XXVIII студ. конф. – Чита, 1998. – С. 106–107.
- Наземные звери России: Справочник-определитель / И.Я. Павлинов, С.В. Крускоп, А.А. Варшавский, А.В. Борисенко.** – М.: Изд-во КМК, 2002. – 298 с.
- Оводов Н.Д.** Fauna палеолитических поселений Толбага и Варварина Гора в Западном Забайкалье // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: Геол. ин-т БФ СО АН СССР, 1987. – С. 122–140.
- Орлова Л.А.** Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Статистический анализ позднепалеолитических комплексов Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во НИИ математико-информационных основ обучения НГУ, 1998. – С. 74–88.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.
- Рыбин Е.П., Лбова Л.В., Клементьев А.М.** Орудийный набор и поселенческая специфика комплексов ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 69–80.
- Adler D.S.** Late Middle Palaeolithic patterns of lithic reduction, mobility, and land use in the southern Caucasus: Unpublished Ph.D. diss. – Harvard University, 2002. – 488 p.
- Germonpre M., Lbowa L.** Mammalian remains from the Upper Paleolithic site of Kamenka (Buryatia – Siberia) // J. of Archaeological Science. – 1996. – 23. – P. 35–57.
- Goebel T.** The Early Upper Paleolithic of Siberia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. – Berkeley: Los-Angeles; L.: University of California Press, 2004. – P. 162–195.
- Goebel T., Waters M.R.** New AMS ^{14}C Ages for the Tolbaga Upper Paleolithic Site, Transbaikal, Siberia // Current Research in the Pleistocene. – 2000. – Vol. 17 – P. 32–34.

Материал поступил в редакцию 15.06.09 г.

УДК 551.89

А.А. Величко, В.В. Писарева, С.Н. Седов,
А.А. Синицын, С.Н. Тимирева

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ-14 (МАРКИНА ГОРА)*

В ходе комплексных геолого-палеогеографических исследований впервые установлено, что т.н. гумусовые прослои в дельвиальном шлейфе стоянки Костенки-14 представляют собой ископаемые почвы различного генезиса. Показано, что в системе криогенных деформаций в разрезе определенную роль играли не процессы солифлюкции, а механизм блокового смещения толщи в целом. В эпоху, соответствующую самому древнему культурному слою IVb (~37–36 тыс. л.н.), на месте крутого склона («мыса») Маркиной горы существовала прорезанная ручьем плоская лощина. Ранняя пора функционирования стоянки (вторая половина средневалдайского мегаинтерстадиала) характеризовалась благоприятным климатом, определившим развитие хвойно-широколиственных лесов. В условиях начавшегося похолодания в эпоху, соответствующую культурному слою IVa (~33 тыс. л.н.), еще были хвойные еловые леса. На заключительном отрезке мегаинтерстадиала в окрестностях стоянки ландшафты изменялись лишь в диапазоне от перигляциальных до тундровых и лесотундровых. Наиболее суровые, криоаридные условия плениглациала существовали во время накопления слоя I (~22 тыс. л.н.).

Ключевые слова: верхний плейстоцен, поздний палеолит, хроностратиграфия, палекриогенез, ландшафтно-климатические реконструкции.

Введение

В уникальном по концентрации позднепалеолитических стоянок Костенковско-Борщевском районе комплекс памятников ранней поры позднего палеолита имеет особое значение для познания этапов истории первобытного общества в целом. В 50-х–70-х гг. XX в. была заложена основа хроностратиграфической последовательности культурных слоев этого комплекса [Рогачев, 1957; Борисковский, 1963], опиравшаяся в определенной степени на геолого-геоморфологические исследования склоновых шлейфов второй надпойменной террасы Дона, проводившиеся М.Н. Грищенко [1950], Г.И. Лазуковым [1957], а затем А.А. Величко [1961, 1963]. Разработанная в те годы схема в главных чертах не потеряла своего значения и до сих пор. Дальнейшие исследования, осуществлявшиеся Н.Д. Прасловым [Праслов, Рогачев, 1982; Праслов,

1984], М.В. Аниковичем [1993, 2003], А.А. Синицыным [2002; Sinitsyn, 1996, 2004], С.А. Лисицыным [2004] и их коллегами, внесли большой вклад не только в археологию памятников раннего комплекса, но и в их геологию и палеогеографию. К числу ключевых объектов этого комплекса принадлежит стоянка Костенки-14, изучение которой ведется под руководством А.А. Синицына. Излагаемые в данной статье основные результаты комплексных исследований, проводимых с 2002 г., позволяют не только осуществить геоэкологические реконструкции самой стоянки, но и коснуться некоторых общих аспектов условий обитания человека ранней поры верхнего палеолита на Восточно-Европейской равнине.

Рельеф и строение отложений на участке стоянки Костенки-14

Стоянка находится на правом склоне Покровского лога примерно в 1,2 км от его устья, на участке между

*Работа выполнена на средства гранта для государственной поддержки ведущих научных школ (НШ-4412.2008.5).

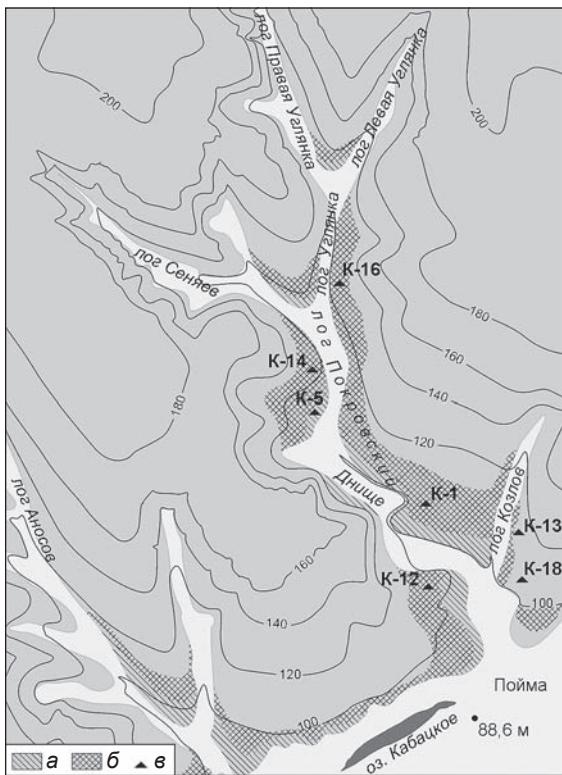

Рис. 1. Положение стоянок ранней поры позднего палеолита в Покровском логу.
а – склоновые шлайфы, связанные в долине Дона с первой надпойменной террасой; б – склоновые шлайфы, связанные со второй надпойменной террасой; в – стоянки.

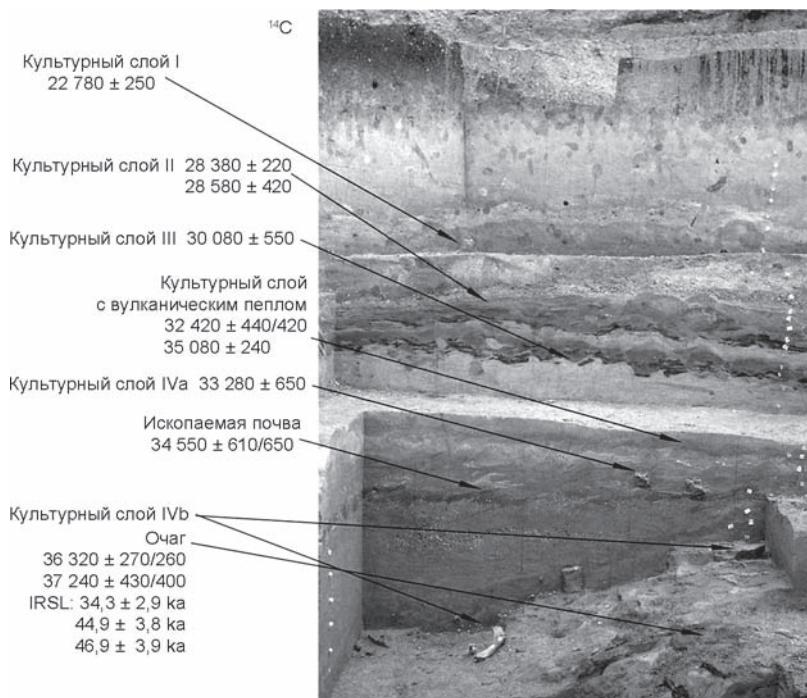

Рис. 2. Хронология культурных слоев и их положение в разрезе южной стены раскопа (фотосхема А.А. Синицына).

двумя боковыми балками (Сеняевым и Ермишиным), т.е. приурочена к т.н. межбалочному мысу, имеющему местное название Маркина гора (рис. 1), что соответствует традиционному выбору позднепалеолитическим человеком места поселения. Поверхность участка, где расположена стоянка, возвышается над днищем лога на 12–15 м. Шурфами и раскопами здесь вскрыты отложения делювиального шлейфа, опирающегося в долине Дона на вторую надпойменную террасу [Лазуков, 1957; Величко, 1961].

В пределах стоянки в качестве опорного объекта полевого и лабораторного изучения была избрана южная стена раскопа. Целесообразность такого выбора определялась тем, что наряду с ориентировкой стены, близкой к поперечному створу оси мыса, она находилась ближе к тыловой части мыса и, следовательно, здесь можно было обнаружить такие структурные и текстурные особенности отдельных слоев, выраженность которых в стенах раскопа, расположенных ниже по склону, ухудшалась за счет возрастания интенсивности склоновых процессов. Вместе с тем детальные наблюдения и отбор образцов проводились и на всех других стенах, а также на дне раскопа, что позволяло проследить фациальные изменения отдельных толщ и получить представление об обстановках на различных этапах обитания стоянки, зафиксированных в ее разновозрастных культурных слоях (рис. 2).

В результате исследований, проведенных в 2002–2007 гг., разрез на месте стоянки был подразделен на четыре основные пачки (рис. 3):

первая представлена в основном лессовидными суглинками с уровнями эфемерного почвообразования, верхняя часть преобразована профилем современной (голоценовой) почвы;

вторая отвечает т.н. верхней гумусовой толще, содержит почвенные комплексы с сильноумусированными уровнями;

третья включает толщу суглинков с прослойем (линзами) вулканического пепла и уровнем эфемерного почвообразования;

четвертая представлена сложным сочетанием эрозионно-аккумулятивных, субаквальных отложений с уровнями педогенеза и педоседимента.

Ниже приводится краткая характеристика выделенных пачек (снизу вверх).

Пачка 4. Основу составляет комплекс суглинков делювиально-пролювиального генезиса, в кото-

рый врезана древняя эрозионная ложбина (промоина, «овражек»), заполненная преимущественно горизонтально-слоистым серо-коричневым суглинком. Сочленение борта промоины с верхним контактом вмещающей толщи, прослеженное по двум взаимно-перпендикулярным стенам (восточной и северной), указывает на то, что промоина примыкала к поверхности, имевшей форму пологой лощины (рис. 4). Со слоем 23, фиксирующим эту поверхность, связан культурный горизонт IVb, который в настоящее время подразделяется на IVb1 и IVb2 (рис. 5). Ко времени поселения здесь человека, т.е. ок. 37–34 тыс. л.н. по ^{14}C (или ок. 46–45 тыс. л.н. по IRSL) [Sinitsyn, Hoffecker, 2006], лощина покрывалась достаточно устойчивым почвенным и, следовательно, растительным покровом. Ее поверхность в основном была слабонаклонной, расположенной, с уклонами 2–3°. Протяженность лощины вдоль осевой линии мыса составляла не менее 6–7 м, а ширина – приблизительно 15–25 м. Вблизи промоины на расстоянии 2–3 м от ее борта наклон поверхности увеличивался от 3 до 5–7°, а далее вниз по борту – до 30–45°. В пределах раскопа промоина вскрыта на глубину 1,6–1,7 м. В условиях начавшегося похолодания почвенный покров лощины подвергся мерзлотным нарушениям сезонного характера, прослеживаемым в виде клиньев. Затем наступила фаза седиментации суглинков, характеризующихся преимущественно горизонтальной слоистостью, они не только заполнили промоину, но и перекрыли поверхность лощины (слой 22). Суб-

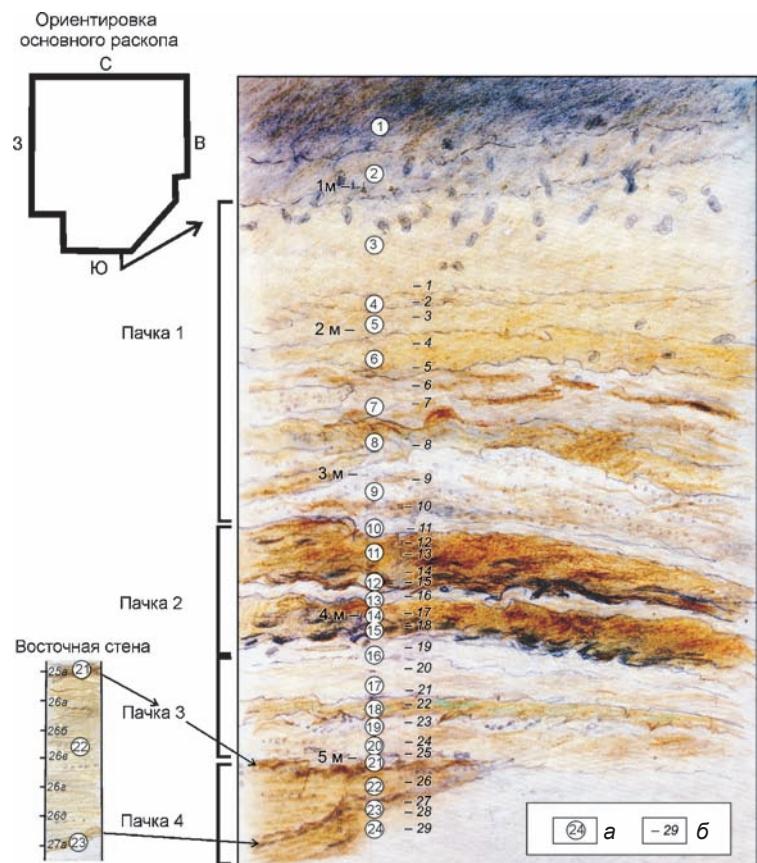

Рис. 3. Строение разреза южной стены раскопа 2004 г. с подразделением на основные пачки (характеристики см. в тексте).
а – номер слоя; б – номер образца.

аквальный генезис этих суглинков и тип слоистости свидетельствуют о режиме их формирования, близком к стоячemu (слабопроточному) водоему, возникшему за счет либо запруды, либо подъема уровня воды в ручье основного днища Покровского лога, которое в то время всего лишь на несколько метров

Рис. 4. Пачка 4. Положение западины и борта промоины, фиксируемое погребенной почвой с культурным слоем IVb (слой 23).

Рис. 5. Положение культурных слоев в северной стене раскопа в зоне промоины («овражка»). ПЭ – палеомагнитный экскурс.

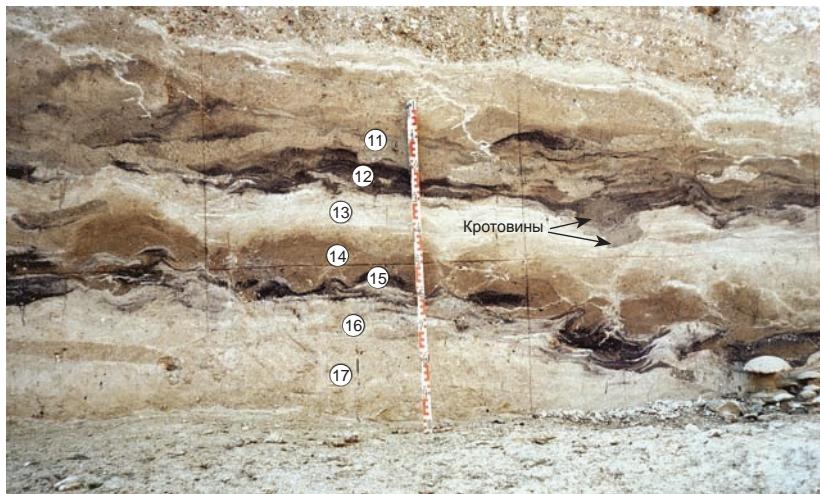

Рис. 6. Пачка 2 с двумя уровнями ископаемых почв (слои 11, 12 и 14, 15).

было ниже поверхности лощины (см. реконструкцию в заключительном разделе статьи). Пачка 4 завершается уровнем почвообразования. Фиксирующий его слой 21 имеет регулярную фестончатую структуру в разрезе северной стены раскопа. Этот уровень соответствует культурному слою IVa, возраст которого ок. 33 тыс. лет [Синицын, 2006].

Пачка 3. Верхняя ее часть (слои 16, 17; см. рис. 3) представлена тонким пылеватым суглинком от светло-палевого до белесого цвета. Его накопление, по-видимому, происходило в условиях перевевания и медленной аккумуляции материала, поступавшего с меловых склонов лога. Формирование нижней части пачки (слои 19, 20) было более активным: здесь встречаются включения обломков мела, иногда в виде линзовидных скоплений; прослеживается чередование включений белесого и светло-коричневато-палевого суглинков. Накопление нижней и верхней частей разделял перерыв, когда развивались процессы слабого почвообразования, фиксируемые в виде уровня побурения с мелкозыковатым нижним контактом (слой 18) и незначительного осветления под ним (слой 19). Именно на эту поверхность выпал вулканический пепел ок. 32,5–32 тыс. л.н. (согласно устному сообщению А.А. Синицына, для слоя получена новая дата: $35\ 080 \pm 240$ л.н. (OxA–19021)). В разрезах на стоянке линзы вулканического пепла залегают не только по верхнему контакту почвенного уровня, но и внутри него, что связано с некоторым смещением всей толщи и проникновением линз в слой по неровностям микрорельефа. Нельзя исключать и влияние мерзлотных процессов, начавшихся вслед за выпадением пепла. Напомним также, что с уровнем почвообразования связан культурный слой, а, по данным шурфа 1955 [Velichko et al., 1997], на поверхности этого уровня было выкопано углубление, в котором обнаружено

известное погребение позднепалеолитического человека.

Пачка 2. Ее часто определяют как «верхняя гумусовая толща» (слои 11–15 по южной стене; см. рис. 3). Внутри пачки выделяются два почвенных комплекса (а, б), первичные черты которых наиболее отчетливо сохранились в южной стене раскопа (рис. 6). Нижнему из них отвечает культурный слой III (ок. 31–30 тыс. л.н.), а верхнему – II (ок. 29–28 тыс. л.н.) [Sinitsyn, Hoffecker, 2006; Haesaerts et al., 2004]. Согласно общестратиграфической схеме стоянки [Sinitsyn, 1996], на этом уровне выделяются три комплекса (а, б, в).

В строении обоих почвенных уров-

ней прослеживается сходная последовательность слоев. Каждый из них (сверху вниз) начинается серо-коричневым со слабым желтоватым оттенком суглинком (соответственно слои 11 и 14). Ниже располагается уровень, состоящий из линз сильно гумусированного суглинка темно-серого до черного цвета (соответственно слои 12 и 15); здесь же преимущественно распространены кротовины с заполнением как из этого, так и из вышележащего слоя. Кротовины с заполнением из нижнего комплекса встречаются в белесом суглинке (слой 16) пачки 3.

Таким образом, при проведении данных исследований впервые удалось выявить в разрезе, в т.н. верхней гумусовой толще, наличие генетических признаков почвообразования, включая кротовины. Линзовидная, фестончатая, с микрорасслоенностью внутри структура сильно гумусированных уровней в обоих почвенных комплексах свидетельствует о присущей каждому из них фазе деформаций мерзлотного характера.

При прослеживании рассматриваемых уровней по восточной стене, ориентированной вдоль осевой («гребневой») части мыса вниз по склону, в направлении днища лога отчетливо видны признаки активного смещения, смятия гумусированных прослоев при их падении от 3° до $5\text{--}7^\circ$. В северной стене над двумя выдержаными уровнями почвообразования отмечается гумусированность, но без признаков генетического почвенного профиля.

Пачка 1. Строение этой пачки (см. рис. 3) существенно отличается от нижележащей. В южной стене она подразделяется на две части. Нижняя (слои 7–10) представлена чередованием серо-коричневых слоистых суглинков с прослойками и линзами, насыщенными обломками мела различного размера вплоть до 4–8 см. Весь облик данной серии свидетельствует

о высокой активизации процессов делювиального сноса и переотложения при слабой задернованности меловых склонов. В нижней ее части выделяется т.н. гмелинская ископаемая почва (слой 8), представленная буроватым и сизовато-серым суглинком. С этим уровнем связан первый культурный слой (~ 23–22 тыс. л.н.).

Верхняя часть пачки (слои 3, 4) – покровные суглинки, накопление которых происходило не только в результате склоновых процессов, но и за счет поступления материала извне в аридных субаэральных условиях, скорее всего, с участием эоловых процессов. Внутри серии отмечаются уровни побурения (слои 4 и 6), возможно отвечающие фазам эфемерного почвообразования при замедлении аккумуляции суглинков. В западной стене верхняя часть представлена более полно, тогда как нижняя, содержащая линзы с обломками мела, сокращена, однако т.н. гмелинская почва и приуроченный к ней культурный слой более выдержаны.

Особенности деформаций вмещающих отложений

Помимо рассмотренных выше литологических характеристик четырех выделенных пачек, следует остановиться на генетической интерпретации тех деформаций, которыми отмечены многие слои разреза. Среди них можно выделить деформации времени формирования самого слоя, т.е. синевентные по классификации, предложенной А.А. Величко [Величко, Морозова, 1975]. К такому типу относятся, например, трещины усыхания, встреченные в разрезе восточной стены раскопа 2005 г. в делювиально-пролювиальных отложениях, залегающих ниже культурного слоя IVb. Условиям сурового сезонного промораживания или островной сезонной мерзлоты соответствуют клиновидные образования, нарушившие почвенный покров лощины, с которой связан культурный слой IVb. Сезонной мерзлотой, возможно, объясняется и «бахромчатость» слоя с вулканическим пеплом. В сходных условиях возникали мелкополигональные и криотурбационные структуры в почвенных комплексах т.н. верхней гумусовой толщи (пачка 2).

Другой тип представляют пост-эвентные (по классификации А.А. Величко) деформации, т.е. появившиеся после погребения изучаемого слоя. В разрезе стоянки Костенки-14 к ним

отнесен основной комплекс нарушений в пачке 2. Полученные данные не позволяют приписывать т.н. верхней гумусовой толще, образующей эту пачку, солифлюкционное происхождение, поскольку в таком варианте признаки изначального строения залегающих в ней почвенных профилей не могли бы сохраниться. Оба уровня почвообразования подверглись общему смещению в виде единого массива вниз по склону. В верхней части вдоль оси мыса оно не превышало 1,0–1,5 м. Судя по восточной и северной стенкам раскопа Костенок-14, ниже по склону в процессе смещения оба уровня сближались и теряли свою индивидуальность (рис. 7). Предположение об образовании верхнего почвенного комплекса солифлюкционным путем не согласуется и с различием в их радиоуглеродном возрасте, а также с «привязкой» к каждому из них автономных культурных слоев (II и III). Наконец, следует подчеркнуть, что наклон языков и трещин по контактам прослоев т.н. верхней гумусовой толщи такой же, как в нижележащей серии отложений (мелкие языки по нижнему контакту почвенного уровня с вулканическим пеплом, клиновидные и мелкотрещинные структуры в пачках 3 и 4).

Таким образом, новые данные не согласуются с предположениями, высказанными ранее некоторыми исследователями, включая одного из авторов статьи [Величко, 1961], а также с интерпретациями Г.И. Лазукова [1982] и П. Хазартца [Haesaerts et al., 2004], согласно которым основным механизмом деформаций во всем комплексе рассматриваемых отложений является солифлюкция. Единый характер текстурных и структурных нарушений, в частности, согласованность в положении деформаций в слоях, принадлежащих к толщам различного возраста, скорее всего, указывает на иной основной процесс, а именно на смещение мас-

Рис. 7. Характер смещения почв пачки 2 вдоль древнего склона, вскрытого в северной стене раскопа.

сива по древнему склону. Судя по особенностям текстур, оно не было равномерным. Масштабы смещения уменьшались с глубиной, и вместе с тем оно зависело от степени увлажнения отдельных слоев.

Одним из возможных механизмов, вызвавших смещение, могло быть промерзание массива и затем его оттаивание. Однако нельзя исключать и другие процессы стрессового характера. Возможно, косвенным индикатором такого стресса является напластование больших линз, содержащих крупные угловатые обломки мела в основании пачки 1 (слои 7, 9), что свидетельствует о внезапной разгрузке обломочного материала с расположенных выше склонов.

Морфоскопия песчаных кварцевых зерен

Существенная информация о генетических свойствах и динамике тех процессов, под воздействием которых проходило формирование толщ, запечатлена в особенностях формы и поверхности кварцевых зерен песка [Krinsley, Doornkamp, 1973; Velichko, Timireva, 1995]. На основе исследований морфоскопии песчаных кварцевых зерен (фракции 0,5–1,0 мм и 1,0–2,0 мм) из нижней части разреза южной стены (пачка 4, слой 24) установлено, что большая их часть в той или иной степе-

ни подвергалась эоловой обработке (рис. 8, 9), о чем свидетельствует характерная микроямчатость поверхности; а глянцевые, прошедшие водную обработку, составляют 20–28 %. На некоторых зернах прослеживаются следы морозного выветривания, представляющие собой небольшие углубления треугольной формы и свежие раковистые сколы. Сходный характер имеет морфоскопия зерен из заполнения древней промоины (слой 22, обр. 26a).

В пачке 3 (слои 19, 20, обр. 23, 24) наблюдается резкое увеличение коэффициента окатанности до 82 %, а заматованность зерен составляет 49–58 %. На поверхности многих зерен видны ямки треугольной формы, свидетельствующие о процессах морозного выветривания. В пробах, отобранных из почвенных уровней пачки 2 (слой 15, обр. 18; слой 14, обр. 17), присутствуют зерна как со следами эоловой обработки, так и с чешуйчатыми образованиями на поверхности, что указывает на активное участие в формировании этих уровней процессов химического выветривания. В пачке 1 (слой 9, обр. 10) наблюдается большее разнообразие кварцевых зерен по сравнению с нижележащими толщами. Так, во фракции 1,0–2,0 мм выделено пять классов окатанности. Коэффициент окатанности достаточно высокий: во фракции 0,5–1,0 мм 72 %, во фракции 1,0–2,0 мм 66 %. Замато-

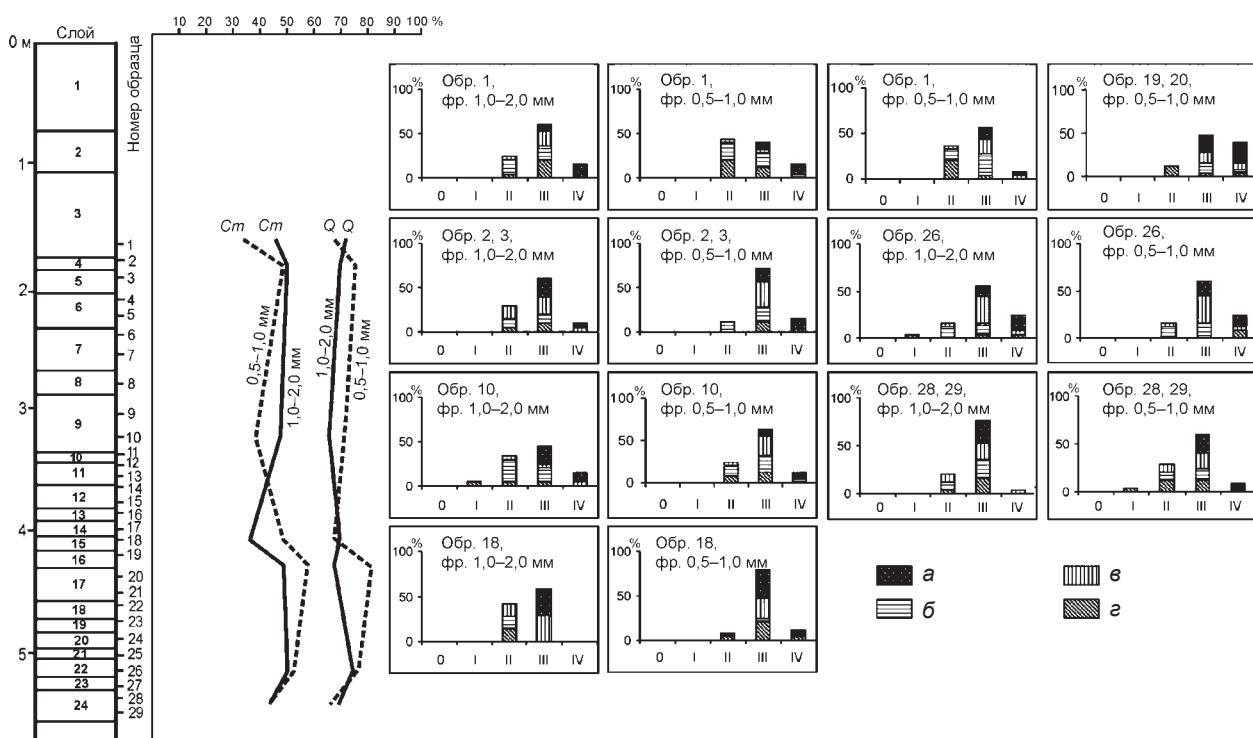

Рис. 8. Морфоскопическая характеристика поверхности песчаных кварцевых зерен из отложений стоянки (анализы С.Н. Тимиревой).

Поверхность зерен: а – матовая; б – полуматовая; в – четвертьматовая; г – глянцевая. 0–IV – классы окатанности. Ст – степень матовости зерен, Q – коэффициент окатанности.

Рис. 9. Песчаные кварцевые зерна из различных пачек разреза стоянки (фракция 1,0–2,0 мм).
 а – со следами криогенной и эоловой обработки (обр. 1, пачка 1); б – со следами воздействия почвенных процессов (обр. 18, пачка 2); в – с признаками водной обработки (обр. 26, пачка 4); г – со следами субаэрального выветривания (обр. 28, 29, пачка 4).

ванность зерен составляет соответственно 39 и 48 %. Большая часть зерен в той или иной степени затронута процессами морозного выветривания и эоловыми.

Палеопедологические исследования

Плейстоценовые палеопочвы, вскрытые в раскопе, маломощны (не более 20 см), сильно нарушены склоновыми и криогенными процессами. По соотношению с осадочными толщами, набору морфологических признаков и степени сохранности они сгруппированы в пять палеопочвенных единиц.

Самая нижняя палеопочва K14/V (пачка 4, слои 23 и 24) сформирована на склоне палеолощины к борту ручья (промоины). Профиль представлен серией горизонтов Ag–Big–CG мощностью до 20 см. С почвой связаны три клиновидные трещины морозобойного характера в основании до 40 см и глубиной до 15–20 см, заполненные материалом из горизонта Ag. Почва оглеена по всему профилю.

Вышележащая палеопочва K14/IV (слой 21), расположенная в кровле пачки 4, относительно хорошо сохранилась только на восточной стенке раскопа. Од-

нако и здесь горизонты разорваны и деформированы (морозобойные трещины, криогенные выпучивания). Профиль палеопочвы имеет строение А–АС. Данная палеопочвенная зона соответствует культурному слою IVb, одному из наиболее насыщенных артефактами.

Палеопочва K14/III относится к пачке 3 (слои 18 и 19). Профиль маломощен и деформирован, окраска горизонтов от желто-бурого (AB) до белесого и белесовато-палевого (BC–C). Важно отметить, что линзы вулканического пепла, находящиеся на этом же уровне и контактирующие с материалом горизонта AB, имеют очень четкие границы и совершенно не затронуты педогенезом.

Палеопочвы K14/II (пачка 2, слои 11–15), по сравнению с другими, наиболее четко выделяются в разрезе по цвету и степени развития профилей. В толще прослеживаются две палеопочвы (K14/IIa и K14/IIb) с повторяющимся строением: профиль А–BCk–C в обоих случаях перекрывается глееватым горизонтом Bg. В северной стене раскопа выше выделен еще один уровень, представленный только горизонтом Bk. Мощность белесых, насыщенных мучнистыми карбонатами горизонтов BCk уменьшается от 20 см в нижнем палеопочвенном уровне до 7 см в верхнем. В них

Таблица 1. Распределение микроморфологических признаков в палеопочвах разреза К14

Палеопочва, горизонт	Педогенные карбонаты	Железо-марганцевые сегрегационные образования	Дисперсный гумус	Гумифицированные растительные остатки	Педогенная микроструктура	Углистые частицы
Ia	++	±	–	–	++	+
Ib	++	±	–	–	++	–
IIa Bg	+	++	–	–	++	–
A	+++	–	++	+++	+++	+
Bk	+++	–	–	–	++	–
IIb Bg	+	++	–	–	+	–
A	++	+	++	+++	+++	+
Bk	+++	–	–	–	++	±
III	++	+	±	–	++	–
IV	+	++	±	–	+	+
V	+	+++	–	–	±	+

Частота встречаемости признака: +++ высокая; ++ средняя; + низкая; ± встречается единично, слабо развит; – не обнаружен.

обнаружены следы деятельности почвенной мезофауны: каналовидные биопоры, проникающие из горизонта А в Bk, с темным гумусированным заполнением. Максимальная мощность горизонта Bg на южной стенке 8 см. Он светло-бурый с оливковым оттенком, в некоторых местах неоднородно окрашенный, с многочисленными ржавыми пятнами.

Характерной особенностью палеопочв К14/II является обилие кротовин. В пределах горизонтов А–BСk обнаружены кротовины, «срезанные» вышележащим горизонтом Bg, а в последнем – «срезанные» горизонтом С следующего (перекрывающего) палеопочвенного уровня.

Палеопочвы К14/I (пачка 1, слои 6–9) развиты очень слабо, значительно деформированы и смешены. Два прерывистых палеопочвенных уровня (К14/Ia и К14/Ib), каждый из которых имеет набор горизонтов АВ–ВС–С, разделяются осадочным слоем без признаков педогенеза. Средняя мощность горизонтов АВ–ВС в обеих палеопочвах ок. 5–7 см, их окраска бурая и серовато-бурая, несколько более интенсивная в нижнем профиле. Этот уровень почвообразования, характеризующийся лучшей сохранностью и более развитыми педогенными признаками, предположительно ассоциируется с гмелинской палеопочвой, к которой приурочен верхний культурный слой стоянки.

Во всех палеопочвах микроморфологические признаки, свидетельствующие о почвообразовательных процессах, в основном представлены педогенными микроагрегатами (преимущественно связанными с деятельностью мезофауны, отчасти, возможно, с криогенным оструктуриванием), карбонатными и железомарганцевыми новообразованиями, а также органическими

компонентами (дисперсный гумус, гумифицированные растительные остатки, углистые частицы) (табл. 1). Заслуживают упоминания некоторые частные особенности микростроения палеопочв, представляющие интерес для педогенетической и палеогеографической интерпретации*. В К14/V наиболее обильны и разнообразны признаки окислительно-восстановительных процессов; только здесь были замечены железистые пленки на стенах пор – новообразования, свидетельствующие о долговременном переувлажнении почвенной массы (рис. 10, а). Именно в этой палеопочве обнаружены компоненты, предположительно привнесенные человеком: микрофрагменты обожженной кости (рис. 10, б), угли. В горизонтах почв К14/II, помимо дисперсного коллоидального гумуса, неравномерно пигментирующего почвенную массу, обильны фрагменты полуразложившихся растительных тканей двух разновидностей: черные изотропные и более светлые бурые, локально анизотропные (вследствие частичной окарбоначенности) (рис. 10, в). Очень хорошо развита зернистая структура, явно зоогенного происхождения; местами агрегаты-копролиты образуют характерные рыхлые заполнения в биогенных порах (рис. 10, г). Масса карбонатных горизонтов ВСk почв К14/II в целом более компактна, с оoidными педогенными агрегатами, равномерно пропитана микрокристаллическим кальцитом – микритом (карбонатная плазма) (рис. 10, д). Неожиданно хорошо развиты педогенная микроструктура и связанная с ней межагрегатная пористость в горизонтах Bg «брянских» почв. Микроморфологические признаки

*Авторы выражают благодарность А.А. Каздыму за помощь в изготовлении шлифов.

оглеения представлены железистыми новообразованиями – пятнами и стяжениями (рис. 10, *e*). Педогенные карбонаты, как и в горизонтах ВСк, присутствуют исключительно в виде микрита, но его меньше и распределен он неравномерно.

Объем памяти позднеплейстоценовых палеопочв разреза ограничен рядом факторов, контролировавших формирование и сохранность почвенных профилей. Во-первых, как видно из хроностратиграфической схемы, интервалы развития педогенеза были невелики (максимум первые тысячи лет). Недостаток времени лимитировал развитие среднескоростных и медленных почвообразовательных процессов (таких как выветривание, вторичное минералообразование, иллювирирование), ответственных за формирование наиболее информативных и устойчивых палеопочвенных признаков. Во-вторых, суровые природные условия валдайского времени существенно влияли на педогенез и способствовали развитию склоновых и криогенных процессов, разрушающих почвы.

При рассмотрении всей совокупности исследованных палеопочв заметна следующая отчетливая тенденция: нижние профили К14/III–V характеризуются большей выраженностью оглеения, в то время как в верхних К14/I, II сильнее развиты педогенная структура и признаки перераспределения карбонатов. Эта тенденция хорошо иллюстрируется микроморфологическими наблюдениями (см. табл. 1). Развитие восстановительных условий и связанных с ними процессов оглеения происходило при избытке влаги. Из этого можно сделать вывод, что нижние палеопочвы, по сравнению с верхними, формировались в более гумидных условиях. Наибольшим увлажнением характеризовалась самая нижняя палеопочва К14/V.

Происхождение наиболее развитых и ярких генетических горизонтов А и ВСк в почвах К14/I, II стало предметом напряженной дискуссии среди почвоведов, участвовавших в изучении разреза К14. Было высказано мнение (устное сообщение М. Скрипниковой, сделанное в 2003 г.; [Holliday et al., 2007]), что они относятся к гидроморфной почве или даже педоседименту, образовавшемуся в условиях подтопления и заболачивания в зоне разгрузки почвенно-грунтовых вод. При этом горизонт А рассматривается как торфянистый или перегнойный, а ВСк – как зона аккумуляции гидрогенных карбонатов. Представляется, что

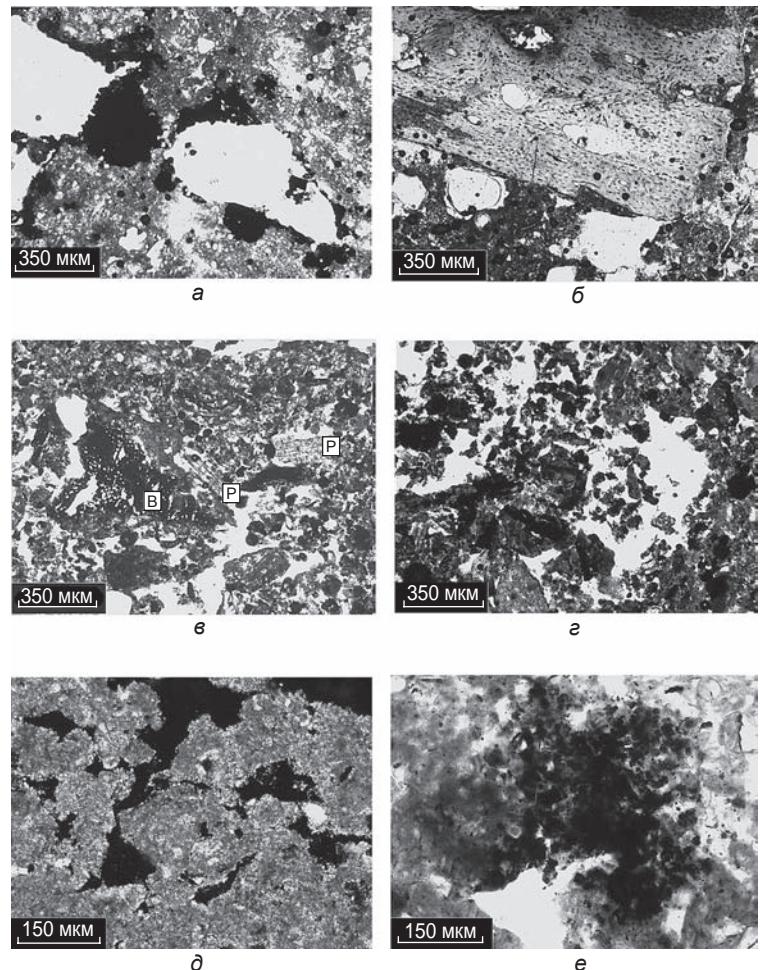

Рис. 10. Микроморфология палеопочв (анализы С.Н. Седова).
 а – железистые стяжения и пленки на стенах пор (палеопочва К14/V, горизонт Вг, без анализатора); б – фрагмент обожженной кости (палеопочва К14/V, горизонт Аг, без анализатора); в – черные (В) и более светлые, бурые (Р) растительные остатки (палеопочва К14/IIa, горизонт А, без анализатора); г – поры-камеры с рыхлым заполнением из агрегатов – экскрементов мезофауны (палеопочва К14/IIa, горизонт А, без анализатора); д – педогенная микроструктура, почвенная масса насыщена микрокристаллическим кальцитом (палеопочва К14/IIa, горизонт ВСк, никели X); е – железистое стяжение (палеопочва К14/IIa, горизонт Вг, без анализатора).

следующие характеристики данных горизонтов не согласуются с «гидроморфной» гипотезой:

– хотя наличие органического вещества в горизонтах А ярко проявляется в темной окраске, тем не менее его абсолютное содержание невелико (ок. 1 %), ниже значений, характерных для торфяных или перегнойных горизонтов;

– многочисленные следы деятельности почвенной мезофауны, хорошо развитая зернистая структура, высокая межагрегатная пористость более свойственны не гидроморфным, а автоморфным органогенно-аккумулятивным горизонтам;

– обилие кротовин указывает на заселение этих уровней мелкими млекопитающими – маловероятно, чтобы они жили в водонасыщенных грунтах.

Мы не исключаем некоторого дополнительного увлажнения и привноса веществ (в частности, карбонатов) за счет бокового склонового стока, но в целом, по нашему мнению, почвообразование в рассматриваемых палеопочвах носило автоморфный характер. Близким современным аналогом, вероятно, являются степные криоаридные почвы Восточной Сибири [Волковинцер, 1978]. Именно для них характерно, при небольшой общей мощности профиля, сочетание гумусового и иллювиально-карбонатного горизонтов; при этом в первом присутствует как дисперсный коллоидальный гумус, так и растительный детрит, а во втором преобладают мучнистые карбонаты. Переход от криоаридной почвы (A-BC_k) к глеезему (Bg) в пределах каждого ритма палеопочв K14/II может отражать некоторую гумидизацию климата.

Палинологические исследования

Начало палинологических исследований в Костенково-Борщевском районе относится к 50-м гг. XX в., когда были опубликованы первые результаты спорово-пыльцевого анализа аллювиальных отложений верхнего Дона [Грищенко, 1950]. В дальнейшем они продолжались М.П. Гричук (см.: [Лазуков, 1957]), Р.В. Фёдоровой [1963], Е.А. Спиридоновой [2002], Г.М. Левковской [Левковская и др., 2005].

Рассмотрим результаты спорово-пыльцевого анализа по разрезу раскопа 2004 г. (пачка 4, слои 23 и 24) стоянки Костенки-14 (рис. 11). Наиболее древние слои содержали незначительное количество пыльцы в основномrudеральных растений: цикориевых (Cichoriaceae), астровых (Asteraceae), лопуха (*Arctium* sp.), мелколе-

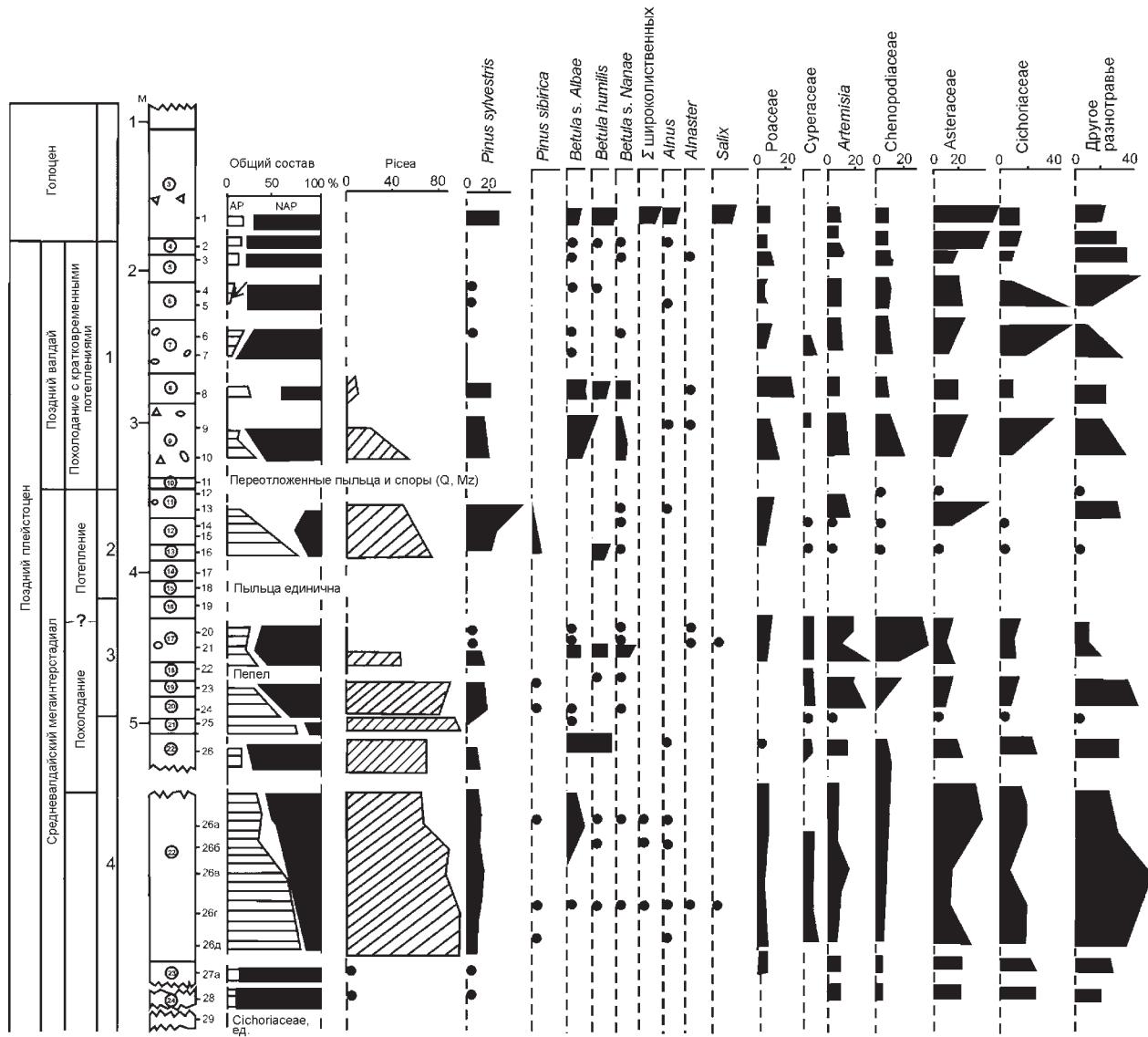

Рис. 11. Спорово-пыльцевая диаграмма (анализы В.В. Писаревой). Кружками обозначены единичные зерна.

пестника (*Erigeron* sp.), горца (*Polygonum* sp.), гречихи (*Fagopyrum* sp.), яснотковых (Lamiaceae) с участием полыни (*Artemisia* sp.), маревых (Chenopodiaceae). Пыльца ели и сосны представлена единичными недоразвитыми зернами. В слое 23 возрастает роль луговой растительности. Появляется пыльца конопли (*Eupatorium cannabinum*), произрастающей по берегам рек и на болотистых лугах, а также травянистых многолетников из семейств лютниковых (Ranunculaceae) и кипрейных (Onagraceae). Расселение некоторых видов из семейства Onagraceae связано с очагами возгорания [Травянистые растения..., 1971].

Седиментация слоя 22 вначале проходила во время развития монодоминантных еловых лесов, которые позже сменились сложными ельниками с примесью березы, ольхи, орешника и широколиственных пород – вяза и липы. В наземном покрове особым разнообразием отличались травянистые ассоциации, состоявшие из лесных и луговых растений: злаковых (Poaceae), бобовых (Fabaceae), лютниковых (Ranunculaceae), гречишных (Polygonaceae), валерьяновых (Valerianaceae), смолевковых (Silenaceae), василистника (*Thalictrum* sp.) и др. Отмечена пыльца водных растений: кубышки (*Nuphar* sp.), урути (*Myriophyllum* sp.), водорослей (*Pediastrum* sp.).

Начавшаяся позже деградация еловых лесов сопровождалась распространением березы, как древовидной, так и кустарниковой. Открытые участки были заняты луговым разнотравьем. Завершающий этап осадконакопления, связанный с образованием среднегумусированного суглинка слоя 21, ознаменовался экспансией еловых лесов.

Маркирующий пачку 3 слой вулканического пепла делит ее на две части. С нижней связаны начавшееся сокращение еловых лесов, распространение на плакорах остеиненных сосняков, а также сообщество открытых местообитаний, развитие ерниковых формаций, расселение растений, произрастающих в настоящее время в холодных и умеренных зонах Северного полушария (кошачья лапка – *Antennaria* sp., володушка – *Bupleurum* sp., армерия из семейства свинчатковых – *Armeria* sp., камнеломковые – *Saxifragaceae*), появление полукустарника солнцецвета (*Helianthemum* sp.), предпочитающего каменистые склоны и меловые обнажения. Отмеченное среди микроостатков древесной растительности преобладание пыльцы ели не отражает действительного распространения этой породы, т.к. значительная доля зерен имеет плохую сохранность и, скорее всего, переотложена. Для верхней части пачки 3 характерно дальнейшее расширение открытых ландшафтов с полынью и разнообразными маревыми. Менее представительно луговое разнотравье. На смену ели пришла береза с ерниковыми зарослями.

В нижней части пачки 2 (слои 14–16), несмотря на сильную гумусированность суглинков, пыльца и

споры практически отсутствуют. Вероятно, это связано с неблагоприятной обстановкой консервации микрофоссилий – химическим и биологическим воздействием, разрушающим оболочки пыльцы и спор. Результаты анализа образцов из слоев 11, 12 и частично 13 свидетельствуют о залесенности территории. Доминантой фитоценозов вновь стала ель, но с постоянной примесью сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и сибирской (*P. sibirica*). Появились ольха, береза (приземистая – *Betula humilis* и карликовая – *B. nana*) и венчозеленый кустарник вереск (*Calluna*), произрастающий под пологом сосновых лесов и на моховых торфяниках. Весьма разнообразен состав спор, представлены мхи зеленые и сфагновые, гроздовник многораздельный (*Botryhium multifidum*), встречающийся на мшистых луговинах, в сосновых лесах и верещатниках, а также ужовник обыкновенный (*Ophioglossum vulgatum*). Позднее, как показывает анализ образцов из слоя 10, произошло изменение климатической и экологической обстановки. Ель уступила место сосне обыкновенной, а в наземном покрове расселились зеленые мхи. В целом условия осадконакопления пачки 2 резко отличались от современных и приближались по характеру развития растительности к заключительному интервалу брянского (дубаевского) потепления среднего ваддая.

В образцах из суглинков с обломками мела (пачка 1, слой 9) преобладает пыльца растений незадернованных субстратов (из семейств Asteraceae и Cichoriaceae), в т.ч. щебнистых склонов (мордовник – *Echinops* sp.). Многие из них встречаются в лесостепной и степной зонах. В слое 8 характер спектра меняется. В нем заметно возрастает участие сосны и березы, в т.ч. карликовой, отмечены ольховник, ель (вероятно, встречалась в долинах). На открытых участках в период накопления этого слоя распространялись представители семейства злаковых и лугового разнотравья: крестоцветных (Brassicaceae), бобовых (Fabaceae), гречишных (Polygonaceae) и др. В целом растительность данного временного интервала соответствует перигляциальной лесостепи. Верхняя часть субаэральной толщи (слои 4–7) накапливалась в условиях холодного континентального климата. В это время в районе исследования существовали перигляциальные степи и лесостепи.

Сложная картина ландшафтно-климатических изменений, наличие стратиграфических перерывов, переотложенной пыльцы и спор в отложениях делювиальных шлейфов затрудняет корреляцию даже близко расположенных разрезов. Тем не менее можно найти подходы к сопоставлению слоев по раскопам, изученным в последние годы. Так, палиноспектры отложений нижней серии слоя 22 (обр. 26, 26а, 26б) с преобладанием ели, участием сосны и единичных широколиственных пород, но и со значительным со-

держанием пыльцы травянистых и кустарниковых растений хорошо коррелируют с таковыми соответствующими слоев, ранее изученных Е.А. Спиридоновой [2002]. Слой 21 с максимумом пыльцы ели, вскрытый в расчистках южной и восточной стен, согласно палинологической характеристике, имеет все черты сходства с почвенным уровнем северной стены, который А.А. Синицыным [2006] сопоставляется с экскурсом лашамп-каргополово. Со временем выпадения вулканического пепла, по-видимому, повсеместно связано заметное похолодание. Делювиальная толща пачки 1 накапливалась в экстремально суровых условиях позднего вала, прерываемых кратковременными потеплениями. Самое выразительное из них, вероятно, гмелинское, зафиксировано при исследовании восточной стены Е.А. Спиридоновой [2002] и южной (слой 8) нами.

Выделяемая ранее М.П. Гричук (см.: [Лазуков, 1957]) фаза смешанных хвойно-широколиственных лесов с участием представителей неморальной флоры на стоянке Костенки-14 (пачка 4) не выявлена в качестве самостоятельной. Ее отсутствие отмечается и в других работах [Маясова, Спиридова, 1982; Спиридова, 2002]. Для решения этого вопроса необходимо провести дополнительные исследования.

Обобщение результатов

Комплексные геолого-палеогеографические исследования на стоянке Костенки-14, опирающиеся на фундаментальные разработки в области археологии и хронологии ее культурных слоев [Синицын и др., 2004; Синицын, 2006] дают основание для следующих обобщений. Изучение отложений, вмещающих культурные слои, существенно дополнили общий свод данных о толщах, с которыми связана группа памятников ранней поры позднего палеолита Костенковско-Борщевского района. В частности, выделяемая в других разрезах этого хроноинтервала нижняя гумусовая толща на стоянке Костенки-14 замещается сложнопостроенной пачкой 4. Она состоит из слоистых отложений слабопроточного водоема, заполняющих промоину и поверхность лощины, а также вышележащего уровня почвообразования (слой 23). Данная серия может рассматриваться как фрагмент, соответствующий нижней гумусовой толще. На это, в частности, указывает возраст связанного с почвенным уровнем культурного слоя IVb (~36–37 тыс. лет по ^{14}C , до ~44 тыс. лет по IRSN), отвечающий возрастному диапазону культурных слоев, залегающих в нижней гумусовой толще на стоянках Костенки-1 и -12 [Аникович, 2005].

Важным новым результатом является установление почвенно-генетической природы горизонтов

т.н. верхней гумусовой толщи (пачка 2), формирование которой ранее объяснялось солифлюкционными процессами. Кроме этих почв, в разрезе на стоянке можно выделить группу уровней эфемерного почвообразования. Часть из них относится к рангу локальных и связана с динамикой склоновых процессов. Представляется нереальной попытка рассматривать солифлюцию в качестве ведущего фактора, определяющего весь комплекс деформаций, выявленных в разрезе. В частности, этому противоречит присутствие горизонтов автоморфных почв. Существенно также, что разрезу стоянки присуща общность в текстурных особенностях деформаций разновозрастных слоев, слагающих пачки 2, 3 и верх 4-й, суммарной мощностью ок. 2 м. Согласованность в наклоне языковатых контактов всех прослоев внутри указанных толщ позволяет выдвинуть версию о смещении двухметровой пачки общим массивом с некоторой дифференциацией в масштабах сдвига отдельных уровней за счет различий во влагоемкости слоев с разными литологическими свойствами. При этом общий масштаб смещения, судя по «растягиванию» прослоев, не превышал 1,3–1,5 м.

В целом совокупность результатов, полученных разными методами, выявляет следующие особенности в развитии окружающей среды в интервале среднего и частично позднего вала, с которым связаны периоды обитания человека на многослойной стоянке. Геоморфологическая ситуация наиболее раннего этапа, отвечающего культурному слою IVb (ок. 37–36 тыс. л.н. по ^{14}C), существенно отличалась от последующих. Для реконструкции условий обитания на этом этапе важно установить сочетание локального рельефа данного участка со всей системой Покровского лога в прошлом. В первую очередь, необходимо оценить превышение поверхности мыса над дном лога. Реконструкция основана на следующих предпосылках. Сейчас базисом эрозии лога служит пойма Дона (т.е. в устьевой части лога поверхность его днища сопряжена с поверхностью поймы реки); удаляясь от устья, она постепенно повышается, и у подножья Маркиной горы превышение составляет ок. 18–20 м. В рассматриваемую эпоху базисом эрозии лога служил уровень, ставший впоследствии поверхностью современной второй надпойменной террасы реки, к которой привязан делювиальный шлейф, вмещающий, в частности, стоянку Костенки-14 [Лазуков, 1957; Величко, 1963]. Исходя из известных геоморфологических зависимостей между высотой поймы (в данном случае Дона) как местного базиса эрозии и величиной превышения над ним днища балки по мере продвижения к ее верховьям, можно сделать вывод о том, что днище Покровского лога вблизи Маркиной горы в рассматриваемую эпоху было приблизительно на 15–20 м выше ее современ-

менного положения. В свою очередь, сама поверхность мыса была ниже современной на величину всей толщи отложений, лежащих выше культурного слоя IVb, т.е. на 3,5–4,0 м. Полученная реконструкция показывает, что на раннем этапе обитания поверхность стоянки всего лишь на 1,5–2,0 м возвышалась над днищем лога, а промоина была привязана к руслу ручья лога (рис. 12).

Именно с такой ситуацией согласуются данные о растительности, характерной для прибрежных биотов и болотистых лугов. О повышенной увлажненности свидетельствуют признаки гидроморфизма в почве культурного слоя IVb. Подтверждением тому служат также исследования А.Ф. Санько и А.А. Синицына [2004], по мнению которых отложениям, соответствующим пачке 4, свойственен состав малакофауны влажных биотопов, в т.ч. побережий болот и мелких водоемов. Нахождение костей мамонта в таких отложениях в заполнении промоины позволяет предполагать, что животное могло соскользнуть в нее с края лощины и погрузиться в илистый переувлажненный придонный грунт.

Примечательно, что в культурном слое IVb количество пыльцы невелико и в основном представлены рудеральные растения, характерные для поверхностей с нарушенным первичным покровом. Скорее всего, это связано с обитанием здесь человека; о том же может свидетельствовать наличие очажной массы (непосредственно из нее был получен специфический пыльцевой спектр) и обожженного суглинка на уровне слоя. На месте пожара здесь образовалась гарь с характерной для нее травянистой растительностью, включая Onagraceae. В почве были обнаружены остатки обожженных костей, а сама поверхность осложнена микронеровностями за счет процессов пучения, возникавших при пожаре, скорее всего, в зимнее время. Возможно, из-за активной деятельности человека и последствий пожаров на рассматриваемом участке практически отсутствуют палеоботанические данные о растительном покрове в районе стоянки. С определенной долей условности можно допустить, что сведения о нем имеются в палиноспектрах отложений полустоячего водоема (слой 22), заливающих поверхность культурного слоя и содержащих материал из окрестностей. Состав пыльцы в образцах из нижней части этих отложений указывает на развитие в районе стоянки вначале еловых лесов, а затем сложных лесных сообществ, в которых помимо ельников принимали участие широколиственные породы – вяз, липа, а также орешник. Однако вероятность такой «привязки» ландшафтных условий ко времени формирования культурного слоя IVb требует дополнительных исследований. В частности, обращает на себя внимание наличие мерзлотных деформаций сезонного характера

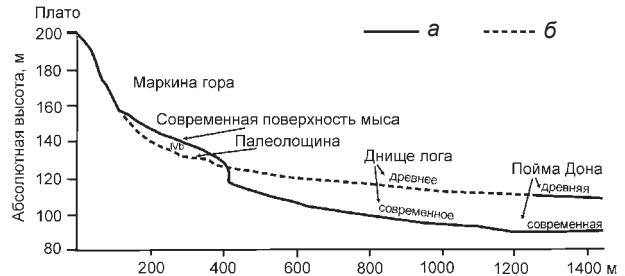

Рис. 12. Палеореконструкция положения лощины на Маркиной горе в эпоху культурного слоя IVb и профиля днища Покровского лога (составлена А.А. Величко).
а – современный профиль; б – древний (эпоха культурного слоя IVb).

в почве (слой 23), с которой он связан. Правда, эти деформации могли возникнуть в один из зимних низкотемпературных сезонов.

В целом можно говорить о том, что во время самого раннего поселения человека на стоянке на месте выпуклого склона мыса Маркиной горы существовала уплощенная лощинообразная поверхность, всего лишь на несколько метров возвышавшаяся над днищем лога. Ее прорезал ручей, впадавший в основное русло лога. Ландшафтно-климатическая обстановка этого хроноуровня, если его рассматривать в интервале формирования всей пачки 4, была наиболее благоприятной по сравнению с последующими этапами обитания стоянки (табл. 2).

Во второй половине периода седиментации водных отложений широколиственные породы исчезли; в условиях похолодания в обедненном виде сохранились еловые сообщества, роль которых возросла во время формирования почвы (слой 21), венчающей пачку 4. На подсохшей выровненной поверхности слоистых отложений ок. 35–34 тыс. л.н. здесь развился достаточно выдержаный почвенный уровень. Обстановка изменилась с началом накопления отложений пачки 3. Активизация делювиально-аккумулятивных процессов инициировала формирование геоморфологических условий выпуклого склона мыса. На переходе к этапу, отвечающему пачке 3 (ок. 33 тыс. л.н.), человек снова поселился на данном участке (культурный слой IVa), а затем с интервалом, не превышающим тысячелетия (ок. 32 тыс. л.н.), появился на стоянке в эпоху выпадения вулканического пепла. Оба культурных слоя синхронны условиям перигляциальной лесостепи, в которой открытые пространства чередовались с ельниками.

Обращает на себя внимание отсутствие пыльцы растений непосредственно в слое с вулканическим пеплом. Возможно, процесс выпадения пепла, создавший особую геохимическую среду, приводил к радикальному разрушению растительного покрова и

Таблица 2. Позиция культурных слоев на хронологической шкале позднего плейстоцена и ландшафтная характеристика района стоянки в рассматриваемом интервале (составлено А.А. Величко)

Время, тыс. л. н.	Западная Европа	Морские изотопные стадии	Стратиграфическая шкала		Региональные климато-стратиграфические подразделения	Положение культурных слоев	Степь	Хвойные леса с участиям широколиственных	Хвойные леса	Лесотундра	Тундра	Перигляциальные тундростепи	Ландшафтная характеристика
			Голоцен	Поздний дриас									
10	Поздний дриас Аллеред Бёллинг	1	Голоцен	Поздний дриас									
20	Максимум охлаждения	2	Валдай	Поздний	Максимум охлаждения								
30	Денекамп	3	Валдай	Средний	Дунаевский интерстадиал								
40	Хенгело		Брянский интервал		Шенское похолодание								
50	Моэрсхофт				Ленинградский интерстадиал								
	Глинде				Кашинское похолодание								

пыльцы (так же как это имеет место в аналогичных ситуациях в настоящее время). В целом начиная с интервала ок. 34–33 тыс. л.н. происходило похолодание, существенно активизировались сезонные криогенные процессы, роль которых оставалась стабильной на протяжении последующих этапов.

Сложная смена ландшафтно-климатических обстановок фиксируется в период формирования пачки 2 (т.н. верхняя гумусовая толща). Наличие двух автономных уровней почвообразования свидетельствует в пользу существования двух самостоятельных фаз климатических колебаний интерстадиального характера в интервале 30–28 тыс. л.н. Примечательно, что в том же хронологическом диапазоне находятся почвенные уровни, описанные в склоновых лесовых отложениях разреза Куртак на Енисее [Frechen et al., 2005], в котловине оз. Аксор на Иртыше [Зыкин и др., 2002] и в ледовом комплексе на северо-востоке Евразии, в пределах Индигиро-Колымской низменности

[Губин, 1998; Губин и др., 2008]. В последнем, как и в пачке 2 Костенок-14 (в т.н. верхней гумусовой толще), выделяются два самостоятельных почвенных уровня (33–31 тыс. и ок. 20 тыс. л.н.), сходных по возрасту с костенковскими. Они также относятся к почвам, формировавшимся в перигляциально-тундровых условиях в фазы смягчения криоаридного климата. Это подтверждает правомерность выделения почвенных уровней в Костенках в качестве устойчивых хроноединиц, входящих в сложную схему событий средневалдайского мегаинтервала.

Таким образом, по совокупности хроностратиграфических, палеоботанических и палеопедологических данных в интервале 30–28 тыс. л.н. фиксируются две фазы потепления, разделенные периодом похолодания. Каждая из них (судя по строению почвенных комплексов), в свою очередь, подразделяется на две фазы с промежутком похолодания второго порядка. Нижний уровень обоих педокомплексов соот-

ветствует условиям криоаридного почвообразования, близким к восточно-сибирским, но, возможно, более влажным, позволявшим существовать участкам елово-сосновых сообществ (перигляциальные лесостепи?); а верхний (глеезем) скорее отвечает лесотундрам (тундрам). Фазы потепления (особенно более поздняя) сопровождались активизацией синевентных криогенных процессов. Нижним уровням каждого педокомплекса отвечают второй и третий культурные слои (соответственно ок. 30 тыс. и 28 тыс. л.н.).

На самом позднем этапе обитания стоянки, связанном с пачкой 1, преобладали криоаридные условия. Субарральная обстановка на открытых пространствах характеризовалась резким усилением делявиальных и эоловых процессов, формированием лессовидных отложений. Сброс по склону масс мелового обломочного материала особенно активизировался в фазу перехода от условий достаточно влажных (пачка 2) к криоаридным (пачка 1). Основные плакорные и склоновые пространства вокруг стоянки были заняты преимущественно перигляциально-степными растительными сообществами, а древесные породы могли сохраняться лишь вблизи днища лога, а также в долине Дона. Однако и в этом интервале имели место фазы смягчения криоаридных условий. Наиболее выдержанной такой фазе отвечает гмелинская почва, к которой приурочен верхний культурный слой стоянки.

В целом выявленные в ходе исследований на многослойной стоянке Костенки-14 ландшафтно-климатические перестройки отражают сложную динамику климата и ландшафта во второй половине средневалдайского (средневислинского) мегаинтервала, отвечающего третьей стадии морской изотопно-кислородной шкалы.

Список литературы

Аникович М.В. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 3. – С. 3–19.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 15–29.

Аникович М.В. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3 (23). – С. 70–86.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 191 с. – (МИА; № 121).

Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. – М.: Наука, 1961. – 295 с.

Величко А.А. Стоянка Спицына (Костенки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геоло-

гии Костенковско-Борщевского района // МИА. – 1963. – № 121. – С. 201–219.

Величко А.А., Морозова Т.Д. Стадийность развития, палеогеографическая унаследованность признаков современных почв центра Русской равнины // Проблемы региональной и общей палеогеографии лесовых и перигляциальных областей / отв. ред. А.А. Величко. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1975. – С. 102–122.

Волковинцер В.И. Степные криоаридные почвы. – Новосибирск: Наука, 1978. – 208 с.

Грищенко М.Н. Палеогеография Костенковско-Борщевского района эпохи верхнего палеолита // КСИИМК. – 1950. – Вып. 31. – С. 75–88.

Губин С.В. Почвообразование сартанского криохрона в западном секторе Берингии // Почвоведение. – 1998. – № 5. – С. 605–609.

Губин С.В., Занина О.Г., Максимович С.В. Растительный и почвенный покровы равнин северо-востока Евразии в плейстоцене // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики / отв. ред. А.А. Величко, С.А. Васильев. – М.: Ин-т географии РАН, 2008. – С. 238–242.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Новые данные об изменении природной среды и климата в позднем плейстоцене юга Западно-Сибирской равнины по осадкам котловины озера Аксор // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 220–234.

Лазуков Г.И. Геология стоянок Костенковско-Борщевского района // МИА. – 1957. – № 59. – С. 135–173.

Лазуков Г.И. Характеристика четвертичных отложений района // Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. – Л.: Наука, 1982. – С. 13–36.

Левковская Г.М., Хоффекер Дж.Ф., Аникович М.В., Форман С.Л., Холлидэй В.Т., Попов В.В., Карцева Л.А., Стеганцева В.Я., Санько А.Ф. Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костенки-12 (Воловская) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий: Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции / ИИМК РАН. – СПб., 2005. – Вып. 3. – С. 93–130.

Лисицын С.Н. Хроностратиграфия стоянки Борщево-5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 66–79.

Маясова Е.С., Спиридонова Е.А. Палеогеография Костенковско-Борщевского района по данным палинологического анализа // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979 гг. – Ленинград: Наука, 1982. – С. 234–245.

Праслов Н.Д. Время и пути древнейшего заселения территории СССР // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 42–44. – (Археология СССР).

Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. – Ленинград: Наука, 1982. – 286 с.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблемы развития куль-

туры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. – 1957. – № 59. – С. 9–134.

Санько А.Ф., Синицын А.А. Палеоэкология позднего палеолита верхнего Дона по данным изучения фауны моллюсков на стоянке Костенки-14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 127–130.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: ООО «Академпринт», 2002. – С. 219–236.

Синицын А.А. Геологическая и культурная стратиграфия палеолитической стоянки Костенки-14 (Маркина гора), средний Дон: Проблемы хронологии // Проблема корреляции плеистоценовых событий на Русском Севере: Междунар. рабочее совещ. – СПб.: ВСЕГЕИ, 2006. – С. 92–93.

Синицын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очередной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б. Костенки-14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 39–59.

Спиридонова Е.А. Палинологическое обоснование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костенки-14 (Маркина гора) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Изд-во ИИМК, 2002. – С. 237–246.

Травянистые растения СССР / отв. ред. Т.А. Рабонов. – М.: Мысль, 1971. – 309 с.

Фёдорова Р.В. Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе с. Костенки Воронежской области (по данным спорово-пыльцевого анализа из отложений стоянки Спицына, Костенки XVII) // МИА. – 1963. – № 121. – С. 220–229.

Frechen M., Zander A., Zykina V., Boenigk W. The loess record from the section at Kurtak in Middle Siberia // Paleogeography, Paleoclimatology, Paleoecology. – 2005. – N 228. – P. 228–244.

Haesaerts P., Damblon F., Sinitzyn A., van der Plicht J. Kostienki 14 (Voronezh, Central Russia): new data on stratigraphy and radiocarbon chronology // Acts of the XIVth UISPP Congress (Liège, 2001): General Sessions and Posters / eds. M. Dewez, P. Noiret, E. Teheux. – Oxford, 2004. – P. 196–197. – (BAR, Intern. Ser.; N 1240).

Holliday V., Hoffecker J.F., Goldberg P., Macphail R.I., Forman S.L., Anikovich M., Sinitzyn A. Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // Geoarchaeology: An Intern. J. – 2007. – Vol. 22, N 2. – P. 181–228.

Krinsley D.H., Doornkamp J.C. Atlas of quartz sand surface textures. – Cambridge: Univ. Press. 1973. – 91 p.

Sinitzyn A.A. Kostenki 14 (Markina gora): data, problems and perspectives // Préhistoire Européenne. – 1996. – Vol. 9. – P. 273–313.

Sinitzyn A.A. Earliest Upper Palaeolithic layers at Kostenki 14 (Markina gora): preliminary results of the 1998–2001 excavations // Acts of the XIVth UISPP Congress (Liège, 2001): General Sessions and Posters / eds. M. Dewez, P. Noiret, E. Teheux. – Oxford, 2004. – P. 181–190. – (BAR, Intern. Ser.; N 1240).

Sinitzyn A.A., Hoffecker J.F. Radiocarbon dating and chronology of the Early Upper Paleolithic at Kostenki // Quaternary International. – 2006. – Vol. 152/153. – P. 164–174.

Velichko A.A., Gribchenko Yu.N., Kurenkova E.I. Geoarchaeology of the Paleolithic in the East European Plain // Anthropologie. – 1997. – Vol. 35 (2). – P. 215–232.

Velichko A.A., Timireva S.N. Morphoscopy and Morphometry of Quartz Grains from Loess and Buried Soil Layers // GeoJournal. – 1995. – Vol. 36, N 2/3. – P. 143–149.

Материал поступил в редакцию 18.03.09 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.25

А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская

ТРИКВЕСТРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Целью работы является характеристика триквестров – украшений женских головных уборов скифского времени, распространенных на территории Горного Алтая и Тувы не позднее середины I тыс. до н.э. Значительная их часть происходит из неразграбленных погребений скифского времени на нижней Катуни (Чултуков Лог-1, Барангол-1, -2). Декор триквестров отражает все многообразие образов скифо-сибирской изобразительной традиции. Локализация этих изделий на территории Северного Алтая позволяет рассматривать их в качестве одного из особых признаков предметного комплекса северного локального варианта пазырыкской археологической культуры.

Ключевые слова: головные украшения скифского времени Горного Алтая, скифо-сибирская изобразительная традиция, пазырыкская культура.

Введение

Одной из историко-культурных особенностей традиционного предметного комплекса эпохи раннего железа Южной Сибири являются триквестры. Этот термин ввел А.Д. Грач для характеристики рельефных золотых окружных украшений Тувы (Саглы Бажи II, кург. 3, Дужерлиг Ховузу I, кург. 2), напоминающих кокарду с изображением голов хищных птиц [1980, с. 35, 36]. На нижней Катуни в предметном комплексе курганных могильников Майма IV триквестрами были названы сложные навершия массивных металлических заколок (рис. 1, 3; 2, 3; 3, 1). Они состояли из железного стержня и бронзовой литой основы с зооморфным и солярным орнаментом, покрытой золотой фольгой [Бурыкина, 1989, с. 69; Киреев, 1994, с. 41].

По нашему мнению, термин «триквестр» может быть использован для характеристики сложных по конструкции массивных наверший заколок, изготовленных из различных материалов (золото, бронза, железо) и декорированных в скифо-сибирской изобразительной традиции. Композиция может состоять из трех, двух или одного образа, а также солярного вихреобразного орнамента с определенным направлением. Целая серия таких предметов была обнаружена при исследовании погребальных комплексов скифского времени на Северном Алтае (Черный Ануи-3, Покровский Лог-5, Суртайка-1) [Мо-

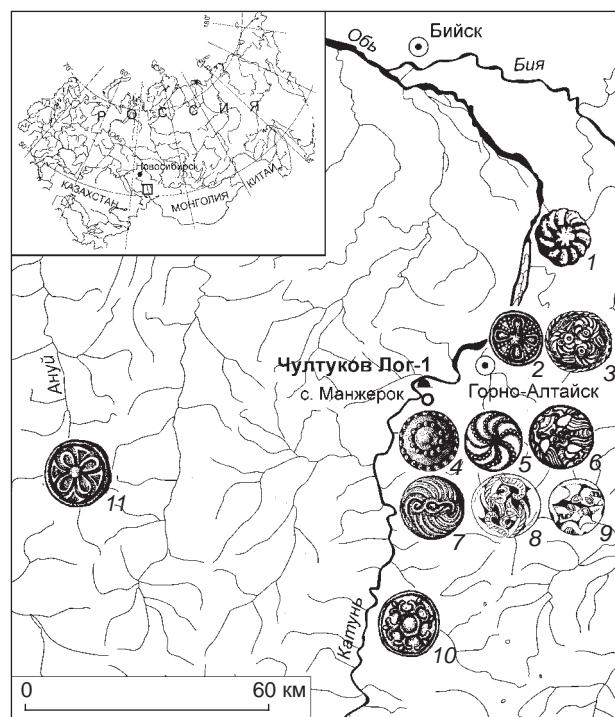

Рис. 1. Распространение триквестров на Северном Алтае.
1 – Суртайка-1; 2 – Майма XIX; 3 – Майма IV; 4–6 – Чултуков Лог-1; 7–9 – Барангол-1, -2; 10 – Верх-Еланда-2; 11 – Черный Ануи-3.

лодин, Бородовский, 1994, с. 24; Гельмель и др., 1996, с. 111, рис. 1, 5; Кирюшин, Степанова, 1999; Абдулганеев, 2005, с. 44, рис. 1, 8; Бородовский и др., 2008, с. 54, рис. 18, 5]. В бассейне нижней и средней Катуни они встречаются в женских захоронениях северного локального варианта пазырыкской археологической культуры вместе с головными уборами-париками, окрашенными в черный цвет [Кубарев, 1987, с. 135; Феномен...,

2000, с. 78, 163–167] (рис. 1). Наиболее репрезентативная коллекция триквестров происходит из курганных групп скифского времени правобережья горной долины нижней Катуни Чултуков Лог-1 (кург. 9, 11, 12, 37, 46, 47), Барангол-1 (кург. 2), -2 (кург. 7).

Погребальные комплексы с триквестрами в горной долине нижней Катуни

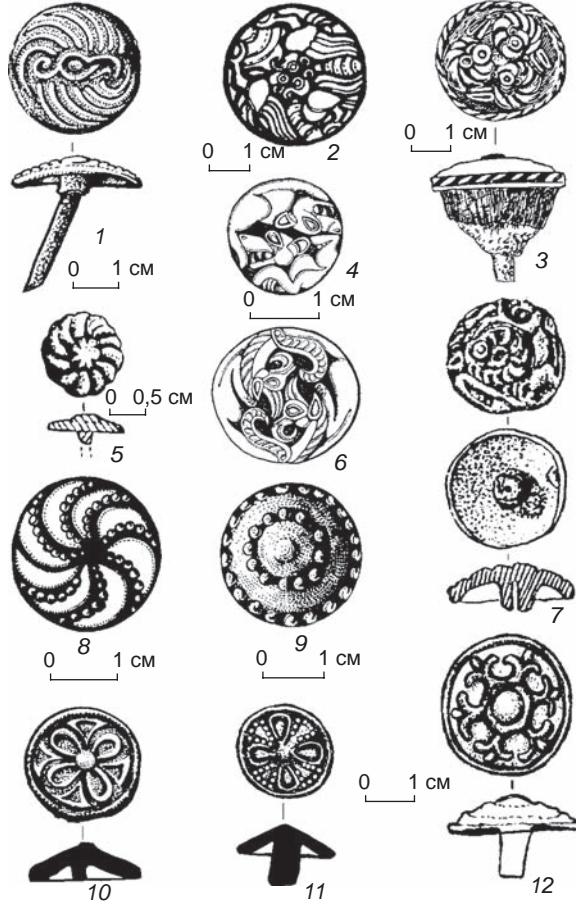

Рис. 2. Триквестры Северного Алтая.

1 – Барангол-2; 2, 8, 9 – Чултуков Лог-1; 3 – Майма IV; 4, 6 – Барангол-1; 5 – Суртайка-1; 7 – Покровский Лог-5; 10 – Черный Ануй-3; 11 – Майма XIX; 12 – Верх-Еланда-2.

В захоронении кург. 13 могильника Майма IV рядом с черепом погребенной найдены остатки головного убора с каркасом из железных стержней. Судя по сохранившимся под воздействием окисла бронзы фрагментам, головной убор был изготовлен из войлока и имел форму колпака. Один стержень каркаса проходил внутри горизонтально от середины затылочной части к козырьку, к нему крепилась массивная бронзовая бляха, покрытая золотом, с изображением голов трех баранов (рис. 2, 3; 3, 1). Другой стержень вертикально поднимался над козырьком и венчался рифленым навершием, изготовленным из дерева и покрытым золотой фольгой [Акимова и др., 2008, с. 29]. В погребении были также найдены железные шпильки [Бурыкина, 1989, с. 69; Киреев, 1994, с. 41].

В захоронении кург. 1 могильника Барангол-1 четверо погребенных были уложены головой на юго-запад, на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Скелет 1 принадлежал мужчине в возрасте 60–65 лет. Сопроводительный инвентарь – плохо сохранившийся железный кинжал длиной ок. 20 см. Скелет 2 (женщины 45–50 лет) располагался справа от первого. В изголовье лежал на боку кувшинообразный керамический сосуд, орнаментированный резной штрихованной сеткой по горловине. Здесь же обнаружены потревоженные бараны позонки и железный нож. В изголовье находились расположенные веером три железные стержневые булавки, служившие для закрепления прически. Две из них гвоздевидные, со шляпками, покрытыми золотой фольгой, третья – с фигурным окончанием в виде птицы. На черепе обнаружены две бронзовые проволочные S-образные серьги. Скелет 3, очень плохо сохранившийся во влажном грун-

Рис. 3. Триквестры Северного Алтая с изображениями баранов (1), грифонов (2), волков (3) и с соларным орнаментом (4).

1 – Майма IV; 2, 3 – Барангол-1; 4 – Чултуков Лог-1.

те, принадлежал ребенку 5–6 лет. В районе черепа найдена пластинчатая круглая бронзовая бляшка плохой сохранности. В изголовье скелета 4 (женщины 18–20 лет), в левом углу могильной ямы, стоял кувшинообразный керамический сосуд, орнаментированный резной сеткой и S-образными завитками по тулову. Недалеко от лицевых костей черепа находились бараньи позвонки и пластинчатый железный нож, возле теменной – каменная терка. На черепе обнаружена бронзовая петельчатая серьга, покрытая золотой фольгой, рядом – пластинчатая дисковидная бронзовая бляшка плохой сохранности. Около правой бедренной кости погребенной лежало массивное медальонное зеркало в чехле, который, возможно, был расширен четырьмя клыками марала. Рядом обнаружены спекшиеся железные предметы. Под зеркалом находились рифленая подвеска из рогового отростка марала и миниатюрная котловидная подвеска из бронзы, другая такая же располагалась у правой коленной чашки. Под бедренной костью зафиксирован железный предмет очень плохой сохранности (кинжал?).

В кург. 7 могильника Барангол-2 были захоронены три женщины, уложенные в ряд, на правом боку, головой на юго-юго-восток, со слегка согнутыми в коленях ногами. В изголовье каждой погребенной стоял глиняный сосуд. Около центрального кувшина сохранилась длинная бронзовая шпилька с деревянным резным шариком на конце, орнаментированным вертикальными нарезками в виде долек маковой головки.

Скелет 1 находился у восточного края могилы. На костях черепа располагалось массивное бронзовое украшение в виде профильного изображения головы птицы с длинным клювом. Аналогичное изделие известно в раннескифском комплексе Майэмир [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 217, рис. 70, 1]. В области колен погребенной найдены две костяные трубочки плохой сохранности.

Скелет 2 располагался в центре могилы. На черепе сохранились остатки сложного головного убора в виде сажного тлена конических очертаний. По-видимому, этот головной убор аналогичен шапочке из органических материалов, обнаруженной в пазырыкском могильнике Ак-Алаха-3 на плоскогорье Укок [Феномен..., 2000, с. 57–119; Полосыма, 2001, с. 143–160]. В длинном коническом окончании тлена была длинная бронзовая шпилька с круглым деревянным резным навершием, подобная той, что находилась около сосудов. Такие шпильки являются одним из типичных элементов пазырыкских головных украшений. Они были найдены в кург. 9 могильника Юстыд XIII [Кубарев, 1991, с. 111; табл. LXII, 5]. В лобной части головного убора находился массивный бронзовый триквестр, покрытый золотой фольгой, с изображением головы ушастого грифона (см. рис. 2, 1). Он крепился к длинному железному стержню, перпендикулярному бронзовой шпильке. Затылочная часть головного убора была укра-

шена небольшими фрагментами оловянной фольги, сохранилось шесть пластинок. Выше лицевых костей погребенной находились остатки жертвенной пищи, представленные частью позвоночного столба барана. Рядом располагался железный пластинчатый нож.

Скелет 3 находился около западного края могилы. В изголовье обнаружены остатки сложного головного убора в виде мощного сажного следа конических очертаний (они не перекрывали кости черепа). Напротив лицевых костей располагались остатки жертвенной пищи – ребра, несколько позвонков и тазовые кости барана. Рядом лежал железный нож с кольчатым окончанием. В области груди и пояса погребенной прослеживался тлен от костяных пластин шириной ок. 3 см, длиной до 10 см. В районе талии сохранились три фрагмента оловянной фольги. Между коленными чашками находились пять роговых наконечников стрел. Один из них имел «шевронообразную» метку на боковой грани.

В кург. 9 могильника Чултуков Лог-1 около черепа погребенной остался сажный след, скорее всего, от парика. В изголовье располагалась бронзовая шпилька (9×0,3 см) с резным ободком в верхней части (см. рис. 2, 9), чуть левее – железная. Возле сажного следа найдено изделие из железа. Напротив лицевых костей погребенной находился кувшиновидный сосуд с двумя налепными ручками и отверстиями. С левой стороны напротив шейного отдела погребенной лежал железный нож и несомкнутая кольчатая серьга из белого золота. Справа от тазовых костей под слоем суглинка обнаружено бронзовое зеркало, изначально находившееся в меховом чехле. Окись бронзы сохранила остатки волосков, ориентированных вдоль длинной оси предмета. Петлевидная ручка зеркала имела подтрапециевидную форму.

В кург. 12 могильника Чултуков Лог-1 над черепом погребенной, под углом к нему и друг к другу, располагались бронзовая и железная заколки длиной 10 см с дисковидным бронзовым окончанием. Около них прослеживалась черная краска от парика. Напротив лицевых костей погребенной лежали позвонки барана. Вдоль края нижней челюсти обнаружены фрагменты белого бисера. Очевидно, это была обшивка ворота одежды. В районе грудного отдела располагались бусины плохой сохранности фиолетового, красного, зеленого и синего цветов. За теменными костями находился небольшой фрагмент железа. Под черепом обнаружены отдельные части серебряной петельчатой серьги. Между костями голеней погребенной сохранился темный тлен, вероятно, от войлочной подстилки. В ногах лежал бронзовый нож.

В кург. 37 могильника Чултуков Лог-1 напротив костей правой руки погребенной выявлен тлен рыжеватого цвета (28×20 см). Возможно, это остатки деревянного разделочного блюда. Напротив лицевых костей находились кости курдючной части барана и бронзовый пластинчатый нож с отверстием в обуш-

ке. В изголовье располагалась железная стержневидная заколка с округлым навершием (размеры стержня 13×0,5 см, диаметр навершия 2,2 см). В районе шеи найдены шесть бусин. Некоторые из них из горного хрусталия, как и бусины из кург. 2 могильника Чултуков Лог-1. На черепе обнаружены кольчатые серьги из цветного металла (серебро или электрум) с припаянными петельками, в одной из которых было подвешено бронзовое колечко в полтора оборота. На правой коленной чашке под фрагментом продольного перекрытия лежало бронзовое дисковидное зеркало диаметром 7 см. По краям выступа располагались два небольших округлых отверстия, в центральной части – еще два овальных. Аналогичное зеркало известно в Каракольском кургане, раскопанном С.В. Киселевым [Руденко, 1960, с. 16, рис. 5]. Зеркала с двумя отверстиями на крае обнаружены среди сопроводительного инвентаря на могильниках Малталау IV (кург. 8) [Кубарев, 1992, с. 195, табл. XLVIII, 7], Юстыд XII (кург. 13) [Кубарев, 1991, табл. XXXIV, 4], Тыткескенъ VI (кург. 27) [Кирюшин, Степанова, 1999].

В погр. 46 могильника Чултуков Лог-1 над черепом погребенной находилось вытянутое сажное пятно значительного размера, мощностью 2,5–3 см. Скорее всего, это остатки парика из органического материала с красителем. На сажном пятне под углом друг к другу располагались металлические заколки. Одна из них – в виде бронзовой шпильки (14×0,3 см) с органическим тленом на конце, вероятно, от круглого деревянного навершия. Рядом лежал массивный бронзовый триквестр диаметром 2 см, покрытый золотой фольгой и имевший железный стержень длиной 12 см. Ниже левых височных костей найдены петельчатая серьга и бронзовая подвеска. Такая же подвеска обнаружена с другой стороны под черепом. Справа от черепа находился неорнаментированный керамический сосуд. Чуть ниже лежали кости нижнего отдела позвоночника барана и бронзовый нож, расположившийся острием в противоположную сторону от лицевых костей погребенной. У правой бедренной кости обнаружено бронзовое зеркало, изначально находившееся в многослойном чехле из дерева, бересты и кожи.

В кург. 47 могильника Чултуков Лог-1 в могиле с деревянной обкладкой из березовых жердей найдены четыре скелета. Погребенные были уложены в ряд, в скорченном положении на правом боку, головой на юго-восток. Скелет 1 принадлежал взрослой женщине. Над черепом зафиксировано сажное пятно, видимо, от парика, а над ним, в верхнем правом углу могилы – еще два. В сажном пятне найден триквестр с рельефной бронзовой шляпкой диаметром 2,5 см и железным стержнем длиной 12 см. В районе тазовых костей лежало бронзовое зеркало с петлевидной ручкой. Скелет 2 принадлежал ребенку, погребенному с вытянутыми вдоль туловища чуть согнутыми в локтях руками и

чуть согнутыми в коленях ногами. На шейном отделе позвоночника и под черепом найдены две бронзовые серьги с бусинами в петле. В районе голени погребенного лежали кости жертвенного барана и два железных пластинчатых ножа. Скелет 3 принадлежал подростку, погребенному с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами. В изголовье выявлены следы от оловянной или серебряной диадемы. Под нижней челюстью располагалась петельчатая серьга из белого металла. Над черепом лежали кости жертвенного барана и железный нож с кольчатым окончанием. Скелет 4 принадлежал младенцу. Сохранились только позвоночник, ребра и череп. В изголовье располагались два сосуда: керамический с накольчатым орнаментом по венчику и плохо обожженный крынковидный.

Все триквестры были обнаружены в женских погребениях второй половины I тыс. до н.э., в одиночных, парных и коллективных захоронениях. Чаще всего эти находки сопровождались остатками сложных головных уборов-париков темно-сажистого цвета.

Изображения на триквестрах

В орнаментации триквестров представлены орнитоморфные, зооморфные, солярные и растительные мотивы (см. рис. 2). Среди изображений присутствуют практически все образы скифо-сибирской изобразительной традиции (зооморфные: копытные – бараны, хищные – волки; орнитоморфные – орлы и грифоны). Их семантика достаточно разнообразна.

Изображения голов баранов (Майма IV) или целого животного (Покровский Лог-5) вполне могут быть отражением фарна – символа удачи эпохи ранних кочевников [Бородовский, 2004]. Они являются одним из устойчивых мотивов скифо-сибирской изобразительной традиции. При этом зооморфный декор на триквестрах из Маймы IV и Покровского Лога-5 (см. рис. 2, 3, 7) находит очень близкие параллели в художественной резьбе по дереву носителей пазырыкской культуры [Кубарев, 1992, табл. XXIII, 8, 9] и зооморфных кольцевых композициях из Ордоса [Богданов, 2006, с. 138, табл. XXIII, 1].

Хищники, изображенные на изделии из Барангола-1 (см. рис. 2, 4), обнаруживают наибольшее сходство с образом волка, также широко распространенным в искусстве ранних кочевников Центральной Азии [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 110–112]. Изображение трех грифонов с распростертыми крыльями (см. рис. 2, 2) представляет собой тиражирование наиболее типичного пазырыкского образа. Наряду с этим сама композиция имеет интересные параллели в ведических гимнах (Ахтарваведа), посвященных смерти. В них упоминаются три орла, восседающие на вершине верхнего небосвода, наполненного амритой –

напитком бессмертия, приготовляемым из растения сомы [Бородовский, 2003, с. 7]. Композиционно изображения баранов, хищников, грифонов близки к декору полусферических конусовидных блях Центральной Азии [Богданов, 2006, с. 139, табл. XXIV, 1, 4].

У древнего населения Центральной и Северной Европы триквектр был одним из символов движения Солнца, олицетворяя основные положения светила на восходе, в зените и на закате. Солярный орнамент на украшениях с нижней Катуны имеет разную ориентацию: на одних – правостороннюю (см. рис. 2, 5, 8), на других – левостороннюю (см. рис. 2, 1). Это может соотноситься с движением солнца на небосклоне. С особенностями ориентации солярного декора связанные различные образы, что позволяет коснуться некоторых вопросов семантики этих композиций. Сочетание изображения ушастого грифона с направлением, обратным естественному движению солнца (Барангол-2; см. рис. 2, 1), может соотноситься с хтоническими образами, символом которых был мрак.

Триквектр из Чултукова Лога-1 с солярным декором «по солнцу» имеет на некоторых лучах ряды округлых выступов (см. рис. 2, 8; 3, 4). Таким элементом в скифо-сибирской изобразительной традиции воспроизводились возрастные валики рогов сибирского козла (теке, бун) [Бородовский, 2004, с. 138, рис. 3]. На золотом покрытии деревянного изделия из Юстыда XII [Кубарев, 1991, табл. XXI, 6] этот орнамент имеет еще большее сходство с козлиным рогом. Образ горного козла у индоевропейских народов являлся воплощением чистоты [Йетмар, 1986, с. 227] и светлого начала.

Не менее любопытны растительные орнаменты в виде розетки на триквектрах Черного Ануя-3 и Маймы XIX (см. рис. 2, 10, 11). Аналогичный декор представлен на золотой объемной серьге из окрестностей Новоалтайска [Дашковский, 1998, с. 131, 132, рис. 1, 2]. Изображение розетки широко распространено на деревянных изделиях из Туэктинских и Пазырыкских курганов [Руденко, 1960, с. 254, рис. 130, а, в, д, е]. Растительный орнамент на триквектре из Верх-Еланды-2 (см. рис. 2, 12) характерен для ранних пазырыкских погребальных комплексов Центрального и Южного Алтая (Туэктинские курганы, Ак-Алаха-3) [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 88].

В целом декор триквектров Северного Алтая отражает все многообразие образов скифо-сибирской изобразительной традиции.

Заключение

Судя по датировке неразграбленных погребальных комплексов Тузы, в состав которых обнаружены триквектры, они были распространены на всем протяжении периода существования саглынской культуры (V–III вв. до н.э.) [Грач, 1980, с. 36]. Не менее показательно время бытования триквектров как части сопроводительного погребального инвентаря из непогревоженных захоронений северного локального варианта пазырыкской археологической культуры нижней Катуны. Поскольку эти предметы биметаллические (бронзовое навершие и железный стержень), они вполне могут рассматриваться как датирующие. Период бытования таких изделий скифского времени не выходит за пределы середины I тыс. до н.э. Наряду с триквектрами в захоронениях Чултукова Лога-1, относящихся к северному локально-

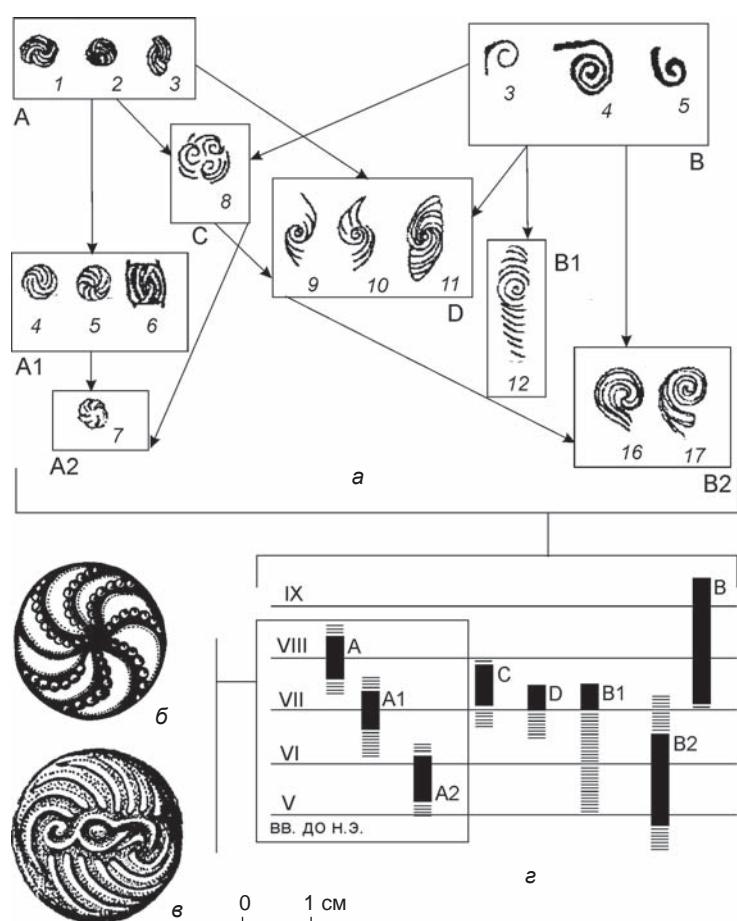

Рис. 4. Датировка декора триквектров из курганных групп Чултуков Лог-1 и Барангол-2.

а – трансформация солярного орнаментального мотива (1–3 – Уйгарак, кург. 47; 4 – Новый Кумак, кург. 6; 5 – Хемчик-Бом III, кург. 1, 2; 6 – Вакулихинский «клад»; 7 – Пятимары I, кург. 8; 8 – Тасмола V, кург. 3; 9 – Аржан-2, мог. 5; 10 – Аржан-2, мог. 5; 11 – Yanqhai (Shanshan); 12 – Аржан-2, 16 – Минусинская котловина; 17 – Куйлуг-Хем-1, кург. 22) [Смирнов, 2004, с. 428, рис. 1]; б – триквектр из Чултукова Лога-1; в – триквектр из Барангола-4; г – хронологическое соотношение трансформации солярного орнамента [Смирнов, 2004, с. 430, рис. 2].

му варианту пазырыкской археологической культуры, известны биметаллические акинаки (кург. 36) и зеркала (кург. 9), которые также бытовали не позднее середины I тыс. до н.э. Такой датировке не противоречит хронология солярного декора на триквострах (рис. 4, 2) и раннепазырыкских растительных орнаментов. Все это свидетельствует о достаточно раннем появлении носителей пазырыкской культуры на нижней Катуни. Очевидно, что они достаточно быстро освоили всю территорию Горного Алтая.

Кроме головных украшений, в Южной Сибири рисунки, соответствующие изображениям на триквострах, были выделены в петроглифах [Девлет, 1988, с. 82, 83]. Их семантика, по мнению М.А. Девлет, заключалась в идее круговорота жизни. Различные варианты солярного орнамента символизируют миры живых и мертвых. Важную роль в этих композициях играют орнитоморфные и зооморфные образы – медиаторы между Верхним и Средним мирами. Сходство триквостров Горного Алтая и Тувы [Чугунов, 2001, с. 173–178] свидетельствует не только об активных контактах или общем происхождении саглынского и пазырыкского населения эпохи раннего железа, но и о древнем бытении одного из специфичных и сакральных символов в Южно-Сибирском регионе, наряду с Центральной и Северной Европой.

Локализация триквостров исключительно на Северном Алтае позволяет рассматривать их в качестве одной из этнотерриториальных особенностей предметного комплекса носителей северного локального варианта пазырыкской археологической культуры.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Курганы скифского времени могильника Суртайка-1 // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 42–47.
- Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М.** Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: [Б.и.], 2008. – 144 с.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Бородовский А.П.** Скифские модницы с нижней Катуни // Наука в Сибири. – 2003. – № 34/35 (2420/2421). – С. 7.
- Бородовский А.П.** Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 135–140.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Волков П.В., Маркин С.В., Нохрина Т.И., Постнов А.В., Шуньков М.В.** Археологические экскурсии по памятникам Горного Алтая: путеводитель. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. – 112 с.
- Бурыкина Е.Л.** Женские украшения из могильника Майма IV в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 68–69.
- Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И.** О ходе работ по созданию Сентелеского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 109–114.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Дашковский П.К.** Материалы эпохи бронзы и раннего железа из Новоалтайского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 130–133.
- Девлет М.А.** Круговорот жизни в представлениях древних // Природа. – 1988. – № 4. – С. 82–83.
- Йетмар К.** Религия Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 310 с.
- Киреев С.М.** Спасательные работы на могильнике Майма IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: [Б.и.], 1994. – С. 39–43.
- Кириюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Заколки из захоронений скифского времени горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 386–390.
- Кириюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени средней Катуни. – 292 с.
- Кириюшин Ю.Ф., Тишкун А.А.** Скифская эпоха горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 188 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д., Черемисин В.Д.** Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98–117.
- Молодин В.И., Бородовский А.П.** Археологические памятники эпохи раннего железа в верховьях Ануя // Гуманистические науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 19–28.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 410 с.
- Смирнов Н.Ю.** Орнаментализация идей (к вопросу об орнаментальных мотивах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 426–432.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во филол. фак-та СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 173–178.

УДК 903.2

В.А. Зах, Т.Н. Глушкова

ТКАНЫЕ ПОЯСА ИЗ САРГАТСКОГО КУРГАНА 7 МОГИЛЬНИКА ЧЕПКУЛЬ-9

Несмотря на достаточно большое количество исследованных в западно-сибирской лесостепи курганов раннего железного века, в погребениях, в основном разграбленных, от поясов сохраняются лишь отдельные элементы. Поэтому остатки тканых поясов, обнаруженные в кург. 7 могильника Чепкуль-9 в Притоболье, имеют большое значение для изучения данной категории находок. Они рассматриваются в контексте всей коллекции курганных погребальных комплексов. Анализируется планиграфическое и стратиграфическое залегание инвентаря. Погребальный обряд и материалы захоронений позволяют отнести тканые пояса, как и другие находки из кургана, к саргатской культуре и датировать их в пределах III в. до н.э. – I в. н.э. При изучении текстильных образцов из погребений 2 и 3 применялся материаловедческий и структурный анализ. По технологическим признакам удалось реконструировать технологию изготовления текстиля. Изучение состава инвентаря и сопоставление с материалами из саргатских и других памятников раннего железного века в конечном счете позволили определить место пояса в погребальной одежде захороненных женщин и подробно описать внешний вид поясов в момент погребения.

Ключевые слова: курганный могильник Чепкуль-9, саргатская культура, погребения с остатками ткани, инвентарь, текстиль, тканый пояс, безворсовый ковер-килим, шерстяное полотно, полотно из волокон растительного происхождения, ткани от предметов одежды.

Введение

Пояса ранних и средневековых кочевников Азии изучаются в основном как одна из категорий материальной культуры, отражающая развитие этнокультурной традиции, и как определенная знаковая система [Добжанский, 1990]. Остатки наборных поясов раннесакского времени обнаружены на памятниках степей и лесостепей Евразии от Приаралья до Алтая и Тувы, включая Прикамье, Казахстан и Памир [Таиров, 2007]. В Западной Сибири и на сопредельных территориях данная категория находок является весьма редкой. Несмотря на достаточно большое количество исследованных саргатских курганов, в погребениях найдены в основном отдельные элементы поясов: костяные и металлические пряжки, накладки, наконечники и ременная (кожа) основа [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1993, 1994; Культура..., 1997]. Поэтому остатки тканых поясов, обнаруженные в кург. 7 могильника Чепкуль-9, имеют большое значение для изучения этого предмета одежды.

Между тем тканые пояса, как и наборные, – не редкость у населения Западной Сибири, особенно в средневековый и исторический периоды; они хорошо известны по этнографическим материалам [Лукина, 1985; Федорова, 1994; и др.]. Наиболее представительная коллекция тканых поясов XV–XVIII вв. происходит с территории Томско-Нарымского Приобья [Боброва, Яковлев, 1994; Глушкова, 2002, с. 99–100].

Находки из курганныго могильника Чепкуль-9, расположенного в лесостепной части Притоболья, подтверждают широкое распространение этого элемента костюма на обширной территории Западной Сибири в разные периоды и у представителей различных этнических групп.

Описание погребальных комплексов с поясами

Некрополь расположен на террасовидном дюнном всхолмлении южного берега оз. Чепкуль, входящем

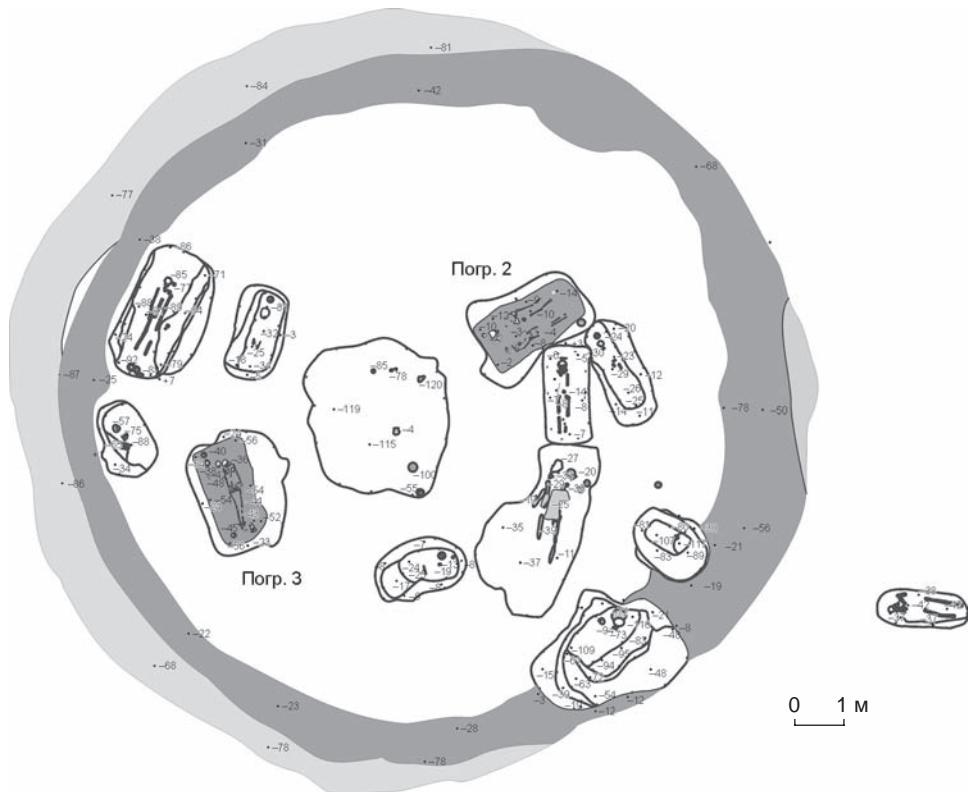

Рис. 1. План кург. 7 могильника Чепкуль-9.

го в систему Андреевских озер в междуречье Туры и Пышмы. Он состоит из 12 курганных насыпей, размерами от 15 до 35–40 м, высотой 0,4–1,0 м. Под курганы приспособлены дюнны возвышения, увеличивающие видимую высоту насыпей.

Курган 7 расположен в центральной части могильника, на краю небольшой низины, разделяющей дюну с курганами на две половины. Насыпь была «расташена» при распашке, ее размеры составляли 29×21 м, высота – ок. 1,0 м. Под ней обнаружены хозяйственныепоселенческие ямы, относящиеся к эпохе раннего металла и байтовской культуре (эпоха раннего железа). К последней относится керамика из ям и обломок бронзового кельта. По углю из ям и дереву из погребений получен ряд радиоуглеродных дат, по двум из них (СОАН-6709 2 755 ± 80 л.н.; СОАН-6712 2 285 ± 130 л.н.)* поселенческий байтовский комплекс датируется в пределах VIII–IV вв. до н.э.

Погребальная площадка кургана ограничена двумя рвами, поздний из которых менее глубокий, заполненный черной супесью, частично перекрывает более глубокий со светлым заполнением. Диаметр по внешнему краю рвов составляет более 15 м, по внутреннему – ок. 12 м. На площадке и во рвах прослежено несколь-

ко поселенческих байтовских ям и 12 захоронений. За пределами площадки, восточнее рвов, обнаружено еще одно погребение, которое, скорее всего, непосредственно связано с курганным погребальным комплексом (рис. 1). Такое расположение захоронения, а также нестандартное, выходящее за рамки традиционного обряда, положение погребенного (на животе) и присутствие детской челюсти свидетельствуют об особом статусе покойного по сравнению с теми, что захоронены на площадке кургана.

Судя по стратиграфии и радиоуглеродным датам, полученным по дереву из погребений, кург. 7 содержит разновременные комплексы. Ранний представлен одним захоронением (№ 8), расположенным в центре кургана, и более глубоким рвом, заполненным серой супесью. Более поздние погребения находятся к востоку (№ 1, 2, 4–6, 10 и 13) и западу (№ 3, 7, 9, 11) от центрального (рис. 1). В северной и юго-западной частях площадки захоронений нет. Центральная могила полностью разграблена, остальные не потревожены, что позволяет реконструировать погребальный обряд, а по частично сохранившимся в погребениях 2 и 3 остаткам тканей – полотно одежды умерших и тканые пояса.

Погребение 2 находилось в 0,5–0,6 м к северо-востоку от центрального (рис. 1). Могильная яма на поверхности материка прослеживалась как пятно неправильной формы темно-серого цвета. Впоследствии

*Радиоуглеродное датирование выполнено Л.А. Орловой, за что выражаем ей глубокую благодарность.

выяснилось: такая форма объясняется тем, что могилой была частично перерезана поселенческая яма, содержащая байтовский сосуд, на котором лежал череп одного из погребенных. В процессе разборки заполнения могилы на глубине 0,05 м от уровня материка были обнаружены остатки трех плах, лежавших вдоль продольной оси ямы. Дерево плохой сохранности, коричневатого цвета. Скорее всего, это остатки деревянного перекрытия могилы. После снятия плах и дальнейшей зачистки выявились очертания подпрямоугольной могильной ямы, вытянутой по линии СВ – СЗ. Длина могилы 2,1 м, ширина в средней части 1,03, глубина ок. 0,15 м*. В яме находились скелетные остатки двух человек, погребенных головами на юго-запад (рис. 2).

Костяк 1 располагался у юго-восточной стенки могилы. Сохранились частично кости правой части скелета, принадлежавшие ребенку 4–5 лет**. В районе шеи и головы погребенного найдены крупные стеклянные позолоченные бусы (рис. 3, 1). Возле фрагментов черепа лежала золотая серьга в 1,5 оборота (рис. 3, 4), ниже которой находилось несколько стеклянных позолоченных бусинок. В районе шеи, груди и левого бедра погребенного найдены небольшие сферические серебряные бляшки, вероятно нашивавшиеся на кожаную основу (рис. 3, 5). Возможно, ими был обширен край куртки или же они входили в состав нагрудного украшения (ожерелья). В области левого предплечья обнаружены остатки железных изделий, представляющие собой три фрагмента, соединенные окислами железа (рис. 3, 6). Возле тазовых костей, в районе правой кисти погребенного, лежали два щитка от колец: один железный со вставкой из минерала (селенит?), которая полностью распалась при расчистке, другой бронзовый (рис. 3, 2, 3). У левой бедренной кости найдены остатки окрашенного красным лаком предмета из кожи или бересты и стеклянные позолоченные бусы.

Костяк 2 находился у северо-западной стенки могильной ямы. Сохранились частично кости черепа, таза, бедренные и берцовые, принадлежавшие ребенку 9–12 лет. При сооружении могилы, перерезавшей яму поселения байтовской культуры, на уровне дна устроители обнаружили сосуд, на который, как на подставку, уложили голову ребенка при погребении. Рядом с остатками черепа стоял другой сосуд, орнаментированный прямоугольными фестонами, выполненнымными гребенчатым штампом, и лежало прядильце (скорее всего, его имитация), изготовленное из фрагмента керамики (рис. 4, 1, 2). Здесь же найдены стеклянные бусы (рис. 4, 4). В районе левого виска находилась бронзовая серьга со вставкой из синевато-зеленого стекла (рис. 4, 6). На украшении сохранились остатки войло-

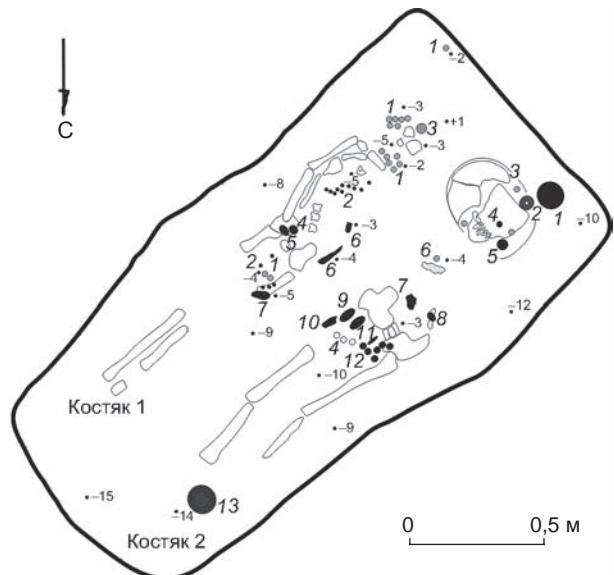

Рис. 2. План погр. 2.

Костяк 1: 1 – стеклянные позолоченные бусы; 2 – серебряные бляшки; 3 – золотая серьга; 4 – бронзовый щиток от кольца; 5 – железный щиток от кольца; 6 – остатки железных изделий; 7 – остатки предмета, окрашенного красным лаком.

Костяк 2: 1 – сосуд; 2 – керамическое прядильце; 3, 4 – бусы; 5 – бронзовая серьга со вставкой; 6 – береста с дырочками; 7 – изделие из гофрированной кожи (?); 8 – бронзовый щиток от кольца; 9 – полые бронзовые фигурки уточек; 10 – остатки изделия, окрашенного красным лаком; 11, 12 – бронзовые пронизи; 13 – китайское зеркало.

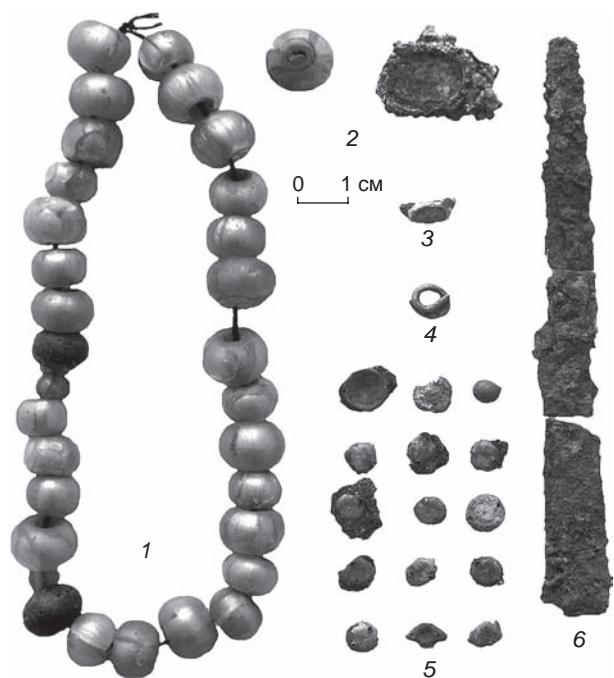

Рис. 3. Материалы, обнаруженные с костяком 1 в погр. 2. 1 – бусы; 2 – железный щиток от кольца; 3 – бронзовый щиток от кольца; 4 – золотая серьга в 1,5 оборота; 5 – серебряные бляшки-нашивки; 6 – остатки железного ножа.

*Здесь и далее глубина от материка.

**Здесь и далее определения А.Н. Багашева и О.Е. Пошечиновой. Выражаем им благодарность.

ка (?) и волосы черного цвета, заплетенные в косичку. Не исключено, что серьга могла быть вплетена в косу покойного. В районе шеи и груди погребенного обнаружены бусина, остатки деревянного изделия, бересты с дырочками и тисненой (?) кожи. С левой стороны выше костей таза найден бронзовый щиток от кольца (рис. 4, 5). У левой бедренной кости лежали бронзовые пронизи в виде гофрированных трубочек и сомкнутых пластинок, а также три бусины (рис. 4, 7–11; 13); у пра-

Рис. 4. Материалы, обнаруженные с костяком 2 в погр. 2. 1 – сосуд; 2 – керамическое прядлище; 3 – полые бронзовые фигурки уточек; 4, 7 – бусины; 5 – бронзовый щиток от кольца; 6 – бронзовая серьга; 8–11, 13 – бронзовые пронизи; 12 – остатки изделия, окрашенного красным лаком; 14 – китайское зеркало.

Рис. 5. Фрагмент остатков тканого пояса. Погр. 2, костяк 2.

вой – две полые литые бронзовые фигурки уточек с отверстиями в спине и остатками кожаных ремешков в них (рис. 4, 3). Скорее всего, «уточки» прикреплялись ремешками к тканому поясу, от которого сохранились фрагменты полотна из растительного волокна (рис. 5). Здесь же найдены остатки органического материала (кожи, дерева?), окрашенного красным, вероятнее всего, китайским лаком (см. рис. 4, 12). В районе левой стопы погребенного обнаружено разбитое в древности металлическое зеркало с петелькой, лежавшее отражающей поверхностью вниз и, возможно, находившееся в футляре из какого-то органического материала. На тыльной стороне изделия имеются орнамент и надпись, состоящая из групп иероглифов, расположенных по кругу (см. рис. 4, 14). А.Л. Ивлиев, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), по написанию иероглифов и оформлению определил, что оно находит ближайшие аналогии среди зеркал Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) в Китае*. Такие изделия, по его словам, встречены в провинциях Шаньдун и Гуанси, правда, в последней аналогичное зеркало найдено в восточно-ханьском погребении, но во всех остальных случаях они датируются временем Западной Хань. По дереву из перекрытия погр. 2 Л.А. Орловой была определена дата (СОАН-6713 2 170 ± 80 л.н.), которая в некалиброванной системе достаточно хорошо согласуется с возрастом зеркала.

Погребение 3 находилось в 1,0–1,5 м к юго-западу от центрального (см. рис. 1). При расчистке погребальной площадки была хорошо заметна структура заполнения могильной ямы: по краям прослеживалась окрашенная супесь, в середине – материковая засыпка. На разрезе видно, что могила была впущена в уже насыпанный курган: ее материковая засыпка с включениями серой супеси перерезает темно-серую насыпь. На уровне материка по краям могила была заполнена темно-серой супесью, а в центральной части – серой, смешанной с материковой засыпкой.

В яме подпрямоугольной формы размерами 1,95×0,94 м, глубиной 0,76 м ближе к северо-восточной стенке находился костяк женщины 20–25 лет (рис. 6, 7). При расчистке местами (особенно над бронзовыми предметами) встречались остатки дресвины, что, вероятно, свидетельствует о существовании деревянного перекрытия. Женщина была погребена на спине, головой на северо-запад. В западном углу могилы стояли два сосуда, третий лежал на боку рядом с черепом, четвертый стоял с правой стороны в ногах погребенной (рис. 8). С двух сторон у черепа найдены серьги, представляющие собой бронзовый листок с напаянными на него небольшими

*Выражаем глубокую благодарность А.Л. Ивлиеву.

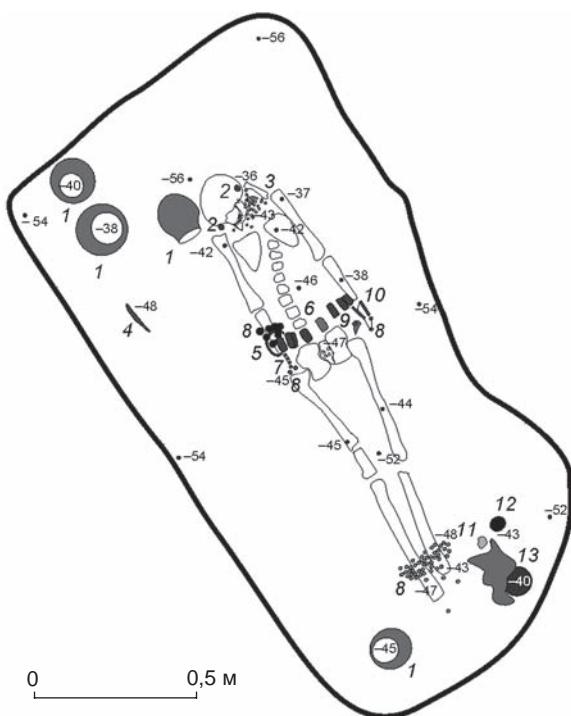

Рис. 6. План погр. 3.

1 – сосуды; 2 – бронзовые серьги; 3 – бисер; 4 – остатки железного ножа; 5 – бронзовый браслет; 6 – бронзовые пластины с остатками тканей; 7 – бабочкообразные пронизи; 8 – бусины; 9 – сурьматаш; 10 – пронизи в виде спирали и гофрированной трубочки; 11 – минерал для чистки зеркала; 12 – керамическое прядлище; 13 – бронзовое зеркало со штырьком.

Рис. 7. Фрагмент погр. 3.

Рис. 8. Сосуды из погр. 3.

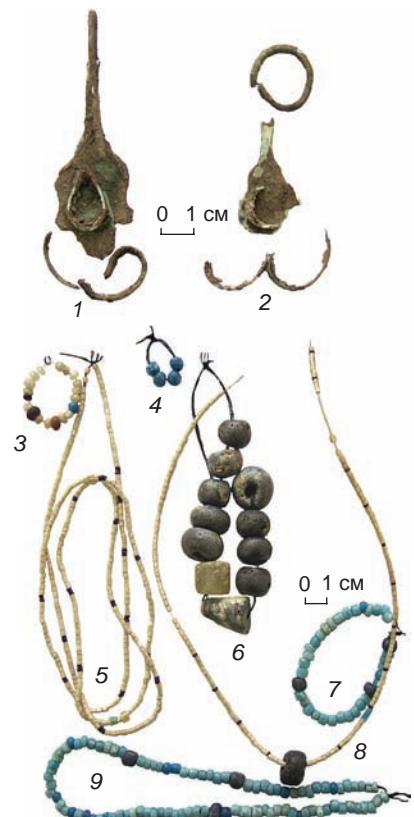

Рис. 9. Украшения из погр. 3.
1, 2 – бронзовые серьги; 3, 4, 6, 7, 9 – бусы;
5, 8 – бисер.

спиральками и стерженьком (рис. 9, 1, 2). В районе шеи и нижней части головы погребенной находилось скопление бисера (рис. 9, 5, 8). Возможно, он был нашит на головной убор или верхнюю часть одежды.

Рис. 10. Находки из погр. 3.

1 – бронзовое зеркало; 2 – керамическое прядлище; 3 – бронзовый браслет; 4 – минерал для чистки зеркала; 5 – сурьматаш; 6–9 – бронзовые пронизи.

Здесь же находились две бусины. На костях предплечья правой руки были бронзовый узкий пластиначатый браслет, на концах которого заметны насечки, по четыре с каждой стороны (рис. 10, 3), и бусы черного цвета (см. рис. 9, 6). Возле костей таза с левой стороны лежали четыре бабочкообразные бронзовые нашивки-пронизи (см. рис. 10, 6). Скорее всего, они были нанизаны на кожаные ремешки, оканчивающиеся двумя бусинами. Возле костей левой кисти найдены две пронизи, две бусины и сурьматаш (см. рис. 10, 5, 8). Судя по расположению, они, вероятно, подвешивались к поясу на тонких свисающих вниз ремешках, причем бусины находились на их концах.

Пояс состоял из девяти прямоугольных бронзовых пластин с двумя петельками на обратной стороне, в которые были прорыты кожаные ремешки, лицевая поверхность декорирована двумя продольными линиями насечек, по семь в каждой (рис. 11). Судя по расположению в могиле, пять пластин находились на спине погребенной, четыре – спереди, по две ближе к бокам; между этими парами прослежены остатки ткани, представляющие, скорее всего, концы пояса, завязанные узлом (рис. 12).

В районе щиколоток погребенной найдены россыпи голубых бусинок (см. рис. 9, 7, 9), которыми, вероятно, были расшиты края обуви, а может быть, на ноги были надеты бусы. В ногах умершей слева обнаружено бронзовое зеркало с обломанным и ремонтировавшимся в древности штырьком (см. рис. 10, 1), возможно находившееся в берестяном чехле, но не исключено, что береста покрывала дно могилы. Рядом лежали минерал, вероятно использовавшийся для чистки отражающей поверхности изделия, и имитация прядлища, изготовленная из стенки сосуда (см. рис. 10, 2, 4).

Рис. 11. Остатки левой части тканого пояса в погр. 3.

Рис. 12. Остатки центральной части тканого пояса в погр. 3.

Погребальный обряд и материал захоронения позволяют относить его к саргатской культуре и датировать в пределах III–II вв. до н.э.

Описание образцов текстиля тканых поясов

В погребениях 2 и 3 были найдены остатки тканей, находившиеся под массивными бронзовыми изделиями: в погр. 2 – рядом с полыми фигурками уточек, в погр. 3 – с поясными пластинами. В первом случае обнаружен один слой ткани, во втором – четыре, расположенных друг над другом и относящихся к разным изделиям: два – к разным видам одежды погребенной, один – к тканому поясу и нижний – к коврику-подстилке. Сохранность всех текстильных фрагментов, несмотря на их незначительные размеры, достаточная для получения технологических характеристик ткани.

Текстиль из погр. 2. Текстильный фрагмент с максимальными размерами 7×6 см сохранился благодаря близости к металлу (бронзовым фигуркам уточек), о чем свидетельствуют буро-коричневые окислы, загрязняющие поверхность ткани. Имеются также механические загрязнения. Ткань рыже-коричневого цвета*. Кромок нет, ошибки в переплетении отсутствуют. Уток и основа неопределимы. Ткань очень плотная, толстая, но не грубая благодаря использованию тонких нитей. Нити основы (предположительно) толще уточных, свиты с помощью Z-кручения из двух одинарных также Z-кручения. Структура нити основы может быть описана формулой ZWZ. Уток состоит из двух одинарных нитей Z-кручения, свитых в жгут слабым S-кручением, формула ZWS. Плотность по основе составляет 25–30 нитей на 1 см, по утку – 12. Нити утка не выходят на поверхность образца, они находятся внутри плотно расположенных основных. Сыре предположительно растительное (волокна под прикасающим светом бинокуляра не имеют блеска, непрозрачны; при сжигании ощущается запах горелой бумаги, остается характерный пепел).

Ткань определяется как основный репс из растительного сырья. Сложная витая структура нитей, большая плотность ткани являются причиной характерной «рябчатой» поверхности полотна и увеличивают его прочность.

Текстиль из погр. 3. Образец 1 (рис. 13, а) – фрагмент текстиля, сохранившийся благодаря близости к бронзовым пластинам пояса. Он оказался сложен в складки. После их расправления было выяснено, что ширина фрагмента 5,2 см, длина 5 см. Цвет темно-буро-коричневый, скорее всего, естественный.

*Все образцы не тестировались на красители.

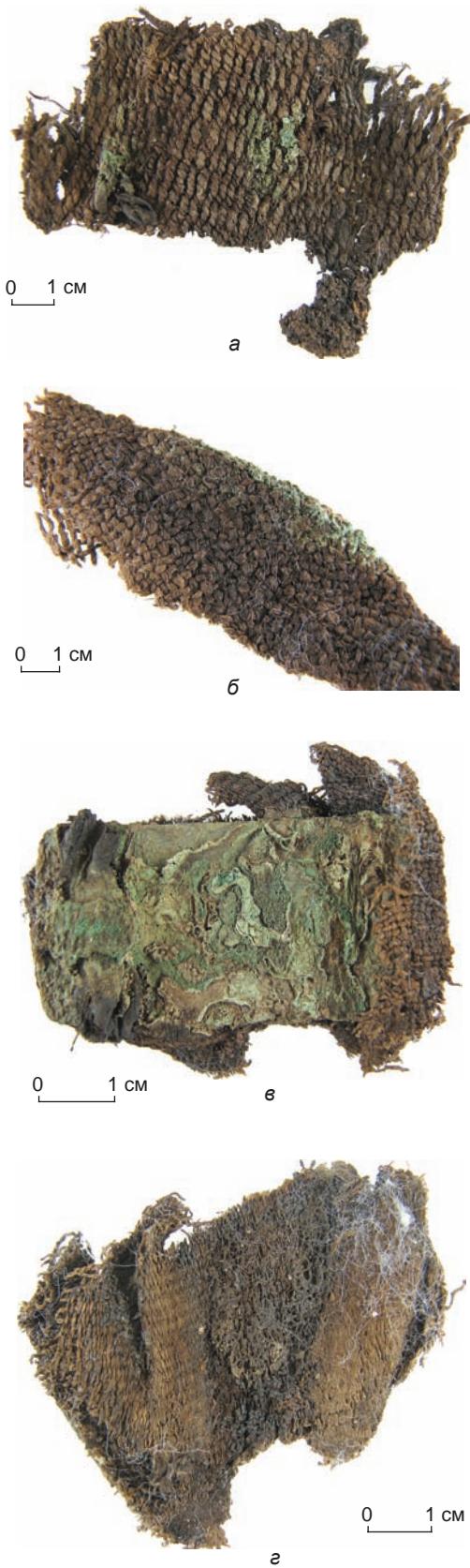

Рис. 13. Образцы ткани из погр. 3.
а – обр. 1; б – обр. 2; в – обр. 3; г – обр. 4.

В образце имеются кромки, поэтому точно фиксируются основа и уток. Ткань очень плотная, толстая; на поверхности образца хорошо прослеживаются жгутики основных нитей; уток в полотне практически не виден, кроме места, где была сделана ткацкая ошибка. Основа и уток двойные. Основа состоит из двух одинарных нитей Z-кручения, сильно скрученных S-кручением, формула ZWS. Одинарные нити тониной 0,5 мм, двойные – 0,8 мм. Уток также состоит из двух одинарных нитей Z-кручения, но они не скручены друг с другом, формула ZWZ. Тонина одинарных нитей 0,5 мм. Плотность по основе составляет примерно 18 нитей на 1 см, по утку намного меньше – 5 двойных нитей на 1 см. Сырье – шерсть (?); об этом свидетельствуют характерный запах жженого волоса, спекание волокон, их внешний вид под бинокулярным микроскопом.

Образец определяется как фрагмент тканого шерстяного пояса репсового переплетения (основный репс). Использование крученых, довольно толстых и прочных нитей в основе и утке позволяло увеличить прочность ткани.

Образец 2 (рис. 13, б) – фрагменты ткани величиной 5×2 и 3×2 см, сохранившиеся также благодаря бронзовым пластинам пояса. Цвет буро-коричневый. Несмотря на небольшие размеры фрагментов, их текстильные характеристики выявляются легко и точно. Это ткань полотняного переплетения, видимо, от одежды, обнаруженная между материалом тканого пояса и ковриком-подстилкой. Полотно очень плотное, без просветов; на поверхности визуально хорошо различимо регулярное полотняное переплетение. Кромки в полотне отсутствуют, поэтому основа и уток

неопределены. Все нити одинарные, Z-кручения, тониной 0,2–0,4 мм. Плотность по обеим структурам составляет 16 нитей на 1 см. Сырье растительное, об этом свидетельствуют запах жженой бумаги при сжигании и характер обугливания волокон.

Ткань определяется как растительное полотно.

Образец 3 (рис. 13, в) – фрагменты также небольших размеров (1,5×1 и 3×2 см), расположавшиеся ниже обр. 2, но выше коврика-подстилки рядом с поясными бляшками. Ткань полотняного переплетения, с небольшими просветами, но довольно плотная, тонкая. Цвет буро-коричневый. Кромки отсутствуют, уток и основа неопределены. Нити обеих структур одинарные, Z-кручения, тониной 0,4–0,5 мм. Плотность по одной структуре составляет 12 нитей на 1 см, по другой – 16. Обычно принято считать, что в подобных тканях регулярного переплетения плотность по утке меньше, чем по основе. Следовательно, нити первой структуры можно предположительно считать утком. Судя по органолептическим характеристикам, сырье – шерсть.

Ткань определяется как шерстяное полотно.

Образец 4 (рис. 13, г) – это три фрагмента (размеры 5,0×4,2; 4,0×3,6 и 6,0×3,6 см) очень плотного и довольно тонкого полотна репсового переплетения (уточный репс). Кромки отсутствуют, однако по технологическим характеристикам мы можем предположить, что это именно уточный репс, о чем, в частности, свидетельствует бороздчатая фактура ткани с бороздками вдоль толстой редкой двойной основы. Цвет буро-коричневый. Нити основы (предположительно) двойные, круто свиты (до 10 оборотов на 1 см) с помощью S-кручения из двух одинарных Z-кручения, формула SWZ. Нити утка одинарные, имеют слабое Z-кручение.

Нити обеих структур тонкие (тонина основных – 0,2 мм, уточных – 0,1 мм), ровные, высокого качества. Плотность по основе составляет 10 нитей на 1 см, по утке – до 60. Все эти характеристики свидетельствуют о высоком уровне ткацкого производства у населения, изготавлившего полотно. Судя по органолептическим характеристикам, сырье – шерсть.

Ткань определяется как тонкий безворсовый шерстяной ковер-килим.

Подробное технологическое описание фрагментов текстиля позволяет сделать вывод о наличии в материалах погр. 3, как минимум, четырех видов тканых изделий: предметов одежды из растительного и шерстяного полотна, тканого шерстяного пояса и тканого тонкого шерстяного ковра-килима высокого качества (рис. 14).

Образец 1 (фрагмент пояса) из погр. 3 имеет много общих характеристик с образцом из погр. 2. На этом основании можно

Рис. 14. Остатки ковра-килима, на котором лежала бронзовая плата тканого пояса, из погр. 3. Слева видны остатки тканей одежды погребенной.

предположить, что и последний также является фрагментом тканого пояса, но изготовленного из растительного сырья.

Пояса с подобной структурой переплетения были широко распространены в Западной Сибири в более позднее время (например, они представлены в материалах XIII–XIV и XV–XVI вв. Сайгатинского могильника, в Томско-Нарымском Приобье повсеместно в XV–XVI вв. и позже, вплоть до XIX в.). Все они изготавливались из двойных нитей основы высокой плотности, двойных или одинарных уток с меньшей плотностью, которые благодаря этому не выходят на поверхность полотна. Возможно, такая технология использовалась и раньше (но пояса не сохранились). Она универсальна, т.к. позволяет сформировать плотное и прочное полотно, что необходимо для данного предмета одежды. Вообще тканые пояса в древности были распространены гораздо шире, чем это обычно представляется. Об их использовании, в т.ч. и в обрядовой (ритуальной) практике, имеются многочисленные этнографические свидетельства. Очень часто тканые пояса находят в погребениях. Возможно, это дань какой-то культурной традиции. Но технология изготовления таких поясов надэтнична именно в силу своей универсальности.

Совершенно очевидно, что образцы 2 и 3 из погр. 3 имеют много общего в технологических характеристиках и отличаются лишь по признаку «сырье». Видимо, ткани делали по одной технологии, значительно отличающейся от той, что применялась при изготовлении поясов и ковров-килинов. В рамках технологической традиции производства тканей для одежды использовался станок с приспособлением для фиксации расстояния между нитями (находит отражение в одинаковой плотности по основе). По всей вероятности, это горизонтальный станок с бердом. Для изготовления пояса применялось более простое приспособление, где расстояние между нитями основы строго не фиксировалось (отсутствовало бердо, можно предположить наличие основоразделителя и ниченки для образования и смены ткацкого зева). Ковер-килин с описанными технологическими характеристиками (толстая редкая основа и тонкий плотный уток) мог быть сделан только на вертикальном ткацком станке, где жестко закреплялись нити основы.

Заключение

Благодаря присутствию в погребениях 2 и 3 достаточно массивных бронзовых предметов, окислы которых законсервировали органические остатки, стало возможно реконструировать не только тканые пояса, ткани погребальных одежд, но и некоторые нюансы погребального обряда.

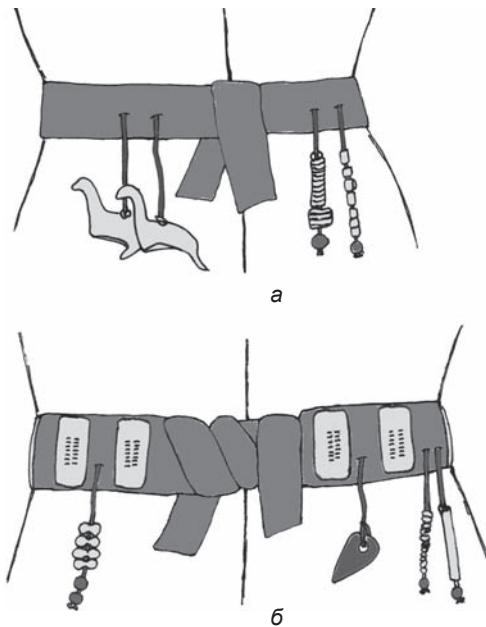

Рис. 15. Реконструкция тканых поясов из погр. 2 (а) и 3 (б).

Наличие у подростка 9–12 лет, захороненного в погр. 2, тканого пояса со спускающимися от него вниз на кожаных шнурках бронзовыми пронизями и «уточками» и отсутствие такого, во всяком случае с бронзовыми украшениями, у ребенка 4–5 лет, захороненного там же, вероятно, свидетельствует об определенном возрастном рубеже начала их ношения. Мы не исключаем, что право носить пояса имели девушки, прошедшие обряд инициации. На женский пол подростка в погр. 2 косвенно указывает присутствие прядища, точнее, его имитации, бронзовой серьги со вставкой и китайского зеркала. У младшего ребенка также была серьга, но она представляла собой проволочное золотое колечко в 1,5 оборота. Тканый пояс из погр. 3 также принадлежал женщине 20–25 лет, что подтверждается и наличием в инвентаре прядища-имитации из стенки станкового сосуда, серег из бронзы, бронзового зеркала со штырьком.

Пояс погребенной в парном детском захоронении, скорее всего, представлял собой полосу достаточно плотной растительной ткани, к которой слева, вероятно, на трех ремешках с бусинками на концах были прикреплены бронзовые гофрированные пронизи и пластинки, свернутые в колечки, а справа, также на ремешках, – две бронзовые литые «уточки» (рис. 15, а).

Положение текстильных предметов в погр. 3 позволяет реконструировать не только пояс, виды одежды на погребенной женщине, но и обустройство дна могилы. Скорее всего, на дне лежала береста, а сверху нее ковер-килин. На покойной была рубаха из рас-

тительного полотна, поверх нее шерстяная одежда (кафтан или халат?), подпоясанная тканым шерстяным поясом.

На плотную ткань основы пояса на ремешках, прорезанных в петли, были прикреплены девять бронзовых пластин: сзади (т.е. на спине) – пять, спереди ближе к бокам – по две с каждой стороны. На животе концы пояса завязывались узлом. С левой стороны с пояса свисали два ремешка с нанизанными на них бронзовыми пронизями, одна из которых гофрированная, другая – проволочная спираль, и с бусинами на концах. С этой же стороны на ремешке крепился и сурьматаш. Справа свисал ремешок с четырьмя пронизями-пластинками бабочковидной формы и двумя бусинами на конце (рис. 15, б).

Текстильные тканые пояса с украшениями, вероятно, играли в саргатском обществе особую роль. С одной стороны, они были неотъемлемым предметом одежды женщин, достигших совершеннолетнего возраста, с другой – служили основой, на которую крепились женские аксессуары и украшения. Не исключено, что на такую же тканую основу прикреплялись и золотые пластины с изображениями сцен терзания травоядных хищниками, являющиеся накладками, скорее всего, мужских поясов. Вероятно, уже у ранних кочевников начало формироваться особое отношение к поясу как к предмету одежды, показывающему особый статус его владельца. Мы не исключаем наличие в костюме других категорий саргатского населения (дети, низшие и зависимые слои) поясов, в т.ч. и тканых, но, судя по всему, они имели исключительно практическое назначение.

Список литературы

Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк. гос. пед. ин-та, 1994. – С. 61–88.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Сургут. гос. пед. ин-т, 2002. – 206 с.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – 164 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – 364 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – 274 с.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб.: Петербургкомстат, 1994. – 285 с.

Материал поступил в редакцию 23.04.08 г.

УДК 903.27

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин

ПРЕДМЕТЫ МОБИЛЬНОГО ИСКУССТВА РАННЕГО И СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ*

Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья демонстрируют высокий художественный уровень исполнения. Это относится прежде всего к зооморфным скульптурам на каменных пестах, рукоятях бронзовых кинжалов, Г-образным навершиям из кости и рога. Преобладают профильные изображения в основном животных и птиц. Наиболее распространен образ лошади, запечатленный в камне и металле. Это позволяет судить о значимой роли, которую играла лошадь в хозяйственной и религиозной жизни общества в данную эпоху. Большинство изображений головы человека, а также человека с лошадью, группы животных тяготеет к Прииртышью. Вероятно, именно там зародилась и получила распространение эта традиция.

Ключевые слова: лесостепное Обь-Иртышье, ранний и средний бронзовый век, мелкая пластика, песты, навершия, ножи, подвески, каменный сосуд, художественный образ, антропоморфные и зооморфные сюжеты, лошадь, птица, человек, баран, бык, изобразительная традиция, профильное и анфасное изображения.

Введение

Современный уровень исследования памятников лесостепного и степного Обь-Иртышья конца III – первой половины II тыс. до н.э. позволил, наряду с разработкой историко-культурных, этногенетических, хозяйственных вопросов, приступить к рассмотрению особенностей искусства [Молодин, 1992; Кирюшин, Кунгурев, Тишкин, 2002; Кирюшин, Грушин, 2007]. Основными источниками являются мелкая пластика, орнаменты, украшения, т.е. предметы мобильного и декоративно-прикладного искусства. Особое внимание в научных публикациях уделялось находкам, связанным с сейминско-турбинскими и самусьскими изобразительными традициями [Пяткин, Миклашевич, 1990; Бобров, Ковтун, 2002; Ковтун, 2006; Есин, Ожередов, 2008; Молодин, 1992; и др.]. За последнее

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2009-1.1-301-072-016 «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности».

время количество предметов искусства, происходящих с обозначенной территории, значительно выросло. Этому способствовали интенсивные полевые исследования. Таким образом, назрела необходимость обобщения всех имеющихся материалов по данной тематике, их качественной публикации и анализа.

Каменные предметы мобильного искусства

Наибольшую группу предметов мелкой пластики составляют изделия из камня. Оригинальная скульптура сидящей хищной птицы со сложенными крыльями, выполненная из бурой яшмы, была обнаружена на поселении Березовая Лука (рис. 1, 3; 2, 5). У нее сильно выступающая грудка, хорошо выраженные голова, крылья и живот, нарезками обозначены перья. Высота изделия 2,5 см, диаметр ок. 2 см. В центре просверлено биконическое отверстие для крепления. Особенности изготовления и декорирования, а также следы износа указывают на то, что, вероятнее всего, предмет достаточно жестко крепился к кожаной основе (головной убор?). Левая сторона изделия заполирована сильнее правой.

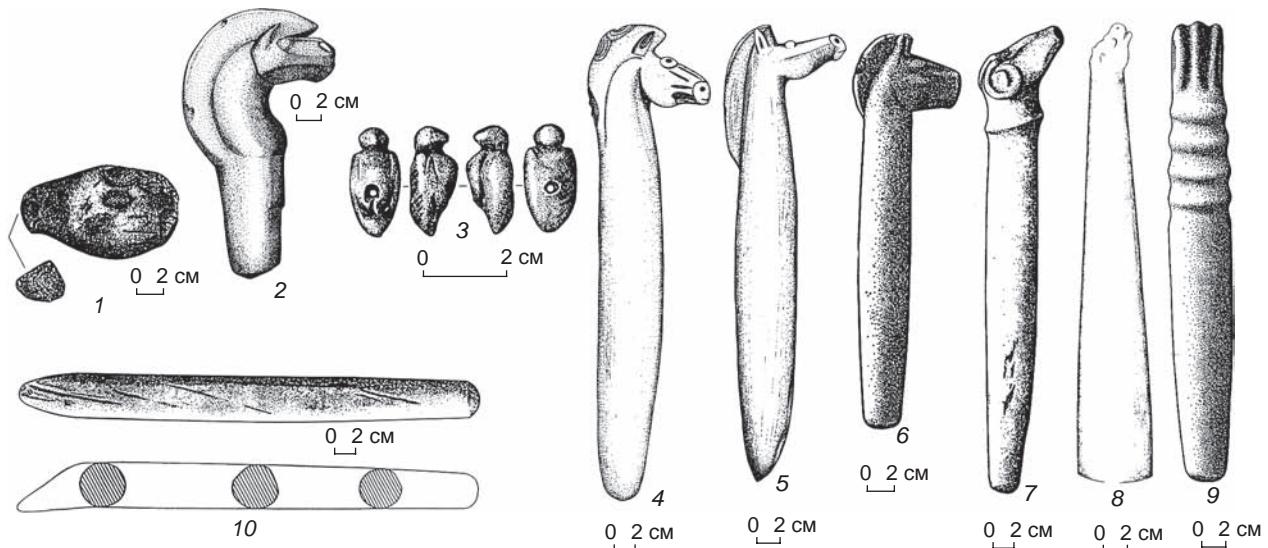

Рис. 1. Зооморфная каменная скульптура из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Кольванское I (по: [Алексин, 1999]); 2 – Омск (по: [Мошинская, 1952]); 3 – Березовая Лука (по: [Кириюшин, Малолетко, Тишкун, 2004]); 4 – Усть-Каменогорск (по: [Славнин, 1949]); 5 – Семипалатинск (по: [Черников, 1960]); 6, 7, 9, 10 – Шипуново V (по: [Кириюшин, Иванов, 2001]); 8 – Иткуль (по: [Кириюшин, 2002]).

Рис. 2. Каменная скульптура эпохи бронзы из лесостепного Обь-Иртышья (фото И.В. Ковтуна, И.В. Мерцца, П.И. Шульги).

1–4 – Шипуново V; 5 – Березовая Лука; 6 – с. Саввушка.

Это может свидетельствовать о прикреплении фигурки в профиль, клювом влево. Такой ракурс, вероятнее всего, был узнаваем и востребован. Это подчеркивается и большей выраженностью образа птицы именно при рассмотрении скульптуры в профиль.

Следует отметить, что левая сторона имела важное мировоззренческое значение для елунинского населения. Это уже отмечалось ранее при анализе погребального обряда, зафиксированного в археологических комплексах, – размещение умерших в могильной яме на левом боку, с «обращенным взором» влево [Грушин, 2001, с. 50–51]. Скульптурные изображения хищных птиц в сидящем положении и со сложенными крыльями в Сибири встречаются крайне редко, в отличие от водоплавающих. Образ птицы широко представлен в наскальном искусстве Саяно-Алтая начиная, как минимум, с эпохи энеолита [Чигаева, 2004, с. 402]. В Волго-Окском междуречье на памятниках волосовской культуры III тыс. до н.э. известны костяные фигурки птиц, являвшиеся нашивками на одежду или подвесками [Емельянов, Кашина, 2004]. Изображения птиц присутствуют на самусьской керамике [Косарев, 1981, с. 254]. По определению С.С. Москвитина, на керамическом сосуде раннего бронзового века с поселения Тух-Эмтор IV изображена хищная птица, скорее всего, орлан-белохвост, скопа или коршун (налепная скульптура) [Кирюшин, Малолетко, 1979, рис. 13, 1, с. 33]. Геральдические изображения орлов имеются на амулетах-печатях II тыс. до н.э., происходящих из Маргианы [Сараниди, 2004, рис. 6]. Скульптуры птиц известны у различных народов Сибири. Так, алтай-кижи изготавливали деревянные фигурки, служившие «помощниками» шамана [Иванов, 1979, с. 85]. С хищными птицами связано большое количество мифов и представлений у многих народов Евразии. Известны они в Авесте и Ригведе, в мифологии туркмен [Гундогдыев, 2004, с. 225], финно-угров [Косарев, 1981, с. 254] и др. Несмотря на большое количество изображений птиц в археологических и этнографических материалах, каменная птичка с Березовой Луки остается уникальным предметом мобильного искусства. Раскрытие его семантики – тема отдельного исследования.

В материалах эпохи бронзы Обь-Иртышья и за его пределами известны изделия, которые трактуются исследователями как жезлы или песты. Они представляют собой каменные стержни со скульптурным изображением на одном конце. На Алтае найдено несколько подобных вещей. Пест с оз. Иткуль [Кирюшин, Кунгурев, Тишкин, 2002, рис. 1, 4] был увенчан скульптурным изображением головы медведя с поднятой кверху мордой (см. рис. 1, 8). Длина изделия 38,5 см, к навершию оно равномерно сужается. Четыре песта

происходят из разрушенного погребения могильника Шипуново V. Одно изделие имеет сложное оформление стержня (см. рис. 1, 9; 2, 2, 4), остальные увенчаны скульптурными изображениями головы лошади (см. рис. 1, 6; 2, 1, 4), барана (см. рис. 1, 7; 2, 3, 4), змеи (?) (см. рис. 1, 10; 2, 4). Пест в виде головы быка найден на поселении Колыванско I (см. рис. 1, 1) [Алехин, 1999, рис. 5, 1]. Серия подобных предметов происходит с территории Верхнего и Среднего Прииртышья. Это каменные песты с навершиями в виде головы коня из Усть-Каменогорска (см. рис. 1, 4) и Семипалатинска (см. рис. 1, 5). Одно каменное навершие в виде головы коня найдено в Омске (см. рис. 1, 2).

Другим типом каменных пестов являются предметы со скульптурными изображениями головы человека в верхней части. Большинство таких находок связано с Прииртышьем. Песты происходят из окрестностей с. Саввушка (см. рис. 2, 6; 3, 3) и Семипалатин-

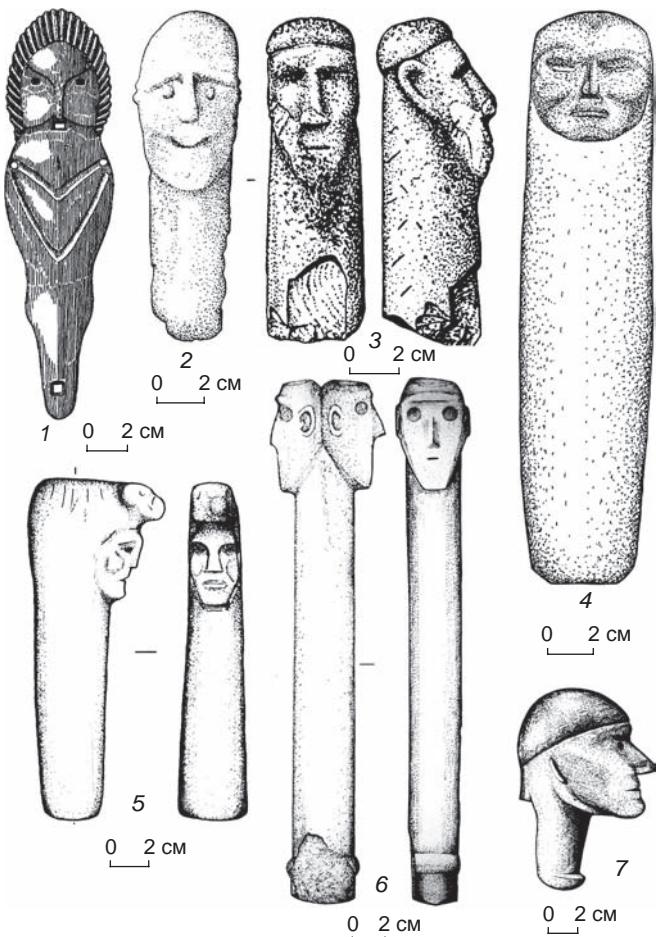

Рис. 3. Антропоморфная скульптура из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Кораблик I (по: [Грушин, Кокшанев, 2004]); 2 – Зайсан (по: [Кирюшин, 2002]); 3 – Саввушка (по: [Кирюшин, 1991]); 4, 5 – Семипалатинская обл. (по: [Маргулан, 1979; Ченченкова, 2004]); 6 – р. Ир (по: [Мошинская, 1952]); 7 – р. Туй (по: [Мошинская, 1952]).
1 – кость, 2 – бронза, остальное – камень.

Рис. 4. Каменный сосуд со сценой охоты из с. Лаптев Лог (вид с трех сторон).

ской обл. (рис. 3, 4). Известны два антропоморфных навершия «жезлов» или «скипетров»: каменное с р. Туй (рис. 3, 7) и бронзовое из краеведческого музея г. Зайсана (рис. 3, 2). Каменный пест с р. Ир (правый приток Иртыша) венчает скульптурное изображение двух человеческих голов, ориентированных в разные стороны (рис. 3, 6). Оригинально оформлено навершие у песта из Семипалатинской обл. (рис. 3, 5): рельефно выполнено человеческое лицо, а над ним нависает скульптурное изображение головы животного (барана?). А.П. Окладников и С.В. Студзицкая отнесли данные изделия к кругу тотемно-фаллических предметов [Окладников, 1950, с. 331; Студзицкая, 1969, с. 62]. Такие песты могли использоваться при совершении определенных ритуальных действий, свя-

занных, например, с растиранием каких-то растений. Каменные навершия в виде лошадиных морд широко распространены на памятниках энеолита и ранней бронзы Восточной Европы, они трактуются как часть составных «скипетров» [Дергачев, 2007].

Свообразным предметом искусства является находка из с. Лаптев Лог [Кирюшин, 2002, рис. 132–136]. На тулове и дне каменного баночного сосуда изображена сцена охоты на быка (рис. 4, 5). Фигура человека, стреляющего из лука, расположена на дне, а изогнутый лук со стрелой – уже в придонной части, под брюхом быка, изображенного на тулове. В загривке животного торчит еще одна стрела. Быка держат две собаки: одна вцепилась в морду, другая – в заднюю часть. Изображение быка выполнено в своеобразной окуневской манере и находит ближайшие аналогии в окуневских материалах и искусстве окуневского времени Южной Сибири и юга Западной Сибири. За ним расположены одна над другой две фигуры невысоких лошадей с коротким туловищем, но с крупной головой и торчащими ушами, что характерно для эпохи ранней бронзы, круга культур сейминско-турбинского типа юга Западной Сибири и Восточного Казахстана. Над фигурой быка находится стилизованное изображение бегущего марала. В верхней части сосуда изображены три козла, среди которых есть горный с загнутыми рогами, преследуемый двумя собаками и полосатым хищником. Сцены охоты, да и сам набор животных характерны для более южных, может быть, предгорных, районов. И, скорее всего, этот сосуд можно связывать с пришлым населением или уже сформировавшимся елунинским.

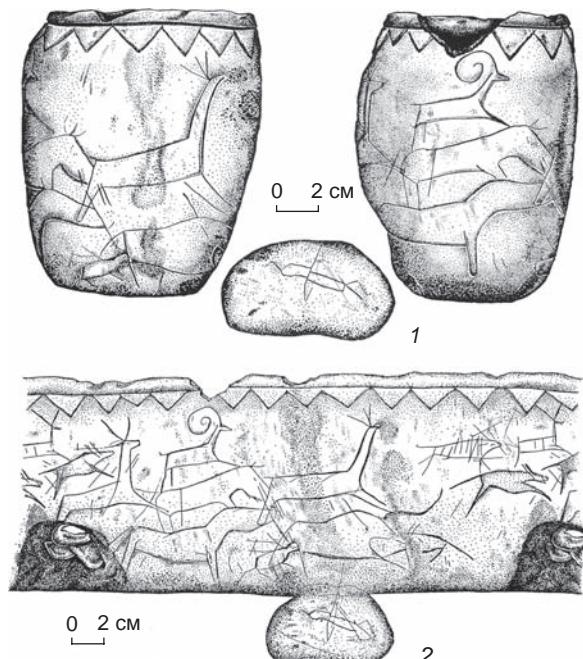

Рис. 5. Прорисовка каменного сосуда со сценой охоты из с. Лаптев Лог (1) и его развертка (2) (по: [Кирюшин, 2002]).

Предметы мобильного искусства из кости и рога

Мелкая пластика из кости и рога на памятниках Обь-Иртышья эпохи ранней бронзы представлена несколькими категориями изделий. Наиболее многочисленная – т.н. Г-образные навершия. Каждая подобная находка уникальна по своим морфологическим и изо-

бразительным особенностям. Тем не менее можно наметить три типа изделий. Первый характеризуется отсутствием дополнительных изобразительных элементов. Одно изделие этого типа происходит с памятника Калиновка-2 [Кирюшин и др., 2005, рис. 1, 3]. Оно выполнено грубо, без дополнительной обработки, имеет отверстие для крепления (рис. 6, 4). В силу этих особенностей можно предположить, что такие предметы были наиболее функциональны с практической точки зрения.

Второй тип изделий представлен двумя навершиями, обнаруженными в закрытых погребальных комплексах могильников Сопка II [Молодин, 1985, рис. 27, 5] и Преображенка-6 [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, рис. 1]. Они выполнены в виде головы хищной птицы (ворон?) и характеризуются наличием реалистичных изобразительных деталей. Так, на предмете из могильника Сопка II показаны мощный рельефный клюв, оформленная голова и глаз (рис. 6, 2). Изделие из Преображенки-6 отличается более изящной и тщательной проработкой деталей. Глаза выделены резными ободками, перьевые ушки показаны каплевидным орнаментом (рис. 6, 3).

Третий тип наверший представлен единственной случайной находкой из Причумышья (рис. 6, 1; 7). Навершие напоминает голову птицы с загнутым клювом. Одна сторона (лицевая) изделия хорошо заполирована и украшена орнаментом. На изгибе навершия нанесены три резные S-видные фигуры со спирально закрученными окончаниями. Ниже на вертикальной части предмета имеются поперечные пояски, из которых два верхних заполнены вырезанными треугольниками, что придает рисунку вид изгибающейся змейки [Кунгурев, Горбунов, 2001, с. 117].

Открытым остается вопрос: чем объясняется разнотипность наверший – хронологическими, культурно-локальными или функциональными причинами? Изделие из могильника Сопка II исследователи относят к кротовской культуре [Молодин, 1985, с. 56], случайную находку с Чумыша – к елунинской [Кирюшин, Кунгурев, Тишкин, 2002, рис. 4]. В могильнике Преображенка-6 вместе с навершием обнаружена керамика, близкая к одновской [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, с. 340]. На поселении Калиновка-2 вместе с навершием также найдена керамика, и, судя по опубликованным фрагментам,

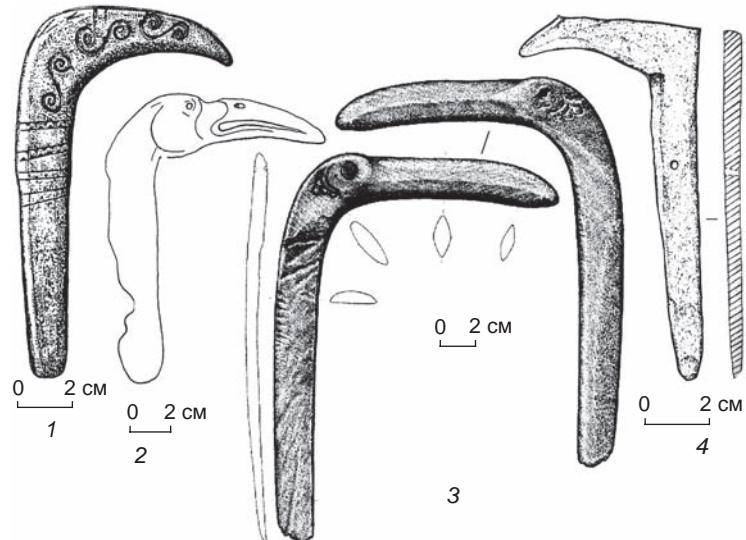

Рис. 6. Костяные навершия из лесостепного Обь-Иртышья:
1 – Чумыш (по: [Кунгурев, Горбунов, 2001]); 2 – Сопка II (по: [Молодин, 1985]);
3 – Преображенка-6 (по: [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007]); 4 – Калиновка-2 (по: [Кирюшин и др., 2005]).

Рис. 7. Костяное навершие посоха с р. Чумыш (фото А.А. Тишкина).

она тоже сходна с одновской [Кирюшин и др., 2005, рис. 1, 6, 7]. Таким образом, можно предположить, что изделия первых двух типов хронологически более ранние. Предмет с Чумыша найден вне комплекса, поэтому его связь с елунинской культурой требует дополнительного обоснования. По причине стилизованности и орнаментальной насыщенности это изделие можно отнести к более позднему времени.

Г-образные навершия широко представлены в археологических материалах Евразии начиная с эпохи

мезолита. В них воплощались образы различных животных. С.В. Студзицкая считает «жезлы-посохи» с такими навершиями тотемными атрибутами родоплеменной власти. Их обладателями были мужчины с высоким общественным статусом, в функции которых входило совершение определенных религиозных ритуалов [Студзицкая, 2004, с. 252]. Использование посохов с такими навершиями подтверждают и многочисленные параллели в петроглифах Северной Евразии бронзового века [Смирнов, 2004].

Одним из оригинальных костяных предметов мелкой пластики можно назвать «антропоморфную скульптуру» из могильника Кораблик I [Грушин, Кокшанев, 2004]. Длина изделия 20 см, максимальная ширина 5 см. Это силуэт человека с оформленными головой, плечами, коленями (?). Руки и ноги не прорисованы. Изображение одностороннее, резное. Показаны округлые глаза (небольшие углубления), брови, продолжение линий которых образует нос; скулы, волосы в виде рельефных лучей (см. рис. 3, 1). Отдельные элементы изображения имеют широкие культурно-хронологические параллели в памятниках

Евразии, однако их сочетание нигде не наблюдается, поэтому предмет из могильника Кораблик I можно считать на данный момент уникальным. Наиболее близкими памятниками являются, на наш взгляд, окуневские Минусинской котловины и каракольские Горного Алтая.

По мнению Э.Б. Вадецкой, окуневские костяные пластины и стеатитовые фигурки могли быть частями каких-то меховых, кожаных или тряпичных куколок. На основании данных по этнографии коренных народов Сибири исследовательница предположила, что они являлись изображениями божеств, покровителей плодородия; вместилищами душ, ожидавших своего возрождения в новорожденном. При этом Э.Б. Вадецкая не исключает их использования в качестве игрушек [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 71]. М.Л. Подольский, обративший внимание на «вертикализм» образов, считает такие фигурки изображениями божеств или обожествленных предков – посредников в общении с небесными силами [1997, с. 187]. По мнению С.В. Студзицкой, подобные предметы из глазковских погребений служили подвесками на шаманских костюмах и осмысливались древними людьми как духи-помощники шаманов [1981, с. 41; 2002, с. 143]. Аналогично трактуются и галические идолы [Студзицкая, Кузьминых, 2001, рис. 5, с. 146].

Изображения, выполненные в металле

Среди бронзовых ножей с навершием в виде скульптурного или уплощенного изображения можно выделить две группы. К первой относятся нож из могильника Елунино I (рис. 8, 4; 9, 4) и случайная находка из окрестностей с. Усть-Мута в Горном Алтае (см. рис. 8, 7). На навершиях их рукоятей изображена голова «солнечного коня», покоящаяся на четырех или пяти лучах [Кириюшин, 1987; Киреев, Кудрявцев, 1988]. Вторую группу составляют изделия с цельными реалистичными антропо- и зооморфными фигурами. На известном ноже из могильника Ростовка (см. рис. 8, 6, 8) изображен лыжник, который с помощью поводьев управляет лошадью [Матющенко, 1970]. На навершии ножа из с. Джумба в Восточном Казахстане (см. рис. 8, 5) представлена сцена противостояния двух животных [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 67, 3]. Как отмечал И.В. Ковтун, выделенные группы изделий различаются и по технологическим особенностям. Ножи из могильника Елунино I и с. Усть-Мута отлиты в двухсторонней литейной форме вместе с навершием. Вторая, собственно «сейминско-турбинская», группа характеризуется отдельной отливкой ножа и скульптурного изображения с последующей их припайкой [Ковтун, 2006, с. 66].

Изобразительные традиции, нашедшие отражение в навершиях второй группы, проявились и на кинжа-

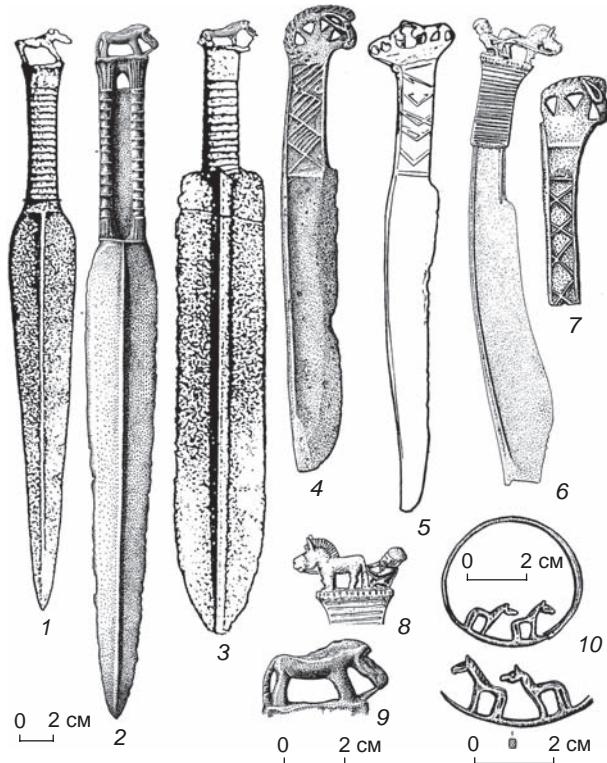

Рис. 8. Изображения на металлических ножах, кинжалах и украшениях из лесостепного Обь-Иртышья.

1 – Курчум (по: [Самашев, Жумабекова, 1993]); 2, 9 – Чарыш (по: [Кириюшин, Шульга, Грушин, 2006]); 3 – Шемонаиха (по: [Самашев, Жумабекова, 1993]); 4 – Елунино I (по: [Кириюшин, 1987]); 5 – Джумба (по: [Черных, Кузьминых, 1989]); 6, 8 – Ростовка (по: [Матющенко, 1970]); 7 – Усть-Мута (по: [Киреев, Кудрявцев, 1988]); 10 – Чесноково I (по: [Кириюшин, Шульга, Грушин, 2006]).

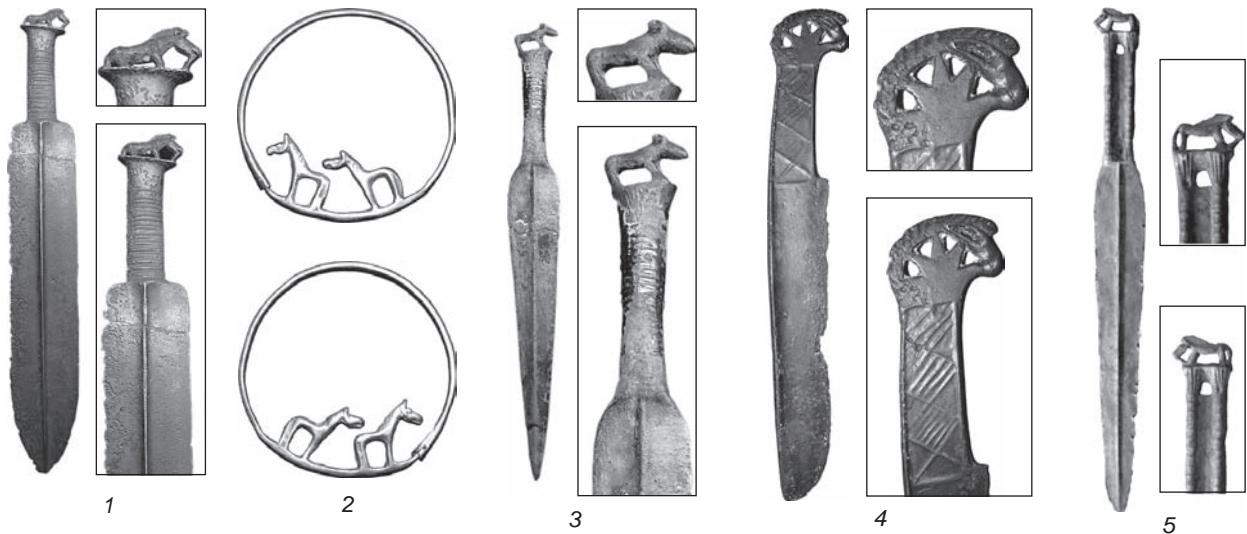

Рис. 9. Зооморфные изображения на предметах эпохи бронзы из Обь-Иртышья (фото С.П. Грушина).
1 – Шемонаиха; 2 – Чесноково I; 3 – Курчум; 4 – Елунино I; 5 – Чарыш.

лах, о чём свидетельствует случайная находка с р. Чарыш [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, рис. 1, 2]. Навершия рукояти (см. рис. 8, 2; 9, 5) оформлены в виде объемной скульптуры лошади, выполненной в реалистической манере. На массивной голове животного показаны уши, глаза, ноздри, пасть и скулы. Похожие кинжалы происходят из Восточного Казахстана – с. Курчум (см. рис. 8, 1; 9, 3) и с. Шемонаиха (см. рис. 8, 3; 9, 1). Все три изделия имеют сходство с оружием из т.н. II Каракольского клада [Винник, Кузьмина, 1981]. Несмотря на своеобразие, художественное оформление скульптур на этих предметах позволяет связать его с сейминско-турбинскими изобразительными традициями. Следует отметить, что недалеко от местаонахождения кинжала с р. Чарыш в захоронении андроновской культуры Чесноково I обнаружена золотая серьга с фигурками двух лошадей (рис. 8, 10; 9, 2). В настоящий момент определенной проблемой является культурно-хронологическое соотношение кинжалов каракольского типа, к которому нами отнесено изделие, найденное на р. Чарыш, с андроновскими и сейминско-турбинскими комплексами. Нет сомнений, что изобразительная манера исполнения скульптуры на этих кинжалах связана с сейминско-турбинской традицией, однако оформление клинка, детали рукояти, а также археологический контекст обнаружения некоторых предметов позволяют соотнести их с позднебронзовыми комплексами азиатских степей и датировать второй половиной II – началом I тыс. до н.э. [Там же, с. 50; Молодин, 1993, с. 14; Ковтун, 2004, с. 278–279]. Фигурки лошадей на андроновской серьге из захоронения Чесноково I и на аналогичном изделии из Мыншункура [Акишев, 1984, табл. VII, 16] значительно отличаются от скульптуры на кинжале с Чарыша и в целом от сей-

минско-турбинских подобных изображений по манере исполнения. У них относительно маленькая голова, отсутствует характерная выгнутая грива. Вероятно, такие особенности фигурок на андроновских серьгах можно считать результатом поздней трансформации сейминско-турбинской традиции.

Особенности представления образов

Анализ предметов мобильного искусства с памятников эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья позволяет отметить следующие особенности. Среди рассмотренных изображений преобладают профильные, именно такой ракурс обеспечивал узнаваемость образов. Они характерны для различных предметов, сделанных из разных материалов (кость, рог, камень, металл). Это каменные песты с навершиями в виде голов животных, фигурка птицы из яшмы, бронзовые ножи с антропо- и зооморфными изображениями, костяные Г-образные навершия посохов. Вторая группа – анфасные антропоморфные изображения на бронзовом навершии из музея г. Зайсана и на костяной пластине из могильника Кораблик I. Третья группа – предметы мобильного искусства, на которых образы представлены как в профиль, так и анфас. К таковым относятся каменные песты, металлические ножи и кинжалы с навершиями в виде антропо- и зооморфных скульптур. Преобладание профильных изображений вне зависимости от типа изделий отражает, на наш взгляд, определенную изобразительную традицию, распространенную в лесостепном Обь-Иртышье раннего и среднего бронзового века. Проблемы ее генезиса, семантики требуют дальнейшего исследования.

Заключение

Изучение предметов мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья демонстрирует высокий художественный уровень их исполнения. Это относится прежде всего к зооморфным навершиям каменных пестов и бронзовых кинжалов. Преобладают профильные изображения, выполненные на предметах различных категорий. Основными образами являются животные и птицы, среди которых преобладает лошадь. Этот образ запечатлен в камне и металле, как минимум, в 12 случаях, что позволяет судить о значимой роли, которую играла лошадь в хозяйственной и религиозной жизни общества в данную эпоху. Одним из авторов статьи уже высказывалась идея о формировании «культы коня» в степном и лесостепном Обь-Иртышье [Кириюшин, 1987]. Важно отметить, что находки с изображениями домашних животных (лошадь, бык, баран) тяготеют к степным ландшафтам, диких (медведь, птицы) – к лесостепным и лесным зонам. Это демонстрирует хозяйственную направленность населения в различных природно-экологических условиях и ее непосредственную связь с религиозной практикой. Большинство изображений головы человека, а также человека с лошадью (нож из Ростовки), группы животных (нож из Джумбы) тяготеет к Прииртышью. Вероятно, именно там зародилась и получила распространение эта традиция.

Список литературы

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алматы: Наука КазССР, 1984. – 176 с.

Алексин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска). – Барнаул: Изд-во Управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. – С. 17–65.

Бобров В.В., Ковтун И.В. Иконографические особенности комплекса сейминско-турбинских бронз // Первообразная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 156–162.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. – М: Наука, 1981. – С. 48–53.

Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 50–55.

Грушин С.П., Кокшенев В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 35–48.

Гундогдыев О.А. Орел и змея в символике туркмен // У истоков цивилизации. – М.: Старый Сад, 2004. – С. 225–226.

Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 488 с.

Емельянов А.В., Кашина Е.А. Костяные изображения птиц финала каменного века Центральной России // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиция. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 94–97.

Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И. Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 100–111.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Новосибирск: Наука, 1979. – 196 с.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 164–166.

Кириюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 100–125.

Кириюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – Новосибирск: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 66–70.

Кириюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего бронзового века Верхнего Приобья // Скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 22–25.

Кириюшин Ю.Ф., Иванов И.Г. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 43–52.

Кириюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследование в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 329–332.

Кириюшин Ю.Ф., Кунгурев А.Л., Тишкин А.А. Искусство населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 3. – С. 16–20.

Кириюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Ва-сюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 183 с.

Кириюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение бронзового века в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – 288 с.

Кириюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Два бронзовых предмета из Змеиногорского музея // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 45–53.

Ковтун И.В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. –

Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 277–285.

Ковтун И.В. Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 65–72.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М: Наука, 1981. – 278 с.

Кунгур А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победы) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 111–126.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 236 с.

Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. – 1970. – № 123. – С. 103–105.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 126 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 339–344.

Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах из Прииртышья // КСИИМК. – 1952. – Вып. 43. – С. 55–65.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. – (МИА: вып. 18).

Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 167–201.

Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 146–153.

Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Изв. Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5 (191). – С. 23–33.

Сариниди В.И. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – С. 318–334.

Славинин П.П. Каменный жезл с головой коня // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 125–126.

Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье: Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – С. 65–92.

Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху энеолита и ранней бронзы // Экспедиции Государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 1969. – С. 39–63.

Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (по материалам могильника Шумилиха) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 38–45.

Студзицкая С.В. Семантика культовых предметов из погребения шамана в могильнике Шумилиха // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 141–146.

Студзицкая С.В. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи энеолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – С. 243–256.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» и проблема становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый Сад, 2001. – С. 123–165.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА: вып. 88).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Чигаева В.Ю. К вопросу об образе птицы в петроглифах Хакасии (стилистические особенности и культурная принадлежность) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Мат-лы XLIV Регион. археол.-этногр. студ. конф. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2004. – С. 402–203.

УДК 903

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков

АНТРОПОМОРФНАЯ, ЗООМОРФНАЯ И СОЛЯРНАЯ СИМВОЛИКА НА СОСУДАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Статья освещает особенности изобразительного воплощения и семантику антропоморфных, зооморфных и солярных знаков на керамике бронзового века Прибайкалья. Прослеживается связь сюжетов и стилистических особенностей между рисунками на сосудах и петроглифами региона. Выделяются четыре стилистические группы антропоморфных изображений на керамике. Проводится сравнение рисунков на сосудах из памятников Прибайкалья и синхронных им из Западной Сибири – самусьских. Сходство сюжетов, изобразительных и мировоззренческих стереотипов свидетельствует о широких межкультурных контактах, существовавших в бронзовом веке.

Ключевые слова: керамика, антропоморфная, зооморфная, солярная символика, семантика, бронзовый век, Прибайкалье.

Введение

В переходный период от каменного века к эпохе металла в орнаментацию восточно-уральской и западно-сибирской керамики активно внедрялись элементы солярно-astrального декоративного комплекса (сосновоостровские, аятские, суртандинские, липчинские памятники). В бронзовом веке солярно-astrальная символика в орнаментации достигла наивысшего расцвета (баланбашские, коптяковские, сартыньинские, самусьские, федоровские и другие керамические комплексы) [Матющенко, 1973; Молодин, 1977; Косарев, 1991].

На территории Прибайкалья антропо- и зооморфные рисунки, а также солярные знаки на стенках сосудов отмечены в археологических комплексах бронзового века [Студицкая, 1987; Горюнова, Воробьева, 1993; Гогунова, 1995; Горюнова, 1996, 2004], хотя символические изображения на керамике – достаточно редкое явление для памятников этого региона (рис. 1). Наиболее часто встречающиеся антропоморфные рисунки частично опубликованы авторами находок [Окладников, 1971; Савельев, Горюнова, 1971; Окладников, Мазин, 1976; Соколов, 1996; Горюнова, Вебер, 2003б]. В целом же образная символика на керамике не являлась предметом специальных исследо-

ваний. Цель предлагаемой работы – обобщить имеющиеся материалы и рассмотреть семантику древних изображений на керамике Прибайкалья.

Антропоморфные изображения

В настоящее время известно восемь сосудов с антропоморфными изображениями из комплексов бронзового века на территории Прибайкалья. Шесть из них зафиксированы на поселениях: Плотбище на р. Белой, слой 1; Тышкинэ III, слой 4; Улан-Хада на Байкале, слои 7 и 1 (слой Б, по М.П. Грязнову); Тушама в устье правого притока р. Илим и Долгая на средней Ангаре [Савельев, Горюнова, 1971; Окладников, Мазин, 1976; Горюнова, 1984а; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993; Соколов, 1996]. Один сосуд обнаружен в жертвенном комплексе у д. Шишкино на р. Лене [Окладников, 1971], еще один – в разрушенном погр. № 4 могильника Хадарта IV на Байкале [Горюнова, Вебер, 2003б].

Керамика с антропоморфными изображениями из слоя 4 Тышкинэ III представлена фрагментами двух сосудов. Говорить об их форме и композиции узора не представляется возможным ввиду малых размеров фрагментов. Поверхность штриховая.

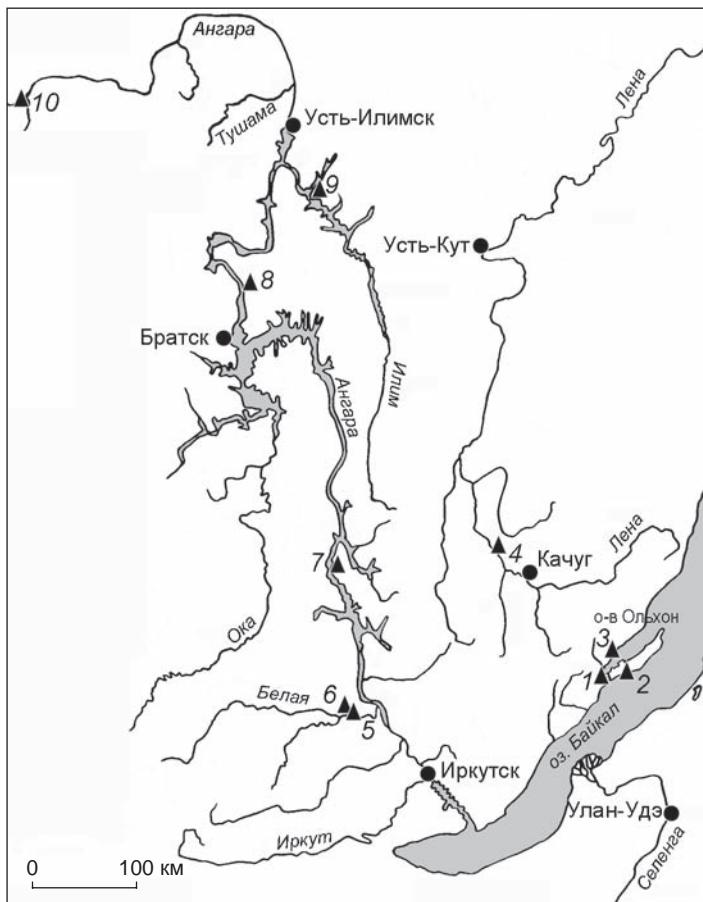

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических объектов бронзового века Прибайкалья, на которых найдена керамика с антропоморфными, зооморфными и солярными изображениями.
1 – Улан-Хада; 2 – Тышкинэ III; 3 – Хадарта IV; 4 – д. Шишкино; 5 – Горелый Лес; 6 – Плотбище; 7 – Шиверский могильник; 8 – Долгая; 9 – Тушама; 10 – Чадобец.

На фрагментах из верхнего горизонта прочерченными линиями изображены два антропоморфных персонажа (рис. 2, 1). В месте, где изображены головы, фрагмент обломан. Туловище обозначено двумя параллельными линиями. Руки и ноги, показанные одной линией, разведены в стороны под небольшим углом.

На фрагменте сосуда из нижнего горизонта антропоморфный рисунок выполнен штамповыми вдавлениями (рис. 2, 2). Туловище передано двумя параллельными линиями, от которых под некоторым углом отходят прямые руки; они обозначены одной линией. В месте головы и ног сосуд обломан.

Керамика с поселения Тушама (рис. 2, 3). Судя по публикации [Окладников, Мазин, 1976], керамика штриховая. На тулове сосуда на расстоянии друг от друга – четыре антропоморфные фигуры. Изображения стилизованные, выполнены штамповыми вдавлениями. Туловище показано одной линией. Ноги не выделены. Руки – в виде двойных параллельных линий,

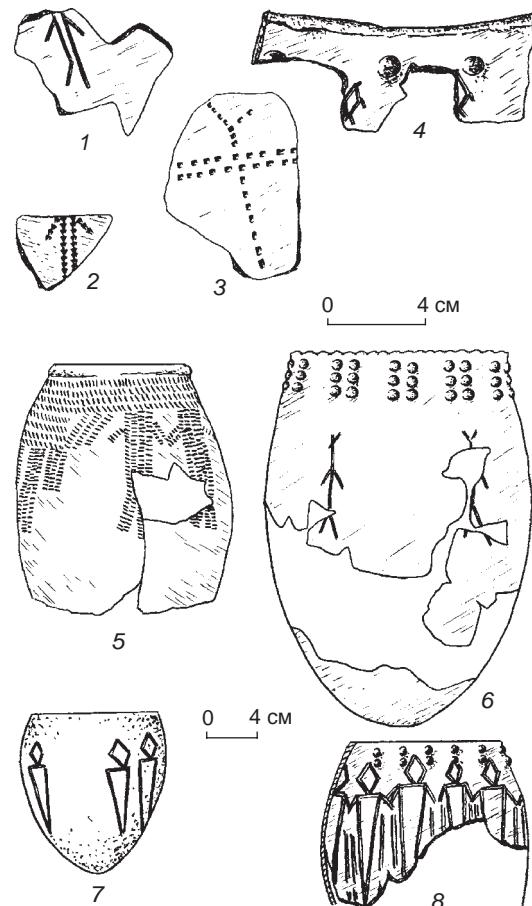

Рис. 2. Керамика Прибайкалья с антропоморфными изображениями.

1, 2 – Тышкинэ III; 3 – Тушама; 4 – Долгая, 5 – Улан-Хада; 6 – Плотбище; 7 – д. Шишкино; 8 – Хадарта IV.

расположенных перпендикулярно к туловищу. Голова обозначена развиликой (рожки).

Сосуд с поселения Долгая простой закрытой формы (рис. 2, 4). Фрагменты дна не зафиксированы. Поверхность штриховая. Вдоль венчика проходит поясок «жемчужин», ниже которого на расстоянии примерно 3,5 см прочерченными линиями изображены антропоморфные стилизованные фигуры. Они представляют собой вытянутый по вертикали ромб, от углов которого отходят насечки, символизирующие голову, руки и ноги человека.

Сосуд из слоя 1 (слой Б) Улан-Хады простой закрытой формы (рис. 2, 5). Дно не сохранилось. Диаметр венчика 11,5 см, туловища – 17 см. Венчик утолщен «вортничком». Поверхность штриховая. Орнамент состоит из четырех горизонтальных рядов наклонных оттисков штамповых вдавлений. Ниже – композиция, включающая изображения двух держащихся за руки антропоморфных персонажей и расположенные

по сторонам от них построения из коротких горизонтальных и наклонных рядов. Узор нанесен штамповыми вдавлениями. Антропоморфные рисунки выполнены в одной манере. Туловище прямое, составлено из четырех вертикально стоящих столбиков, образованных короткими горизонтальными линиями. Внизу столбики разъединяются и образуют короткие прямые ноги. Руки отведены в стороны от туловища под углом. Одной рукой (она показана двойными линиями) персонажи держатся друг за друга, другая рука у них (выполнена одной линией) свободная. Вместо головы – четыре вертикальные линии, являющиеся продолжением туловища; они уходят в горизонтальные ряды орнаментального поля.

Сосуд из слоя 1 Плотбища остродонный, простой закрытой формы (рис. 2, 6; 3). Его высота 30 см, диаметр венчика 18 см, туловища – 21,5 см. Поверхность штриховая. Верхняя плоскость венчика оформлена с

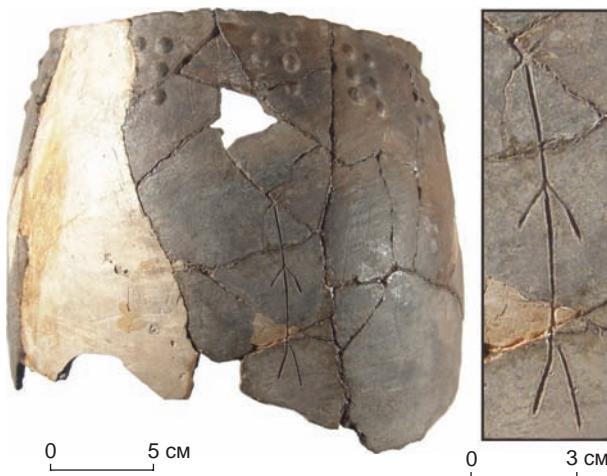

Рис. 3. Сосуд с антропоморфными изображениями с поселения Плотбище (фото Е. Коршунова).

помощью пальцевых сжатий, по внутреннему краю нанесены насечки. Венчик опоясывают «жемчужины», сгруппированные в парные вертикальные ряды (по три «жемчужины» в ряду). Ниже в средней части туловища сосуда размещены антропоморфные рисунки (четыре фигуры по окружности). Изображения человека схематичные, нанесены прочерченными линиями. Все фигуры выполнены в единой стилистической манере. Удлиненное туловище показано одной линией, заканчивающейся внизу развилкой – ноги. Вместо головы – две линии, образующие развилку (рожки). На 1,5–2,0 см ниже головы показаны прямые руки, они расположены под углом к туловищу.

Сосуд из жертвенного комплекса у д. Шишкино остродонный, простой закрытой формы (см. рис. 2, 7). Его высота 13 см, диаметр венчика 10 см, туловища – 11,5 см. Поверхность гладкая. На туловище – пять антропоморфных фигур, выполненных прочерченными линиями. Изображения стилизованные: голова – в виде широкого ромба; туловище – в форме удлиненного равнобедренного треугольника, повернутого вершиной вниз; руки и ноги не обозначены. Антропоморфные рисунки размещены тремя группами: две парные и одиночная.

Сосуд из погр. № 4 Хадарты IV простой закрытой формы со слегка отогнутым венчиком (см. рис. 2, 8; 4). Дно не сохранилось. Диаметр венчика 11,5 см, туловища – 15,5 см. Поверхность штриховая. Венчик украшен пояском с расположенными друг под другом двумя «жемчужинами». Ниже по всей окружности туловища прочерченными линиями выполнены антропоморфные изображения (вероятно, их было 12, но сохранилось 10). Рисунки стилизованные. Головы показаны в виде ромба, туловище – в форме вытянутого равнобедренного треугольника, обращенного вершиной вниз. Руки, обозначенные прямыми линиями, отведены в разные стороны под углом к туловищу. Персона-

Рис. 4. Сосуд с антропоморфными изображениями из погребения могильника Хадарта IV (фото Е. Коршунова).

жи держат друг друга за руки, образуя хоровод вокруг сосуда. Между фигурами (под руками) прочерчены по две короткие вертикальные линии. Среди одинаковых, условно трактованных антропоморфных фигур выделяется одна, наиболее крупная; одна ее рука показана двойной линией. Это, несомненно, ведущий персонаж композиции.

Солярная символика

Сосуды с солярной символикой на территории Прибайкалья известны преимущественно в комплексах поселений: Горелый Лес (слой 2), Чадобец, Улан-Хада, верхний слой 1 [Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Федюшин, 1976; Горюнова, 1984б, 1996]. Один сосуд зафиксирован в погр. № 1 Шиверского могильника [Окладников, 1975, с. 122–123]. Солярные знаки представлены в виде косого креста, который выполнен чаще всего прочерченными линиями (четыре сосуда), реже – оттисками отступающей лопаточки (один сосуд).

Сосуд из верхнего слоя 1 Улан-Хады простой закрытой формы, со слегка отогнутым венчиком (рис. 5, 1). Диаметр венчика 20,5 см, туловища – 24 см. Поверхность гладкая. Орнаментирована верхняя часть сосуда. Композиция состоит из трех горизонтальных рядов ногтевых защипов, разорванных по окружности сосуда четырьмя солярными символами. Последние представляют собой косые крес-ты, выполненные двойными прочерченными линиями.

Фрагменты сосуда из верхнего слоя 1 Улан-Хады (рис. 5, 2). Поверхность гладкая. На тулове про-черчены солярные знаки в виде пересекающихся кре-стом линий. Ниже – горизонтальные ряды из оттисков штампа прямоугольной формы.

Сосуд из погр. № 1 Шиверского могильника круглодонный, простой закрытой формы (рис. 5, 3). Высота сосуда 13,5 см, диаметр венчика 11, туловища – 12 см. Поверхность гладкая. Орнамент покрывает весь сосуд. Узор состоит из горизонтальных прочерченных линий, между которыми расположены ряды, состав-ленные оттисками овального штампа. На дне сосуда линиями, пересекающимися крестом, прочерчены солярные символы.

Сосуд из слоя 2 Горелого Леса закрытой фор-мы, со слегка отогнутым венчиком (рис. 5, 4). Диаметр венчика 32 см, туловища – 34 см. Поверхность штриховая. Орнамент расположен в верхней части сосуда. Композиция состоит из пояса «жемчужин», под которым – солярные символы в виде косых крестов, выполненные отступающей лопаточкой с закругленным концом.

Сосуд с поселения Чадобец круглодонный, прос-той закрытой формы (рис. 5, 5; 6). Его высота 28 см,

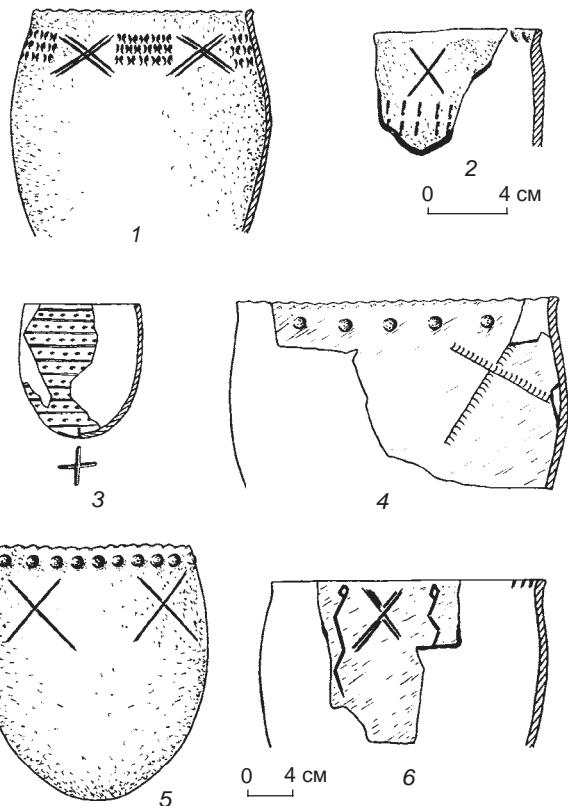

Рис. 5. Керамика Прибайкалья с солярной символикой. 1, 2, 6 – Улан-Хада; 3 – Шиверский могильник; 4 – Горелый Лес; 5 – Чадобец.

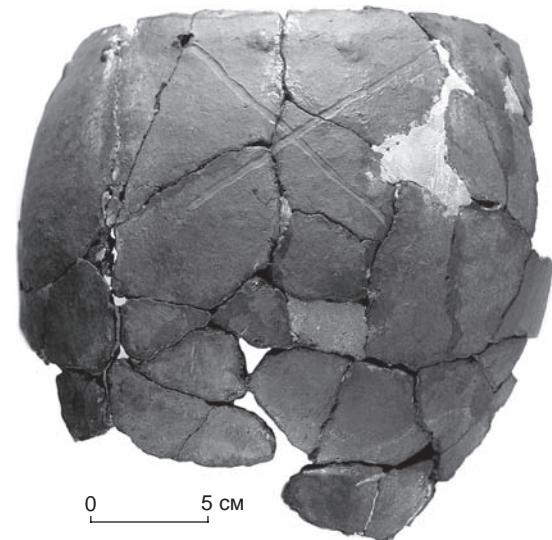

Рис. 6. Сосуд с солярной символикой с поселения Чадобец (фото Е. Коршунова).

диаметр венчика 20, туловища – 24 см. Поверхность глад-кая. Орнамент из пояса «жемчужин», под которым на-ходятся солярные знаки в виде косых крестов. Изобра-жения выполнены прочерченными линиями.

Зооморфные и солярные изображения

На территории Прибайкалья в комплексах бронзового века известен один сосуд с зооморфными изображениями, которые вместе с солярными знаками составляют композицию [Петри, 1916; Хлобыстин, 1964, с. 31].

Сосуд из слоя 7 Улан-Хады простой закрытой формы (см. рис. 5, 6). Дно не сохранилось. Диаметр венчика 25,5 см, туловища – 27 см. Поверхность сосуда штриховая. Орнамент состоит из двойных косых крестов и изображения змей. Рисунок расположен в одну линию. Фигуры змей размещены вертикально. Пресмыкающееся изображено с ромбовидной головой, обращенной вверх. Туловище и хвост показаны зигзагообразной линией. Весь узор выполнен в технике прорезывания.

Обсуждение материалов

Все известные в Прибайкалье антропоморфные, зооморфные и солярные изображения на керамике связаны с комплексами бронзового века (преимущественно развитого и позднего его периодов). Рисунки нанесены на типичные для этого времени сосуды с круглым и острым дном (штриховая и гладкая поверхность, орнамент в виде «жемчужин» и ногтевых защипов). Появление на керамике образной символики свидетельствует об усложнении культовых воззрений древнего населения.

Важное место в искусстве бронзового века Прибайкалья занимал образ человека. Его появление означало наступление нового этапа в развитии первобытной идеологии и определении роли человека в окружающем мире. Антропоморфные изображения появляются не только в наскальных рисунках и скульптуре малых форм, но и на стенах сосудов.

Изображения людей (или духов) на керамике Прибайкалья имеют индивидуальные художественные черты, но при этом похожи между собой по ряду признаков: все фигуры показаны схематично, размещены фронтально, в полный рост, руки и ноги прямые, преимущественно под углом к туловищу (опущены вниз). Рисунки чаще всего выполнены прорезанными линиями (на пяти сосудах), реже – штамповыми вдавлениями (на трех сосудах). Фигуры различаются особенностями и манерой передачи образа. Можно выделить несколько стилистических групп изображений:

Первая группа – представлена на четырех сосудах: фигура человека, обозначенная одной, двумя или четырьмя параллельными линиями на месте туловища, от которого в разные стороны (под некоторым углом) отходят прямые линии – руки и ноги. Последние выполнены преимущественно одной линией. Голова показана развилкой (рожки) четырьмя прямыми лини-

ями, уходящими в орнаментальное поле, фрагменты двух сосудов в месте изображения головы обломаны. Рисунки отмечены на керамике из археологических объектов Приольхонья (оз. Байкал) и Приангарья.

Рогатые антропоморфные фигуры, изображающие людей или духов в человеческом облике, очень часто встречаются на петроглифах в Восточной Сибири, прежде всего в Прибайкалье, датируемых бронзовым веком [Окладников, 1959, 1966, 1974]. Наиболее монументальные рисунки представлены на скалах в бухте Саган-Заба на Байкале. Для памятника характерно фронтальное изображение рогатых танцующих человечков. У них круглые головы, рога в виде развилки; в ряде случаев рожки-развилки полностью заменяют собой голову. По особенностям трактовки образа эти рисунки А.П. Окладникова сравнивал с писаницами нижней Ангары и Лены (Братская Када на р. Оке выше г. Братска, Третий Каменный Остров на р. Ангаре, Шишкинские писаницы на р. Лене и др.). Объединяющими признаками данных наскальных рисунков с изображениями на керамике первой группы являются: фронтальное расположение антропоморфных фигур, показанных в полный рост, с рогами в виде развилки. Однако на наскальных рисунках персонажи запечатлены, как правило, с поднятыми руками и согнутыми (как бы в танце) ногами. Их отличает и стилистика изображения туловища. Рисунки на керамике более упрощенные и схематичные. По мнению А.П. Окладникова, рогатые, танцующие фигуры на наскальных рисунках следует интерпретировать как изображения шаманов, исполняющих ритуальные танцы в специальных шапках-«коронах» [1974, с. 79].

Вторая группа – представлена на двух сосудах: изображение человека с туловищем в виде удлиненно-го равнобедренного треугольника (поворнут вершиной вниз) и широкого ромба вместо головы. Отмечены два варианта фигур: без рук и с руками в виде прямых линий, отведенных под углом к туловищу. В обоих случаях ноги отсутствуют. Рисунки этой группы зафиксированы на объектах верхней Лены и Приольхонья.

Подобные остроголовые изображения встречаются в костяной скульптуре малых форм Прибайкалья (Усть-Илга, Куллаты, Братский Камень и др.) [Окладников, 1955, с. 290–292]. Как отмечал А.П. Окладников, у большинства лесных племен Сибири в прошлом были широко распространены остроголовые изображения духов, которые, возможно, повторяют форму деревянных идолов в виде отесанных остроконечных кольев, которые сохранились у ряда племен до XIX–XX вв. [Там же, с. 294].

Один сосуд с остроголовыми (ромбическими) антропоморфными фигурами найден у д. Шишкино в культовом комплексе, связанном с охотничим про мыслом; рисунки на нем А.П. Окладников интерпретировал как изображения духов-помощников охотни-

ков, вроде известного в мифологии якутов и эвенков Баянья или Эгекенна [1971, с. 201].

Антропоморфные изображения, полностью опоясывающие сосуд, из могильника Хадарта IV, вероятно, передают ритуальный хороводный танец типа бурятского ёхора, эвенкийского нэхирье или якутского осуохая [Окладников, 1966, с. 130]. Во время этого традиционного танца танцоры, плотно взявшись за руки, ходят по кругу под короткие мертвые возгласы. Сюжет хоровода нашел отражение на наскальных рисунках бронзового века на Втором Каменном острове на р. Ангаре [Там же, с. 129, 232, табл. 88] и на более поздних средневековых рисунках Шишклинских писаниц [Окладников, 1959, с. 120, рис. 67]. Культовое значение танца в шаманском обряде у бурят описал Б.Э. Петри: буряты пляшут кругами (как солнце) и верят, что в таких танцах принимают участие не только люди, но и духи, сами шаманские божества [1928, с. 64–65].

Третья группа – представлена на одном сосуде: фигура в виде прямой линии; руки показаны двойными линиями, расположенными перпендикулярно к туловищу; вместо головы – развила (рожки). Последний элемент сближает рисунок с изображениями на сосуде из Плотбища (первая группа). Рисунок на керамике третьей группы найден на р. Илим.

Подобная трактовка туловища, рук и головы отмечена на керамике бронзового века Якутии – слой 7 поселения Улахан Сегеленнях [Алексеев, 1996, с. 140, табл. 42] и бронзовой ажурной бляхе из погр. № 1 могильника Курма XI на Байкале [Горюнова, Вебер, 2003а]. На бляхе антропоморфная фигура заключена в круг – солнце (вселенная), что, вероятно, подтверждает ее культовое (шаманское) значение. Возможно, она отражает представления о связи шамана миром духов и миром земным, человеческим.

Четвертая группа – представлена на одном сосуде: антропоморфная фигура в виде ромба, от углов которого отходят прямые линии, изображающие голову, руки и ноги человека. Рисунок выполнен на сосуде с поселения на средней Ангаре.

Все рассмотренные антропоморфные изображения связаны с комплексом шаманских представлений; они, вероятно, расшифровываются как духи-охранители, а сосуды с такими рисунками относятся к культовым [Окладников, 1971; Горюнова, Воробьева, 1993; Алексеев, 1996; Горюнова, 2004].

К культовой посуде следует отнести и сосуды с солярной символикой, которая занимает большое место в искусстве бронзового века Прибайкалья. Солнце на керамике изображалось в виде косого креста. Рисунок наносился, как правило, прорезанными линиями (на одном сосуде – отступающей лопаточкой). Подобная трактовка образа отмечена и на наскальных изображениях Приангарья: Манзя, Первый Каменный Ост-

ров, Каменка-Ергулейка [Окладников, 1966, с. 174, табл. 30, 171, 172, 314, 315]. А.П. Окладников усматривал сходство между этими рисунками и шаманским орнаментом эвенков в виде крестов, изображающих светила [Там же, с. 140].

Орнаментация с солярной символикой передает идеи, связанные с представлениями о вселенной. По мнению М.Ф. Косарева [1984, с. 211–212], солярные знаки могли символизировать не только солнце, но и небо, верхний мир. Почтание солнца, с точки зрения исследователя, выражает веру в добро и свет, а также возрождение. Западно-сибирские аборигены считали, что солнце охраняет людей от злых духов и опасностей. В верованиях бурят (доламаистских) солнце – творец жизни на земле; оно дарит «жизненное начало» [Галданова, 1987, с. 42].

В связи с этим вызывает интерес сочетание на одном сосуде (слой 7 Улан-Хады) солярной символики и фигур змей – символа подземного мира. Образ змеи широко представлен на наскальных рисунках бронзового века Восточной Сибири: Ая и Саган-Заба на Байкале, Второй Каменный Остров, Большая Када на Ангаре и др. [Окладников, 1966, табл. 81, 93, 164; 1974, табл. 23, 26]. В местности Каменка-Ергулейка он сочетался с солярной символикой, как и на улан-хадынской керамике [Там же, табл. 172]. Изображения змей обычны на шаманских костюмах, бубнах и колотушках, а также на ритуальных рисунках на онгонах [Василевич, 1969, с. 256; Студзицкая, 1987, с. 320]. У эвенков, селькупов, кетов изображение змеи связывалось со страной мертвых, символизировало нижний мир вселенной [Косарев, 1984, с. 192; Мазин, 1984, с. 70]. Вероятно, сочетание солярных символов и изображений змей на керамике и в наскальных рисунках отражает развитие представлений о мире, противоборстве добра и зла, о верхней и нижней сферах вселенной, которые находятся в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности.

Заключение

В искусстве бронзового века Прибайкалья (особенно развитого и позднего этапов) появляются антропо-, зооморфные и солярные изображения. Они широко представлены в скульптуре малых форм, рисунках на скалах и культовой керамике. Через эти образы древний человек выражал свое понимание и отношение к окружающему миру и вселенной. По стилистике и манере передачи образов рисунки на культовой керамике и скалах наиболее близки; вероятно, они несли одинаковую семантическую нагрузку. Символика антропоморфных и солярных рисунков свидетельствует об усложнении культовых воззрений. Основное их содержание связано с представлениями о шаманах

как посредниках между мирами духов и людей [Окладников, 1974, с. 99].

Отмечается определенное сходство рисунков на керамике с антропоморфными и солярными изображениями, известными в Прибайкалье, культурах бронзового века Западной Сибири (особенно самусьской) и Якутии [Матющенко, 1973; Косарев, 1984; Студицкая, 1987; Алексеев, 1996]. Их объединяет общность сюжета и его техническое воплощение. Различия проявляются в иконографических канонах и стилистических традициях отражения образов. Это свидетельствует, на наш взгляд, о сходстве мифологических представлений у населения Восточной и Западной Сибири бронзового века, обусловленном, вероятно, этно-культурными контактами.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Васиевич Г.М. Эвенки. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

Горюнова О.И. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984а. – С. 57–69.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984б. – 17 с.

Горюнова О.И. Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 82–96.

Горюнова О.И. Антропоморфные изображения в искусстве глазковской культуры Прибайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 30–35.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003а. – № 4. – С. 110–115.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Работы Российской-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003б. – Т. 9, ч. 1. – С. 331–335.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 94–116.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 41–56.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 246 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с., ил.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 210 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 347 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 211 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Жертвенное место глазковцев на р. Лене // Изв. ВСОГО СССР. – 1971. – Т. 68. – С. 197–201.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары: (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 319 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа. – Иркутск: [Б.и.], 1928. – 78 с.

Савельев Н.А., Горюнова О.И. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище // Изв. ВСОГО СССР. – 1971. – Т. 68. – С. 202–204.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.

Соколов В.Н. Долгая – поселение эпохи бронзы и раннего железного века на Средней Ангаре // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск: Центр сохр. культур. наследия, 1996. – Вып. 1. – С. 57–66.

Студицкая С.В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 344–350. – (Археология СССР).

Федюшин В.Я. Сосуд с крестообразным орнаментом со стоянки у деревни Чадобец // Науч.-теор. конф. – Иркутск, 1976. – С. 30–33.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале: (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 25–32.

Goryunova O.I. The Early and Developed Bronze Age in the Cis-Baikal Territory // Korean Ancient Historical Society. – 1995. – № 18. – P. 627–648.

УДК 903.23

Е.П. Маточкин

ПЕТРОГЛИФЫ ПОПЕРЕЧНОЙ КРАСНОЯРКИ

Статья посвящена недавно открытому петрографическому памятнику в верховьях р. Поперечной Красноярки в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай. Рисунки выявлены на выступающих из земли массивных плитах. В основном это выбитые изображения маралов, а также резные и частично высекленные изображения лосей. Уникальны гравированные рисунки антропоморфных персонажей. Петроглифы Поперечной Красноярки, а также расположенного неподалеку святилища Зелёное Озеро дают возможность представить, как формировались характерные черты каракольско-окуневского искусства в эпоху развитой бронзы на Алтае.

Ключевые слова: петрографический памятник, гравированные рисунки, каракольско-окуневское искусство, эпоха развитой бронзы.

Введение

В верховьях р. Поперечной Красноярки (юго-западный исток р. Красноярки в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай), у границы альпийских лугов и крутого водопада, на ровных горизонтальных выходах скал правого берега обнаружен компактный комплекс петроглифов. Его координаты: 50°07'03,7" с.ш., 84°50'27,6" в.д. Высота 1974 м над ур.м. (по балтийской системе высот). Памятник находится вдали от населенных пунктов, в глухом высокогорном районе. Мы добирались до петроглифов от с. Кайтанак верхом на конях два дня. Последние 10 км пришлось идти по заболоченной местности, затем подниматься к снежнику на северном склоне доминирующей окружной горы. У юго-восточного истока Красноярки, около оз. Зелёного, также имеются наскальные рисунки, замечательные по содержанию и художественному исполнению [Matochkin, 2004; Маточкин, 2004а, б; 2005; 2006]. Комплекс Поперечной Красноярки изучался в ходе экспедиций в 2007 и 2008 гг.

Рисунки выполнены на массивных плитах, расположенных в направлении с запада на восток и выступающих из земли каменными волнами, идущими с севера на юг (рис. 1). Крайние западные монолиты около небольшого ручейка, вытекающего из снежника, име-

ют ровные горизонтальные поверхности. На них отмечено самое большое количество изображений. Плиты сложены из серпентит-хлоритового сланца с ровной коричнево-вишневой корочкой загара, удобной для выбивки и гравирования. И только на краях около земли поверхность настолько изъедена лишайниками, что следы работы инструмента не просматриваются.

Описание петроглифов

Основной массив петроглифов сосредоточен на территории протяженностью 10 м с севера на юг и 30 м – с запада на восток. Здесь расположено шесть линий плит. На них выделено 25 участков с рисунками. Еще четыре отдельно стоящих камня с одиночными рисунками найдены в радиусе 100 м от основной группы. В описании указываются номера и удаленность участков на восток от западной плиты (расстояние от предыдущей) первой северной линии. Отмечается форма каменного монолита, если петроглифы расположены не на горизонтальной плите. Большинство рисунков выполнено в технике выбивки; оговариваются только случаи применения резной техники. Помимо описываемых ниже изображений встречаются чашечные углубления, аморфные пятна, изогнутые линии.

Рис. 1. Общий вид территории с плитами, на которых имеются петроглифы, в районе Поперечной Красноярки.

Линия 1. Участок 1. Приподнятый камень подтреугольной формы. Размеры 0,8×1,6 м. Контурное изображение марала.

Участок 2, в 3 м. Приподнятый камень окружной формы. Размеры 1,2×1,8 м. Три пары маралов – самки с самцами, два животных неопределенного облика, резное изображение лося.

Участок 3, в 1,5 м. Размеры 0,6×0,5 м. Пара маралов.

Участок 4, в 1 м. Размеры 1,0×0,8. Тот же монолит. Самка марала.

Участок 5, в 1 м. Размеры 1,0×0,5 м. Тот же монолит. Три марала.

Участок 6, в 1,5 м. Размеры 1,0×1,5 м. Два марала, медведь, резные фигуры лося и лосихи.

Участок 7, параллелен уч. 6, в 1 м на юг. Размеры 0,7×1 м. Непонятная схематичная фигура.

Участок 8, в 3 м от уч. 6. Размеры 1,0×2,5 м. Марал и три лося; фигура одного лося резная.

Участок 9, в 2 м от уч. 6. Размеры 1,0×5 м. Много еле заметных процрапанных линий. Резные изображения: три лося, женщина, головы лося и марала, копытное животное. Две высокобленные фигуры (ящерицы?). Выбитые фигуры четырех маралов, трех животных неопределенного облика.

Участок 10. Размеры 0,6×0,9 м. Тот же монолит, после трещины. Резное изображение лося перекрыто выбитым изображением марала с большими рогами; под ногами лося – резная фигурка копытного животного.

Участок 11, в 0,5 м на юг. Размеры 0,4×1,5 м. Резные изображения: лось, продолговатый знак, две

зооморфные фигуры. Высокобленная фигура лося. Выбитое изображение какого-то животного.

Участок 12, в 1 м на север, параллелен уч. 10. Размеры 1×2 м. Марал.

Линия 2 в 1,5 м на юг. Участок 13. Размеры 0,9×4,0 м. Шестнадцать маралов, лось, лиса, два неопределенных животных.

Линия 3 в 2 м на юг. Участок 14. Размеры 1,0×4,5 м. Двадцать маралов, лосиха, две зооморфные фигуры (ящерицы?), две птицы, четыре медведя, коза, хищник, три неопределенных животных.

Участок 15, в 1 м. Размеры 0,8×2,5 м. Пара маралов, ящерица (?), резная антропоморфная фигура, самка марала.

Участок 16, в 1 м. Размеры 1,5×1,5 м. Самка марала.

Участок 17, в 2 м. Камень подтреугольной формы. Размеры 2×2 м. Непонятная композиция с кругом, антропоморфный персонаж, пара маралов, самка марала, три волка, собака, козел, сцена охоты с лучником и двумя лосями.

Участок 18, в 1 м. Размеры 1,5×3,5 м. Много резных линий. Резные изображения: лосиха, птица-лось, плод. Выбитые фигуры: четыре лося, два антропоморфных персонажа, змея, два волка, два марала, копытное животное, пять козлов.

Участок 19, в 2 м. Размеры 1×2 м. Много резных линий. Угадывается высокобленная по силуэту фигура марала. Крестообразная выбитая фигура.

Участок 20, тот же монолит. Размеры 0,8×2,0 м. Две зооантропоморфные фигуры (ящерицы?).

Линия 4. Участок 21, в 1,5 м на юг от линии 3. Размеры 1,2×1 м. Самка марала.

Участок 22, в 19 м. Размеры 1,0×2,5 м. Три марала.

Линия 5. Участок 23, в 5 м на юг от уч. 18 линии 4. Размеры 1×4 м. Лиса.

Участок 24, в 6 м. Размеры 1,0×3,0 м. Марал.

Линия 6. Участок 25, в 2,5 м на юг от линии 5, параллелен уч. 17 линии 3. Пара маралов.

Участки на отдельных плитах.

Участок 26, в 15 м на юг от уч. 25. Размеры 0,5×1,0 м. Козел.

Участок 27, в 40 м на северо-восток от уч. 1. Размеры 1×3 м. Самка марала. Зооморфное изображение неопределенного облика.

Участок 28, в 100 м на юго-запад от уч. 1. Размеры 0,4×1,0 м. Синкетичное животное.

Участок 29, в 100 м на запад от участка 1. Размеры 0,7×0,7 м. Марал.

Репертуар петроглифов отражает искусство таежных охотников; преобладают образы двух промыслов-

вых животных – лося и марала. Выявлено 154 рисунка, из них изображения маралов составляют более 50 %, лосей – 15, антропоморфных персонажей – 4, хищников – 8, козлов – 4 %.

Выбитые анималистические изображения

Основной массив петроглифов – изображения маралов. Они выбиты по силуэту или широким контуром, нередко с силуэтной проработкой головы и шеи. Отличительная черта памятника – большое количество парных изображений животных, в основном маралов: 60 % составляют близко расположенные фигуры самца и самки. В некоторых местах их силуэты накладываются, образуя палимпсест, либо имеют общую линию контуров или связываются выбитой линией. Чаще всего животные показаны в неторопливом движении, они следуют друг за другом. Подобным образом изображены фигуры на центральной плите 14, с которой начинается линия 3. Помимо маралов, здесь можно видеть шествующих парами птиц и медведей. Рядом с ними выбиты две фигуры каких-то существ хтонического облика, напоминающих более всего ящериц (рис. 2). В качестве их аналогов можно назвать зооморфные изображения из глины ирменской культуры эпохи бронзы, обнаруженные при раскопках городища Абрашино-1 (Западная Сибирь) [Молодин, 1992, рис. 63, 64]. Похожие существа изображены еще на двух участках. На уч. 9 они запечатлены с помощью соскабливания корочки загара. Формы их более заостренные, чем в других случаях; аморфные очертания просматриваются с трудом, а патина по тону слабо выделяется на фоне соседних участков плиты. На уч. 15 фигура ящерицы выбита под маралухой, нога которой с копытом частично накладывается на переднюю конечность пресмыкающегося (рис. 3). Еще два трудно идентифицируемых изображения выбиты на уч. 20 (рис. 4). Западное напоминает ирменскую пластику эпохи бронзы, восточное – синкетического облика зооантропоморфное существо, запечатленное анфас, с раскинутыми конечностями и объемным туловищем.

Для крупных плит характерно хаотичное расположение изображений. Здесь фактически не определены верх и низ. Животные словно парят в пространстве; они показаны в совершенно разных положениях, как бы падающими сверху или взлетающими. По-видимому, это произвольное распределение изображений зверей на поверхности, их плотность есть отражение желаемого повсеместного и обильного распространения живых существ в природе. Рисунки создавались, вероятно, с целью воплощения этой идеи в реальность.

Петроглифы на больших и ровных западных плитах в центре отличаются живой и сочной стилизацией. Однако на одиночных периферийных участках ико-

Рис. 2. Выбитые изображения на уч. 14. Восточный фрагмент плиты. Поперечная Красноярка.

Рис. 3. Изображения маралухи и ящерицы (?) на уч. 15. Поперечная Красноярка.

Рис. 4. Две зооантропоморфные фигуры (ящерицы (?)) на уч. 20. Поперечная Красноярка.

нографический канон выродился в сухой схематизм. Это свидетельствует о том, что отдельные образы в механическом повторе продолжали появляться здесь в течение достаточно продолжительного времени.

В петроглифах Поперечной Красноярки нельзя не отметить удивительную поэтичность изображений двух особей разного пола. Фигура самки обычно выполнена по силуэту и более аккуратной выбивкой. Животное изображено с отвислым брюхом, высокими ушами и укороченными ногами. Художник намеренно удлинял шею, придавал рогам изысканные очертания, а всему облику – утонченность (рис. 5).

Сюжетные композиции

На уч. 17 представлено несколько композиций. В южной части плиты выбиты фигуры большого козла и преследующего его волка, в средней – бегущего копытного животного и выселяющих его двух хищников. Над этими сценами – антропоморфный персонаж с собакой. Все эти изображения выполнены в довольно грубой технике и заметно отличаются по стилистике от петроглифов на центральных плитах.

Рис. 5. Изображения двух маралов на уч. 22. Поперечная Красноярка.

Рис. 6. Композиции на уч. 17. Поперечная Красноярка.

Более тщательная работа инструментом отличает композицию в северо-западном углу участка. От руки антропоморфного персонажа отходит дуга. Внизу эта кривая линия прерывается непонятной фигурой; хотя границы ее четкие и нет утрат, она не читается и не вызывает каких-либо определенных ассоциаций (рис. 6).

Изящно, мелкоточечной выбивкой создана сцена охоты на юго-восточном краю участка 17. Это самые миниатюрные изображения на памятнике. Герой сцены – лучник с расставленными ногами, горитом на поясе и вытянутой правой рукой. Охотник нацелился на лосей, однако лук не показан. Характерно, что два животных, находящихся в отдалении, по размерам меньше человека. В области спины у них большой прогиб.

В верхней части плиты на уч. 18 представлена антропоморфная фигура с распахнутыми руками, огромными пальцами и подчеркнутыми признаками мужского пола. Богатырь изображен в мощном движении в южном направлении. Над ним выбита змея, а справа – округлое пятно. Антропоморфную фигуру с обеих сторон окружают два хищника, вероятно, волки (рис. 7).

Персонажи с гипертрофированными кистями рук исследователи относят к разряду богов-громовников

Рис. 7. Композиции на уч. 18. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

[Семёнов, 1999, с.182; Мартиросян, 1981, с. 1–56]. Подобные изображения отмечены на Верхнем Енисее, в Армении, Закавказье, Альпийской зоне и Монголии (Цаган-Салаа) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, № 604, 605, 608].

Громовержец является одним из центральных персонажей древней индоевропейской мифологии. Он обычно обитает наверху – на небе, горе, скале. Противник в виде змееподобного существа находится под горой, он прячется за скалой похищенный рогатый скот. Бог Грома, разбивая скалу, освобождает животных. Змей поначалу прячется под деревом или камнем, а затем скрывается в земных водах [Иванов, Топоров, 1975, с. 54; 1980, с. 530].

Прямая связь мифологического сюжета с выбитой композицией не просматривается: змей изображен над головой героя. Можно предположить, что композиция ближе известному на Алтае мотиву частичного поражения божественным воителем большого червя Уркера, который спасается, поднявшись на небо и превратившись в Плеяды [Иванов, Топоров, 1974, с. 150]. В отдельных традициях громовержец также принимает участие в небесной свадьбе и фигурирует в роли обманутого мужа [Иванов, Топоров, 1980, с. 529]. Не исключено, что выбитая несколько ниже антропоморфная фигура с расставленными ногами, возможно женская, имеет отношение к этому сюжету.

Граффити

Резные и выскоблленные рисунки обнаружены на нескольких участках; они еле видны и в большинстве случаев не читаются. Резьба производилась тонким инструментом, оставившим длинные неглубокие следы в виде линий. Выскоблленные фигуры просматриваются тоже плохо, их границы точно определить невозможно.

Гравированные изображения лосей делятся на две стилистические группы. К первой относятся два рисунка на самых лучших уч. 9 и 14 в центре больших и ровных плит. Фигуры животных показаны натуралистически и моделированы по силуэту с помощью большого числа тонких штрихов: на передней ноге лосихи на уч. 14 их не менее 12. На ушах такие штрихи вообще не просматриваются; мастер снял лишь верхнюю корочку скального загара. На уч. 9 скобление применялось в большей степени. Контур образован прочерчиванием ряда близко расположенных линий или с привлечением широкого инструмента. Вообще линии здесь не осознаются в полной мере как важное средство художественной выразительности; с их помощью мастер пытался дать наиболее близкое представление о натуре и выделить штриховкой пространство силуэта (рис. 8).

Рис. 8. Палимпсест на уч. 14. Поперечная Красноярка.

Рис. 9. Изображение лосихи на уч. 9. Поперечная Красноярка.

Животные показаны в спокойном шаге, с четырьмя ногами, которые трактованы в условной манере. На уч. 14 лосиха изображена без копыт, а на уч. 9 конечности – в виде плетения из нитей, оканчивающихся длинными тонкими остриями. Задние ноги как бы приставлены к туловищу, передние также неестественно подрисованы к животу (рис. 9). Объем здесь не мыслится, нет сочетания проекций. Между задними ногами выделен треугольный выем, уходящий вершиной выше уровня живота. Таким способом древние художники, вероятно, акцентировали плодородное место самки. Наверное, этот прием был исходным при формировании в искусстве развитой бронзы специфического показа заднего крупa – как бы развернутого анфас.

Надо полагать, соединением натурализма и условной изобразительности выражена отмечаемая исследователями семантическая двойственность образа лося – реального зверя и сакрального символа.

ла, имеющего божественное происхождение [Маркдорф-Сергеева, 2003, с. 78]. Сама же лосиха может выступать в качестве символа вселенной [Окладников, 1959, с. 70].

Аналоги этих резных рисунков не известны. Они не вписываются также в сводку изображений лосей на сибирских писаницах, которые приводит В.И. Молодин, [1993, рис. 2]. Лосихи Поперечной Красноярки исполнены по-разному. Так, на уч. 14 у животного опущена голова, что не характерно для лосей других сибирских петроглифических комплексов.

Вторая стилистическая группа более многочисленная и представлена изображениями на периферийных участках. К ним относятся контурные, как правило, более крупные, чем на центральных участках, фигуры лосей с двумя ногами. У лосихи на уч. 9 три ноги: одна передняя и две задние, с глубоким изогнутым выемом между ними (рис. 10). «Трехножие», как отмечает В.Д. Кубарев, – особенность изображений у гrotов Куюс, Куйлю, на валуне в акватории оз. Музды Булак (Алтай), а также комплекса Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор, святилища Арал-Толгой (Монголия), созданных в эпоху энеолита – бронзы [2007, с. 116]. Можно сказать, что рисунки второй стилистической группы выполнены

по определенному иконографическому канону. Для него характерна абсолютная плоскость статичной формы, плавные очертания фигуры и однотипное свидение ног к остриям. Силуэт остается незаштрихованным, контур дается в значительном обобщении одной непрерывной выразительной линией. Абрис головы напоминает параболу, а детали лосиной морды не передаются (рис. 11). Ясно, что такая эволюция художественного метода к чеканной строгости линий должна была происходить достаточно длительное время.

Соединительным звеном между указанными группами можно считать изображение оленя с рогами на уч. 10, в районе головы и шеи которого добавлено несколько резных и выскоблленных линий. Две тонкие передние ноги почти слились в одну, а задние выгравированы с разрывом контура между ними (рис. 12). К промежуточным можно отнести и изображения двух лосей, расположенные один под другим, на уч. 6. Абрис их туловищ очерчен двумя параллельными линиями; очень тонкие и длинные ноги свисают парами вертикально вниз без какого-либо намека на движение. Линии передних и задних конечностей начинаются выше линии живота, между ними отсутствует связующий контур (рис. 13).

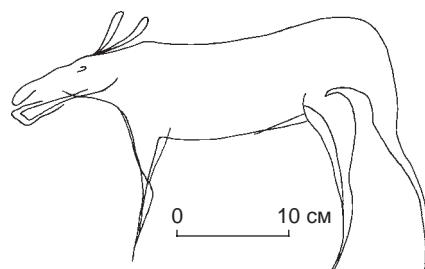

Рис. 10. Изображение лосихи на уч. 9. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

Рис. 12. Палимпсест на уч. 10. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

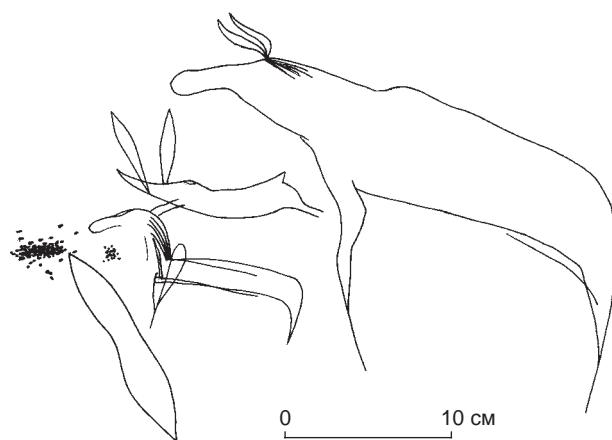

Рис. 11. Резные изображения на уч. 9. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

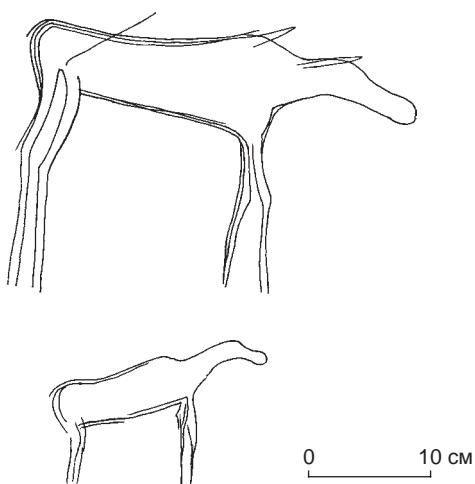

Рис. 13. Резные изображения лосей на уч. 6. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

В массиве граффити второй группы на уч. 18 обнаружена оригинальная композиция: лосиха с веером ушей, а под ее ногами среди округлых, не везде сохранившихся очертаний – миниатюрное, заштрихованное рядом параллельных линий существо (ее плод?). Над самкой в диагональном построении выгравирован еще один сохатый (самец?). К сожалению, из-за утраты поверхностного слоя рисунок полностью не восстанавливается. Самое интересное, что у лося птичья голова со странным хохолком (?) и удлиненным острым клювом (см. рис. 7). Подобная парная сцена с реалистически показанными животными выбита позднее на этой же плите поверх резной композиции. У самки из плодородного места выходят три отростка – видимо, так, по наблюдениям древних охотников, на свет появляется теленок.

На уч. 8 имеется еще одно резное изображение лося (рис. 14, а). В нем плавные мягкие очертания контура сменились резкими, геометризованными. Ноги предстали в виде узких заштрихованных треугольников. Исчезли статика и внутренняя гармония образа и решительно возобладали динамизм и экспрессивное начало. Это изображение с диагональным, как бы падающим движением коррелирует с образом лося окуневского времени на горе Озёрной (средний Енисей; рис. 14, б) [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 23]. Фигура резного лося на уч. 8 частично перекрыта выбитым изображением, которое можно отнести к каракольской культуре. Эти факты свидетельствуют о том, что самые поздние резные петроглифы были созданы в каракольское время, т.е. в начале II тыс. до н.э.

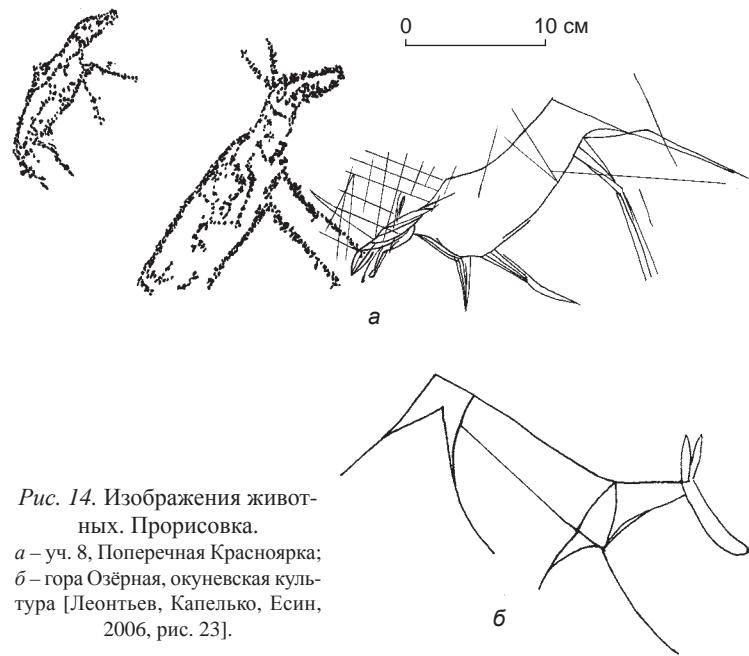

Рис. 14. Изображения животных. Прорисовка.
а – уч. 8, Поперечная Красноярка;
б – гора Озёрная, окуневская культура [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 23].

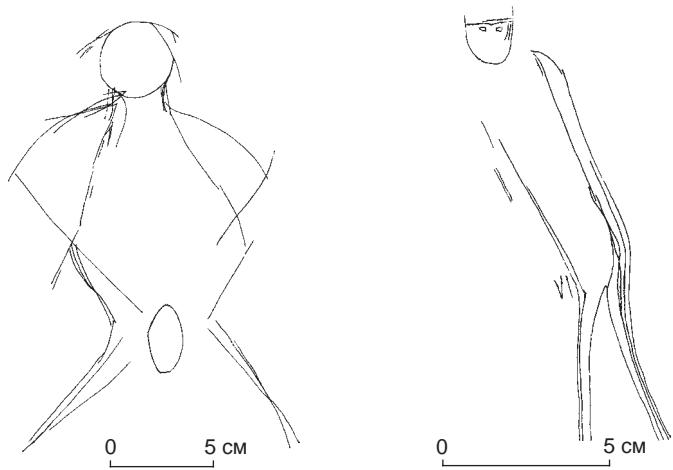

Рис. 15. Женская антропоморфная фигура на уч. 9. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

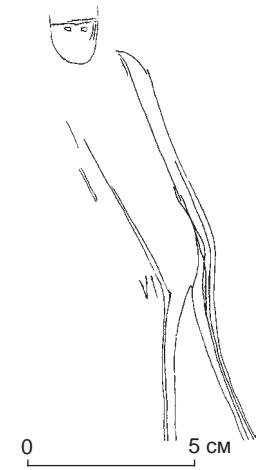

Рис. 16. Мужская антропоморфная фигура на уч. 15. Прорисовка. Поперечная Красноярка.

Антропоморфные образы

На уч. 9 вырезана необычная антропоморфная фигура (рис. 15). Она предельно лаконична; в ней выделены сплюснутый овал вульвы и округлая голова. Художник проявил особый интерес к прическе. Такое внимание к укладке волос характерно для миниатюрной скульптуры окуневской культуры и антропоморфной фигуры из могильника эпохи бронзы у пос. Озёрное на Алтае [Погожева, Кадиков, 1979, с. 84].

Еще один резной антропоморфный персонаж обнаружен на уч. 15 между двумя выбитыми оленями (рис. 16). Он показан в характерном сочетании проек-

ций, как на плите 1 святилища Зелёное Озеро. Линии, обрисовывающие туловище и подчеркивающие черты лица, просматриваются с трудом. Голова дана анфас, как бы сама по себе, без какой-либо связи с туловищем.

Временная принадлежность изображений

Для датировки антропоморфных изображений указанная резная фигура на уч. 15 является ключевой. В качестве ее ближайшего аналога можно назвать фигуру № 5 на плите 2 погр. 2 из Второго каракольского кургана [Кубарев, 1988, рис. 23]. Она изображена с таким

же наклоном и сочетанием проекций, без рук (вместо них – тоже еле заметные штрихи). Территориально отдаленные аналоги – гравированные изображения окуневской культуры в Тас-Хазаа [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, рис. 12]. Их описания, составленные Э.Б. Вадецкой, полностью согласуются с видом алтайского персонажа: «Все лица антропоморфных фигурок имеют два глаза, одну черту поперек лица и не имеют носа... Туловище человечков из Тас-Хазаа... с длинными и тонкими ногами, без шеи, широкое в плечах и суженное к животу. По своим очертаниям туловище напоминает человека с вытянутыми и прижатыми к телу руками, как бы спеленованного» [Там же, с. 68].

Связь каракольской и окуневской фигур с персонажем Поперечной Красноярки несомненна, однако первые, представленные в масках или в синкетичном облике, смотрятся более каноничными. Антропоморфный персонаж Поперечной Красноярки впечатляет выразительностью лика и не столь жесткими очертаниями. Это свидетельствует о вариабельности стилистики каракольско-окуневских изображений.

Фигуры лосих с элементами натурализма на центральных плитах, вероятно, также принадлежат к этому же временному пласту петроглифов развитой бронзы, поскольку в них нашел отражение, хотя и в зачаточном состоянии, характерный прием показа задней части туловища и задних ног, как бы развернутых анфас. Эту особенность В.И. Молодин назвал содержательным элементом в стилистике каракольско-окуневского искусства [1993, с. 11].

Для определения временной принадлежности выбитых петроглифов важное значение имеет изображение маралухи на уч. 18. Это фигура самки удивительно похожа на фигуру, запечатленную на плите 1 святилища Зелёное Озеро. Отсюда следует, что выбитые изображения Поперечной Красноярки также относятся к каракольской культуре.

Приведенные выше соображения позволяют говорить о том, что имеющиеся в палимпсестах Поперечной Красноярки изображения создавались в период развитой бронзы. Этот вывод согласуется с характерными примерами наложений изображений, наблюдавшихся и в окуневской культуре Приенисейской области, и на погребальных плитах Каракола. Более того, как отмечалось В.И. Молодиным, и каракольским, и окуневским памятникам присущее сочетание различных способов нанесения изображений – выбивкой и гравировкой [Там же, с. 13–16].

Заключение

Петроглифы Поперечной Красноярки – яркий памятник искусства Горного Алтая эпохи развитой

бронзы. Его уникальность – в наличии гравированных и выбитых изображений животных высокого художественного уровня. Немаловажное значение имеют и сопутствующие им антропоморфные образы. Дополнительную научную ценность памятнику придает то, что неподалеку, также в верховьях Красноярки, находится святилище Зелёное Озеро с рисунками каракольской культуры (порода камня у Зелёного Озера не позволяла создавать граффити). Оба эти комплекса существовали до экспансии ранних кочевников: в них нет изображений в скифо-сибирском зверином стиле. Однако рисунки этих памятников все-таки тематически различаются. Если зеленоозерские композиции посвящены магическим сюжетам, то в комплексе Поперечной Красноярки преобладают парные или одиночные фигуры благородных оленей и лосей. Возникает вопрос: почему основной массив граффити нового памятника посвящен образу лося, а выбитых петроглифов – маралам? Как следует из анализа палимпсестов, изображения сохатых появились здесь раньше. Переход к повсеместному изображению маралов был обусловлен, скорее всего, сменой палеофауны, в частности, уменьшением численности лосей в связи с заметным похолоданием климата в период развитой бронзы [Малолетко, 2002, с. 45]. Вероятно, прежний культ сохатого сменился почитанием марала, поэтому поверх прежних изображений появились палимпсесты с другим героем. Развитие новых представлений могло привести к созданию образов, связанных с магическим воздействием на природу. Поскольку центральные плиты Поперечной Красноярки уже были покрыты рисунками, то искусство на новом этапе получило развитие в святилище Зелёное Озеро. Там оно, будучи подготовленным развитием в комплексе Поперечной Красноярки, достигло высочайшего художественного уровня.

Все эти события происходили в одно время и проявились в динамичном изменении изобразительной деятельности. Перемены выразились не только в переходе от выбитых парных изображений маралов к сложным магическим композициям, но и в достаточно быстрой смене стилистики гравированных лосей – от натурализма к обобщенной иконографии. В этой связи важно отметить соответствие изобразительного канона, сформировавшегося в процессе эволюции образа сохатого (фигура лося на периферийном уч. 8) окуневской иконографии. Оно свидетельствует о том, что петроглифы двух рядом расположенных комплексов Поперечной Красноярки и Зелёного Озера дают редкую возможность проанализировать формирование характерных черт каракольско-окуневского искусства в эпоху развитой бронзы на Алтае.

Список литературы

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 147 с.

Иванов В.В., Топоров В.И. Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974. – 343 с.

Иванов В.В., Топоров В.И. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 44–76.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 527–533.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д. Арап-Толгой: Новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 111–126.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Малолетко А.М. Палеогеография // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Ин-т алтайстики им. С.С. Суракакова, 2002. – С. 13–57.

Маркдорф-Сергеева Н.М. Некоторые вопросы семантики образа лося и его композиций // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 78–83.

Мартиросян А.А. Наскальные изображения Гегамских гор // Археологические памятники Армении. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. – Т. 11: Наскальные изображения, вып. 3. – С. 1–56.

Маточкин Е.П. Лунно-солнечные календари святилища «Зелёное Озеро» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004а. – № 3. – С. 11–15.

Маточкин Е.П. Антропоморфные персонажи Зелёного Озера // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтайстики им. С.С. Суракакова, 2004б. – Вып. 2. – С. 26–37.

Маточкин Е.П. Древние персонажи святилища Зелёное озеро // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. – М., 2005. – С. 172–176.

Маточкин Е.П. Петроглифы Зелёного Озера – памятник эпохи бронзы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 104–115.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.

Молодин В.И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. – С. 4–25.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озёрное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80–84.

Семёнов Вл.А. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1999. – Т. 1. – С. 180–185.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – P.: De Boccard, 2001. – Т. V. 6.–132 р., 346 тaf., 399 photogr.

Matochkin E.P. Petroglyphs of the Green Lake in the Altai mountains // International newsletter on rock art. – 2004. – № 3. – Р. 13–16.

Материал поступил в редакцию 05.03.09 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

Д.В. Карнаухов

ОБРАЗЫ ЭТНИЧНОСТИ ЕВРАЗИИ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Статья посвящена созданным польскими историками XVI в. протонаучным концепциям этногенеза и ранней истории народов Евразии – русских, московитов, булгар, вандалов, готов, половцев, печенегов, венгров и татар. Данные концепции, обобщившие богатый опыт развития этнографических знаний в древности и средневековье, позволяли европейским интеллектуалам эпохи Возрождения получить представление об эволюции этнической карты Евразии, определить ареалы расселения народов этого региона, направления их переселений, характер межэтнических взаимоотношений, а также выявить специфику языка, культуры и быта, особенности политической и социальной организации.

Ключевые слова: Польша, эпоха Возрождения, хроника, этногенез, восточные славяне, булгары, вандалы, печенеги, половцы, венгры, татары.

Созданные на рубеже средних веков и Нового времени протонаучные сочинения польских авторов в интеллектуальных кругах Европы приобрели репутацию наиболее компетентного источника информации о прошлом и настоящем народов Евразии. Действуя в русле передовых тенденций развития гуманитарного знания, характерных для эпохи Возрождения, ученые стремились разобраться в сложных этнических процессах посредством выдвижения гипотез, позволявших осветить вопросы происхождения этнических групп этого региона, определить места их расселения, направления миграции, характер межэтнических взаимоотношений, а также выявить специфику языка, культуры и быта, особенности политической и социальной организации. Изыскания авторов польских исторических сочинений Ренессанса опирались на богатый опыт развития историографии древности и средневековья – библейскую традицию, труды выдающихся писателей Древней Греции и Древнего Рима, стран

Ближнего Востока, Византии, а также древнерусские летописи и западно-европейские анналы.

Проблематика этнической истории Евразии нашла отражение в издававшихся на латинском и польском языках работах Матвея Меховского, Мартина Кромера, Марчина Бельского, Мачея Стрыйковского и Александра Гваньини. Все они были приверженцами т.н. сарматской теории, в рамках которой древние славяне отождествлялись с сарматским суперэтносом, а этногеографическое понятие «Сарматия» приобрело особое культурно-историческое значение – стало универсальным маркером территории, находившейся на границе Европы и Азии. Территориальные рамки Сарматии в представлениях этих авторов были значительно шире ареала расселения сарматских племен, описанного в сочинениях писателей древности. Тогда как «классическая» Сарматия располагалась в Северном Причерноморье, польские ученые расширяли ее пределы до Карпат, Балтийского моря и Северного Ледовитого океана, берегов Волги и Дона [Ulewicz, 1950]. Эта огромная территория разделялась ими на две зоны: европейскую и азиатскую. Такое деление было впервые обосновано в «Трактате о двух Сарматиях» М. Меховского, опубликованном на латинском языке в 1517 г. С точки зрения этого ученого, Евро-

*Статья подготовлена во время стажировки автора в Центре изучения античной традиции Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета.

пейская Сарматия была населена преимущественно христианскими народами – литовцами, русскими и московитами, тогда как Азиатская – «варварскими» племенами татар. Границами двух Сарматий автор называет реки Волгу и Танаис (Дон) [Меховский, 1936, с. 47, 61]. Трактат Меховского положил начало изучению в ренессансной Польше истории народов Евразии, среди которых наибольшее внимание уделялось русским и московитам.

Ключевым в «сарматской теории» польской ренессансной историографии было убеждение, что «русские народы» вели свое происхождение непосредственно от сарматов. Усомнившись в достоверности широко распространенной в средневековой хронографии этногенетической легенды, произошедшей русских от их «первопредка» Руза (брата либо потомка прародителей чехов и поляков Чеха и Леха), авторы польских исторических сочинений второй половины XVI в., среди которых наибольшим авторитетом пользовался М. Кромер, выдвинули и обосновали альтернативную гипотезу. По их представлениям, древними предками русского народа являлись упоминавшиеся в сочинениях Птолемея, Тацита, Плиния и ряда других писателей древности сарматские племена роксолан (Roxolani), это наименование со временем трансформировалось в название «русы» (Russi) [Cromer, 1555, р. 17]. Дополнительным доказательством достоверности своих выводов авторы считали приблизительное сходство ареала расселения современных им «руссов» и древних роксолан. Столь пристальное внимание к этому вопросу в польской традиции исторических представлений не случайно: «сарматский» генезис русского народа был престижен и для других славян (в т.ч. поляков), т.к. давал возможность значительно «удревнить» их историю. С одной стороны, он позволял «вписать» славян через эпонима сарматов, потомка ветхозаветного Сима Асармата/Сарматы в библейскую генеалогию [Stryjkowski, 1582, с. 91], а с другой – распространял на них доблести воинственных сарматов, в свое время противостоявших могущественной Римской империи и другим государствам древнего мира [Bielski, 1551, л. 35–35 в.].

Аналогичная техника доказательства была использована и для обоснования древности происхождения московитов. Их наименование сопрягалось с многочисленными вариациями этнонима, обозначавшего народ, населявший древнюю Каппадокию, – москов/мосхинов/модоков/амаксобитов, – упоминания о котором были обнаружены польскими историками в трудах Птолемея, Иосифа Флавия, Плиния и Страбона [Cromer, 1555, р. 15], а также производилось от имени ветхозаветного Мосоха [Bielski, 1564, л. 6 в.], что позволяло напрямую связать славянские народы с «прапотцом» Ноем через Яфета.

Несмотря на культурно-историческую престижность «сарматской» и «москоховой» гипотез, объяснявших происхождение восточных славян, для данных этногенетических построений был характерен общий конструктивный изъян, обусловленный тем, что родословная «от Мосоха» в рамках библейской генеалогии никак не сочеталась с сарматской эпонимической легендой (славяно-сарматский эпоним Асармот был потомком ветхозаветного Сима, т.е. лишь опосредованно был связан с родом Яфета и Мосоха). Таким образом, польские ренессансные историки были вынуждены согласовывать эти две взаимоисключающие теории.

Следует отметить, что данная проблема была осознана далеко не сразу. Так, в исторических трудах 50-х гг. XVI в. (ранние редакции хроник М. Бельского и М. Кромера) представлены обе концепции, но каких-либо комментариев по поводу их взаимной противоречивости не дается. Лишь в третьей редакции сочинения Кромера была предпринята попытка объяснить не вызывавшее сомнений этнокультурное единство восточно-славянских народов тем, что мосхам «в силу близкого соседства» перешло имя роксолан, а потом вновь было возвращено первоначальное наименование [Cromer, 1568, р. 10]. Таким образом, по мысли автора, изначально имевшие разное происхождение русские и московиты вследствие совместного проживания на одной и той же территории объединились, чем и объясняется противоречивость данных этногенетических гипотез. М. Стрыйковский, согласившийся с выводом М. Кромера, согласовал эти гипотезы посредством прямого включения в легендарный сюжет Мосоха и Сарматы. В его сочинении Сармата характеризуется как «родственник» Мосоха на том основании, что они имели общего главу родовой иерархии – Ноя, а взаимоотношения этих двух эпонимов синхронизируются во времени и пространстве с момента разрушения Вавилонской башни и до их совместного переселения в «северные страны» [Stryjkowski, 1582, с. 91]. Стрыйковский стремится убедить читателей своей хроники в том, что славяне по крови связаны с «народом мосхов», а по имени – с сарматским племенем роксолан. Причем оба варианта происхождения были приемлемы и престижны: «мосхов» генезис актуализировался в рамках парабиблейской традиции, а роксоланы-сарматы в большей степени были известны по сочинениям античных историков. Достижение столь важного компромисса позволило Стрыйковскому рассматривать в качестве древних предков славян как мосхов (этнонимически связанных с современными ему московитами), так и роксолан (этнонимически связанных с «народом русским»).

Вместе с тем далеко не всегда сопряжение «московского народа» и древних мосхов в ренессансных

исторических трудах имело позитивную направленность. В частности, в историко-географическом сочинении «*Sarmatiae Europeae Descriptio*», автором которого был натурализовавшийся в Польше итальянец А. Гваньини, это обстоятельство служит основанием для сравнения московитов «из-за жестокости нравов» с турками и арабами, т.е. при помощи исторических аргументов подтверждаются актуальные представления о них как о диком и склонном к тирании народе [Gwagnini, 1578, f. 47 v.].

Польские ученые эпохи Возрождения также уделили внимание истории ряда других народов Сарматии – булгар, вандалов, готов, печенегов, половцев, венгров и татар, сведения о которых были заимствованы из средневековых источников, но истолковывались авторами ренессансных исторических трудов в рамках оригинальных этногенетических построений.

Вопрос о происхождении «булгарского народа» впервые был поставлен в «Хронике всего света» М. Бельского. Автор неоднократно называет булгар «народом славянского языка» [Bielski, 1551, l. 65, 75], их древней прародиной считает земли, располагавшиеся «между Азией и Европой на обоих берегах реки Танаис, которую мы называем Волгой», и связывает с ее названием происхождение раннего этнонима [Ibid., l. 79 v., 156]. Бельский пишет, что булгары переселились из «великой Волгарии» «на побережье моря, которое мы называем Понтом Евксинским, и Белого озера, которое мы называем Меотским озером либо озером Бицен... аж до реки Днепр». Последующее их переселение на Балканы автор связывает с эпохой «великого цесаря Юстиниана», описывает завоевание подвластных ему провинций булгарским князем Дербалем*, в результате чего булгары заселили «большую и малую Мисию» и «назвали ее по отеческому месту Булгарией» [Ibid., l. 79 v.]. Бельский не ограничивается констатацией факта славянского происхождения и родства балканских и волжских булгар, он также утверждает, что именно от них произошли южно-славянские народы, которые «заняли Боснию, через Венгрию продвинулись далеко, вплоть до Далмации, Иллирика, аж до самой Истрии» [Ibid.]. Еще одна группа булгар, сохранившая в имени своего народа память о происхождении «от Волги», по свидетельству автора, переселилась на Волынь и до сих пор называется волынцами [Ibid., l. 156].

Важно отметить, что данная этногенетическая гипотеза, обосновывавшая славянское происхожде-

*Бельский имеет в виду булгарского хана Тервеля (годы правления 702–718), современника императора Юстиниана. В результате соглашения этих двух монархов Тервель значительно расширил свои владения на Балканах и получил титул кесаря.

ние булгар, не получила широкого распространения в латиноязычных исторических трудах – отклик на нее мы находим лишь в сочинении М. Стрыйковского, который, как и М. Бельский, опубликовал свою хронику на польском языке. Стрыйковский с незначительными изменениями воспроизводит описание ранней этнической истории булгар, представленное Бельским [Stryjkowski, 1582, s. 97–98, 100–101, 105], и подтверждает достоверность главного тезиса о происхождении славяно-булгар из московских земель указанием на то, что «и ныне князь Московский господарем Булгарским пишется» [Ibid., s. 97].

Выдвинутая Бельским гипотеза о «булгарском» генезисе славян не противоречила «сарматской» теории. Он неоднократно указывает на общее славянское происхождение славяно-булгар и славяно-сарматов (роксолан), приблизительное совпадение ареалов их расселения (общность прародины), полагая, что различия в наименованиях следует объяснять топонимической спецификой конкретной местности, населенной этими народами.

Крайне противоречивые сведения в польских исторических сочинениях эпохи Возрождения мы находим о происхождении и истории вандалов. Им уделяется повышенное внимание в связи с тем, что именно этот народ многими средневековыми авторами отождествлялся с поляками (Вандал – древнее название Вислы). Польские историки XVI в. не отрицали территориальной принадлежности вандалов к сарматским землям, однако далеко не все из них были готовы признать сарматское, а стало быть, и славянское происхождение этого народа.

В трактате М. Меховского содержатся два взаимоисключающих утверждения, касающиеся вандалов: с одной стороны, автор пишет, что вандалы «вышли из царства Польского, имена и прозвища получили от польских местностей, где жили, и язык у них был польский», а с другой – их же называет германцами, отрицает родовую связь вандалов с сарматами и скіфами [1936, с. 77].

М. Кромер категорически отвергает саму мысль о родстве славян и вандалов, посвящает опровержению подобных «домыслов» целую главу своей хроники, имеющую характерный заголовок «Почему славяне не являются вандалами». Он аргументирует свой вывод рационалистическими доводами, в частности, пишет о том, что, согласно древним источникам, вандалы использовали немецкий язык, а также указывает на «германскую этимологию» имен их князей [Cromer, 1555, р. 9].

В сочинениях М. Бельского и М. Стрыйковского вандалы, напротив, включены в число славянских народов, хотя отмечено существенное расхождение мнений разных авторов по данному вопросу [Bielski, 1564, l. 336 v.]. Бельский называет вандалов

«нашим народом» и утверждает, что они переселились со своей древней прародины, располагавшейся на р. Танаис, озерах Меотис и Бицен, на берега Вислы, «где мы теперь находимся», а в дальнейшем вступили в соприкосновение с немцами, что и стало причиной возникновения ложных, по мнению этого историка, представлений об их германском происхождении [Bielski, 1551, l. 155 v–156]. Стрыйковский упоминает «вандальские народы» в числе этнических групп, ведущих свое происхождение «от сына Яфета Мосоха» наряду с сарматскими, булгарами, русскими, готскими, польскими, волынскими и чешскими, тем самым верифицирует славянские корни вандалов [Stryjkowski, 1582, s. 109]. Он также использует это при попытке славянанизировать древнерусскую династическую легенду, утверждая, что «русские... из вагров или варагов и вандалиев [происходивших] из своего славянского народа князей себе выбрали и вручили им верховную власть над русскими государствами» [Ibid., s. 116]. Тем самым вандалы/вандалиты пополняют список народов, которым «присваивается» славянское происхождение с намерением обеспечить современным автору славянам героическое прошлое.

Среди этнических групп Сарматии, не относившихся польскими ренессансными историками к славянам, наибольшее внимание было уделено готам, половцам и печенегам, которые, как правило, признавались частью одного народа, известного под разными названиями. Впервые эту версию выдвинул Меховский, засвидетельствовавший, что «готы соседями назывались половцами». Он отмечает сходство нравов и образа жизни готов и половцев, в частности, указывает на то, что и те, и другие «подобно охотничим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их», а также были грозными соперниками «роксоланов, рутенов* и вандалов», т.е. древних предков славян [Меховский, 1936, с. 68–69]. Автор настаивает на восточном происхождении готов, вовсе не упоминает широко распространенную в исторической литературе его времени альтернативную гипотезу готского историка VI в. Иордана, производившего свой народ из Скандинавии. Главным источником познаний Меховского об истории готов, по всей видимости, была хроника Павла Диакона (720–799), по которой польский автор воспроизводит в своем трактате свидетельства об их пребывании в Азиатской Сарматии, взаимоотношениях с Византийской империей и народами этого региона.

**Rutheni* – характерная для средневековой латиноязычной хронографии форма номинации русских, позже замененная этническим термином *Russi* [Карнаухов, 2006, с. 265–272].

Последователи Меховского не сомневались в скандинавском происхождении готов. Бельский пишет, что первоначально этот народ переселился «в поисках более плодородных земель» на юг к морю Понтийскому и лишь затем двинулся на запад – во Францию, Германию, Италию и Испанию [Bielski, 1551, l. 63]. Автору «Хроники всего света» был известен труд Иордана, но к представленному там описанию «деяний» готов он относился скептически, полагая, что готский историк, желавший прославить свой народ, «приписал ему все то, что совершалось как в Европе, так и в Азии либо татарами, либо сарматами» [Bielski, 1564, l. 337].

Польские историки второй половины XVI в. Бельский, Кромер и Стрыйковский согласились с мнением Меховского о родстве готов и половцев, однако не столь однозначно восприняли его этнографическую гипотезу, согласно которой наименование половцев на языке русских и московитов обозначает «хищников и грабителей» [Меховский, 1936, с. 68]. Бельский считает половцев потомками готов наряду с пруссами и литовцами и, апеллируя к неким «историкам», отождествляет эти народы с гепидами. Он вскользь упоминает о переселении половцев в причерноморские области, но не называет регион, где они проживали ранее. Этноним половецкого народа, по мнению Бельского, имеет русское происхождение и трактуется двояко: с одной стороны, производится «от плена, так как Русь плен половоном называет», с другой – связывается с охотой, ловлей зверей. По словам польского историка, венгры именовали этот народ хумами. Данный вариант номинации объясняется тем, что половцы с Русью «кумовали», т.е. тесно взаимодействовали [Bielski, 1551, l. 177].

Кромер производит этноним половецкого народа от славянского слова «поле», по всей видимости, ориентируясь на мнение австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, автора знаменитых «Записок о московитских делах» [Herberstein, 1551, p. 86]. По словам польского историка, половцы были названы так их соседями русскими и славянами в связи с тем, что населяли области, расположенные «в полях у Танаиса и Меотского озера», точно так же, как поляки получили свое название от того же слова [Cromer, 1555, p. 186–187]. Кромеру были известны некоторые «альтернативные» наименования половецкого народа: в первой редакции его хроники фигурируют «хуны или куманы» [Ibid., p. 186], а в редакции 1589 г. – «фраги или фрагии» [Cromer, 1589, p. 128]. Однако какого-либо объяснения причин отождествления половцев и «фрагов» нет.

Согласно этногенетической концепции, представленной в хронике Стрыйковского, готовы, гепиды, половцы, печенеги, литовцы, ятвяги и аланы были частями одного и того же «воинственного и рыцар-

ского народа». Опираясь на потенциал парабиблейской традиции, историк называет прародителем этого народа «Тогорму, третьего сына Гомера, внука Яфета, правнука Ноя». Он пишет о разделении народа на множество племен после переселения «из Ассирии в северные страны» и утверждает, что некоторые из них стали именоваться киммерийцами (а также кимерами или цымбраторами), а в числе прочих указывает тех, кого называли готами, гепидами, певчинами или печенегами и половцами: они частично остались у Черного моря и оз. Меотис, частично ушли далее на север и расселились «в тех местах, где сейчас Волынь, Подolia и Литва» [Stryjkowski, 1582, с. 24–25]. Как можно видеть, польский автор опирался на уже зарекомендовавшие себя концепции (например, был сторонником гипотезы о «готском» происхождении половцев). Вместе с тем идея родства половцев и печенегов с балтами является результатом самостоятельных этногенетических изысканий Стрыйковского. Она была обоснована в гл. 8–5 книги его сочинения, где мы находим описание разгрома половцев коалицией русских князей на р. Суле (1107 г.), заимствованное из латинской хроники польского историка конца XV в. Яна Длugoша [Dlugoss, 1615, р. 335], который, в свою очередь, почти буквально повторил рассказ русского летописца об этих событиях. Стрыйковский сообщает о том, что русские после победы гнали половцев «аж до Хорелы». Но поскольку Длugoш прямо не указывает, чем именно является «Хорела»*, Стрыйковский по своему усмотрению истолковал топоним: «Хорела, или Корола, где и побили русаки половцев, является землей, прилегающей к Финляндии, на севере за Новгородом Великим, где жители говорят на латышском и иговском языке, близком литовскому». На основании этого ложного территориального сопряжения он сделал вывод: «...половцы, которые в то время проживали в Кореле, были единственным народом с Литвой». Весомым доказательством верности выдвинутой им гипотезы автор считал то обстоятельство, что и «ныне еще остатки половцев перемешаны с Москвой... говорят на своем старом половецком языке, подчинены князю Московскому, и Москва их иговянами и восками называет» [Stryjkowski, 1582, с. 201–202].

Появление половцев в Северном Причерноморье Стрыйковский связывал с их миграцией «с севера на восток», после чего половецкий народ занял земли «у озера Меотис и Понта Евксинского», расселился «в полях около рек Танаиса и Волги и в Таври-

*Летописец имел в виду р. Хорол (в русском источнике дословно: «гнаша до Хорола»), находившуюся на границе русских и половецких земель (ныне территория Полтавской обл. Украины).

ке», захватил Манкоп, Киркель, Крым, Азов, Кафу, Монкаструм, или Белгород [Ibid., с. 186].

Значительное внимание польские историки XVI в. уделили происхождению и ранней этнической истории венгров. Этот вопрос активно дискутировался в средневековой и ренессансной историографии Европы – к нему проявляли интерес авторы средневековых анналов, венгерские хронисты, а также ренессансные историки Эней Сильвий Пикколомини, Юлий Помпоний Лэт, Петр Рансан и др. Высказывались две точки зрения о корнях венгерского народа. Как правило, ученые отождествляли венгров с гуннами, и гораздо реже встречаются предположения об их «скифском» происхождении. Однако именно «скифская» гипотеза была обоснована польскими историками XVI в.

В трактате М. Меховского древней родиной венгерского народа названа Югра – «самая северная и самая холодная скифская земля у Северного океана», которая «ныне подчинена князю Московии». Именно из Югры, по свидетельству автора, вышли народы, названные впоследствии «гуннами или унгарами»; сильно размножившись, они спустились к Эвксинскому морю, перешли великие реки близ Меотидских болот и лишь затем проникли в Паннонию, где и остались. Меховский пишет также о том, что в период своих странствий они проявили себя как агрессивный народ – вытеснили готов из Скифии (Азиатской Сарматии), нанесли поражение рутенам в Европейской Сарматии [1936, с. 79, 118]. Главным доводом в пользу достоверности своей этногенетической версии автор считает сходство языка жителей Югры и венгров, расселенных в Паннонии, объясняя небольшие различия тем, что «наши венгры добавили кое-какие слова из славянского наречия для обозначения вещей, которых нет в Скифии и Югре».

М. Кромер не писал о происхождении и ранней этнической истории венгров. М. Бельский, хотя и обращается к этому вопросу (даже посвящает историю венгерского народа самостоятельный раздел «Хроники всего света»), приводит крайне противоречивые данные. Сославшись на «венгерские хроники», автор производит древнее население современной ему Венгрии – паннонцев – от эпонима Баннона из рода Сима, потомки которого расселились на Дунае и назвали свою страну по его имени Паннонией [Bielski, 1551, л. 121 в.]. В то же время он сообщает, что вследствие завоевания Паннонии в 410 г. «татарским народом гуннов», пришедшим из северных стран, эта земля «от гуннов» получила название «Угры» и поэтому зовется Венгерской [Ibid., л. 122]. Бельский лишь вскользь упоминает о противостоянии гуннов, готов и славян на территории Сарматии, но, в отличие от Меховского, не связывает современных ему венгров с народами Югры.

М. Стрыйковский выдвигает две противоречащие друг другу гипотезы о происхождении венгерского народа. Согласно первой, в целом ориентированной на концепцию Меховского, этот народ происходит из «Югарии», которую подчинил своей власти «великий князь Московский Иван» [Stryjkowski, 1582, s. 91]. Однако, в отличие от своего предшественника, Стрыйковский считает венгров, или «хугров», потомками библейского Магога, второго по старшинству сына Яфета, и производит их этноним от названия реки «Хугри, или Югры», находящейся в Московской державе. Польский историк также пишет, что они, переправившись через Волгу, разбили живших на Дону «готов или половцев, предков литовских», после чего в 383 г. во времена правления императора Грациана, захватили Паннонию, а в 428 г. выбрали своим королем жестокого воина Аттилу [Ibid., s. 14]. Второй гипотезой Стрыйковский, по сути, дезавуирует первую: не отрицая связь венгров с Юграй, польский историк отождествляет их с гуннами и, применив традиционный прием поиска аналогий между этнонимами и именами ветхозаветных героев, производит эти народы от братьев «Хуннора и Магера, или Магора, сыновей Немрота Вавилонского», полагая, что Хуннор являлся их эпонимом [Ibid., s. 61–62].

Ни один польский историк эпохи Возрождения не проигнорировал вопрос о происхождении и ранней этнической истории татар. Интерес к этой теме изначально был вызван необходимостью объяснить причины татарского нашествия на Русь, Польшу и Венгрию, определить роль «татарского фактона» в региональных международных отношениях. В XVI в. «татарский вопрос» постоянно актуализировался в условиях противостояния татарских орд с христианскими государствами Восточной Европы и приобретавшей все более угрожающие масштабы экспансии Османской империи.

Потрясение от татарского нашествия XIII в. было настолько велико, что историки различных стран Европы демонизировали татар, приписывали им, наряду с гуннами, роль главных сокрушителей культурных ценностей христианских народов (это позволяет объяснить, почему Бельский характеризует гуннов как «татарский народ» [Bielski, 1551, l. 122 v]). Страх перед татарскими ордами породил множество фантастических слухов и домыслов, которые получили широкое распространение в средневековых анналах, а через их посредничество и в исторических сочинениях эпохи Возрождения. В частности, одним из самых распространенных культурных маркеров татар стало сопряжение их этнонаима с латинским названием преисподней (Tartarus, Tartara), что привело к утверждению в европейской латиноязычной хронографии несколько видоизмененной формы номинации – *Thartari*.

Польские историки XVI в., стремившиеся с рационалистических позиций осветить прошлое и современное положение татар, тем не менее также находились под влиянием вышеупомянутых этнокультурных стереотипов, что не могло не отразиться на результатах их изысканий.

Развернутая характеристика татарского народа впервые представлена в трактате М. Меховского, который опровергает гипотезу не названных им «современных обманщиков» об автохтонности татар в Азиатской Сарматии и настаивает на том, что этот «новый и пришлый народ» переселился в данный регион с востока ок. 300 лет тому назад и до того времени не был известен [1936, с. 46]. Исходной точкой миграции татар автор, следуя широко распространенной в европейской хронографии гипотезе, называет «предгорья Индии» [Там же, с. 47] и игнорирует высказанное несколькими десятилетиями раньше мнение своего соотечественника Я. Длугоша, производившего «род и племя татар от армян» по причине сходства их внешности и языка [Dlugoss, 1615, p. 498].

Как и Длугош, Меховский знает о существовании Чингисхана, называет его Цингосом или Цинхисем (Cingos vel Cingkis)* и характеризует как прародителя «нынешних» татарских императоров. Источником своих познаний автор «Трактата о двух Сарматиях» в данном случае называет «татарские предания и рассказы». Повествование Меховского изобилует подробностями, которые он характеризует как «выдумки» (например, о том, что Цинхис был зачат не от человека, а от солнечных лучей [Меховский, 1936, с. 64]). В трактате мы также находим родословие татарских императоров, где перемешаны свидетельства разных источников, нарушена последовательность эпох и деяний правителей. Пожалуй, наибольшую ценность представляет обстоятельное этнографическое описание современных автору татарских орд, включающее сведения об их быте и нравах, аналогов которому нет в других источниках того времени.

М. Бельский размещает «татарские царства» в Азиатской Скифии, на огромных пространствах «от самого восточного океана» до Волги и Дона. В качестве ориентира, позволяющего отделить Татарию от Скифии, в его хронике названа гора Имава, расположенная за Каспийским морем. Прародителем татар польский историк считает библейского Магога, потомка Яфета, но одновременно утверждает, что некоторые татарские орды размножились от Хама. Этноним татарского народа автор «Хроники всего света» производит от названия р. Тартар, но не указывает ее местоположение. Любопытно, что Бельский единственный из польских историков XVI в. отождествляет татар с «монголами», произошед-

*У Длугоша – Chinchis.

шими «из великой Азии», называет этот народ «настоящими татарами», а его воинственного «короля» Цангуисту сравнивает с Александром Македонским [Bielski, 1551, l. 116 v.].

В хрониках М. Кромера и М. Стрыйковского нет новых сведений о татарском народе – они повторяют «топонимические» свидетельства Бельского (о горе Имаве и происхождении этнонима от названия р. Тартар) и объясняют скучность своих описаний тем, что древним греческим и латинским авторам татары были неизвестны.

Представления польских историков XVI в. о ранней этнической истории Евразии позволяют судить о становлении системы знаний принципиально нового типа, в основе которой лежал процесс постепенной демифологизации культурно-исторической картины мира, зарождения прикладной этнографии, что давало возможность получить более достоверную информацию о народах региона, востребованную в различных сферах жизнедеятельности.

Историки Ренессанса, опиравшиеся в своей работе на широкий спектр письменных источников различного происхождения, а также практический опыт взаимодействия с народами «Сарматий», смогли создать гипотезы, позволившие обобщить достижения авторов исторических сочинений предыдущих эпох и способствовавшие расширению умопостигаемого пространства просвещенного европейца. Также немаловажно, что именно польская традиция оказала влияние на формирование представлений о народах Евразии восточно-славянских интеллектуалов раннего Нового времени. Результатом этого влияния явились историко-этнографические очерки, которые мы находим в составе украинских летописей и хронографов XVII в., киевского «Синописса», «Скифской истории» А. Лызлова, а также в сочинениях российских ученых XVIII в. – А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и др.

Едва ли создаваемый в интересующую нас эпоху этноисторический образ Евразии мог быть полностью независимым от мифологем и иррациональных домыслов. Такова природа отношения к этнической истории и этническим процессам, для которой по мере развития научного мировоззрения характерно не столько преодоление зависимости от «мифологического взгляда» в представлениях о родстве и происхождении народов, сколько его рационализация и трансформация [Петрухин, Раевский, 2004, с. 10]. Описанные нами гипотезы польских авторов являются примером такой трансформации. Оставаясь для нас, исследователей начала XXI в., протонаучными, балансирующими на грани мифа и науки, они, тем не менее, способны зримо указать на очевидный прогресс в области изучения истории народов, подчеркнуть возможности преодоления уста-

ревшей системы представлений, ее замены новой, более функциональной и методологически зрелой структурой знания.

Список литературы

Карнаухов Д.В. Развитие представлений о номинации восточных славян в исторической мысли Польши на рубеже Средневековья и Нового времени // Вопросы всеобщей истории и историографии: Сб. науч. ст. памяти проф. А.В. Эдакова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 263–279.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер., comment. С.А. Аннинского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 288 с. – (Известия иностранцев о народах СССР).

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Знак, 2004. – 416 с. – (Studia historica).

Bielski M. Kronika wszytkiego swyata, na ssesc wykow, Monarchie czterzy rozdzielona, s Kozmographia nowa y z rozmaitemi Krolestwy tak pogańskimi Zydowskymi yako y krzeszciańskimi, s Sybillami y proroctwy ich po polsku pisana s figurami. W ktorey też żywoty Cesarskye, Papyeskye, y thych królów z ich Krolestwy, Asyryskich, Egipskich, Żydowskich, Greckich, Perskich, Tureckich, Węgierskich, Czeskich, y inych rozmaitych thak Krolow, Kxyążat, yako inych przełożonych od początku swyata aż do thego roku ktory się pisze 1551 są napisane. Myędzy ktemi też nasza Polska na ostatek zosobna yest wypisana. – Kraków: [Druk. u Unglera], 1551. – 67+295+1 l.

Bielski M. Kronika, tho iesth, Historya swiata na sześć wieków, a czterzy Monairchie, rozdzielona z rozmaitych Historyków, tak w świętym piśmie krzescijanskim, żydowskim, iako y Pogańskim, wybierana y na Polski ięzyk wypisana dostahtecznier niż pierw, s przydanim wiele rzeczy nowych: Od początku świata, aż do tego roku, który się pisze 1564 s figurami ochędożnymi y własnymi. – Kraków: [Druk. u Mattheusza Siebeneychera], 1564. – 6+467+8 l.

Długoss J. Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien. In tres tomos digesta. Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita. – Dobromili: Officina Ioannis Szelligae, 1615. – 18 f., 599 p.

Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio, Sigismundi, Regis vitam compendiouse complexa. Cum Caes. Maiest. Gratia et Peivillegio ad annos decem. – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1555. – 4 f., 702 p., 20 f.

Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti. Funebris eiusdem autoris Oratio Sigismundi Regis vitam compendiouse complexa et aliquoties iam prius edita. Accessit iudicium Francisci Robortelli Utinensis de authore et libro. Cum gratia et privilegio Caes. Maies. ad novem annos. – Basilieae: Officina Oporiniana, 1568. – 6 f., 468 p., 32 f.

Cromer M. Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Oratio funebris Sigismundi primi regis. Deque situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae, libri duo. Omnia nunc ultimo ab ipsomet auctore recognita, ac multis iocis emenda et aucta. His accesserunt

recens ad historiae continuationem, quae sequens pagina demonstrat et chartae geographicae cum Poloniae, Prussiae, Masoviae, Russiae etc. tum etiam Lituaniae, Liuoniae et Moscoviae, aeneis formis expressae. Cum indice rerum memorabilium locupletissimo. – Coloniae Agrippinae: Officina Birchmannica, 1589. – 14 f., 846 p., 27 f.

Gwagnini A. *Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio. Adjuncta praeterea gesta praecipua Tyrannisque ingens moderni Monarchae Moschoviae Joannis Basilidis nuper perpetrata, vera fido descripta // Sarmatiae Europeae Descriptio Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livonię et Moscoviae, Tartariaeque complectitur.* – Cracovia: Typis Matthiae Wirzbiętae, [1578]. – 47 f.

Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag. In hijs commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector, Russiae et, que nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De religione quoque varia inserta sunt et quae nostra cum religione non convenient. Chorographiam denique totius imperij Moscici et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adjuncta.* – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1551. – 157 p.

Stryjkowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska, Litewska, Zmondska i wszystkiey*

Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey, Siewierskiey, Wołynskiey, Podolskiey, Podgorskiey, Podlaskiey, etc. Y rozmaite przypadki woienne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Księstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Słowiańskich, Lusatnskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochmurną nocą zakrytych Kronik, y Latopisow Ruskich, Litewskich, y u Długosza Oycia dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnością y węzłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) przez Macieia Osostewicivsa Stryjkowskiego dostatecznie napisana, złożona, y na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodniey starodawności własnym wynalezieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydzwigniona przez wszystki starożytnie wieki, aż do dzisiejszego Roku 1582. A tu przed wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską i Priwilieiem Kro: J: M: – Królewiec: [Druk. u Gerzego Ostenbergera], 1582. – 20 l., 791 s., 9 l.

Ulewicz T. *Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.* – Kraków: Wydawn. Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiellońskiego, 1950. – 211 s.

Материал поступив в редакколлегию 03.03.09 г.

УДК 398

Ю.Е. Березкин

**ПЛЕЯДЫ-ОТВЕРСТИЯ,
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ КАК ДОРОГА ПТИЦ, ДЕВОЧКА НА ЛУНЕ:
СЕВЕРОЕВРАЗИЙСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В ЗЕРКАЛЕ КОСМОНИМИИ***

Обозначения Плеяд, Млечного Пути, интерпретация лунных пятен систематически различаются у балтов и славян и совпадают у балтов и прибалтийских финнов. Балто-финские варианты находят соответствия в текстах населения Среднего Поволжья. Толкование лунных пятен как девочки или молодой женщины с ведрами для воды распространено на всей территории Северной Евразии и характерно также для северо-западного побережья Северной Америки, для алgonкинов, живущих к северу от Великих Озер, и маори. Часть сибирских, индейских и маорийских текстов включает мотив куста, за который держится персонаж. Космоним «Плеяды-сито» может являться вариантом североевразийского представления о звездах как отверстиях в небе. Млечный Путь как дорога птиц характерен для балтов, угро-финнов и части тюрков, а также амурских эвенков и алгонкинов. Данные космонимы в Евразии распространялись с востока на запад. Они почти полностью отсутствуют у самодийцев.

Ключевые слова: космонимия, Плеяды, Млечный Путь, пятна на Луне, балты, угро-финны, самодийцы, тюрки, народы Сибири, индейцы северо-западного побережья Северной Америки, алгонкины, сэлиши.

В культурах Евразии за пределами тропической зоны основное внимание уделялось семи объектам ночного неба. Это Луна с пятнами на диске, Венера, Млечный Путь, Большая Медведица, Плеяды, Пояс Ориона, Полярная звезда. Другие планеты, звезды и созвездия выделялись в одних культурах и игнорировались в других. Хотя космонимов известно много, большая их часть зафиксирована локально и единично либо представляет собой варианты нескольких преобладающих образов. Устойчивость космонимической лексики и соответствующих мифопоэтических представлений делает их источником данных об этнокультурных процессах далекого прошлого.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07-06-00441-а), INTAS (грант 05-1000008-7922), программ Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Границы распространения на континенте ряда современных и зафиксированных в письменных источниках космонимов не соответствуют границам языковых семей. Например, космонимия балтов и прибалтийских финнов идентична, хотя их языки принадлежат к двум неродственным семьям. В Восточной Прибалтике повсюду Млечный Путь – «дорога птиц» (перелетных), Плеяды – «сито», на Луне видна девушка с ведрами. К югу же и к западу от Балтийского моря, за исключением тех районов Польши и Белоруссии, где балтские языки относительно недавно были замещены славянскими [Вайшкунас, 2004, с. 169–170; Gladyszowa, 1960, с. 19, 28, 30; Niebrzegowska, 1999, с. 149], космонимия восточно-балтийского типа отсутствует. Исключений мало: Млечный Путь как «дорога птиц» известен лужичанам [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], интерпретация Плеяд как сита зафиксирована у венгров [Mándoki, 1963, S. 519–520; Zsigmond, 2003, p. 434] и северных итальянцев [Volpati, 1932, S. 206]; «девушка с ведрами на Луне»

типична для большей части Болгарии и Македонии при единичной фиксации того же образа в Румынии [Маринов, 2003, с. 28; Младенова, 2006, с. 137, 263–264; Ценев, 2004, с. 47].

Несмотря на указанные аномалии, не вызывает сомнений, что основная космонимическая граница проходит именно между балтами и славянами и отсутствует между балтами и прибалтийскими финнами. Какие же исторические процессы могли привести к формированию подобного рубежа?

Плеяды как отверстия в небе

Не считая представления о Плеядах как о группе людей (эти образы отмечены в разных районах, но версии сильно разнятся), для Европы характерны три основных варианта осмыслиения данного звездного скопления (рис. 1).

Космонимы «курица с цыплятами», «наседка», «цыплята», «курочки» и т.п. типичны для Западной, Южной и Центральной Европы, Балкан, запада Украины [Бонева, 1994, с. 12; Јанковић, 1951, с. 141; Младенова, 2006, с. 89–93; Святский, 1961, с. 120; Чубинский, 1872, с. 14; Andree, 1878, S. 106; Krappe, 1938, p. 152; László, 1975, p. 604; Matičetov, 1973,

S. 49; Niebrzegowska, 1999, S. 145; Smith, 1925, p. 124; Volpati, 1932, S. 194–205; 1933a, S. 507]. В этой зоне они не отмечены лишь у жителей большей части бывшей Югославии, а также Пиренейского полуострова (кроме басков). За пределами Европы «курица с цыплятами» характерна для Западной Африки и Судана [Hirschberg, 1929, S. 326–327; Meek, 1931, p. 200; Schwab, 1947, p. 413; Spieth, 1906, p. 557; Volpati, 1933a, S. 507], северо-востока Индии и для Юго-Восточной Азии [Andree, 1878, S. 107; Smith, 1925, p. 114; Vathanaprinda, 1994, p. 39–41]. Возможно, что в прошлом данный космоним был известен в Передней Азии и Северной Африке [Volpati, 1932, S. 195], хотя в современном арабском Плеяды повсюду Сурайя – «люстра». Туареги именуют Плеяды «цыплята» [Rodd, 1926, p. 226]. Поскольку данный космоним отсутствует в античных источниках и связан с обозначением домашней курицы, можно предположить его относительно позднее распространение в пределах Европы.

Космонимы со значениями «гнездо (или яйца, яйцо) дикой утки», «стая уток» характерны для ненцев [Хомич, 1974, с. 232], коми-зырян [Святский, 1961, с. 120], удмуртов [Wichmann, 1987, p. 214, 273], а также обских угров [Munkácsi, 1908, p. 255; Steinitz, 1966–1993, S. 1412, 1636]. В Сибири и на северо-востоке Европы заметна корреляция этого космонима

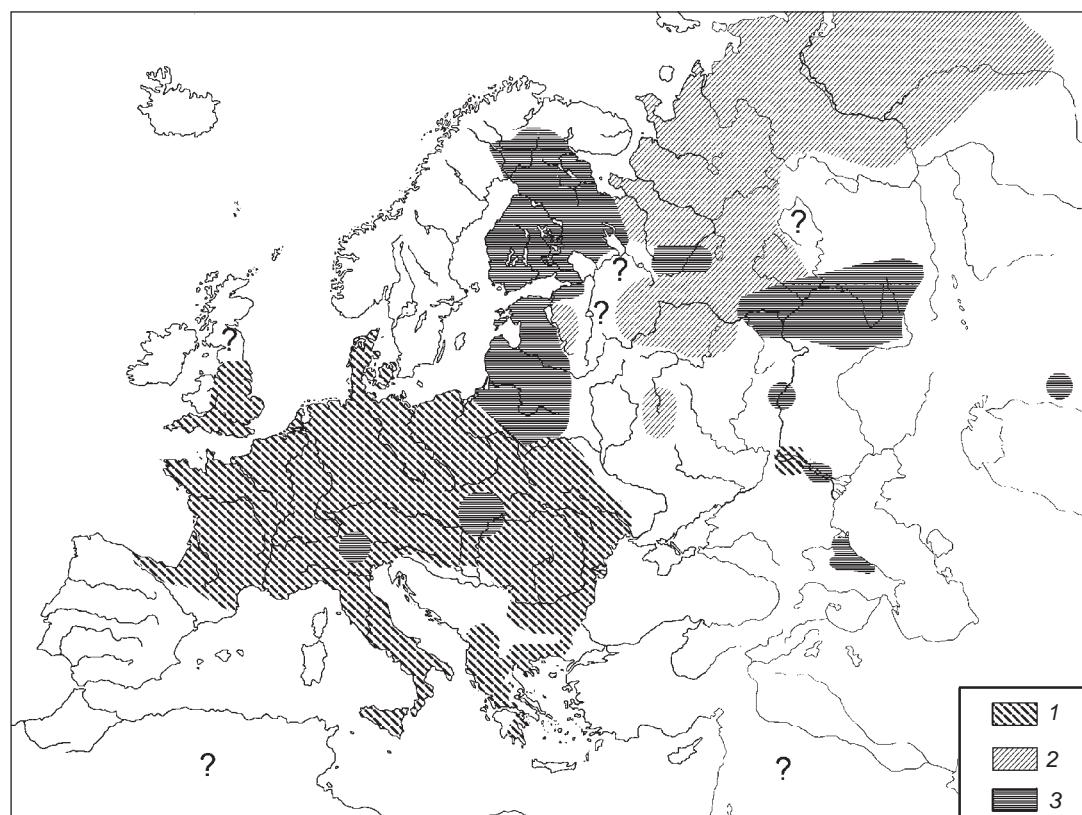

Рис. 1. Ареалы основных вариантов интерпретации Плеяд в Европе.
1 – курица с цыплятами; 2 – утиный выводок, утиное гнездо; 3 – решето, сито.

с уральскими языками, но немало и исключений. У селькупов Плеяды – «заячий польки» или «заячий кучки» [Тучкова, 2004, с. 212]; смысл названия утрачен, параллелей в других традициях нет. У нганасан Плеяды – «охотники, ловящие души умерших людей и убитых оленей» [Попов, 1984, с. 48]. Энецкое название «Кондику» [Долгих, 1961, с. 24] не этимологизируется, оно либо несамодийское, либо до неизвестности искажено при передаче*. У хакасов (турков по языку) Плеяды – тоже «утиное гнездо» или «стая уток» [Бутанаев, 1975, с. 238]. Северные русские космоним «утиное гнездо» явно унаследовали от дославянского субстрата [Потанин, 1883, с. 730; Рут, 1987, с. 15]. Переселяясь за Урал, они принесли «утиное гнездо» в Восточную Сибирь. В литературе со ссылкой на У. Харва встречаются указания на наличие подобного образа у якутов и камчадалов [Младенова, 2006, с. 196; Lundmark, 1982, sid. 105], но это следствие недоразумения: У. Харва принял русский космоним за перевод названия Плеяд с местных языков [Harva, 1933, p. 135]. Ту же ошибку, видимо, сделала М.В. Рут, упоминая энечские материалы [1987, с. 47].

Сплошной и компактный ареал «утиного гнезда», в основном вписывавшийся в зону былого распространения уральских языков, но пересекающий границы расселения как самодийцев, так и финно-угров, позволяет предполагать связь этого космонима с каким-то древним населением. Если оно и говорило на языке уральской семьи, то не оставило прямых языковых потомков.

Обозначение Плеяд в качестве решета или сита характерно, как было сказано, для Восточной Прибалтики (древние пруссы, литовцы, латыши, ливы, эстонцы, финны) [Вайшкунас, 2004, с. 169; Кербелите, 2001, с. 65; Непокупный, 2004, с. 76–77; Allen, 1899, p. 397; Andree, 1878, S. 107; Курегянов, 2003, lk. 183–185; Mándoki, 1963, S. 519; Vaiškūnas, 1999, S. 167]. По води и вепсам данных нет (водские представления были, вероятно, близки эстонским), у саамов Плеяды – «девушки» [Чарнолуский, 1930, с. 48; Lundmark, 1982, sid. 105]. В Среднем Поволжье «Плеяды-сито» зафиксировано у чувашей [Золотницкий, 1874, с. 22; Сироткин, Иванов, 1970, с. 128; Юхма, 1980, с. 266; Mándoki, 1963, S. 520], марийцев [Акцорин, 1991, № 37, с. 83], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316; Потанин, 1883, с. 729], башкир [Максютова, 1973, с. 383], удмуртов (видимо, только южных) [Никонов, 1973, с. 376; Wichmann, 1987, с. 107]. В Поволжье только у мордвы Плеяды – «пчелиный улей» [Святский, 1961, с. 121], интерпретация в подобном или сходных вариантах («пасека», «осиное гнездо»), известная также русским, украинцам, болгарам, венграм [Младенова, 2006, с. 115]. У русских космоним «сито»

в отношении Плеяд зафиксирован у жителей Вологодской губ. и переселенцев на западных иноэтнических землях [Рут, 1987, с. 15; Святский, 1961, с. 121].

«Сито» характерно не только для Прибалтики и средней Волги, но и для Дагестана: оно отмечено, в частности, у кумыков, лаков, аварцев, андийцев, даргинцев, тавлинцев [Гамзатов, Далгат, 1991, с. 304–305; Потанин, 1883, с. 729–730]. Г.Н. Потанин отметил «сито» как обозначение Плеяд у казахов Среднего Жуза и астраханских татар [1881, с. 126; 1919, с. 84]. Персидская параллель, предложенная А.П. Непокупным [2004, с. 80], ошибочна: слова «парвин» (Плеяды – от «первый») и «парвизан» («сито») не являются однокоренными*. На северо-востоке Азии у коряков и чукчей В. Богораз и В. Иохельсон записали названия Ke'tmet и Kä'tmäc [Богораз, 1939, с. 29; Jochelson, 1908, p. 122] и перевели их как «маленькое сито», хотя, например, у чукчей основной образ Плеяд – группа женщин [Богораз, 1939, с. 24]. Слово, близкое к «Ketmet», действительно этимологизируется как «сито для промывания лососевой икры», но не на палеоазиатских языках, а на юкагирском**.

Основных, компактных и крупных, ареалов «Плеяд-сита» два – Восточная Прибалтика и Среднее Поволжье. Исторически их объединяет балтский субстрат или балтское влияние [Напольских, 1997, с. 158–161], а в более ранний период – распространение на этих территориях культур боевых топоров и шнуровой керамики (вопроса о степени преемственности между создателями этих культур и протобалтами я не касаюсь). Со временем в Поволжье данный космоним перешел от финно-угров к тюркам.

В Дагестан и Казахстан «сито» могло попасть из Поволжья в эпоху Золотой Орды (предположение В.В. Напольских), хотя столь поздняя диффузия плохо вяжется со специфической лакско-литовской параллелью: речь идет о сите, через которое бог просеял на землю злаки [Непокупный, 2004, с. 77; Халидова, 1984, с. 160]. К сожалению, о литовской мифологии известно лишь из поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш»; этого мало для ответственных заключений. Не ясен и статус венгерских материалов. Хотя само венгерское слово «szita», обозначающее сито, заимствовано у славян [Mándoki, 1963, S. 519–520], соответствующий небесный объект рассматривается именно как нечто дырявое [Zsigmond, 2003, p. 434]. То, что лишь венгры в Балканском регионе разделяют подобное представление, ставит под сомнение возможность заимствования ими образа Плеяд у славянского населения Паннонии. Если же венгры принесли его с востока, то откуда? В Западной Европе космоним «реше-

*Личное сообщение И.М. Стеблина-Каменского, 2008 г.

**Личное сообщение О.А. Мудрака, 2008 г.

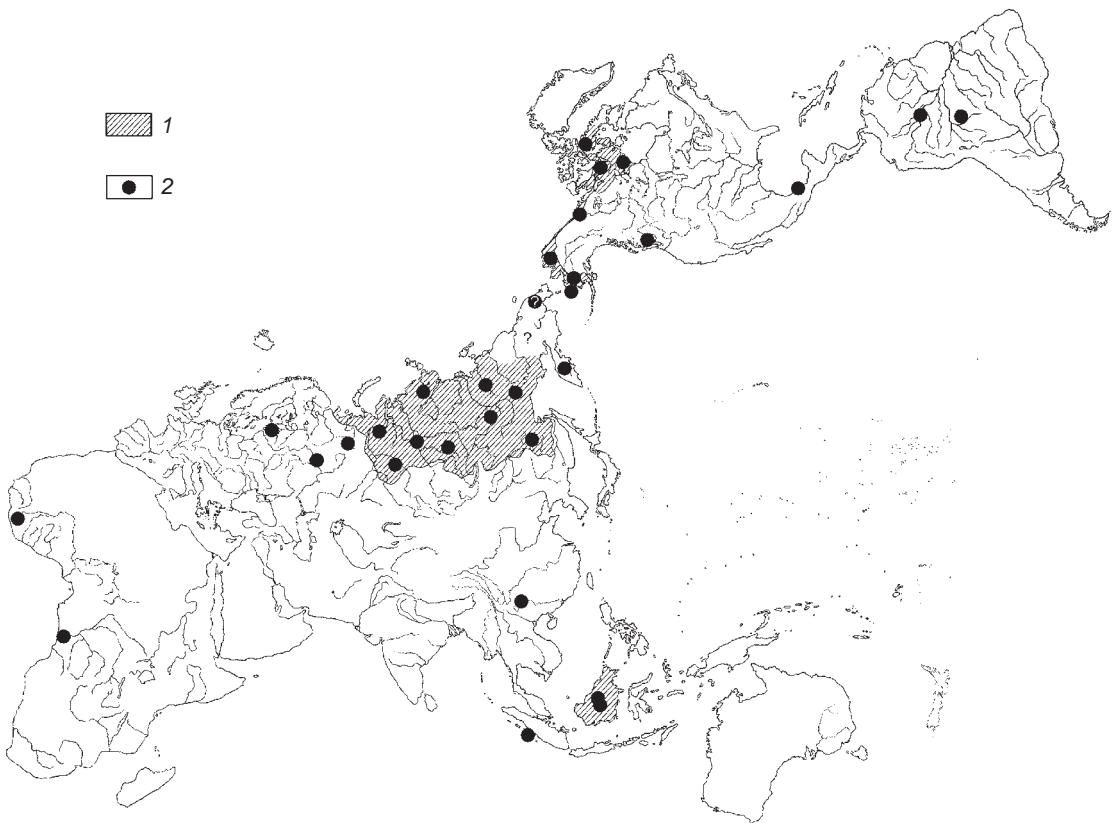

Рис. 2. Распространение представлений о звездах как об отверстиях в небе.
1 – предположительно сплошное распространение образа; 2 – конкретные районы фиксации образа.

то» (*crivello*) зафиксирован только на севере Италии в верховьях Аидже [Volpati, 1933а, р. 206; 1933б, р. 21]. Стоит отметить, что *crivello* – это не только «решето», но и «лопата для веяния зерна».

Таким образом, вопрос о происхождении в пределах Европы обозначения Плеяд как сита или решета пока далек от решения, единый источник для всех вариантов не очевиден. Но если рассматривать названия звездных объектов в общеевразийском масштабе, то данный космоним может быть осмыслен как частный случай более общего и шире распространенного образа – представления о звездах как об отверстиях.

Существенные сибирские параллели, причем не только упомянутые палеоазиатские. Этимология названия Плеяд в тюркских языках (Улкер, Юркер, Юркар и т.п.) дискуссионна. Согласно одной из гипотез, это «отдушина», «продырявливать» [Никонов, 1980б, с. 296]. А.В. Дыбо, крупнейший специалист по алтайским языкам, не считает это предположение обоснованным*. Вместе с тем для якутов такое значение подтверждено фольклорным текстом: герой делает рукавицы, чтобы заткнуть дыры в небе, из которых тянет холодом, и эти дыры – Плеяды [Holmberg, 1927,

р. 418]. У орочей и сахалинских уильта (ороков) Плеяды в ряде случаев – «семь дыр» [Подмаскин, 2006, с. 432], при обычном низнеамурско-приморском «семь женщин». Фольклорных повествований в связи с этим названием нет, но то же слово используется для обозначения жаберных отверстий миноги*. За пределами Северной Евразии представление о Плеядах как об отверстиях (звезды Плеяд его обрамляют) обнаружены у оджибва [Speck, 1915, р. 48], причем с учетом других азиатско-североамериканских космнических параллелей [Березкин, 2005; Berezkin, 2006] не исключена историческая связь данного образа с сибирскими представлениями.

Что касается образа не конкретно Плеяд, а любых звезд как небесных отверстий, то он известен в Африке (Либерия, устье Конго, Южная Африка [Koekemoer, 2007, р. 75; Pechuël-Loesche, 1907, S. 135; Schwab, 1947, р. 413]), а также Западной Индонезии (ментавай, клемантан, каян [Hose, MacDougall, 1912, р. 142, 214; Scheffold, 1988, S. 71]) и Южном Китае (мяо [Итс, 1960, с. 107]). Только в Северной Евразии, Американской Арктике и, может быть, на Калимантане представление о звездах-отверстиях господствует (рис. 2).

*Личное сообщение А.В. Дыбо, 2008 г.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

Оно единично зафиксировано у эстонцев [Kuperjanov, 2003, lk. 125], марийцев [Акторин, 1991, № 26, с. 59–60], коми [Аристэ, 2005, № 136, с. 163] и может считаться обычным у ненцев [Неняңг, 1997, с. 214, 224; Хелимский, 1982, с. 399], нганасан [Попов, 1984, с. 45; Симченко, 1996, с. 191], хантов [Лукина, 1990, № 8, с. 67–69], кетов [Алексеенко, 1976, с. 79; Дульzon, 1966, с. 15–17; 1972, с. 83–86], якутов [Гурвич, 1977, с. 199; Эргис, 1967, с. 134], эвенков [Василевич, 1959, с. 161–162; Воскобойников, 1960, с. 296], эвенов [Бурыкин, 2001, с. 114], негидальцев*. Косвенная или менее определенная информация есть по чукчам и ительменам [Эргис, 1974, с. 134; Jochelson, 1961, р. 71–74]. В Северной Америке представление о звездах как об отверстиях характерно для аборигенов Американской Арктики (центральные юпик, включая проживающих на о-ве Нунивак, инупиат, эскимосы устья Маккензи, карибу, нетсилик, иглулик [Lantis, 1946, р. 197; MacDonald, 1998, р. 33; Nelson, 1899, р. 495; Ostermann, 1942, р. 56, 58; 1952, р. 128; Rasmussen, 1930, р. 79]), что важно в свете гипотезы об отличном от остальных аборигенов Нового Света и относительно недавнем сибирском происхождении эскимосов. У индейцев отмечены представления об одной конкретной (обычно Полярной) звезде как об отверстии для проникновения в верхний мир, но образ звезд вообще как дыр в небосводе встречается лишь изредка в удаленных друг от друга районах Северной и Южной Америки (сэлиши томпсон, тотонаки, тукуна, тупари [Boas, 1895, № 4, S. 17–18; Caspar, 1975, S. 188; Ichon, 1969, р. 36; Niemuendaju, 1952, р. 123–124]). Подавляющее большинство народов Америки, как и Африки, Австралии, Океании и индо-тихоокеанской окраины Азии, интерпретировало звезды в качестве класса объектов только одним образом – это люди, духи, некие существа.

Млечный Путь как дорога птиц

Второй космоним, западный рубеж распространения которого примерно совпадает с литовско-польским пограничьям, – это обозначение Млечного Пути в качестве дороги птиц (рис. 3). Имеются в виду перелетные птицы – гуси, утки, лебеди, журавли. «Дорогу птиц» иногда рассматривают в качестве варианта представления о Млечном Пути как о «дороге душ» [Kuperjanov, 2001, lk. 110]. Оба образа близки по семантике [Азимов, Толстой, 1995, с. 118], однако космоним «птичья дорога» специфичен, порой сосуществует с «дорогой душ» как отдельный образ [Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 164] и на территориях, где сезонные перелеты птиц замечены фольклорной традицией, распространен далеко не везде.

*Личное сообщение А.М. Певнова, 2008 г.

«Дорога птиц» («дорога диких гусей», «дорога журавлей», «птичья тропа», «след дороги птиц» и т.п.) известна преимущественно представителям трех языковых семей – балтам, финно-уграм (но не самодийцам) и тюркам. Это латыши и литовцы [Кербелите, 2001, с. 57; Gladyszowa, 1960, Р. 77–78; Vaiškūnas, 1999, S. 173], ливы [Toivonen, 1937, S. 123], эстонцы [Пустыльник, 2002, с. 268; Kuperjanov, 2003, lk. 150–151], финны [Erdödi, 1968, S. 110–111], саамы [Ibid, S. 111; Toivonen, 1937, S. 123], марийцы [Акторин, 1991, с. 55–56; Васильев, 1907, с. 12; Erdödi, 1968, S. 110], мордва [Девяткина, 1998, с. 118], чуваши [Ашмарин, 1984, с. 26; Золотницкий, 1874, с. 22; Родионов, 1982, с. 168], казанские татары [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 316], башкиры [Бараг, 1987, с. 33; Руденко, 1955, с. 315], удмурты [Верещагин, 1995, с. 81; Мошков, 1900, с. 197; Потанин, 1883, с. 740; Erdödi, 1968, S. 110], коми [Потанин, 1883, с. 943; Erdödi, 1968, S. 110; Napolskikh, 1992, р. 6], казахи [Карутц, 1911, с. 125; Потанин, 1881, с. 126–127; Сидельников, 1962, с. 268], киргизы [Абрамзон, 1946, с. 65; Потанин, 1881, с. 127; Фиельstrup, 2002, с. 217, 227], каракалпаки [Никонов, 1980а, с. 248]. Туркмены сохраняли космоним «дорога птиц» до середины XIX в. [Там же; Никонов, 1980б, с. 293]. Он был известен также хантам и манси [Erdödi, 1968, S. 109–110; Munkácsi, 1908, р. 254; Napolskikh, 1992, р. 8], а до XVI в. и венграм [Никонов, 1980а, с. 248], очевидно, принесшим подобный образ со своей восточной прародины. Другое характерное для обских угров обозначение Млечного Пути – «лыжный след» – связано с мифом об охоте на небесного лося [Erdödi, 1968, S. 116] и является единственным или абсолютно преобладающим у самодийцев и народов Восточной Сибири, нижнего Амура и Аляски. У обских угров оба обозначения существуют независимо друг от друга и относятся к разным циклам мифологических представлений.

Русские называли Млечный Путь «гусиной дорогой» в Вологодской, Вятской, Пермской, Тульской, Смоленской, Калужской губерниях, а также в Сибири [Гура, 1997, с. 671; Рут, 1987, с. 13], белорусы – в пинском Полесье [Гура, 1997, с. 658], украинцы – в районе Луцка на Волыни [Мошков, 1900, с. 205; Чубинский, 1872, с. 15]. Примерно там же, в Полесье и на Волыни, зафиксирован образ Плеяд как сита. Однако ареалы «сита» и «дороги птиц» совпадают не полностью, последний космоним распространен шире. Существенно добавление не столько саамов, сколько тюрков за пределами Поволжья – казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен. При этом речь идет не о всех тюрках. Отсутствие «дороги птиц» у саяно-алтайских народов, узбеков и, видимо, уйголов, ставит под сомнение прототюркское происхождение космонима. У населения юга России, большей части Украины и у южных славян данный космоним отсутствует.

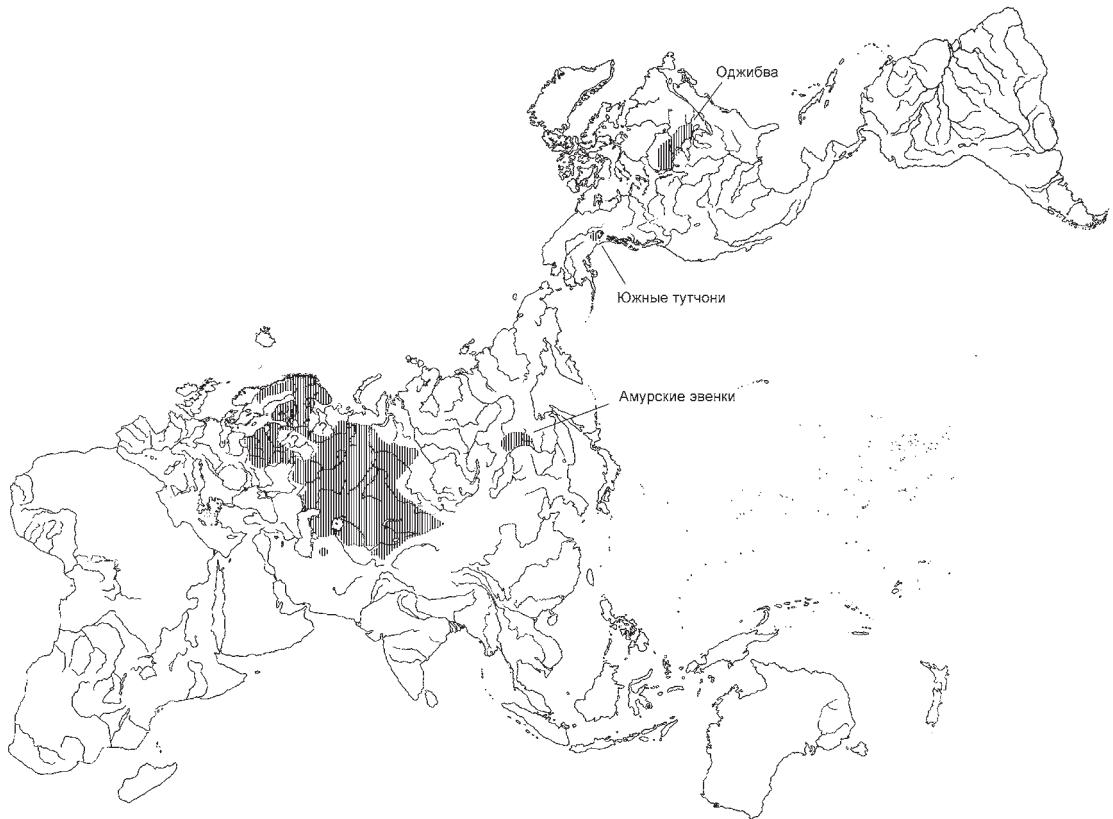

Рис. 3. Распространение представлений о Млечном Пути как о дороге перелетных птиц.

«Дорога птиц» известна эвенкам на среднем Амуре [Василевич, 1969, с. 210], а в Америке – алgonкинам, к северу от Великих Озер – оджибва (зафиксировано у двух групп близ оз. Гурон [Miller, 1997, р. 60; Speck, 1915, р. 79]) и солто [Hallowell, 1934, р. 394]. Не ясно, имеют ли отношение к делу материалы по атапаскам тутчони, живущим в Канаде близ границы с Южной Аляской, у которых Млечный Путь есть дорога гагары – персонажа мифа об ослепшем и прозревшем охотнике [McClelland, 1975, р. 78].

Судя по ареалу «дороги птиц», связывать происхождение космонима с балтами или тюрками нет оснований. «Дорога птиц» финно-уграм, скорее всего, была знакома с древности. Однако отсутствие мотива у самодийцев затрудняет егоprotoуральскую атрибуцию. Вместе с тем данный образ, если только он не возник у эвенков и алгонкинов самостоятельно, должен был появиться в Евразии задолго до разделения protoуральцев на две основные ветви.

Лунная водоножа

Третий космоним, знакомый балтам и финно-уграм и почти не представленный у славян, – девушка с ведрами на Луне (рис. 4). Два связанных с ним сюжета

встречаются наиболее часто. Сюжет первый: Месяц из жалости забирает к себе посланную за водой сироту, падчерицу и т.п. Второй: Месяц делает это, наказывая девушку или молодую женщину за высокомерие и хвастовство. С тех пор на Луне видна фигура девушки или девочки с ведрами. У балтов (литовцы [Кербелите, 2001, с. 70; Лауринкене, 2002, с. 365; Vaiškūnas, 2006, р. 158], латыши [Погодин, 1895, с. 440]) и прибалтийских финнов (эстонцы) [Куриганов, 2003, lk. 72; Peebo, Peegel, 1989, lk. 282; Sullõv et al., 1995, lk. 94], водь [Ariste, 1974, lk. 5; 1977, lk. 175; Ermits T., Ermits E., 1984, lk. 579] зафиксированы оба варианта, как и другие, более редкие объяснения. Так, у карел в руках девушки не ведро с водой, а подойник [Евсеев, 1981, с. 313]. Детали вепской «легенды» в источнике не сообщаются [Егоров, 2003, с. 129]. У саамов Солнце хватает девушку, чтобы отдать ее в жены своему сыну, и бросает ее на Луну, где она теперь видна вместе с коромыслом и ведрами [Чарнолуский, 1962, с. 68–79]. В Волжско-Пермском регионе «лунная водоножа» есть у коми-зырян [Аристэ, 2005, № 109, с. 105; Лимеров, 2005, № 58, с. 55–56], коми-пермяков [Konakov et al., 2003, р. 312], удмуртов [Верещагин, 1995, с. 85–86; Владыкин, 1994, с. 322; Потанин, 1883, с. 776], чувашей [Ашмарин, 1984, с. 25; Вардугин, 1996, с. 260; Денисов, 1959, с. 15–16; Егоров,

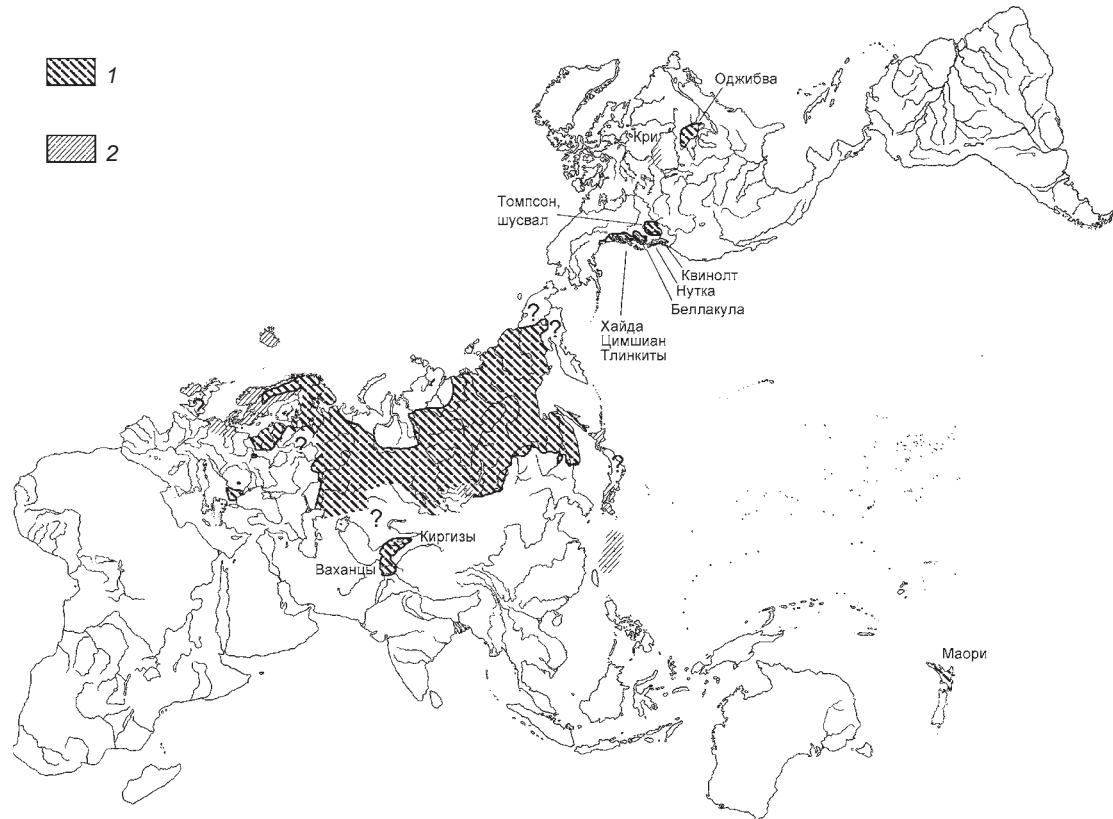

Рис. 4. Распространение интерпретаций лунных пятен как фигуры человека с ведром в руках,

пощедшего за водой.

1 – девушка, женщина; 2 – двое детей, мальчик, юноша, мужчина.

1995, с. 120], марийцев [Акцорин, 1991, № 37–42, с. 83–87; Мошков, 1900, с. 197], башкир [Надршина, 1985, № 6, 7, с. 12, 13; Руденко, 1955, с. 315], татар [Воробьев, Хисамутдинов, 1967, с. 314–315]. Встречается в основном вариант с сироткой; мотив женщины, насмехавшейся над Месяцем, отсутствует. У башкир и чувашей есть мотив Месяца, забравшего девушку, в которую он влюбился. Как и в случае с «ситом», мордва Поволжья составляет исключение – мотива «лунной водноноши» в мордовском фольклоре обнаружить не удалось. У русских мотив «водоноши-сиротки» зафиксирован, кажется, только в Вятской губ. [Белова, 2004, № 1305, с. 521], мотив парня и девушек, пошедших за водой и чересчур пристально смотревших на Луну, – в Архангельской [Гура, 2006, с. 462]. Вряд ли эти материалы исчерпывающие, поскольку данный раздел космонимии на севере России специально не изучался. Украинская «лунная водноноша» отмечена только на Волыни [Там же, с. 262], т.е. там же, где фиксируется «дорога птиц».

Как и «дорога птиц», «лунная водноноша» в варианте «бедная падчерица» отмечена у киргизов [Брудный, Эшмамбетов, 1968, с. 11–13] и казахов. Казахские материалы получены недавно в Актюбин-

ской обл.* Ранее представления казахов о лунных пятнах не исследовались, поэтому отсутствие данных по восточным группам казахов, а также по каракалпакам не показательно. От киргизов мотив посланной за водой и оказавшейся на Луне бедной падчерицы мог проникнуть на Памир, где известен по крайней мере ваханцам**. «Лунная водноноша» (как «бедная падчерица», так и «женщина, ведшая себя непристойно») зафиксирована у сибирских татар [Валеев, 1976, с. 329; Уразалеев, 2005, с. 4]. Северным самодийцам, а также северным селькупам мотив не известен. У южных селькупов это пошедшая по воду девочка или девушка, дразнившая Месяц [Головнев, 1995, с. 330–331; Пелих, 1972, с. 322–323], у хантов – дразнившие его мальчик с девочкой либо только девочка [Кулемзин, Лукина, 1978, № 4, 5, с. 15–16], у манси – молодая женщина с ведрами (объясняющий этот образ миф, вероятно, утрачен)***, у кетов – дразнившая Месяц девушка или женщина [Алексеенко, 1976, с. 84]. У хакасов

*Личное сообщение И.В. Стасевич, 2006 г.

**Личное сообщение Б. Лашкарбекова, 2005 г.

***Личное сообщение О.С. Ивановой, 2009 г.

распространена та же история про бедную падчерицу, что и у киргизов, казахов и сибирских татар [Бутанаев, 1975, с. 232]. Для Алтая мотив не характерен. Лишь в одном из многих текстов повествуется о том, как на Луне оказался людоед Тильбекен (Джелбиген и т.п.), Месяц хватает его, когда тот идет по воду с кормыслом [Анохин, 1997, с. 5–6]. Данные по шорцам и тувинцам отсутствуют, у тофаларов на Луну попадает посланный за водой мальчик-сирота [Рассадин, 1996, № 3, с. 10]. У дархатов района оз. Хубсугул на Луну попали двое пошедших за водой мальчиков*. Среди трех текстов такого рода один получен от информанта, чьи родители были монголы-халха, но жили среди дархатов Хубсугульского аймака. В других районах Монголии мотив не известен, и похоже, что он приурочен именно к Сибири, но не к Центральной Азии. Хубсугульские дархаты сравнительно недавно перешли на монгольский язык и по культуре близки тувинцам-тоджинцам [Жуковская, 1988, с. 151]. В начале XX в. дархатские шаманы еще призывали духов по-тувински [Санжеев, 1930, с. 7].

Видимо, от домонгольского субстрата мотив попал и к бурятам, у которых он многократно фиксировался в форме, близкой варианту «бедная падчерица»: мачеха (либо родная мать, но вышедшая замуж повторно) посыпает дочь за водой и желает, чтобы Луна ее забрала [Галданова, 1987, с. 17; Потанин, 1883, с. 190–193; Хангалов, 1958, с. 319; 1960, с. 14; Шаракшинова, 1980, с. 49–50]. Разным группам якутов [Алексеев, Емельянов, Петров, 1995, с. 197–199; Гурвич, 1948, с. 130; 1977, с. 199; Овчинников, 1897, № 5, 6, с. 179–181; Попов, 1949, с. 260–261; Серошевский, 1896, с. 667; Толоконский, 1914, с. 89; Худяков, 1969, с. 279, 372–373], эвенков [Василевич, 1936, с. 73–74; 1959, с. 165; Воскобойников, 1967, с. 159; Потанин, 1893, с. 385; Рычков, 1922, с. 83–84], а также эвенам [Новикова, 1987, с. 43–44] мотив «лунной водоноши» известен в основном в варианте «бедной падчерицы», хотя изредка встречается и мотив двух детей, засмотревшихся на Луну и притянутых к ней [Худяков, 1969, с. 279]. «Лунная водоноша» в идентичном эвенкийскому варианте («бедная падчерица») отмечена у негидальцев [Хасанова, Певнов, 2003, р. 55–56; Лопатин, 1922, с. 330] и нанайцев [Арсеньев, 1995, с. 152; Лопатин, 1922, с. 330; Чадаева, 1990, с. 34–35], но не у народов Приморья и Сахалина, что

*Архипова А.С., Дорж Д., Козьмин А.В., Неклюдов С.Ю. (руководитель), Санжааханд И., Соловьева А.А. Материалы российско-монгольской фольклорной экспедиции Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ и Института языка и литературы Монгольской академии наук в Хубсугульский и Булганский аймаки, август 2007 г. (в рамках проекта «Монгольские мифологические традиции: археальный и сравнительно-типологический ракурсы», проект РГНФ – МинОКН МНР 07-01-92070e/G).

позволяет связывать этот мотив именно с тунгусами, а не с дотунгусским амуро- сахалинским субстратом. Сам образ видимой на Луне девушки или женщины, держащей ведро или черпак для воды, удэгейцам и нивхам, однако, известен [Крейнович, 1973, с. 32–33; Подмаскин, 1991, № 17, с. 125; Исида, 1998, с. 24]. В варианте сахалинских и хоккайдоских айну на Луне видна пошедшая за водой девушка, которую Месяц взял в жены [Пилсудский, 1991, № 3, с. 70–72; Pilsudski, 1912, № 3, р. 73–74] или которая оскорбила Луну, обвинив ее в безделье и позавидовав ей [Исида, 1998, с. 24–25], либо на Луне виден оскорбивший ее таким же образом мальчик [Batchelor, 1927, р. 260]. Мотив женщины с ведрами на луне (без подробностей) отмечен и в Южной Японии*, а на островах Ми-яко и Окинава записаны мифы, объясняющие, как на Луне появился водоноша-мужчина [Невский, 1996, с. 267–269]. На северо-востоке Азии мотив лунной водоноши в варианте «бедная сирота» зафиксирован у юкагиров [Николаева, Жукова, Демина, 1989, № 2, с. 21–23] и русскоязычных марковцев, в состав которых вошел юкагирский (чуванский) субстрат**. У палеоазиатов «водоноша» отсутствует, хотя у чукчей, коряков и ительменов есть менее специфичный мотив девочки, оказавшейся на Луне [Беретти, 1929, с. 36; Богораз, 1939, с. 22–23; Поротов, Косыгин, 1969, с. 33; Bogoras, 1928, № 2, р. 301–302].

Для многих сибирских текстов (хакасы, тофалары, буряты, кеты, селькупы, ханты, якуты, юго-восточные эвенки) характерна следующая подробность: поднятая на Луну водоноша пытается удержаться за куст и видна теперь на Луне вместе с кустом и ведрами. Та же деталь есть у ваханцев и коряков. У последних [Беретти, 1929, с. 36] про ведра не сказано, но весь эпизод с пришедшей к реке гонимой злой матерью девушкой похож на якутские и эвенкийские варианты. В Южной Сибири у телеутов, алтайцев, хакасов данный мотив встречается и без связи с мотивом водоноши – за куст пытается ухватиться утятный на Луну людоед.

Таким образом, мотив девочки или молодой женщины, пошедшей за водой и оказавшейся на Луне, представлен в Евразии от Балтики до Охотского моря. За границами ареала, но примыкая к нему, встречаются варианты, в которых либо утрачен мотив воды, за которой отправляется персонаж, либо в рассказах фигурируют не девушка, а мальчик, мужчина, двое детей. Мотивировка, согласно которой Месяц забирает персонаж из жалости, на периферии распространения мотива лунной водоноши прослеживается только у коряков. Среди периферий-

*Личное сообщение К. Иноуи, 2005 г.

**Хаккарайнен М.В. Интервью с Дьячковым Юрием Борисовичем, 37 лет. Марково. 02.06.1999 г.

ных материалов, помимо монгольских, японских и палеоазиатских, следует упомянуть западно- и северо-европейские. В текстах, зафиксированных в Ирландии, на Луне видны два мальчика, несущие на жерди ведро с водой [Krappe, 1938, р. 120], на севере Германии – человек с кувшином в руках, ребенок с ведром, вор, несущий два украденных ведра с водой, двое мужчин, держащих коромысла с ушатами воды [Исида, 1998, с. 20–21; Krappe, 1940, р. 168; Wolf, 1929, S. 55–56]. То же и в Скандинавии – двое детей с коромыслом и ведром [Младшая Эдда, 1970, с. 20], два старика, пытавшиеся залить Луну водой [Krappe, 1938, р. 120].

В Новом Свете мотив «лунной водоноши» есть в фольклоре большинства индейцев северо-западного побережья Северной Америки и бассейна р. Фрейзер в границах Плато. Некоторые тексты сходны с типичным евразийским вариантом «женщина оскорбляет Луну».

Тлинкиты. Одна из двух девушек говорит, что Луна похожа на лабретку ее бабушки. Обе девушки тотчас оказываются на Луне. Обидевшая Луну падает и разбивается, ее подруга видна на лунном диске с ведром в руке [Swanton, 1908б, р. 453].

Хайда. Женщина, пошедшая за водой, указывала пальцем на Луну. Ей показалось, что в колодце кто-то сидит, она указала пальцем на этого человека, ночью почувствовала жажду, вернулась к колодцу, человек схватил ее за руку. Женщина повернулась к полной Луне, показала язык. Ее потащило вверх, она ухватилась за куст и теперь с ведром в руках, держась за куст, видна на Луне [Swanton, 1908а, р. 450–452].

Цимшиан (р. Несс). Женщина показывает пальцем на Месяц и на его отражение. Месяц забирает ее на небо, когда она несет куст ягод. Ее видно на лунном диске с кустом и с ведром в руках [Boas, 1916, р. 864].

Беллакула. На Луне видно женщину с ведром воды в руках [McIlwraith, 1948, р. 225].

Увикино. Мальчик капризничает, сестра выставляет его за дверь, дает для игры ведерко. Он все равно плачет, сестра предупреждает, что Месяц его заберет. Месяц спускается, уносит его. Теперь мальчика с ведерком в руках видно на лунном диске [Boas, 1895, S. 217; 2002, р. 457].

Нутка. Месяц спустился, попросил воды, девушка вышла с ведром из дома, он ее унес. Позже спустился снова, попросил воды у другой девушки. Мать похищенной велела ей не выходить из дома, но она не послушалась и тоже пропала. Именно эту девушку видно с тех пор на Луне с ведром в руках [Boas, 1895, S. 191; 2002, р. 409].

Шусван. Во время перекочевки жена Месяца спрашивает, где ей устраиваться на ночлег. Месяц отвечает, что у него на щеке. Жена прыгает ему на щеку и те-

перь видна там. В ее руках ведра, в которых растапливают снег, и снеговая лопата [Teit, 1909, р. 653].

Томпсон. Месяц посыает сестру за водой, та возвращается, ей некуда сесть. Он предлагает ей сесть ему на лицо. На Луне теперь видна женщина с ведрами в руках [Teit, 1898, р. 91–92].

Квинолт. Месяц сперва ярок как солнце. Все девушки стремятся к нему, но он выбирает Лягушку. Теперь она, держащая в руках короб с имуществом и ведро, видна на лунном диске [Thompson, Egesdal, 2008, р. 207–209].

В трех последних текстах с мотивом «лунной водоноши», типичным для Северо-Западного Побережья, соединен типичный для сэлишской мотив женщины, обычно Лягушки, прилипшей к лицу Месяца и различимой с тех пор в силуэте лунных пятен.

За пределами Северо-Западного Побережья «лунная водоноша» зафиксирована у алгонкинов, живущих к северу от Великих Озер. В мифе кри (группа Сэнди Лейк) мать, посыпая сына за водой, не велит ему смотреть на Луну. Юноша пропадает и с тех пор виден на лунном диске с ковшом и ведром [Ray, Stevens, 1971, р. 81]. В мифе оджибва женщина готовит кленовый сироп, переливая его из одного ведра в другое, и здесь же мочится. Увидев это, оскорбленная Луна забирает женщину вместе с ведром. Муж Луны Солнце наказывает жену – заставляет вечно таскать свою жертву с собой, поэтому на Луне различима женщина с ведром [Jones, 1919, р. 637].

«Лунная водоноша» известна маори Новой Зеландии. Когда Хина набрала калебасой воды, тучи закрыли Луну. Хина споткнулась, вода разлилась. Хина стала ругать Луну, та схватила ее, Хина ухватилась за куст. Теперь ее видно на Луне с кустом и калебасой в руках [Исида, 1998, с. 26]. В другом варианте на Луне оказывается мужчина Рона [Reed 1999, N 16, р. 190–192]; еще в одном тексте Роной зовут женщину [Dixon, 1916, р. 87–88], так что вариант с женщиной у маори, скорее всего, преобладал. Параллели этому мифу, хотя и неполные, есть на других островах Полинезии, в ряде текстов упоминаются и оказавшиеся на Луне вместе с женщиной сосуды для воды [Beckwith, 1970, р. 220–221; Dixon, 1916, р. 88; Williamson, 1933, р. 100]. При всей удаленности Новой Зеландии от Сибири истоки маорийского мифа следует искать в Восточной Азии на вероятной языковой прародине австронезийцев, ибо в Меланезии и Индонезии ничего подобного нет. Мотив куста, за который ухватилась подошедшая к реке и поднятая на Луну женщина, надежно связывает маорийский вариант с теми, которые характерны для хайда, цимшиан и сибирских народов (а также для ваханцев). Приписывать распространение мифов со столь специфическими подробностями влиянию европейцев или считать их возникшими независимо трудно.

Выводы

Ареалы трех рассмотренных космонимов в основном совпадают, отражая следующие закономерности распространения. Все мотивы характерны для Восточной Прибалтики и Среднего Поволжья, причем самая южная из средневолжских групп (мордва) – единственная в своем ареале, у которой «Плеяды-сито» и «лунная водоноща» не обнаружены. Все мотивы зафиксированы в Северной и реже Центральной России и не характерны для юга России и для Украины, кроме небольшого анклава на Волыни. К восточным славянам эти мотивы явно попали от субстратного населения. Северные самодийцы (ненцы, энцы и нганасаны) с данными мотивами не знакомы, у селькупов, причем только у южных, есть лишь «лунная водоноща». «Дорога птиц» известна всем финно-уграм, «лунная водоноща» – почти всем, кроме мордвы и венгров. «Дорога птиц» и «лунная водоноща» есть у казахов и киргизов при отсутствии или почти полном отсутствии данных мотивов у тюрков Саяно-Алтая. У казахов Среднего Жуза зафиксировано также «сито» как обозначение Плеяд. К востоку от Енисея распространен лишь мотив «лунной водонощи», который у якутов, тунгусов и бурят отмечен многократно. Однако если считать «сито» частным вариантом образа Плеяд как небесных отверстий, то и этот последний мотив связывает Восточную Европу с Сибирью. Кроме того, амурским эвенкам «дорога птиц» также известна. У алgonкинов к северу от Великих Озер есть «дорога птиц» и «лунная водоноща» при возможной параллели для образа Плеяд как отверстия в небе. «Лунная водоноща» характерна также для индейцев Северо-Западного Побережья и сэлишай северной части Плато. При полном отсутствии данных мотивов у индейцев, живущих южнее ареалов оджибва и сэлишай, сибирское происхождение подобных образов вероятно. Это отодвигает их датировку в Евразии как минимум к раннему голоцену.

Заселение освобождавшихся от льда территорий на севере Восточной Европы шло в основном с юга. Первые послеледниковые культуры Восточной Прибалтики восходят к позднепалеолитической свидерской культуре, что подтверждается данным краинологии и популяционной генетики [Niskanen, 2002, р. 144–147]. Распространение ряда мифологических мотивов согласуется с подобным сценарием [Напольских, 1990]. Однако, учитывая конфигурацию ареалов рассмотренных космонимов, можно предположить, что какие-то потоки мигрантов двигались с востока. Даже если не брать во внимание наличие «дороги птиц» у эвенков и алгонкинов и не считать мотив звезд-отверстий достаточно специфичным, конфигурация зоны распространения «лунной водонощи» достаточно убедительно свидетельствует в пользу трансевразийской

миграции. Учитывая детальные американские и полинезийские параллели восточно- и южно-сибирским вариантам, восток Северной Евразии скорее, нежели запад, следует считать древнейшей зоной распространения мотива. Болгаро-македонский анклав образа «лунной водонощи» явно не может быть источником для сибирских и тем более индейских и полинезийских мифов. Эти балканские материалы скорее отражают какие-то поздние балтийско-балканские связи*.

В финальном плейстоцене – раннем голоцене в Северной и Центральной Евразии происходила, по всей вероятности, детализация представлений об объектах ночного неба. Из Евразии соответствующие идеи были принесены в Северную Америку. В пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, в Австралии, Южной и Центральной Америке космонимия развивалась самостоятельно, она не обнаруживает параллелей с североевразийско-североамериканским кругом образов и сюжетов. В Африке южнее Сахары она почти вовсе не развивалась. Поскольку новые образы в Сибири и Восточной Европе не вытесняли старые, а добавлялись к ним, распространить эти образы через всю Северную Евразию могли даже небольшие группы мигрантов с востока. Если это были лесные охотники и рыболовы, то естественной границей их движения оказалась Балтика. На мой взгляд, этим в конечном счете и объясняются различия в наборах космонимов в Восточной Прибалтике и Центральной Европе. Вполне вероятно, что к трем рассмотренным выше образам, имеющим трансевразийское распространение, некогда примыкал и образ Большой Медведицы как группы охотников, преследующих животное [Березкин, 2005]. В Прибалтике, однако, он был вытеснен представлением о Большой Медведице как о повозке.

Список литературы

- Абрамзон С.М.** Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Кирг. филиала АН СССР, 1946. – 122 с.
- Азимов Э.Г., Толстой Н.И.** Астрономия народная // Славянские древности. – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 117–119.
- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.** К реконструкции мифологических представлений фин-

*Чтобы установить происхождение «лунной водонощи» у болгар, желательно сопоставить болгарские материалы с сербскими. Однако известные нам сербские истолкования лунных пятен, скорее всего, позднего происхождения и включают лишь варианты, обычные для всей христианской Европы [Јанковић, 1951, с. 108–109]. Характерная для болгарских вариантов ситуация «парень и девушка приходят к колодцу и оказываются на Луне» встречается еще лишь у северных русских [Гура, 2006, с. 462].

- но-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981 г. – М.: Наука, 1982. – С. 162–192.
- Акцорин В.А.** Марийский фольклор. – Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1991. – 287 с.
- Алексеев Н.А., Емельянов Н.В., Петров В.Т.** Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск: Наука, 1995. – 399 с.
- Алексеенко Е.А.** Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67–105.
- Анохин А.В.** Легенды и мифы седого Алтая. – Горно-Алтайск: Мин-во культуры Республики Алтай, 1997. – 40 с.
- Аристэ П.** Коми фольклор. – Тарту: Эстон. лит. Музей, 2005. – 215 с.
- Арсеньев В.К.** Из научного наследия В.К. Арсеньева // Краевед. бюл. Об-ва изуч. Сахалина и Курильских островов. – 1995. – Вып. 4. – С. 151–183.
- Ашмарин Н.И.** Введение в курс чувашской народной словесности. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1984. – С. 3–48.
- Бараг Л.Г.** Башкирское народное творчество. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. – Т. 2: Предания и легенды. – 576 с.
- Белова О.В.** «Народная Библия». – М.: Индрик, 2004. – 575 с.
- Березкин Ю.Е.** Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 141–150.
- Беретти Н.И.** На Крайнем Северо-Востоке. – Владивосток: Владивост. отд. гос. Рус. геогр. об-ва, 1929. – 92 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Т. 2: Религия. – 195 с.
- Бонева Т.** Народен светоглед // Родопи. Традиционна духовна и социално-нормативна култура. – София: Етнографски Институт с Музей, 1994. – С. 7–50.
- Брудный Д., Эшмамбетов К.** Киргизские сказки. – М.: Худ. лит., 1968. – 230 с.
- Бурыкин А.А.** Малые жанры эвенского фольклора. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2001. – 276 с.
- Бутанаев В.Я.** Представление о небесных светилах в фольклоре хакасов // Учен. зап. Хак. НИИ языка, литературы и истории. Сер. филол. – 1975. – Вып. 20, № 3. – С. 231–240.
- Вайшкунас Й.** Народная астрономия белорусско-литовского пограничья // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2004. – Вып. 16. – С. 168–179.
- Валеев Ф.Т.** О религиозных представлениях западно-сибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 320–331.
- Вардугин В.И.** Мифы древней Волги. – Саратов: Надежда, 1996. – 687 с.
- Василевич Г.М.** Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 290 с.
- Василевич Г.М.** Ранние представления о мире у эвенков // ТИЭ. – 1959. – Вып. 51. – С. 157–192.
- Василевич Г.М.** Эвенки. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Васильев М.** Религиозные верования черемис. – Уфа: [Губ. тип.], 1907. – 54 с.
- Верещагин Г.Е.** Вотяки Сосновского края. – Ижевск: УрО РАН, 1995. – 259 с.
- Владыкин В.Е.** Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
- Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М.** Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
- Воскобойников М.Г.** Эвенкийский фольклор. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 339 с.
- Воскобойников М.Г.** Фольклор эвенков Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 183 с.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.
- Гамзатов Г.Г., Далгат У.Б.** Традиционный фольклор народов Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 496 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
- Гура А.В.** Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 910 с.
- Гура А.В.** Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 460–484.
- Гурвич И.С.** Космогонические представления у населения Оленекского района // СЭ. – 1948. – № 3. – С. 128–131.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленеводов. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Девяткина Т.П.** Мифология мордвы. – Саранск: Красный Октябрь, 1998. – 336 с.
- Денисов П.В.** Религиозные верования чуваш. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.
- Долгих Б.О.** Мифологические сказки и исторические представления энцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 243 с.
- Дульзон А.П.** Кетские сказки. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1966. – 171 с.
- Дульзон А.П.** Сказки народов сибирского севера. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 203 с.
- Евсеев В.Я.** Карельское народное поэтическое творчество. – Л.: Наука, 1981. – 412 с.
- Егоров Н.И.** Чувашская мифология // Культура Чувашского края. – Чебоксары: Кн. изд-во, 1995. – Ч. 1. – С. 109–146.
- Егоров С.Б.** Предания, легенды и мифологические рассказы вепсов // Мифология и религия в системе культуры этноса. – СПб.: Российский этногр. музей, 2003. – С. 128–129.
- Жуковская Н.Л.** Дархаты // Народы мира. – М.: Сов. энцикл., 1988. – С. 151.
- Золотницкий Н.И.** Отрывки из чувашско-русского словаря. № 14: чувашские названия Бога, неба и светил небесных. – Казань: [Губ. тип.], 1874. – 23 с.
- Исида Э.** Мать Момотаро. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. – 218 с.
- Итс Р.Ф.** Мяо. Историко-этнографический очерк. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с.
- Карутц Р.** Среди киргизов и туркменов Мангышлака. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1911. – 188 с.
- Кербелите Б.** Типы народных сказаний. – СПб.: Европ. дом, 2001. – 605 с.
- Крейнович Е.А.** Нивхи. – М.: Наука, 1973. – 495 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Материалы по фольклору хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – 216 с.

- Лауринкене Н.** Представления о месяце и интерпретация видимых на нем пятен в балтийской мифологии // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2002. – Вып. 15. – С. 360–385.
- Лимеров П.Ф.** Му пуксьём – Сотворение мира. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. – 524 с.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгариевые. – Владивосток: Владивост. отд-ние Приамур. отд. Рус. геогр. об-ва, 1922. – 370 с.
- Лукина Н.В.** Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Максютова Н.Х.** Башкирская космонимия // Ономастика Поволжья. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1973. – С. 382–384.
- Маринов Д.** Народна вяра. – София: Изток-Запад, 2003. – 422 с.
- Младенова Д.** Звездното небе над нас. – София: Проф. Мария Дринов, 2006. – 421 с.
- Младшая Эдда.** – Л.: Наука, 1970. – 138 с.
- Мошков В.А.** Мироизречение наших восточных инородцев: вотяков, черемисов и мордвы // Живая старина. – 1900. – Год 10. – Вып. 1/2. – С. 194–212.
- Надршина Ф.А.** Башкирские предания и легенды. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. – 288 с.
- Напольских В.В.** Палеоевропейский субстрат в составе западных финноугров // *Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей*. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – Т. 2. – С. 128–134.
- Напольских В.В.** Введение в историческую уралистику. – Ижевск: УрО РАН, 1997. – 257 с.
- Невский Н.А.** Луна и бессмертие // Петербург. востоковедение. – 1996. – Вып. 8. – С. 265–301.
- Неняянг Л.П.** Ходячий ум народа. – Красноярск: Фонд северных литератур «ХЭГЛЭН», 1997. – 240 с.
- Непокупный А.П.** От прус. *BAYTAN* E.346 ‘СИТО’ к *PAYCORAN* E.6 ‘ПЛЕЯДЫ’ как соответствие лит. *SIEEÝNAS* ‘то же’ // Балто-славянские исследования. – М.: Индрик, 2004. – Вып. 16. – С. 65–82.
- Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина Л.Н.** Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Якут. гос. ун-т, 1989. – Ч. 1. – 127 с.
- Никонов В.А.** Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. – Уфа: АН СССР, 1973. – С. 373–381.
- Никонов В.А.** География названий Млечного Пути // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980а. – С. 242–261.
- Никонов В.А.** Материалы по космонимике Средней Азии // Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1980б. – С. 290–306.
- Новикова К.А.** Эвенские сказки, предания и легенды. – Магадан: Кн. изд-во, 1987. – 158 с.
- Овчинников М.П.** Из материалов по этнографии якутов // Этногр. обозрение. – 1897. – № 3. – С. 148–184.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.
- Пилсусдский Б.** Фольклор айнов // Краевед. бюл. Об-ва изуч. Сахалина и Курильских островов. – 1991. – Вып. 3. – С. 69–84.
- Погодин А.** Космические легенды балтийских народов // Живая старина. – 1895. – Год 5. – Вып. 3/4. – С. 428–448.
- Подмаскин В.В.** Духовная культура удэгейцев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1991. – 160 с.
- Подмаскин В.В.** Народные знания тунгусо-маньчжуков и нивхов. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 540 с.
- Попов А.А.** Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 255–323. – (Сб. МАЭ; т. 11).
- Попов А.А.** Нганасаны. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
- Поротов Г.Г., Косыгин В.В.** В стране Кутхи. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1969. – 68 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киршбаума], 1881. – Вып. 2. – 181 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киршбаума], 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1893. – Т. 2. – 437 с.
- Потанин Г.Н.** Монгольские сказки и предания // Зап. Семипалат. подъотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. – 1919. – Вып. 13. – С. 1–97.
- Пустыльник И.** Астрономическое наследие древних эстов // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 283–285.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. – Иркутск: Комитет по культуре Иркут. обл. администрации, 1996. – 249 с.
- Родионов В.Г.** К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора // Чувашский фольклор. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1982. – С. 150–170.
- Руденко С.И.** Башкиры. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394 с.
- Рут М.Э.** Русская народная астронимия. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1987. – 68 с.
- Рычков К.Н.** Енисейские тунгусы // Землеведение. – 1922. – Кн. 1/2. – С. 69–106.
- Санжеев Г.Д.** Дархаты. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 63 с.
- Святский Д.О.** Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. – 1961. – Вып. 7. – С. 75–128.
- Серошевский В.Л.** Якуты. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1896. – Т. 1. – 720 с.
- Сидельников В.М.** Казахские сказки. – Алма-Ата: Казах. гос. изд-во худ. лит., 1962. – Т. 2. – 448 с.
- Симченко Ю.Б.** Традиционные верования нганасан. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. – Ч. 1. – 215 с.
- Сироткин М.Я., Иванов М.И.** Чуваши. – Чебоксары: Кн. изд-во, 1970. – Ч. 2. – 308 с.
- Толоконский Н.** Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверья, легенды и др. – Иркутск: [Тип. т-ва М.П. Окунев и К.], 1914. – 110 с.
- Тучкова Н.А.** Мифология селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – 382 с.
- Уразалеев Р.** Национальный фольклор сибирей Среднего Прииртышья. – URL: <http://sybyrlar.narod.ru/folklor.html>. 2005 (дата обращения: 30.09.2009).
- Фиельструп Ф.Ф.** Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 300 с.
- Халидова М.Р.** Фольклорные тексты. Примечания к фольклорным текстам // Мифология народов Дагестана

- на. – Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1984. – С. 160–187.
- Хангалов М.Н.** Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.; 1960. – Т. 3. – 421 с.
- Хасанова М.М., Певнов А.М.** Мифы и сказки негидальцев. – Kyoto: Nakanishi Printing Co., 2003. – 207 р.
- Хелимский Е.А.** Самодийская мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1982. – С. 398–401.
- Хомич Л.В.** Материал по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. – М.: Наука, 1974. – С. 231–248.
- Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 438 с.
- Ценев Г.** Небото над Македонија. – Скопје: Младински културен центар, 2004. – 284 с.
- Чадаева А.Я.** Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. – 240 с.
- Чарнолуский В.В.** Материалы по быту лопарей. – Л.: Изд-во гос. Рус. геогр. об-ва, 1930. – 176 с.
- Чарнолуский В.В.** Саамские сказки. – М.: Государственное изд-во худ. лит., 1962. – 303 с.
- Чубинский П.П.** Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1872. – Т. 1. – 448 с.
- Шаракшинова Н.О.** Мифы бурят. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 167 с.
- Эргис Г.У.** Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – Т. 2. – 283 с.
- Эргис Г.У.** Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
- Юхма М.Н.** Заметки о чувашской космонимии // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 264–269.
- Allen R.H.** Star-Names and Their Meanings. – N.Y.; Leipzig: G.E. Stechert, 1899. – 563 p.
- Andree R.** Ethnographische Parallelen und Vergleiche. – Stuttgart: Maier, 1878. – 303 S.
- Ariste P.** Vadja muinasjutte ja muistendeid // Töid Eesti Filoloogia Alalt. – 1974. – N 4. – Lk. 3–34.
- Ariste P.** Vadja muistendid. – Tallinn: Valgus, 1977. – 188 lk.
- Batchelor J.** Ainu Life and Lore. – Tokyo: Kyobunkwan, 1927. – 448 p.
- Beckwith M.** Hawaiian Mythology. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1970. – 575 p.
- Berezkin J.** The cosmic hunt: variants of a Siberian – North-American myth // Folklore (Tartu). – 2006. – Vol. 31. – P. 79–100.
- Boas F.** Indianische Sagen. – Berlin: Asher, 1895. – 363 S.
- Boas F.** Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Wash.: Smithsonian Institution, 1916. – P. 29–1037.
- Boas F.** Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America. – Vancouver: Talonbooks, 2002. – 702 p.
- Bogoras W.** Chuckchee tales // J. of American Folklore. – 1928. – Vol. 41. – P. 297–452.
- Caspar F.** Die Tuparí. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1975. – 321 S.
- Dixon R.B.** Oceanic Mythology. – Boston: Marshall Jones, 1916. – 364 p.
- Erdödi J.** Finnisch-Ugrische Gestirnnamen // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis. Philologica. – 1968. – T. 8. – S. 105–121.
- Ernits T., Ernits E.** Vadjalaste ja isurite tähelepanekuid taevakehale kohta // Eesti Loodus. – 1984. – N 9. – Lk. 577–581.
- Gladyszowa M.** Wiedza ludowa o gwiazdoch. – Wrocław: Zakład narodowy im. ossolińskich, 1960. – 235 s.
- Hallowell A.I.** Some empirical aspects of northern Saul-teaux religion // American Anthropologist. – 1934. – Vol. 36. – P. 389–404.
- Harva U.** Altain Suvun Uskonto. – Porvo; Helsinki: Werner Söderström, 1933. – 420 s.
- Hirschberg W.** Die Plejaden in Africa und ihre Beziehung zum Bodenbau // Zeitschrift für Ethnologie. – 1929. – Bd. 61. – S. 321–337.
- Holmberg (Harva) U.** The Mythology of All Races. – Boston: Marshall Jones, 1927. – Vol. 4: Finno-Ugric, Siberian. – 585 p.
- Hose C., McDougal W.** The Pagan Tribes of Borneo. – L.: MacMillan, 1912. – Vol. 2. – 374 p.
- Ichon A.** La Religion des Totonaques de la Sierra. – P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1969. – 424 p.
- Јанковић Н.h.** Астрономија у преданымима, обичајима и умотворинама срба. – Београд: Српска Академија Наука, 1951. – 206 с.
- Jochelson W.** The Koryak. – Leiden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1908. – 842 p.
- Jochelson W.** Kamchadal Texts. – ‘S-Gravenhage: Mouton, 1961. – 284 p.
- Jones W.** Ojibwa Texts. – N.Y.: Stechert, 1919. – 777 p.
- Koekemoer G.P.** Lightning Design in an African Content. – Pretoria a.o.: Tshwane University of Technology, 2007. – 202 p.
- Konakov N.D., Il'ina I.V., Limerov P.F., Ulyashev O.I., Shabaev Yu.P., Sharapov V.E., Vlasov A.N.** Komi Mythology. – Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society, 2003. – 436 p.
- Krappe A.H.** La Genèse des Mythes. – P.: Payot, 1938. – 357 p.
- Krappe A.H.** The lunar frog // Folk-Lore. – 1940. – Vol. 51. – P. 161–171.
- Kuperjanov A.** Linnutee // Mäetagused. – 2001. – N 16. – Lk. 107–116.
- Kuperjanov A.** Eesti taivas. – Tartu: Eesti Folkloori Instituut, 2003. – 208 lk.
- Lantis M.** The Social Culture of the Nunivak Eskimo // Transactions of the American Philosophical Society. – 1946. – Vol. 35, pt. 3. – P. 153–323.
- László G.** Orosz-magyar kéziszótár. Русско-венгерский словарь. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. – 1120 sz.
- Lundmark B.** Sol-och månkult samt astrala och celesta föreställningar bland samerna. – Umeå: Västerbotens Museum, 1982. – 174 sid.
- MacDonald J.** The Arctic Sky. – Toronto: Royal Ontario Museum, 1998. – 313 p.
- Mándoki L.** Asiatische Sternnamen // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. – S. 519–532.
- Matičetov M.** Zvesdna imena in izročila o zvezdah med slovenci // Traditiones. Zbornik Instituta za Slovensko Narodopisie. – 1973. – Vol. 2. – S. 43–90.

- McClelland C.** My Old People Say. An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. – Ottawa: National Museums of Canada, 1975. – Pt. 1. – 637 p.
- McIlwraith T.F.** The Bella Coola Indians. – Toronto: University of Toronto Press, 1948. – Vol. 2. – 672 p.
- Meek C.K.** A Sudanese Kingdom. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1931. – 548 p.
- Miller D.S.** Stars of the First People. – Boulder: Pruett, 1997. – 346 p.
- Munkácsi B.** Die Weltgottheiten der Wogulischen Mythologie // Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. – 1908. – Vol. 9, N 3. – P. 206–277.
- Munkácsi B.** Wogulisches Wörterbuch. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 p.
- Napolskikh V.V.** Proto-uralic world picture: a reconstruction // Northern Religions and Shamanism. – Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society, 1992. – P. 3–20.
- Nelson E.W.** The Eskimo about Bering Strait. – Wash.: Smithsonian Institution, 1899. – 518 p.
- Niebrzegowska S.** Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata // Językowy obraz świata. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marie Curie-Skłodowskiej, 1999. – S. 137–154.
- Nimuendaju C.** The Tukuna. – Berkeley: University of California Press, 1952. – 219 p.
- Niskanen M.** The origin of the Baltic-Finns from the physical anthropological point of view // The Mankind Quarterly. – 2002. – Vol. 43, N 2. – P. 121–153.
- Ostermann H.** The Mackenzie Eskimos. – Copenhagen: the Fifth Thule Expedition, 1942. – 164 p.
- Ostermann H.** The Alaskan Eskimos as Described in the Posthumous Notes of Dr. Knud Rasmussen. – Copenhagen: the Fifth Thule Expedition, 1952. – 292 p.
- Pechuël-Loesche E.** Volkskunde don Loango. – Stuttgart: Strecker & Schröder, 1907. – 282 S.
- Peebo K., Peegel J.** Igal puul oma juur. Murdetekste Jakob Hurde kogust. – Tallinn: Eesti raamat, 1989. – 336 lk.
- Pilsudski B.** Ainu folk-lore // J. of American Folklore. – 1912. – Vol. 25. – P. 72–86.
- Rasmussen K.** Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos. – Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1930. – 116 p.
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland & Steward, 1971. – 144 p.
- Reed A.W.** Maori Myths and Legendary Tales. – Aukland; Sydney; L.; Cape Town: New Holland Publishers, 1999. – 255 p.
- Rodd F.R.** People of the Veil. – L.: MacMillan & Co., 1926. – 504 p.
- Schefold R.** Lia: Das große Ritual auf den Mentawai-Inseln. – Berlin: Dieter Reimer Verlag, 1988. – 695 S.
- Schwab G.** Tribes of Liberian Hinterland. – Cambridge: Peabody Museum, 1947. – 526 p.
- Smith W.C.** The Ao Naga Tribe of Assam. – L.: MacMillan & Co., 1925. – 244 p.
- Speck F.G.** Myths and Folklore of the Timiskaming Algonquin and Timagami Ojibwa. – Ottawa: Canada Department of Mines, 1915. – 87 p.
- Spieth J.** Die Ewe-Stämme. – Berlin: Reimer, 1906. – 962 S.
- Steinitz W.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993. – Lfg. 1–15.
- Sullõv J., Kauksi Ü., Kõivupuu M., Reimann N., Hagu P.** ABC kiräoppus ja lugõmik algkooli latsilõ. – Võõr: Võõr Instituut ja Võõr Selts, 1995. – 159 lk.
- Swanton J.R.** Haida Texts, Masset Dialect // Jesup North Pacific Expedition. – Leiden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1908a. – Publ. 10. – P. 273–812.
- Swanton J.R.** Social conditions, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians // 26th Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash.: Smithsonian Institution, 1908. – P. 391–485.
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: the American Folklore Society, 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the American Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443–813.
- Thompson T., Egesdal S.M.** Salish Myths and Legends. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2008. – 445 p.
- Toivonen Y.H.** Pygmäen und Zugvögel. Alte kosmologische Vorstellungen // Finnisch-Ugrische Forschungen. – 1937. – Bd. 24, H. 1/3. – S. 87–126.
- Vaiškūnas J.** Etnoastronomia litewska // Etnolinguistica. – 1999. – Vol. 11. – S. 165–175.
- Vaiškūnas J.** The Moon in Lithuanian folk tradition // Folklore (Tartu). – 2006. – Vol. 32. – P. 157–184.
- Vathanaprida S.** Thai Tales. – Englewood: Libraries Unlimited, 1994. – 135 p.
- Volpati C.** Nomi romanzi degli astri Sirio, Orione, le Pleiadi e le Jadi // Zeitschrift für romanische Philologie. – 1932. – Bd. 52. – S. 151–211.
- Volpati C.** Nomi romanzi delle Orse, Boote, Cigno e altre costellazioni // Zeitschrift für romanische Philologie. – 1933a. – Bd. 53. – S. 449–507.
- Volpati C.** Nomi romanzi della Via Lattea // Revue de linguistique romane. – 1933b. – N 9. – P. 1–51.
- Wichmann Y.** Wotjakischer Wortschatz. – Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1987. – 421 p.
- Williamson R.W.** Religious and Cosmic Beliefs of Central Polynesia. Cambridge: University Press, 1933. – Vol. 1. – 399 p.
- Wolf W.** Der Mond in deutschen Volksglauben. – Bühl (Baden): Konkordia, 1929. – 91 S.
- Zsigmond C.** Popular cosmology and beliefs about celestial bodies in the culture of the Hungarians from Romania // Acta Ethnographica Hungarica. – 2003. – Vol. 48, N 3/4. – P. 421–439.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОМЫСЛЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

ПИМОКАТЫ АЛТАЯ

Статья посвящена характеристике пимокатного промысла в России в целом и на Алтае. В ней излагается история зарождения и развития пимокатного производства в зоне культурного фронтира Поволжья; приводятся факты, свидетельствующие о становлении пимокатного производства на Алтае в конце XIX – начале XX в. в связи с переселенческим движением. На основе полевых материалов дается характеристика домашнего производства валенок. В настоящее время, согласно имеющимся материалам, происходит затухание пимокатного промысла Алтая. Развитие ремесленных традиций региона нуждается в поддержке, ориентированной на сохранение культурного наследия.

Ключевые слова: *крестьянские ремесла, переселенческое движение, пимокатный промысел Алтая, локальные различия.*

В Поволжье их называют катанками, на Орловщине – валенухами, в Сибири – пимами. Казалось бы, нет ничего более исконно русского, чем валенки. Однако обувь из войлока появилась в России лишь в конце XVIII – начале XIX в., хотя нетканый материал из шерсти на территории Евразии известен с глубокой древности. Его изобрели кочевники-скотоводы горно-степного пояса континента. Технологии изготовления войлочных изделий были известны со скифской эпохи (VI–V вв. до н.э.). Постепенно они вошли в культурный фонд всего мирового сообщества.

На Руси войлок издавна использовался для изготовления утвари и одежды. Полагают, что мягкие войлочные чулки (традиционные для скотоводческих народов) предшествовали формованной, прошедшей термическую обработку, обуви. Сначала войлочные сапоги были составными: к головке приторачивалось голенище. Со временем с помощью высокой составной колодки удалось создать цельную форму.

Принято считать, что русские валенки были изобретены мастерами Поволжья в зоне фронтира кочевых скотоводческих и земледельческих сообществ. Родиной валенок чаще всего называют Семеновский уезд Нижегородской губ. Здесь еще в XIX в. сложился один из известнейших промысловых центров Поволжского региона. В ходе культурного синтеза появилась оригинальная форма обуви – легкие цельные сапоги из прессованной шерсти с высоким голенищем, круглым носком, плоской подошвой, идеально приспособленные к крестьянскому труду, суровому климату и долгим зимам России. Валенки изготавливали из овечьей

шерсти на основе обработки ее в горячей воде с добавлением квасцов. Их формовали на одну колодку (не различая правой и левой ноги), делали серыми, черными или белыми, с ворсом (чесаные) и гладкими. На северо-востоке Европейской России и в Сибири славились кукморские валенки – белые с вышивкой красным гарусом, их изготавливали мастера пос. Кукмор Казанской губ., где с середины с 1860-х гг. действовала мастерская, а затем фабрика валяльной обуви братьев Комаровых. С конца XIX в. секреты кукморских пимокатов (использование вкатанной вышивки) были освоены в Пермской и Уфимской губерниях.

Формирование пимокатного производства в России продолжалось на протяжении XIX в. Складывались региональные различия в технологиях, инструментарии, фасонах и терминах. Появился профессиональный жаргон. Костромские пимокаты стали авторами «тарабарского языка». Себя они называли «жгонами», а корпоративный сленг «жгонкой» [Макарьевский вестник, 2001]. Тогда же в русский язык вошли выражения: «прост, как валенок», «валять Ваньку», «не мытьем так катаньем». В начале XX в. популярной в России стала цыганская плясовая «Валенки, валенки, ой, да не подшиты, стареньки...». Спустя 30 лет после первой записи, в военном 1943 г. она была воспроизведена на грампластинке великой певицей Лидией Руслановой и уже в ее исполнении стала одним из символов России, как и сами валенки.

Поначалу валенки были модной и довольно дорогой обувью. В первые десятилетия XX в. пимокатный промысел переживал период расцвета. В стране рабо-

тала 41 фабрика; здесь выпускалось несколько десятков миллионов пар обуви [Левинтов].

В Сибири развитие производства валенок было связано с ростом переселенческого движения. По приблизительным подсчетам, в 1861–1891 гг. в регион водворилось ок. 450 тыс. переселенцев, из них примерно 350 тыс. – в Западную Сибирь [История Сибири, 1968, с. 24]. За 1861–1897 гг. численность населения Алтая выросла в 3 раза: с 432 до 1 326 тыс. [История Алтая, 1995, с. 199]. В XIX в. край входил в число основных сельскохозяйственных районов Сибири, ориентированных на хлебопашество, животноводство и промыслы.

Сырьевой базой для местных промыслов стало развитие овцеводства. Общее поголовье овец на Алтае с 1861 г. до конца XIX в. увеличилось с 300 тыс. до 1 млн голов. Развитие технологий переработки животноводческого сырья в пореформенный период способствовало становлению овчинно-шубной, кожевенной и пимокатной промышленности [Кузнецов]. Производство валенок заняло значимое место в структуре неземледельческих промыслов населения региона.

Пимокаты работали и в степной, и в предгорной таежной зонах края. Переселенческие поселки являлись центрами производства. Часто кустари уходили на заработки в соседние старожильческие села. Были известны вятские, пермские, костромские мастера. Славились пимокаты-мордва пос. Гилев Лог Нижне-Кулундинской вол. (современный Родинский р-н Алтайского края). Пимокатный промысел получил развитие в селах Павловском, Сорокино, Тюменцево и др. Повсюду существовали пимокатные артели. Кустари катали валенки по избам для семьи и на продажу, преимущественно на давальческом сырье. Производство носило сугубо сезонный характер: начиналось после завершения уборочной стадии, продолжалось осенью и зимой до Пасхи, до начала посевной и выгона скота.

Пимокатный промысел получил распространение во многих районах Алтая, но наибольший размах приобрел в Барнаульском и Бийском уездах. По данным на 1887 г., в Барнаульском уезде били шерсть и катали пимы 1 122 крестьянские семьи, в Бийском – 701 семья. В 1893 г. в Легостаевской вол. насчитывалось 14 кустарей, в Бердской – 24, Косихинской – 18. К началу XX в. в Барнаульской вол. значилось 33 пимоката, в Бийской – 127, в Нижне-Чарышской – 127 и т.д. [История Алтая...; Осадчий]

По всей Сибири пользовались популярностью черные овчинные шубы, полушибки-«барнаулки» и белые пимы. К 1900 г. в Барнауле изготавливались шубы и пимы на сумму ок. 300 тыс. руб. «Барнаулки» были окрашены особым способом в черный цвет. Краситель из ивовой коры изобрел краевед и исследователь Алтая С.И. Гуляев. Он познакомил со своим открытием

крестьянина-переселенца Лапина, который и наладил изготовление шуб.

Овчинно-шубное и пимокатное производство Барнаула относилось к смешанной мануфактуре: оно было организовано в мастерских с наемными рабочими, заказы также раздавались кустарям-надомникам в городе и окрестных селах. Готовую продукцию реализовали наиболее крупные заведения Поляковых, Бухаловых, Смердина. «Барнаулками» и пимами торговали во многих городах Сибири [История Алтая...].

На Алтае наряду с крупными предприятиями существовали кустарные и домашние производства. Использование механизированного труда, чесальных и прокатных машин не меняло характера промысла. При изготовлении валенок, которое модернизировалось на протяжении XX в., по-прежнему широко применялся ручной труд. Уникальность технологии заключалась в ее рукотворной природе. Весь производственный цикл мог быть воспроизведен одним мастером. Пимокаты Алтая бережно сохраняли секреты и инструменты, доставшиеся им от отцов и дедов.

Традиции пимокатного производства до сих пор живут на Алтае. Известны мастера Тогула, Ельцовки, Туманова и других сел. Живы еще старики, в совершенстве владеющие старыми технологиями. При взгляде на их работу известная поговорка «прост как валенок» приобретает иносказательный смысл.

Изготовление валенка начинается с подготовки сырья. Самые хорошие валенки – гладкие и прочные – получаются из шерсти овец осенней стрижки – короткой, жесткой, с высокой усадкой. Перед началом производства шерсть сортируют, освобождают от сора, моют, сушат, чешут, «бьют». Для приготовления «ваты» – пластин рыхлой обработанной шерсти – давно используют шерстобитные машины (с 1930-х гг. с ручным приводом, с 1950-х на конской тяге, с 1960-х с электромоторами). Но у старых мастеров до сих пор сохраняются дедовские инструменты.

«Струна» для битья шерсти у пимокатов-выходцев из Костромы имела рамочную конструкцию и представляла собой шест с перекладинами, между которыми была натянута тетива. У вятских «шерстобитку» изготавливали в виде массивной дуги; к ее деревянной основе на «блочках» крепили струну из дратвы. Лук подвешивали к потолку; струну приводили в движение ударами деревянным рубелем – «катеринкой». Под струной крепили циновку, на которую выкладывали шерсть. Струна под быстрыми ритмичными ударами вибрировала и «пела», из-под нее собирали вороха рыхлой взбитой шерсти. Эта технология до сих пор сохраняется в Ельцовском р-не Алтайского края.

После такой обработки отмеряли нужное количество шерсти. И сегодня мастера взвешивают сырье на старинных весах-коромыслах, используя дедовские

гирьки. Для мужской пары требуется 2 кг 500 г, для женской – 1 кг 800 г шерсти. Ее делят на две равные части, раскладывают на верстаке на тканевой основе и начинают, прибивая прутком, формировать «полку» – полотнище, представляющее собой развернутую проекцию валенка ок. 1,5 м по диагонали. Далее идет «сухая валка» – «полку» сворачивают в рулон и укатывают в пластины, а затем формируют заготовку для будущего валенка: войлочную пластину складывают вдвое (помещая внутрь тканевую прокладку) и начинают «срачивать», заворачивая на одну половину края другой; для соединения используют дополнительные прядки войлока («припасы») и придают изделию форму огромного чулка.

Размеры будущего валенка задаются на глаз: длину головки мужской пары мастер определяет длиной руки от локтя до кончиков вытянутых пальцев, женской – до согнутых.

Мокрая валка – «стирка» – длится больше часа. С использованием рубелей (деревянного и с проволочной обмоткой) и металлического четырехгранного прутка будущие валенки минуты выкатывают; при необходимости для лучшей усадки вновь погружают в кипяток. Скатывание производится вдоль сапога. Затем сильно уменьшенные в размерах заготовки начинают править на болванках, формируя пятку, «вывозок» (пяточную выемку), носок и голенище. Костромские пимокаты называют болванки балами (от «балясины»), вятские – юрками. Для формирования носка используют короткие биконические деревянные болванки; пятку и голенище моделируют длинными цилиндрическими болванками. Каждый мастер имеет несколько десятков болванок, приспособленных на разные размеры: от 14 номера (детские) до 42 и более (мужские). Вставляя болванку в сырой и горячий валенок, начинают отбивать его и «обхаживать». Для этого используют сначала деревянный, затем чугунный вальки. Далее следует многочасовая «стирка»: валенок вновь погружают в кипяток, меняют болванки; продолжают выколачивать, добиваясь того, чтобы он плотно «обнял балло», обрел форму, размер и твердость.

Новые пимы-самокатки имеют хорошо смоделированную вытянутую конусовидную головку, высокое чуть расширенное голенище и округлый пяточный выступ. При формировании на болванке «вывозка» и пятки мастера используют «кобылку» – деревянный массивный рубель с полукруглой выемкой. Чтобы придать пятке совершенную округлую форму, в верстаке делают полусферическое углубление, в которое при формовке вставляют валенок.

Финальная стадия наступает после завершения «стирки». Когда валенок укатывается по размеру болванки и приобретает твердость, его насаживают на составную колодку, которую образуют точеный носок и уплощенные расширяющиеся кверху бруски

ки для голенища – «задок», «средник», «передок» и «головка» («лысок»). Чтобы колодка встала прочно, между брусками заколачивают клин. Валенок приобретает законченную форму в ходе обработки деревянной колотушкой. Его бьют, выправляют на «кобылке», выглаживают на ребристом металлическом рубеле, обрезают края. Затем пемзой с сырой поверхности снимают оставшуюся шерсть. Когда валенок становится ровным и гладким, его отправляют на просушку.

Подовые печи в домах алтайских пимокатов – это не только дань русской традиции домостроения, но и производственная необходимость. Валенок считается «родившимся», просушенным и готовым, когда колодка свободно извлекается из растрюба голенища. Старые мастера, перед тем как отдать пару хозяину, натирают ее изнутри вареным картофелем, от этого валенки на морозе «крепчают» и носятся дольше. Валенки из «хороших рук» служат до десяти лет. За месяц мастер может сделать до 15 пар, за жизнь – до 15 тыс. пар.

Рукотворные изделия пимокатов по сей день вос требованы в селах Алтая. Однако наладить и сохранить производство валенок в современной деревне очень трудно. Подобные производства были широко распространены в 1930–1950-е гг. В 1970-е гг. их передали в местные комбинаты бытового обслуживания, а к концу 1970-х гг. пимокаты в крае практически прекратили свое существование. Сегодня подобных цехов на Алтае единицы, они нерентабельны. Народный промысел угасает. Старые мастера готовы передать инструменты, технологии и азарт творчества, но нет тех, кто может наследовать их силу и талант, желания заниматься кропотливым трудом. Алтайский пимокатный промысел нуждается в поддержке.

Валенки – один из национальных символов России – не могут исчезнуть из повседневной культуры. Они уже давно стали предметом заботы и внимания общества. В 1963 г. модельер Вячеслав Зайцев впервые вывел на подиум красавиц в валенках. С тех пор русская войлочная обувь вошла в арсенал мировой моды. В 2000 г. был открыт «Музей валенка» в г. Мышикине Ярославской обл. С 2001 г. в Москве действует музей «Русские валенки». В 2005 г. модельеры и дизайнеры России организовали выставку валенок в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 2007 г. в Гатчине прошла первая в мире неделя моды русских валенок.

В настоящее время валенки выпускают более 30 предприятий России. Их вяляют в Вышнем Волочке, Ярославле, Кашине, Тюмени, Татарстане, Ленинградской, Костромской, Свердловской, Челябинской областях. Крупнейшими остаются Кукморская (Татарстан), Ярославская и Троицкая (Челябинская обл.) фабрики, история которых начиналась на

рубеже XIX–XX вв. Пимокатный промысел и сегодня сохраняется в России. Его алтайские центры имеют перспективы и шансы на существование.

Благодарности

Дирекция ИАЭТ СО РАН и участники экспедиции 2009 г. выражают благодарность сотрудникам администраций Тюменцевского, Ельцовского и Солонешенского районов Алтайского края, главам сельских администраций, руководителям фольклорных коллективов и музеев, главам православных приходов и жителям сел Тюменцево, Ельцовка, Верх-Неня.

Список литературы

История Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Ч. 1. – 478 с.

История Алтая с древнейших времен до наших дней. – URL: <http://www.althisto.ru/promyishlennost-v-xix-veke/>

[perviy-vinokurenniy-zavod.html](http://www.perviy-vinokurenniy-zavod.html) (дата обращения: 27.08.09).

История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 3. – 530 с.

Кузнецов В.В. Земля Рубцовская: События. Факты. Люди. – URL: <http://www.rubtsovsk.ru/history/ruarea01/index.htm> (дата обращения: 27.08.09).

Левинтов А. История и география валенок. – URL: <http://www.redshift.com/~alevintov/2006/nov/wal.htm> (дата обращения: 27.08.09).

Макарьевский вестник (4 сентября 2001 г.). – URL: http://www.oldtowns.ru/mak_nepridum02.shtml (дата обращения: 27.08.09).

Осадчий А.Н. Распространение пимокатного производства на Алтае во второй половине XIX века // История Алтая. – URL: <http://www.ialtai.ru/regionalnoe-kraevedenie/rasprostranenie-pimokatnogo-proizvodstva-na-altae-vo-vtoroj-polovine-xix-veka-anosadchij/> (дата обращения: 27.08.09).

И.В. Октябрьская

* * *

Фоторепортаж подготовлен Игорем Лагуновым.

И. Лагунов родился в 1983 г. в г. Каменске-Уральском. Профессионально начал заниматься фотографией в 1980-е гг. С 1990 г. является членом Союза фотохудожников России и Союза фотографов Урала «Каменный пояс», принимает участие в международных и российских выставочных фотопроектах. Международными и российскими премиями отмечены авторские серии: «Колхоз “Путь к коммунизму”» (1996–1998 гг.), «Из жизни сельского молельного дома» (1996–1998 гг.), «Другая жизнь» (2000–2002 гг.), «Фабрика валенок» (2004–2005 гг.). Работы И. Лагунова были представлены на выставках в России, Германии, Дании, Италии, Чехии, США и т.д.

И. Лагунов постоянно сотрудничает с изданиями: «Родина», «Огонек», «Столица», «Русский ре-

porter». Он – обладатель стипендии для деятелей культуры от Союза фотохудожников России за авторскую программу «Традиции и обряды российской глубинки», первых премий конкурса «Пресс-фото России» (2000, 2007, 2008 гг.), международного конкурса фотожурналистов «Золотой объектив» (2004, 2006 гг.), третьего международного фотосалона «Сибирь-2004». В 2007 г. признан «Фотографом года» в г. Челябинске.

В 2005–2009 гг. И. Лагунов принимал участие в экспедициях ИАЭТ СО РАН по Алтаю. Фотоматериалы 2005 г. были отмечены гран-при конкурса фотожурналистики ИТАР-ТАСС 2006 г., 1-й премией конкурса «Пресс-фото России» 2007 г., 1-й премией Международного конкурса им. Карла Буллы 2007 г.

1. Валенки – атрибут домашнего быта, с. Черный Ануй Усть-Канского р-на Республики Алтай на границе с Солонешенским р-ном Алтайского края. Зима 2006 г.

Валенки вошли в крестьянскую сельскую культуру к началу XIX в. и стали частью обыденной жизни. В российской сельской глубинке они остаются рабочей и повседневной обувью. Согревают, лечат от болезней, сохраняют уют.

2. Цех по производству валенок в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края. Зима 2006 г.

3. Обработка шерсти. В мастерской Н.В. Сысолятина, с. Верх-Неня Ельцовского р-на Алтайского края. 2009 г.

Потомственные пимокаты Н.В. Сысолятин и А.И. Елесин унаследовали от отцов инструменты и технологии производства валенок. Старые весы и колодки хранятся в их мастерских, напоминая о традициях, артелях алтайских пимокатов начала XX в.

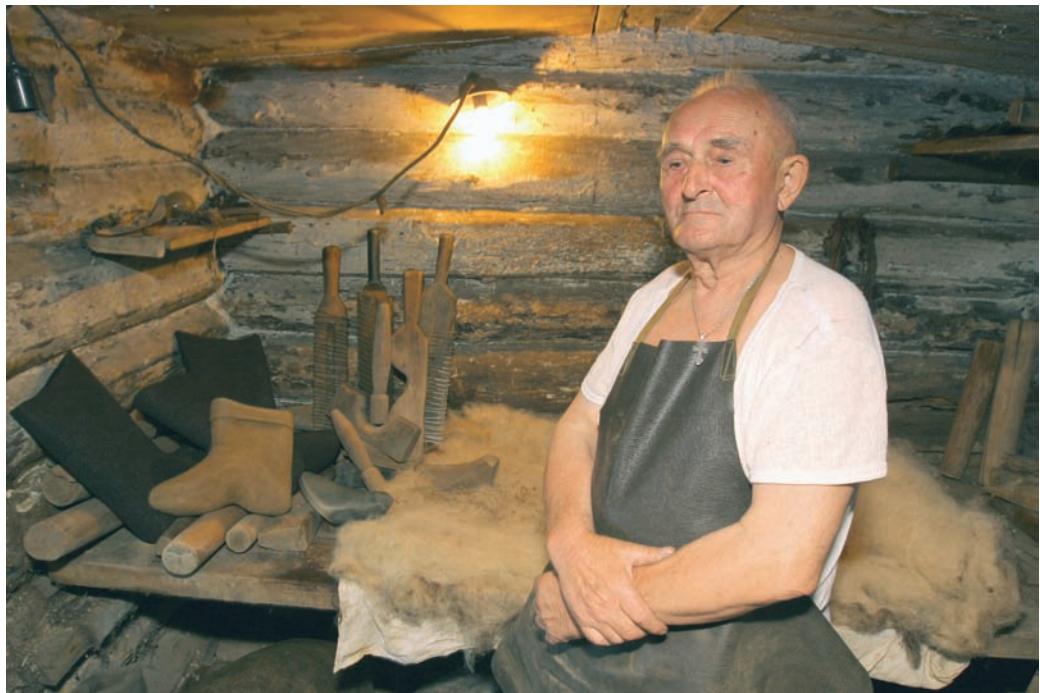

4. Отвешивание шерсти для валенок. В мастерской А.И. Елесина, с. Ельцовка Ельцовского р-на Алтайского края. 2009 г.

5. Раскладка шерсти на заготовку для валенка. В мастерской Н.В. Сысолятина.

Производство валенка начинается с отвешивания и раскладки шерсти. На глаз разделяя груду шерсти, мастер не ошибается в объемах. Повторяющиеся из месяца в месяц, из года в год одни и те же операции становятся мерилами жизни. За месяц мастер может сделать до 15 пар, за жизнь – до 15 тыс. пар.

6. В мастерской А.И. Елесина. Подготовленная к выкатке «полка» для валенка.

7. Выкатывание заготовки для валенка. В мастерской Н.В. Сысолятина.

«Запущаем его, – говорят мастера о производстве валенка, – и выкатываем «на сухую» минут 30, после кладем в квасцы (раствор серной кислоты) часов на шесть. Как все стечет – на веревочку и в кипяток минут на пять. Достали и начинаем обжимать. Гладим, лупим, обхаживаем». Так из бесформенной массы рождается валенок.

8. «Чулок» – сформированная заготовка для валенка. В мастерской Н.В. Сысолятина.

9. Заготовка для валенка, прошедшая «стирку». В мастерской Н.В. Сысолятина.

Валиние валенка – долгая и сложная процедура. Технологические операции, подчиняясь жесткому ритму, проходят в очень быстром темпе. В руках хорошего пимоката валенок «пляшет» на верстаке. На изготовление одной пары уходит 8 час.

10. «Отбивка» валенка на болванке. В мастерской Н.В. Сысолятина.

11. «Отбивка» валенок. Цех по производству валенок в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края. Зима 2006 г.

Частные мастерские и производственные цеха по сей день являются основной формой существования пимокатного промысла в сельских районах Алтая. Но современная экономика, подчиненная законам конкуренции, делает проблемным сохранение промыслов.

12. Колодка для изготовления валенок. В мастерской Н.В. Сысолятина.

13. Готовый валенок. В мастерской Н.В. Сысолятина.

Валенки при всех переменах и технических новшествах остаются частью сельского быта. Но у старых мастеров нет наследников, имеющих вкус к тяжелой, кропотливой ручной работе.

14. Интерьер крестьянского дома в с. Искра Солонешенского р-на Алтайского края. Зима 2006 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 903.5 (572)

А.Г. Козинцев

О РАННИХ МИГРАЦИЯХ ЕВРОПЕОИДОВ В СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ (в связи с индоевропейской проблемой)*

Проведен многомерный анализ 220 мужских краниологических серий эпохи неолита и бронзы с территории Евразии. Результаты подтверждают большую роль катакомбных племен в сложении афанасьевской общности. Минусинские окуневцы, каракольцы, кротовцы и группы андроновской эпохи из Черноозерья I и Еловки II имели в основном местное происхождение. Для самусьев отмечена полтавинская параллель. Окуневцы Тувы и, вероятно, елунинцы были потомками ямников и ранних катакомбников Украины. То же относится к алакульцам Западного Казахстана, у которых имеется и множество ранних связей на территории зарубежной Европы. Предками некоторых федоровских групп, видимо, были афанасьевцы Алтая, предками других – позднеямные и катакомбные племена Северного Кавказа и Калмыкии. Жители Гумугоу ближе всего к федоровцам Казахстана и Рудного Алтая, что указывает на северный путь заселения Синьцзяна. Называть грацильных европеоидов Сибири и Центральной Азии средиземноморцами нельзя ввиду практически полного отсутствия у них антропологических связей с Ближним Востоком, Средней Азией и Закавказьем. Речь, видимо, идет о северных европеоидах.

Ключевые слова: индоевропейцы, Южная Сибирь, Центральная Азия, бронзовый век.

Введение

Вопрос о путях проникновения древних европеоидов в Сибирь и Центральную Азию вызывает в последнее время пристальный интерес в связи с проблемой индоевропейской прародины. Высказывавшееся некоторыми археологами мнение о существенной роли миграций из Передней Азии в сложении южно-сибирских культур бронзового века [Григорьев, 1999; Бобров, 1994; Кирюшин, 2004] получило поддержку со стороны тех антропологов, которые склонны считать любых грацильных европеоидов представителями средиземноморской расы, т.е. южанами по происхождению (см. особенно [Худавердян, 2009]). До недавнего времени к такой трактовке склонялся и я [Козинцев, 2000].

В последние годы в результате деятельности целого ряда антропологов, прежде всего С.И. Круц,

появился огромный новый палеоантропологический материал из степей Украины и Южной России. Его статистический анализ привел к пересмотру прежних взглядов. Более детальное сопоставление с учетом связей каждой грацильной южно-сибирской группы по отдельности показало, что поводов говорить о миграциях в Южную Сибирь с Ближнего Востока, из Средней Азии или Закавказья – областей распространения южно-европеоидной (средиземноморской) расы – краниометрия не дает [Козинцев, 2007, 2008].

Затем появилась статья группы французских генетиков [Keyser et al., 2009], которые на материале ДНК, извлеченной из костных остатков андроновцев, карасукцев, тагарцев и таштыкцев, изучили шесть генов, ответственных за пигментацию глаз и волос. Оказалось, что большинство исследованных древних жителей Южной Сибири (15 из 23, т.е. 65 %) имело светлые или смешанные оттенки глаз, а 8 из 12 (67 %) – светлые или русые волосы. Если добавить,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00184а.

что такие же волосы были у жителей долины р. Тарим эпохи бронзы – вероятных предков тохаров (их тела прекрасно сохранились благодаря естественной мумификации [Mallory, Mair, 2000]), а депигментация у современного населения Южной Сибири и Казахстана имеет явно дорусское происхождение, то вывод однозначен. Главный очаг европеоидных миграций в глубь Азии находился не на Ближнем Востоке, а в областях, лежащих севернее и затронутых процессом депигментации. Почти 80 лет назад этот вывод был сделан Г.Ф. Дебецом [1931] на основании сопоставления краниологических данных о тагарцах со сведениями китайских источников. Несомненно, продвижение скотоводов-индоевропейцев на восток происходило преимущественно вдоль степной полосы, причем этот процесс продолжался, по археологическим данным, на протяжении всего III тыс. до н.э. [Мерперт, 1982, с. 322–330; Семенов, 1993]. Но где был исходный пункт? В припонтийских степях? На территории зарубежной Европы?

Афанасьевская культура, согласно мнению, разделяемому большинством специалистов, как археологов, так и антропологов, близкородственна ямной и ее появление в Горном Алтае и на среднем Енисее было результатом миграции из восточно-европейских степей. Указывается и на возможную роль полтавкинских и катакомбных элементов [Цыб, 1981, 1984]. Последнее соответствует новым радиоуглеродным датам, свидетельствующим о том, что катакомбная культура сосуществовала с ямной на протяжении большей части III тыс. до н.э. [Черных, 2008]. Вместе с тем весьма ранние даты древнейших афанасьевских памятников Горного Алтая (середина IV тыс. до н.э.) указывают на возможность участия доляных племен, в частности хвалинских и среднестоговских, а также протодоляных (репинских) в сложении афанасьевской общности, о чем уже писали антропологи [Шевченко, 1986, с. 157; Соловьевников, 2003].

Что касается постафанасьевских культур эпохи бронзы, то традиционное мнение о местном происхождении окуневской сменяется представлением о существенной роли ямно-катакомбных [Лазаретов, 1997] и афанасьевских, т.е. опять-таки принесенных с запада, черт [Шер, 2006]. Антропологически же западный компонент (по предположению А.В. Громова [1997б], сходный с тем, что представлен у ямников и катакомбников Калмыкии) у окуневцев Минусинской котловины прослеживается довольно неотчетливо и в основном на индивидуальном уровне. Анализ данных о двух независимых системах признаков – краниоскопии и краниометрии – свидетельствует о принадлежности енисейских окуневцев к сибирскому кругу популяций [Громов, 1997а, б], а интеграция этих данных – об архаизме окуневского антропологического типа [Козинцев, 2004]. Согласно А.В. Гро-

мову [1997б], окуневцы ближе всего к неолитическому населению Красноярско-Канского района. Близка к окуневской каракольская культура Горного Алтая, отмечалось и антропологическое сходство их носителей, однако в составе второй предполагается наличие «средиземноморской» примеси [Чикишева, 2000; Тур, Соловьевников, 2005].

Присутствие европеоидного антропологического компонента у окуневцев Тувы и елунинцев Верхнего Приобья сомнений не вызывает, причем у первых он, видимо, является единственным [Гохман, 1980; Соловьевников, Тур, 2003; Козинцев, 2008]. Это соответствует археологическим фактам, свидетельствующим о родстве данных групп с населением Западной Европы эпохи ранней бронзы [Ковалев, 2007]. Европеоидный компонент предполагается и у носителей других доандроновских культур Южной Сибири – кротовской [Дрёмов, 1997] и самусьской [Соловьевников, 2005, 2006]. К.Н. Соловьевников [Там же] считает, что во всех упомянутых доандроновских группах, за исключением, возможно, енисейской окуневской, этот компонент имел южно-европеоидное происхождение, что особенно проявляется в мужских сериях.

Происхождение андроновской общности – одна из центральных проблем в истории индоевропейских народов. Индоиранскую или иранскую принадлежность данной общности можно считать доказанной [Кузьмина, 2008]. Взаимоотношение же двух ее составных частей – алакульской (западной) и федоровской, распространенной на восток до Енисея, – неясно. Что касается генезиса первой, видимо возникшей еще в III тыс. до н.э. [Черных, 2008], то доказана существенная роль в этом процессе полтавкинской, катакомбной и абашевской культур. Происхождение же федоровской группы, которая сложилась позже и на протяжении большей части II тыс. до н.э. сосуществовала с алакульской, остается невыясненным [Ткачева, Ткачев, 2008].

Антропологами обнаружена отчетливая неоднородность андроновского населения. Люди, захороненные в могилах с алакульской или смешанной алакульско-федоровской (кожумбердинской) керамикой на территории Западного Казахстана, характеризовались типом, который В.В. Гинзбург [1962] назвал средиземноморским, а В.П. Алексеев [1964] – гипоморфным узколицым. Первый исследователь считал, что это свидетельствует о родстве алакульцев как со срубным населением поволжских степей, так и с жителями Среднеазиатского междуречья. Вторая идея была оспорена В.П. Алексеевым, по мнению которого археологические данные позволяют считать реальными лишь связи со срубниками. В.В. Гинзбург эту критику игнорировал и в обобщающей монографии повторил свой прежний вывод [Гинзбург, Трофи-

мова, 1972, с. 94]. Впрочем, ни он, ни В.П. Алексеев статистикой в данном случае не пользовались и основывались на типологических определениях.

Что касается федоровцев – в большинстве своем представителей «классического» андроновского типа, одного из вариантовprotoевропейской расы, – то Г.Ф. Дебец [1948, с. 70] считал очагом их происхождения казахстанские степи, оттуда эти люди, по его мнению, продвинулись на Енисей. Между тем В.П. Алексеев [1961] полагал, что енисейские андроновцы ведут происхождение от афанасьевцев Алтая. Кроме того, у верхнеобских и алтайских федоровцев зафиксирован грацильный европеоидный компонент, который исследователи называют средиземноморским. Его присутствие здесь объясняли по-разному: В.А. Дрёмов [1997, с. 95–96] – связями с алакульцами, К.Н. Соловьев [2005, 2007] – доандроновским, в частности елунинским, субстратом. Люди, захороненные в «андронойдных» могильниках Томского Приобья (Еловка II) и Омского Прииртышья (Черноозерье I), согласно В.А. Дрёмову [1997, с. 121], отличались от андроновцев и вели происхождение от местного населения доандроновской поры. Наконец, полной загадкой остается происхождение европеоидного населения Синьцзяна, оставившего могильник эпохи бронзы Гумугоу [Han Kangxin, 1986; Mair, 2005].

Цель настоящей работы – изучить с помощью современных статистических методов вопрос о ранних миграциях европеоидов в Сибирь на обширном краинологическом материале, значительная часть которого еще не введена в нашей стране в широкий оборот.

Материал и методика

Использованы лишь данные о мужских группах. В их числе девять афанасьевских, в т.ч. шесть алтайских и три минусинские [Алексеев, 1961, 1989, с. 352; Соловьев, 2003]. Материал иных культур включает четыре окуневские серии из Минусинской котловины [Громов, 1997б], одну из Тувы [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987], каракольскую [Чикишева, 2000; Тур, Соловьев, 2005], елунинскую [Соловьев, Тур, 2003], усть-таргасскую и кротовскую из Сопки-2 (неопубликованные данные Т.А. Чикишевой) и самусьскую [Дрёмов, 1997; Соловьев, 2005]. Андроновских серий использовано семь. Из них две – из Западного Казахстана [Алексеев, 1967] и из могильника Ермак IV в Омском Прииртышье [Дрёмов, 1997, с. 81–85, 96] – представляют в основном алакульскую общность. Федоровские серии происходят из могильника Фирсово XIV в Барнаульском Приобье [Соловьев, 2005], других могильников Верхнего Приобья [Там же], из Северного, Центрального и Восточного

Казахстана [Там же]*, Рудного Алтая [Соловьев, 2007] и Минусинской котловины [Алексеев, 1961; Дрёмов, 1997]. Кроме того, привлечены сведения о двух сериях из «андронойдных» могильников Западной Сибири – Еловки II и Черноозерье I [Дрёмов, 1997, с. 83, 85, 105–106], а также о серии бронзового века из Синьцзяна (Гумугоу) [Han Kangxin, 1986].

Неопубликованные данные о материалах эпохи бронзы из Украины любезно предоставила мне С.И. Круц; источники информации о большинстве групп, опубликованных отечественными исследователями, см. в моих работах [Козинцев, 2000, 2007, 2008]. Данные о сериях с территории зарубежной Европы и Ближнего Востока взяты из сводки И. Швидецкой и Ф. Рёзинга [Schwidetzky, Rösing, 1990].

Всего в анализ включено 220 мужских краинологических серий с территории Евразии, датируемых эпохами неолита и бронзы. Из них 128, в основном с территории СНГ, были изучены по полной программе, из которой взято 14 признаков (три диаметра черепной коробки, ширина лба, ширина и высота лица, носа и орбиты, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа), а 92 серии с территории зарубежной Европы и Ближнего Востока – по неполной, из которой взято 9 линейных размеров (основные диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скелевой диаметр, ширина и высота орбиты и носа). Высота лица в последнем случае не учитывалась во избежание ошибок, вызванных методическими расхождениями.

Данные подвергнуты каноническому анализу. Группы попарно сопоставлены с помощью обобщенного расстояния Махаланобиса (D^2) с поправкой на численность [Rightmire, 1969]. В результате поправки некоторые значения D^2 получаются отрицательными; их следует считать выборочными оценками нуля или очень малой положительной величины.

Я не пытался создать общую классификацию групп. Как известно, все методы, направленные на это, приводят к искажениям. В кластерном анализе искажения усиливаются по мере убывания сходства. В двумерных проекциях, заданных каноническими осями или векторами неметрического шкалирования, наоборот, сильнее всего искажаются близкие связи ради более адекватной передачи общих соотношений. Чем масштабнее задача, решаемая исследователем, и, соответственно, чем шире территория, охватываемая анализом, тем больше частностей приносится в жертву при попытке создать обобщенную классификацию. Такие искажения могли сыграть известную роль в теории, согласно которой все грацильные европеоиды связаны близким родством.

*К.Н. Соловьев исключил из ранее фигурировавшей в литературе серии черепа из инокультурных погребений.

«С высоты птичьего полета» это действительно так, однако в данной ситуации недостаточное внимание к частностям может привести к серьезным ошибкам.

Укажу на еще одно преимущество анализа исходных расстояний по сравнению с методами редукции размерности. Последние чувствительны к подбору групп; так, порядок серий на европеоидно-монголоидной шкале зависит от представленности разных морфотипов. Расстояния же от этого фактора не зависят, если используется стандартная внутригрупповая корреляционная матрица, как в данной работе.

Результаты

Привожу минимальные значения D^2 (как правило, до 1,0), полученные при анализе групп по полной программе и ранжированные в каждом случае по возрастанию (т.е. по убыванию сходства). Результаты анализа по неполному набору признаков (расстояния до 0,3) приводятся для тех групп, у которых при сопоставлении по данному набору найдена хотя бы одна зарубежная параллель; в квадратных скобках указаны номера соответствующих серий в сводке [Schwidetzky, Rösing, 1990]. Для афанасьевской группы из Сальдяра эти результаты не даются, т.к. она очень мала и обнаруживает огромное число параллелей, в т.ч. и среди европейских групп эпох неолита и бронзы (эти параллели не находятся на первых местах).

Афанасьевцы р. Урсул: афанасьевцы Нижнего Тюмечина (-1,12), катакомбники Подонья (0,59), срубники Поволжья из Лузановки (0,66), представители ранней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа II (0,70).

Афанасьевцы Сальдяра I: ямники Волго-Уралья (-2,49), ямники Оренбургья (-2,47), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (-2,42), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-2,35), афанасьевцы из Афанасьевой Горы (-2,35) и Карасука III (-2,30), представители ранней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа II (-2,10), афанасьевцы Минусинской котловины, суммарная серия (-1,87), андроновцы Верхнего Приобья из Фирсова XIV (-1,82), ямники р. Южный Буг (-1,79), ямники р. Ингулец (-1,51), ранние катакомбники р. Молочной (-1,36), срубники Поволжья из Лузановки (-1,34), катакомбники Поволжья (-1,23) и Калмыкии (-1,23). Прочие многочисленные близкие параллели представлены в основном катакомбными и срубными группами.

Афанасьевцы Куроты II: полтавкинцы (-1,38), афанасьевцы Сальдяра (0,59), катакомбники Поволжья (0,96).

Афанасьевцы Усть-Куюма: поздние катакомбники Самарско-Орельского междуречья (-0,42), ямники р. Ингулец (-0,20), ямники Ставрополья (-0,07), анд-

роновцы Минусинской котловины (0,51), поздние катакомбники Запорожья (0,80).

Афанасьевцы Юго-Восточного Алтая: афанасьевцы Нижнего Тюмечина (-0,38), катакомбники Подонья (-0,18), ранние катакомбники р. Молочной (-0,09), ямники Нижнего Поднепровья из Каховки (-0,05), срубники Нижнего Подонья из Язырева (0,16), афанасьевцы Сальдяра (0,22), ямники р. Южный Буг (0,23), срубники Поволжья из Лузановки (0,24), ямники Украины, суммарная серия (0,47), ранние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (0,75), срубники Нижнего Поволжья из Кривой Луки (0,81), срубники Поволжья, суммарная серия (0,86), срубники Волгоградской и Астраханской обл. (0,89), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (0,91), катакомбники Калмыкии (0,95).

Афанасьевцы Нижнего Тюмечина I: афанасьевцы р. Урсул (-1,12), катакомбники Подонья (-0,86), ранние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-0,76), срубники Нижнего Подонья из Язырева (-0,52), афанасьевцы Юго-Восточного Алтая (-0,38), срубники Нижнего Поволжья из Кривой Луки (-0,25), срубники Поволжья из Лузановки (-0,07), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (0,27), афанасьевцы Сальдяра (0,56), ямники р. Ингулец (0,77), ямники Украины, суммарная серия (0,83).

Афанасьевцы Алтая (суммарная группа): срубники Поволжья из Лузановки (0,23), катакомбники Подонья (0,29), срубники Башкирии (0,79), срубники Нижнего Поволжья из Кривой Луки (0,96).

Афанасьевцы Карасука III: афанасьевцы Сальдяра (-2,30), ямники Волго-Уралья (-0,96), афанасьевцы Афанасьевой Горы (-0,54), срубники Волго-Уралья (-0,32), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-0,25), катакомбники Поволжья (-0,22), поздние катакомбники Крыма (0,01), ямники Оренбургья (-0,13), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (0,24), потаповцы (0,73), срубники Нижнего Подонья из Язырева (0,90).

Афанасьевцы Афанасьевой Горы: афанасьевцы Сальдяра (-2,35), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-1,60), срубники Волгоградской и Астраханской обл. (-0,66), афанасьевцы Карасука III (-0,54), ранние катакомбники р. Молочной (-0,46), срубники Нижнего Подонья из Язырева (-0,13), ямники р. Южный Буг (0,21), ранние катакомбники Нижнего Поднепровья из Каховки (0,44), ямники Волго-Уралья (0,85), срубники Поволжья (0,88), ямники Оренбургской обл. (0,89), срубники Нижнего Поволжья из Кривой Луки (0,96). *По неполному набору признаков обнаруживается одна параллель на территории Европы – с энеолитической группой из Авейрона, Франция, III тыс. до н.э. (0,04), однако связи со степным восточно-европейским населением эпохи бронзы более отчетливы.*

Афанасьевцы Минусинской котловины (суммарная группа): афанасьевцы Сальдяра (-1,87), срубники Нижнего Подонья из Язырева (-0,71), срубники Волгоградской и Астраханской обл. (-0,12), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-0,06), ямники Оренбургья (0,22), ранние катакомбники р. Молочной (0,24), срубники Поволжья из Лузановки (0,64), ямники Волго-Уралья (0,65), катакомбники Калмыкии (0,81), ямники р. Южный Буг (0,82), срубники Поволжья (0,85), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (0,93), срубники Нижнего Поволжья из Кривой Луки (0,95), абашевцы (0,99).

Окуневцы Уйбата: близки лишь к окуневцам тас-хазинской группы (-0,95). На следующих местах окуневцы Черновой (1,44) и карасукцы (1,90).

Окуневцы Верхнего Аскиза: неолитическое население Красноярско-Канского района (-0,07).

Окуневцы Черновой: неолитическое население Красноярско-Канского района (0,36), окуневцы Уйбата (1,44).

Окуневцы тас-хазинской группы: близки лишь к окуневцам Уйбата (-0,95). На втором месте карасукцы (1,77).

Окуневцы Минусинской котловины (суммарная группа): близки лишь к неолитической группе Красноярско-Канского района (0,15). На втором месте карасукцы (3,37).

Окуневцы Тувы: ямники р. Ингулец (-0,21), срубники Саратовской обл. (-0,10), ранние катакомбники р. Молочной (0,41), срубники из грунтовых могил Украины (0,45), группа Южного Узбекистана из Сапаллитепе (0,67). *По неполному набору признаков:* ранние катакомбники р. Молочной (-1,21); поздне-неолитическая группа конца IV тыс. до н.э. из Осторфа (север ФРГ), относящаяся к культуре «бороздчатой керамики» (Tiefstichkeramik) – варианту культуры воронковидных кубков [№ 106] (-1,15); афанасьевцы Афанасьевой Горы (-0,76), ямники р. Ингулец (-0,53), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (-0,39), афанасьевцы Минусинской котловины (-0,37), срубники Волгоградской и Астраханской обл. (-0,26), абашевцы (-0,26), группа Южного Узбекистана из Сапаллитепе (-0,02), елунинцы (0,01), афанасьевцы Сальдяра (0,24), срубники Поволжья из Хрящевки (0,29).

Каракольцы: близки лишь к неолитической группе Верхнего Приобья – Усть-Иша и Иткуль (0,98). На втором месте группа из Еловки II (3,87), окуневцы гораздо дальше (7,26).

Елунинцы: ни одной близкой параллели. Наименее удалены окуневцы Тувы (1,56), на втором месте группа из Джарата и Шенгавита, представляющая куро-аракскую культуру Армении IV–III тыс. до н.э. (2,16), на третьем – сборная серия куро-аракской культуры из Грузии (2,65), на четвертом – синьцзянская группа из

Гумугоу (3,83). *По неполному набору признаков:* полтавкинцы (-0,13), окуневцы Тувы (0,01), ранние катакомбники р. Молочной (0,01), срубники лесостепного Поволжья (0,22), группа культуры Межановице, ранний бронзовый век Польши, конец III – первая половина II тыс. до н.э. [№ 173] (0,28).

Усть-таргасцы Сопки-2: близки лишь к кротовцам Сопки-2 (0,72). На втором месте неолитическая группа из Усть-Иши и Иткуля (4,95).

Кротовцы Сопки-2: близки лишь к усть-таргасцам Сопки-2 (0,72). На втором месте группа из Черноозерья (3,36).

Самусьцы: ни одной близкой параллели. Наименее удалены полтавкинцы (1,18).

Алакульцы Западного Казахстана: ранние катакомбники р. Молочной (-1,35), ямники р. Ингулец (-0,36), ранние катакомбники Нижнего Поднепровья из Верхне-Тарасовки (0,44), поздние срубники Волго-Уралья (0,54), кеми-обинцы (0,88). *По неполному набору признаков:* ранние катакомбники р. Молочной (-1,39), ямники р. Ингулец (-0,88), срубники из грунтовых могил Украины (-0,79), ямники Нижнего Поднепровья из Каховки (-0,67), представители эпохи развитой и поздней бронзы Туркмении – Пархай II (-0,61), носители культуры Тисапольгар, Венгрия, ранний бронзовый век (V–IV тыс. до н.э.) [№ 197] (-0,38), поздние срубники Волго-Уралья (-0,16), носители культуры Рёссен, Восточная Франция, неолит (V тыс. до н.э.) [№ 43] (-0,09), представители культуры шаровидных амфор, ФРГ, Польша, ранний бронзовый век (начало III тыс. до н.э.) [№ 192] (-0,07), срубники Украины, суммарная серия (-0,03), носители культуры Лендьель, Венгрия, неолит (V тыс. до н.э.) [№ 40] (0,07), население района Мекленбурга, ФРГ, ранний бронзовый век (IV–III тыс. до н.э.) [№ 107] (0,07), население района Авейрон, Франция, ранний бронзовый век (III тыс. до н.э.) [№ 99] (0,09), носители унетицкой культуры, ФРГ, бронзовый век (III–II тыс. до н.э.) [№ 208] (0,09), представители культуры линейно-ленточной керамики, неолит (VI тыс. до н.э.) [№ 14] (0,11), ямники Южного Побужья (0,20), носители культуры Ветеров, Австрия, бронзовый век (III–II тыс. до н.э.) [№ 205] (0,21).

Алакульцы Омского Прииртышья (Ермак IV): ни одной близкой параллели. Наименее удалены поздние ямники Калмыкии* (1,32).

Федоровцы Фирсова XIV: афанасьевцы Сальдяра (-1,82), федоровцы Рудного Алтая (-0,04), катакомбники Калмыкии (0,06), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (0,43), срубники Поволжья из Лузановки (0,87), ямники Оренбургской обл. (0,90), ранние катакомбники р. Молочной (0,94).

*Группа III по В.А. Сафонову (см.: [Шевченко, 1986]).

Федоровцы Верхнего Приобья (сборная группа): катакомбники Ставрополья (0,50), поздние ямники Калмыкии (0,80), ямники Ставрополья (0,90).

Федоровцы Рудного Алтая: самусьцы (-0,82), афанасьевцы Сальдяра (-0,71), срубники Поволжья из Лузановки (-0,12), федоровцы Фирсова XIV (-0,04), ямно-полтавкинская группа Волго-Уралья (-0,02), представители ранней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа II (0,61), потаповцы (0,63), федоровцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана (0,79), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Каховки (0,82), катакомбники Подонья (0,83), ямники Оренбургской обл. (0,88), полтавкинцы (0,99).

Федоровцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана: поздние ямники Калмыкии (-1,50), поздние катакомбники Южного Побужья (-1,44), федоровцы Минусинской котловины (-0,67), представители ранней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа II (-0,59), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Каховки (-0,47), потаповцы (-0,13), катакомбники Поволжья (0,08), поздние катакомбники Криворожья (0,16), поздние катакомбники Украины, суммарная серия (0,17), ямники Калмыкии (0,47), ямники Ставрополья (0,51), поздние катакомбники Самарско-Орельского междуречья (0,54), срубники Поволжья из Лузановки (0,57), представители поздней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа IV (0,72), поздние катакомбники Запорожья (0,74), федоровцы Рудного Алтая (0,79), хвалынская группа Волго-Уралья (0,88).

Федоровцы Минусинской котловины: федоровцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана (-0,67), представители поздней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа IV (-0,09), ямники Ставрополья (-0,04), поздние ямники Калмыкии (-0,03), поздние катакомбники Криворожья (0,31), поздние катакомбники Самарско-Орельского междуречья (0,39), афанасьевцы Горного Алтая из Усть-Куюма (0,51), поздние катакомбники Нижнего Поднепровья из Каховки (0,57), представители ранней «северокавказской культуры» Калмыкии, группа II (0,69), срубники Поволжья из Лузановки (0,72), поздние катакомбники Крыма (0,83), поздние катакомбники Украины, суммарная серия (0,84).

Представители андроновской эпохи Омского Прииртышья (Черноозерье I): поздние кротовцы Сопки-2 (0,91).

Представители андроновской эпохи Томского Приобья (Еловка II): ни одной близкой параллели. Наименее удалены носители ирменской культуры (1,01), следующие места занимают поздние кротовцы Сопки-2 (1,49), группа из Черноозерья (3,42) и каракольцы (3,87).

Группа бронзового века из Синьцзяна (Гумугоу): ни одной близкой параллели. Наименее удалены две

андроновские (федоровские) группы – из Рудного Алтая (1,26) и из Северного, Центрального, Восточного Казахстана (1,28).

Обсуждение

Афанасьевцы. Полученные результаты ставят под сомнение традиционную идею о том, что единственными и непосредственными предками афанасьевцев были носители ямной культуры. По крайней мере, антропологический материал подтверждений этому не дает. Параллели с ямниками занимают первое место лишь у групп из Сальдяра и Карасука III. Аналогий с катакомбниками у афанасьевцев зафиксировано не меньше, чем с носителями ямной культуры, причем в большинстве случаев они находятся на первых местах. Нет ни одной афанасьевской серии, у которой не было бы близких связей с катакомбными группами. Между тем отсутствие таковых с ямниками отмечено для двух групп Алтая (с р. Урсул, из Куроты II) и для суммарной алтайской серии. Для последней и половины алтайских групп наиболее отчетливы краниологические аналогии с катакомбниками Подонья. Группа из Афанасьевской Горы и суммарная минусинская ближе всего к поздним катакомбникам Нижнего Поднепровья, а алтайская из Куроты II – к полтавкинцам. Эти результаты можно сопоставить с археологическими данными, свидетельствующими, согласно С.В. Цыбу, о значительной роли полтавкинских и катакомбных племен в этногенезе афанасьевцев [1981, 1984].

Удивительно, что и аналогий с носителями срубной культуры обнаружено не меньше. Для суммарной группы Минусинской котловины они даже отчетливее, чем с катакомбниками и ямниками. Срубники, разумеется, не могли иметь к происхождению афанасьевцев никакого отношения, поскольку жили позже; нет указаний и на обратную миграцию афанасьевцев на запад. Вряд ли полученные результаты можно отнести за счет не вполне равномерной представленности трех восточно-европейских культур в базе данных (ямных серий использовано 15, катакомбных – 18, срубных – 16). Скорее всего, перед нами проявление значительной стабильности и однородности антропологического типа в степях Восточной Европы на протяжении бронзового века вопреки смене культур и, видимо, вопреки грацилизации. Попытки найти истоки этого антропологического типа пока не дали однозначного результата.

С одной стороны, ямники Нижнего Поднепровья (группы из Каховки и Херсонской обл.) и катакомбники того же района (Верхне-Тарасовка, ранняя группа), а также Калмыкии обнаруживают близкое сходство с хвалынской энеолитической группой

V–IV тыс. до н.э., которая, соответственно, могла бы считаться предковой для части населения евразийских степей эпохи бронзы. Другая энеолитическая серия – среднестоговская – значительно более изолирована, а наименее удалены от нее разные группы афанасьевцев Алтая и катакомбники Подонья. Эти факты могут свидетельствовать о глубоких восточно-европейских корнях носителей ямной, катакомбной (частично) и афанасьевской культур.

С другой стороны, видимо, не все корни восточно-европейского степного населения были местными. Анализ по неполной программе с учетом большего числа групп выявляет для таких серий, как ямная с р. Ингулец, ранние катакомбные с р. Молочной, из Каховки и др., целый ряд ранних (до III тыс. до н.э.) параллелей на территории Центральной и Западной Европы. Они особенно ясно проявляются у грацильных ранних катакомбников Украины: для четырех групп этого времени отмечено 14 близких параллелей в зарубежной Европе и 8 – в Закавказье и на юге Средней Азии. Речь, видимо, идет о миграции, поскольку поздние катакомбники массивнее ранних [Круц, 1990] и у них такие связи отсутствуют. Нет их и у афанасьевцев, если не считать тяготения серий Сальдяра и Афанасьевской Горы к группам зарубежной Европы; впрочем, связи афанасьевцев с ранними и поздними катакомбниками распределены приблизительно равномерно. Таким образом, корни афанасьевского населения, скорее всего, находятся в степных и лесостепных районах Восточной Европы, но связать их с какой-либо определенной культурой пока не удается.

Окуневцы и другие группы сибирского круга. Две из четырех окуневских групп Минусинской котловины (из Верхнего Аскиза и Черновой), как и суммарная, ближе всего к неолитическому населению Красноярско-Канского района, что уже отмечалось А.В. Громовым [1997б]. Две другие (уйбатская и тас-хазинская) обнаруживают отчетливую близость лишь друг к другу, на втором же месте у них параллель с карасукцами.

По мнению А.В. Громова [Там же], окуневцы – результат метисации восточных и западных популяций, причем эта смешанность проявляется и на внутригрупповом, и на межгрупповом уровне. Оставив в стороне первый, где надежность оценок неизбежно ниже, отмечу, что на межгрупповом уровне окуневцам свойственно значительное своеобразие, которое не присуще ни одной из предполагаемых родительских групп (европеоидной и монголоидной) и едва ли могло быть следствием их смешения. Об этом свидетельствуют и краинометрические [Там же, рис. 3, 4], и краиноскопические [Громов, Моисеев, 2004, с. 244–245] данные, а также результаты их интеграции [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Козинцев, Громов, Моисеев, 2003; Козинцев, 2004]. К тому же если бы в сложении

окуневского населения действительно участвовал катакомбный компонент, то его участие нужно было бы допустить и по отношению к неолитическому населению Красноярско-Канского района, к которому окуневцы очень близки. Поскольку указаний на это нет, разумнее предположить, что окуневцы имеют местное происхождение, а европейские элементы, фиксируемые археологами в их культуре, могли быть результатом заимствования.

Косвенным указанием на присутствие западного элемента у окуневского населения можно было бы считать морфологическое тяготение отдельных его групп к карасукцам, в европеоидности которых сомневаться не приходится и по краинометрическим соображениям, и по причине светлой пигментации [Keyser et al., 2009]. Генетическая преемственность между окуневцами и карасукцами тем более вероятна, что у последних никаких иных связей, кроме окуневских, не обнаруживается, если не считать близкого сходства с их современниками – монгун-тайгинцами Тувы. На территории же Европы от карасукского населения морфологически наименее удалены катакомбники Ставрополья. Однако краиноскопически карасукцы очень далеки от окуневцев [Громов, 1997а].

Сходство носителей каракольской культуры с неолитическим и энеолитическим населением Верхнего Приобья (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5) уже отмечалось [Чикишева, 2000; Тур, Соловьев, 2005]. И в этом случае как территориальная близость, так и морфологическое сходство свидетельствуют о генетической преемственности, тогда как метисация хотя и вполне возможна, но пока не доказана.

То же следует сказать и о других группах сибирского круга – усть-таргасских и кротовских из Сопки-2, «андронойдных» из Еловки II и Черноозерья I. Результаты статистического анализа указывают на их родство, проявляющееся вопреки морфологической изолированности каждой из них (лишь группы из Сопки сходны между собой), а также на их местные корни (см. также: [Дрёмов, 1997; Громов, 1997б; Тур, Соловьев, 2005]). Интеграция краинометрических и краиноскопических данных по сериям из Сопки и Еловки свидетельствует об архаизме [Козинцев, Громов, Моисеев, 2003; Громов, Моисеев, 2004; Козинцев, 2004], между тем роль западного компонента остается абсолютно неясной, поскольку ни одна из этих групп не обнаруживает никаких европейских параллелей независимо от способа анализа.

Доандроновские группы западного тяготения. Антропологические особенности окуневцев Тувы, елунинцев и самусьцев уже обсуждались мною [Козинцев, 2008]. Для тувинских окуневцев наиболее отчетливы европейские параллели (ямная, раннекатакомбная, срубные), а анализ по неполному набору признаков дополнительно выявляет близкую, причем

раннюю, параллель на территории Европы – группу, представляющую неолитическую культуру воронко-видных кубков Центральной и Северной Европы (конец IV тыс. до н.э.). Миграция, таким образом, явно произошла с запада. Видимо, это была не та миграция, которая привела предков афанасьевцев на Алтай и Енисей, поскольку афанасьевские параллели у окуневцев Тувы не так отчетливы, как европейские.

Ситуация с елунинцами менее ясная. Эта группа морфологически изолирована, будучи наименее удалена от тувинских окуневцев [Солодовников, Тур, 2003]. В свете гипотезы о роли «средиземноморцев» в этногенезе южно-сибирского населения заслуживают внимания две ранние закавказские – куро-аракские – параллели (не очень, правда, близкие). Вместе с тем анализ по неполному набору признаков выявляет более позднюю параллель на территории Польши. Очаг миграции, таким образом, невозможно установить.

В случае самусьцев наиболее отчетлива полтавкинская параллель. Она же, напомню, находится на первом месте и у алтайских афанасьевцев из Курты II. Роль полтавкинской культуры как крупного очага индоевропейских миграций на восток не вызывает сомнений (см., например: [Кузьмина, 2008, с. 128, 176, 189–192]), споры идут лишь о том, с какой именно ветвию индоевропейцев следует отождествлять носителей данной культуры.

Андроновцы. Судя по результатам анализа, носители обеих андроновских традиций – алакульской и федоровской – были генетически связаны с населением южно-русских степей, однако корни их различны. Начну с федоровцев, поскольку именно с федоровской традицией связан «классический» андроновский антропологический тип.

Верхнеобская группа из Фирсова XIV идеально подтверждает гипотезу В.П. Алексеева [1961] относительно енисейских андроновцев. На первом месте тут исключительная близость к алтайским афанасьевцам из Сальдяра. Правда, сальдярская серия очень мала. Но если учесть и территориальную близость Барнаульского Приобья к Горному Алтаю, то данное направление связей приобретает определенную вероятность. Нужно учитывать также параллели с катакомбниками Калмыкии и ямно-полтавкинской группой Волго-Уралья. Ни алакульские, ни елунинские связи не обнаруживаются. Очень близки к сальдярским афанасьевцам и федоровцы Рудного Алтая. Правда, на первом месте у них параллель с самусьцами, но мужских самусьских черепов всего три, так что делать на этом основании какие-либо выводы рано. Как и в случае с группой из Фирсова XIV, важной представляется близость к ямно-полтавкинцам Волго-Уралья, но данная связь может быть не прямой, а опосредованной (через афанасьевцев Алтая).

С остальными тремя федоровскими группами дело обстоит иначе. Все ближайшие связи сборной верхне-

обской группы ведут непосредственно в Юго-Восточную Европу, более того, в один ее регион и одну эпоху: позднеямное и катакомбное время Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия. Г.Ф. Дебец [1948, с. 73–76] спорил с С.В. Киселевым, отрицавшим миграцию андроновцев из Казахстана на Енисей на основании «малоподвижности», якобы свойственной древним племенам. Путь из Юго-Восточной Европы в Южную Сибирь еще более дальний, причем он едва ли был прямым. Основные события этногенетической истории разворачивались, видимо, на промежуточной территории Южного Приуралья – в предполагаемом очаге индоиранского этногенеза [Кузьмина, 2008], однако антропологические материалы, относящиеся к Синташте, крайне скучны. С федоровцами Северного, Центрального и Восточного Казахстана ситуация та же: и тут на первом месте сходство с поздними ямниками Калмыкии; прочие связи в основном позднекатакомбные, имеется и потаповская параллель. Енисейские федоровцы ближе всего к федоровскому населению Северного, Центрального и Восточного Казахстана, что подтверждает идею Г.Ф. Дебеца. Но и на Енисее антропологическое наследие позднеямных и позднекатакомбных предков прослеживается отчетливо. Отмечено в этом случае и сходство с алтайскими афанасьевцами, но оно менее выражено, чем с ямниками и катакомбниками.

Что касается алакульцев, то серия из могильника Ермак IV, подобно федоровским, оказалась ближе всего к поздним ямникам Калмыкии. Ситуация же с алакульцами Западного Казахстана, которых в литературе принято именовать средиземноморцами, очень необычна. Правда, на первых местах здесь тоже сходство с ямниками и катакомбниками, но не поздними, а ранними, и не Калмыкии, а более отдаленного региона – Украины. Параллели со срубниками – современниками алакульцев – видимо, свидетельствуют и об общих корнях, и о смешении. В плане происхождения алакульцев гораздо интереснее многочисленные связи с более древним населением зарубежной Европы эпох неолита и ранней бронзы. Эти связи совершенно отсутствуют у остальных шести андроновских групп. Нельзя, конечно, забывать, что неполная программа, по которой изучены зарубежные группы, не включает важных показателей профиля лица и носа. И тем не менее несколько выводов можно сделать с уверенностью.

Прежде всего, называть западно-казахстанских алакульцев средиземноморцами нельзя, т.к. у них практически нет ни ближневосточных, ни закавказских, ни среднеазиатских параллелей (единственная – с группой эпохи развитой и поздней бронзы из Туркмении). Таким образом, в споре В.П. Алексеева с В.В. Гинзбургом прав был первый, но его вывод об исключительно западном направлении связей алакульцев имеет, как выясняется, гораздо более широкое значение.

Хронология и география параллелей позволяют реконструировать главные этапы миграций, одна из которых привела предков алакульцев в Западный Казахстан. Этапы эти таковы: зарубежная Европа (ранее III тыс. до н.э.) – Украина (III тыс. до н.э.) – Северный Кавказ и Предкавказье* – Западный Казахстан (II тыс., возможно, и конец III тыс. до н.э.). Особая роль двух групп с территории Украины – ямной с р. Ингулец и раннекатакомбной с р. Молочной – как возможных свидетельств о пути миграции индоевропейцев (вероятно, ариев) из Центральной Европы на восток уже отмечалась мною [Козинцев, 2007, 2008].

Продвижение грацильных европеоидов (предков ямников, ранних катакомбников и алакульцев) с территории зарубежной Европы на Украину и далее на восток, видимо, предшествовало миграциямprotoевропейских предков поздних катакомбников и большей части федоровцев с Северного Кавказа и Восточного Предкавказья на восток и на запад (об их миграции на Украину см.: [Круц, 1990]). Это подтверждается более ранним возникновением алакульской традиции по сравнению с федоровской [Черных, 2008]. Древнейшие (доандроновские) свидетельства проникновения грацильных европеоидов в Центральную Азию – особенности некоторых афанасьевских групп Алтая (Сальдяр и др.), окуневцев Тувы, елунинцев, возможно, самусьцев. Речь, следовательно, идет о нескольких миграциях, начавшихся еще в доандроновскую эпоху, а возможно, и о постоянном движении людей вдоль евразийских степей с запада на восток, продолжавшемся в течение многих столетий бронзового века. Реконструкция деталей этого исторического процесса затруднена другим, биологическим процессом – грацилизацией. Нельзя исключить, что в некоторых случаях мы ошибочно принимаем сходство за свидетельство родства, тогда как в действительности оно указывает лишь на стадиальную близость, в частности, на то, что группы находятся на одной и той же стадии грацилизационного процесса. Теоретически, однако, маловероятно, что грацилизация может привести к конвергентному сходству неродственных групп по всему комплексу признаков. Снизить воздействие данного фактора позволяет учет лишь самых близких связей. Именно этот путь и выбран в настоящей работе.

Протоевропейцы, очевидно, также мигрировали в Центральную Азию с запада, причем этих миграций тоже, видимо, было несколько. Так, если афанасьевцы краниологически ближе всего к катакомбникам Подонья и Украины, то предками федоровских андро-

*Опубликованная В.П. Алексеевым серия эпохи энеолита и бронзового века с Северного Кавказа чрезвычайно похожа на алакульскую (–1,02), но она, судя по всему, очень разнородна в отношении культурной принадлежности.

новцев «классического» типа – представителей более поздней волныprotoевропейской миграции, – судя по результатам статистического анализа, были поздние ямники и катакомбники более восточных районов – Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия.

Следует отметить отсутствие сходства между какими-либо андроновскими популяциями и носителями абашевской культуры. Полтавкинские связи обнаружаются лишь у тех федоровских групп, для которых наиболее очевидны афанасьевские (алтайские) параллели.

Население Синьцзяна эпохи бронзы (Гумугоу). В прошлой работе [Козинцев, 2008] для синьцзянской из группы Гумугоу, видимо протохарской по языковой принадлежности [Mallory, 1998; Renfrew, 1998; Mair, 2005; Kuzmina, 2007, р. 96], была отмечена всего одна параллель – сборная андроновская группа из Северного, Восточного и Центрального Казахстана. Теперь их стало две, причем вторая также относится к андроновскому населению и к региону, смежному с Восточным Казахстаном, – Рудному Алтаю [Солодовников, 2007]. Хотя обе параллели не особенно близкие, такое совпадение едва ли случайно.

Полученные результаты подтверждают данные китайских исследователей [Han Kangxin, 1986; He Huiqin, Xu Yongqing, 2002], свидетельствующие о северном (степном) тяготении группы из Гумугоу. Поскольку ни среднеазиатских, ни переднеазиатских связей она не обнаруживает*, можно предположить, что древние европеоиды проникли в Синьцзян не с запада, по маршруту, совпадающему с позднейшим Великим шелковым путем, а с севера, по долине Черного Иртыша или через Джунгарские ворота. Данное предположение подкрепляется светловолосостью этих людей и отчетливо европейским обликом их культуры [Mallory, Mair, 2000]. Последняя, правда, существенно отличается как от афанасьевской, так и от андроновской [Молодин, Алкин, 1997], но имеет также черты сходства и с ними, и с европейскими культурами, в частности ямной [Kuzmina, 2007, р. 94].

По мнению К. Ренфрю, протохарский иprotoиндоиранский языки, наряду с протоскифским, были потомками одного языка, названного автором «древнестепным индоевропейским», а он, в свою очередь, ответвился отprotoиндоевропейского, локализуемого на Балканах [Renfrew, 1998; Ренфрю, 2002]. Такая гипотеза гораздо лучше соответствует антропологическим

*Данные Б. Хемпхилла о сходстве людей из Гумугоу с группами из Хараппы [Hempill, Mallory, 2004] объясняются, судя по всему, чрезвычайно ограниченным набором серий и признаков в его выборке. Кроме того, в его совместной с Дж. Мэллори публикации, где этот памятник носит название Чавригуль, исходные измерения, опубликованные Хань Кансинем, приведены с искажениями.

данным, чем теория, согласно которой предки индо-иранцев и тохаров мигрировали на восток непосредственно со своей древнейшей анатолийской прародины, не заходя в Европу [Гамкрелидзе, Иванов, 1984].

Выводы

1. Полученные результаты не подтверждают мнения об исключительной роли ямного населения в формировании афанаьевской общности. Алтайские афанаьевцы ближе всего к катакомбникам Подонья, енисейские – к поздним катакомбникам Нижнего Поднепровья. Алтайская группа из Куроты II более всего сходна с полтавкинцами.

2. Окуневцы Минусинской котловины, носители каракольской, усть-таргасской и кротовской культуры, а также люди, захороненные в «андронойдных» могильниках Еловка II и Черноозерье, по-видимому, были потомками местного неолитического населения, отличавшегося значительным своеобразием на фоне рас первого порядка. Роль западного компонента в формировании этих групп остается неясной.

3. У окуневцев Тузы особенно сильно выражены связи с ямниками и ранними катакомбниками Украины, имеется и ранняя центрально-европейская параллель, относящаяся к культуре воронковидных кубков на территории ФРГ. Елунинцы, тяготея к окуневцам Тузы, не обнаруживают выраженной близости больше ни с кем (имеются две неотчетливые параллели с носителями куро-аракской культуры Закавказья и одна – с населением Польши эпохи бронзы). Самусьцы наименее удалены от полтавкинцев.

4. Алакульцы Западного Казахстана, судя по всему, были потомками ямников и ранних катакомбников южно-русских степей. Истоки этого сравнительно грацильного населения – в позднем неолите и раннем бронзовом веке зарубежной Европы.

5. Вероятные предки федоровцев Фирсова XIV и Рудного Алтая – грацильные алтайские афанаьевцы типа людей из Сальдяра. Федоровцы Верхнего Приобья (сборная группа), Северного, Центрального, Восточного Казахстана и Минусинской котловины, возможно, и алакульцы Омского Прииртышья вели происхождение отprotoевропейских ямных и катакомбных групп. Наиболее отчетливы их параллели с поздними ямниками и катакомбниками Северного Кавказа и Калмыкии.

6. Население Синьцзяна эпохи бронзы (Гумугоу) обнаруживает связи с андроновцами Северного, Центрального, Восточного Казахстана и Рудного Алтая, что подкрепляет гипотезу о его степном, а не ближневосточном происхождении.

7. Называть какие-либо грацильные европеоидные группы рассмотренных регионов средиземномор-

скими нельзя ввиду отсутствия у них сколько-нибудь четко выраженных антропологических связей с Ближним Востоком, Средней Азией и Закавказьем. Куро-аракские параллели елунинцев очень неотчетливы и несопоставимы с огромным количеством ближайших аналогий между грацильными европеоидами Южной Сибири, Казахстана и Центральной Азии и населением степей Южной России и Украины эпохи бронзы. Речь, судя по всему, идет о представителях северной ветви европеоидной расы.

Благодарности

Я выражаю сердечную признательность С.И. Круц (Институт археологии НАН Украины) за предоставление неопубликованных данных о краниологических сериях с территории Украины и Т. А. Чикишевой, предоставившей мне неопубликованные данные о группах из Сопки-2. Благодарю Л.С. Клейна, С.С. Тур и К.Н. Соловникова за ценные замечания.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – Вып. 3. – С. 107–206. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 71).

Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. – Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. ун-та, 1964. – С. 20–28. – (Науч. тр. Ташкент. гос. ун-та; вып. 235).

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. – 1967. – № 1. – С. 22–26.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 446 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208–241.

Бобров В.В. К проблеме миграций европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 53–58.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. – Т. 1. – 435 с.; Т. 2. – С. 436–1328.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 188–198 – (МИА; № 120).

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Иссле-

- дования по палеоантропологии и краниологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1980. – С. 5–34 – (Сб. МАЭ; № 36).
- Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей, 1999. – 444 с.
- Громов А.В.** Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб.: [Б.и.], 1997а. – С. 294–300.
- Громов А.В.** Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. – СПб.: [Б.и.], 1997б. – С. 301–345.
- Громов А.В., Моисеев В.Г.** Краниоскопия населения Западной и Южной Сибири: география и хронология // Расы и народы. – 2004. – № 30. – С. 216–248.
- Дебец Г.Ф.** Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Сов. Азия. – 1931. – № 5/6. – С. 195–209.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 4).
- Дрёмов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 261 с.
- Кириюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-татарской зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.
- Ковалев А.А.** Чемурческий культурный феномен // «А.В.»: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 25–76.
- Козинцев А.Г.** Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 145–152.
- Козинцев А.Г.** Кеты, уральцы, американоиды: интеграция краниологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб.: МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.
- Козинцев А.Г.** Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 143–157.
- Козинцев А.Г.** Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 140–144.
- Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г.** Новые данные о сибирских «американоидах» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 149–154.
- Круц С.И.** К вопросу об антропологическом составе населения катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической области. – Запорожье: [Б.и.], 1990. – С. 41–43.
- Кузьмина Е.Е.** Арии – путь на юг. – М.; СПб.: Летний сад, 2008. – 558 с.
- Лазаретов И.И.** Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: [Б.и.], 1997. – С. 19–64.
- Мерперт Н.Я.** Энеолит юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 321–331.
- Молодин В.И., Алкин С.В.** Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанаьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. – Новосибирск: Изд-во НИИ мат.-информ. основ обучения Новосиб. гос. ун-та, 1997. – С. 35–38.
- Ренфрю К.** Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей // Вестн. древней истории. – 2002. – № 2. – С. 20–32.
- Семенов Вл.А.** Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 4. – С. 25–30.
- Солодовников К.Н.** Материалы к антропологии афанаьевской культуры // Древности Алтая. – 2003. – № 10. – С. 3–27.
- Солодовников К.Н.** Краниологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по культ-ист. наследию Респ. Алтай, 2005. – Вып. 1. – С. 47–75.
- Солодовников К.Н.** Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 25 с.
- Солодовников К.Н.** Палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы верховий р. Алей // Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилёвской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. 1. – С. 129–149.
- Солодовников К.Н., Тур С.С.** Краниологические материалы елуинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телегутский Взвоз-1). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 142–176.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А.** Роль миграций в развитии андроновской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 88–96.
- Тур С.С., Солодовников К.Н.** Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по культ-ист. наследию Респ. Алтай, 2005. – Вып. 1. – С. 35–47.
- Худавердян А.Ю.** Население Армянского нагорья в эпоху бронзы: Этногенез и этническая история. – Ереван: Ван Арьян, 2009. – 437 с.
- Цыб С.В.** Каменные «боевые» топоры Западной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 6–13.
- Цыб С.В.** Афанаьевская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.
- Черных Е.Н.** Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 36–53.
- Чикишева Т.А.** Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 139–148.
- Шевченко А.В.** Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 121–215.

Шер Я.А. Была ли окуневская культура? // Окуневский сборник 2. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. – С. 248–250.

Han Kangxin. Anthropological characteristics of the human skulls from the ancient cemetery at Gumu Gou, Xinjiang // Kaogu сюэбао (Acta Archaeologica Sinica). – 1986. – N 3. – P. 361–384 (на кит. яз., с англ. резюме).

He Huiqin, Xu Yongqing. Anthropological study of ancient human skulls from Wubao site, Hami, Xinjiang // Жэнъялесүү сюэбао (Acta Anthropologica Sinica). – 2002. – Vol. 21, N 2. – P. 102–110 (на кит. яз., с англ. резюме).

Hemphill B.E., Mallory J.P. Horse-mounted invaders from the Russo-Kazakh steppe or agricultural colonists from Western Central Asia? A craniometric investigation of the Bronze Age settlement of Xinjiang // American Journal of Physical Anthropology. – 2004. – Vol. 124, N 3. – P. 199–222.

Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of South Siberian kurgan people // Human Genetics. – 2009. – URL: 10.1007/s00439-009-0683-0 (дата обращения: 15.07.2009).

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108, N 2. – P. 193–204.

Kuzmina E.E. The Prehistory of the Silk Road / Ed. by V.H. Mair. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. – 248 p.

Mair V.H. Genes, geography, and glottochronology: The Tarim Basin during late prehistory and history // Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles, November 5–6, 2004. – Washington, DC: Institute for the Study of Man, 2005. – P. 1–46. (Journal of Indo-European Studies Monograph; N 50).

Mallory J.P. A European perspective on the Indo-Europeans in Asia // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by. V.H. Mair. – Washington, DC: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 1. – P. 175–201. – (Journal of Indo-European Studies Monograph; N 26).

Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. – L.: Thames and Hudson, 2000. – 352 p.

Renfrew C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by. V.H. Mair. – Washington, DC: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 1. – P. 202–212. – (Journal of Indo-European Studies Monograph; N 26).

Rightmire G.P. On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D^2) // American Journal of Physical Anthropology. – 1969. – Vol. 30, N 1. – P. 157–160.

Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. – 1990. – Bd. 40, H. 1/2. – S. 4–45.

Материал поступил в редакцию 03.08.09 г.

УДК 572

Г.А. Аксянова

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУВЕ В XX СТОЛЕТИИ (обзор литературных источников)*

Тува, расположенная в горах Южной Сибири, подробно изучена отечественными антропологами. В литературе отражены широкие межгрупповые сравнения по всем программам антропологических исследований – от палеоантропологии до биохимии крови. У тувинцев выделяют не менее двух расовых комплексов в рамках североазиатских монголоидов: преобладающий саянский вариант центрально-азиатского типа, особенно характерный для степных популяций, и катангский (саяно-енисейский по Левину) вариант байкальского типа, отмеченный у восточных тувинцев-тоджинцев, а также у соседних к ним тофаларов. Современные группы тувинцев, сформировавшиеся на той же территории в результате взаимодействия обоих типов, в целом четко отделяются от соседних этнических групп. Степень разнообразия локальных групп тувинского этноса сильнее, чем у халха-монголов, наибольшее приближение к которым надежно документируется для южной группы. Юго-западная группа, вероятно, сохраняет следы древнего южно-европеоидного влияния. В морфофизиологическом статусе тувинцев отмечены черты адаптации к аридной зоне и холодовому стрессу в континентальных условиях.

Ключевые слова: тувинцы степные, тувинцы-тоджинцы, антропологический состав, этапы и методы исследования, центрально-азиатский и катангский типы североазиатских монголоидов.

Введение

Тува (Республика Тыва, быв. Тувинская АССР) расположена в центральной части азиатского континента, в горах Южной Сибири (Саяны), в верховьях Енисея на границе с Монгoliей. Коренное население – тувинцы (самоназвание *тыва*; устар. назв. *танны-тувинцы, сойоты, урянхайцы*); в историко-культурном отношении они делятся на западных (горно-степные районы Западной, Центральной и Южной Тувы) и восточных, или тувинцев-тоджинцев (горно-таежная часть Северо-Восточной и Юго-Восточной Тувы). Тувинский язык относится к тюркской группе алтайской языко-

вой семьи; в нем выделяют четыре диалекта – центральный, западный, юго-восточный, северо-восточный (тоджинский). Верующие тувинцы – в основном буддисты-ламаисты; сохраняются также добудийские культуры, шаманизм. Общая численность тувинцев в нашей стране, согласно переписи 1989 г., составила 206,2 тыс., 2002 г. – 243,4 тыс., среди них 4,4 тыс. тувинцев-тоджинцев. Тувинцы живут главным образом в пределах одноименной полигэтничной республики, где образуют численное большинство [Вайнштейн, 1994]. Ближайшими их соседями в настоящее время являются тюркские и монголоязычные народы – южные группы хакасов и алтайских тюрков на западе республики, монголы на юге, тофалары и буряты на востоке, а также русские на севере.

В XX в. антропология тюркских народов Южной Сибири изучалась неоднократно, по разным методикам. Исследования проводились в районах компактного проживания среди сельского населения: мужчин, женщин и детей – потомков моноэтничных браков.

*Работа выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и гранта РГНФ № 07-01-00212а «Тюркоязычные народы Северной Евразии: их происхождение и этническая история в свете данных антропологии».

Подробно изучены тувинцы Тувы; родственная им современная группа сойотов в Юго-Западной Бурятии антропологами не обследована.

Среди малочисленных дореволюционных сведений по антропологии азиатских народов – данные измерений группы тувинцев (сойотов), включавшей 70 мужчин и 22 женщины. Эти материалы вместе с данными по хакасским группам были получены сотрудником Минусинского музея К.И. Горощенко [1901, 1905; Ивановский, 1907]. С.И. Руденко [1914] привлекал их к анализу гипотезы алтая-саянской прародины северных самодийцев (ненцев). И.П. Силинич изучил первую небольшую коллекцию тувинских черепов [1901]. Именно его доклад, представленный в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1896 г., по словам К.И. Горощенко, стал началом собственно антропологического исследования этого народа.

Обзор научной литературы по физической антропологии выявил любопытный факт: тувинцы являются одним из наиболее изученных народов России; в разных районах республики многократно проводились обследования по классической расоведческой программе, получены сведения по этнической одонтологии, дерматоглифике и серологии, темпам физического развития и старения, типам телосложения и степени минерализации скелета, адаптивным к природной среде физиологическим показателям; изучен краинологический материал, что позволило реконструировать антропологические процессы с эпохи энеолита – бронзы до современности. Важный вклад в палеоантропологическую летопись Тувы внесли Г.Ф. Дебец [1929, 1950, 1951], В.П. Алексеев [1962, 1974, 1984], И.И. Гохман [1980; Алексеев, Гохман, 1970, 1984, 1986], А.Г. Козинцев [1988].

Сведения о тувинцах включены в мировые сводки одонтологических и дерматоглифических материалов [Зубов, Халдеева, 1989; Хить, Долинова, 1990]. Краинологические данные по тувинцам, собранные по классической программе, в наиболее полной форме опубликованы Г.Ф. Дебецем [1951], по краиноскопической – А.Г. Козинцевым [1988]. Итоги экологических и популяционно-генетических исследований в широком сравнительном контексте представлены в работах обобщающего характера [Антропо-экологические исследования..., 1984; Антропоэкология..., 2005; Генофонд..., 2000, 2003; Спицын, 1985].

Результаты и обсуждение

В антропологическом изучении современных тувинцев мы выделяем четыре основных этапа:

первый – дореволюционный, 1900–1914 гг. Первые научные сведения, работы К.И. Горощенко, И.П. Силинича, А.А. Ивановского, С.И. Руденко;

второй – алтая-саянский, 1924–1947 гг. Первое массовое обследование всех алтая-саянских тюрков в середине 1920-х гг. Экспедициями 1926 г. под руководством В.В. Бунака [Bunak, 1928] и А.И. Ярхо [1929, 1936] изучено несколько территориальных групп тувинцев; подробно опубликованы материалы только по западным тувинцам долины р. Хемчик [Ярхо, 1947];

третий – восточно-саянский, 1952–1969 гг. Первое одновременное обследование тувинцев (включая тоджинцев) и тофаларов экспедициями под руководством М.Г. Левина в 1952 г. [1954, 1958] и Ю.Г. Рычкова в 1964 г. [1965; Рычков и др., 1969]. М.Г. Левин первым из антропологов получил сведения по южным тувинцам и тоджинцам-оленеводам; экспедиция Ю.Г. Рычкова положила начало современному популяционно-генетическому изучению региона;

четвертый – современный период комплексного изучения тувинского народа, 1972–2005 гг. Обследование тувинских групп по всему ареалу традиционного проживания в Туве экспедициями В.И. Богдановой (1972–1976 гг.) и Т.И. Алексеевой с большой группой коллег (1976–1980 гг.). Программа этих исследований, предполагавшая составление традиционного описания физической внешности взрослого населения, впервые включала изучение целого ряда других систем признаков – дерматоглифики, одонтологии, серологии, особенностей телосложения в процессе роста, развития и старения организма, физиологических и биохимических маркеров экологической адаптации. Были собраны коллекции антропологических фотографий, проведены широкие межгрупповые сравнения в масштабе Центральной и всей Северной Азии в этногенетическом и экологическом аспектах [Богданова, 1978а, б; 1986; Антропо-экологические исследования..., 1984]. В ходе анализа привлекались материалы по Монголии [Антропо-экология..., 2005].

Антропологические данные по тувинцам, южным алтайцам (алтай-кижи и таленгиты) стали основой для построения моделей при решении фундаментальных проблем этнической антропологии приграничных российских регионов, связанных с определением территориальной и антропологической границ между центрально-азиатским монголоидным и смешанным южно-сибирским комплексами в Южной Сибири, а также участия древнего европеоидного населения в формировании последних и выраженности расовой границы между тюркскими и монголоязычными народами в Азии. По палеоантропологическим материалам с территории Алтая-Саянской горной страны, Бурятии и Западной Монголии установлено присутствие древнего европеоидного компонента в составе не только южно-сибирского, но и центрально-азиатского типа [Гохман, 1980]. Наличие европеоидной примеси у тувинцев подтверждилось результатами изу-

чения как традиционных для современной антропологии морфологических особенностей, так и генетического полиморфизма белков крови [Спицын, Боева, Филиппов, 1984].

Внешние физические характеристики современных популяций алтас-саянских тюрков свидетельствуют о нечеткости границ между антропологическими вариантами в южных районах Алтая и прилегающих районах Западной Тувы. Концентрация центрально-азиатских особенностей в среднем нарастает от алтайцев к тувинцам и далее к монголам, причем с монголами максимально сближается южная группа тувинцев, а с алтайцами – юго-западная. Прибайкальские буряты – близкая к степным тувинцам общность центрально-азиатских монголоидов. Тоджинцы уклоняются от степных популяций в направлении таежных аборигенов Сибири и приближаются к соседней этнической группе – тофаларам.

Исследователи пришли к выводу о генетической общности народов севера Центральной Азии. В рамках этой общности, как подчеркивала Т.И. Алексеева, отмечаются разные варианты расового состава и адаптивных к географической среде обитания морфофизиологических комплексов. У народов Алтас-Саянского нагорья на фоне выраженных континентальных черт, в наиболее четкой форме проявляющихся у населения гобийской зоны (халхамонголы), прослеживаются особенности степной, таежной и высокогорной адаптации. Установлено, что коренные жители степей, независимо от их расовой или этнической принадлежности, характеризуются более крупными размерами тела по сравнению с жителями тайги. Такая дифференциация отчетливо проявляется у тувинцев: степные группы более массивны, чем таежная, представленная относительно грацильными тоджинцами [Клевцова, 1984; Алексеева, Бацевич, Ясина, 2005].

В середине 1920-х гг. А.И. Ярхो с группой сотрудников изучил представителей всех алтас-саянских этносов (кроме тофаларов). Он предложил удачную таксономическую классификацию, включавшую три основных расовых типа второго порядка в регионе: североазиатский, или урало-алтайский; южно-сибирский, или алтайский; центрально-азиатский, или саянский. В Алтас-Саянском нагорье Туву А.И. Ярхо считал центром локализации наиболее выраженного монголоидного центрально-азиатского (саянского) типа, который в ослабленном виде представлен у алтай-кижи, а в качестве примеси – у жителей всех районов горной страны [1947]. Ученый обследовал более 100 мужчин из числа западных тувинцев. В период обследования для этой территориальной группы в среднем были характерны: низкий рост (160,5 см); крупные размеры головы и лица; близкая к округлой форма головы (головной указатель 80,5 %); среднеширокие, по

форме удлиненные, лицо и нос; смуглый, максимально темный в регионе цвет кожи; очень темные волосы и глаза; часто иссиня-черный цвет волос; волосы прямые и жесткие (тугие); очень слабый рост бороды; плоское с низким переносцем лицо; сильно развитые складка века и эпикантус (монгольская складка века); в пропорциях тела – брахиморфия (относительная укороченность ног и широкоплечесть).

М.Г. Левин собрал и опубликовал уникальные, полученные за один полевой сезон, представительные материалы по тувинцам трех степных районов (запад, центр и юг республики), тоджинцам (раздельно по скотоводам и оленеводам), тофаларам и бурятам Иркутской обл. (всего 795 тувинцев, мужчин и женщин) [1954]. Все степные группы отнесены к монголоидному центрально-азиатскому типу. Сравнение данных М.Г. Левина и А.И. Ярхо показало, что тувинцы стали немного выше ростом (на 2 см в той же западной группе), у них увеличились размеры головы, лица и носа. Голова тувинцев широкая, брахицефальная (головной указатель 82–85 %); лицо высокое и широкое; нос довольно широкий и высокий, но по форме удлиненный и относительно узкий; лоб слабо наклонный, средний по ширине, но меньше ширины нижней челюсти; рот средней ширины; толщина губ средняя. Монголоидные особенности лица и волосистого покрова на лице очень ярко выражены; кожа смуглая; нос средневыступающий с низким переносцем; профиль спинки носа обычно прямой, выпуклые или извилистые формы более характерны, чем вогнутые. Глазная щель зауженная и наклонная, с развитой складкой века и эпикантусом; цвет глаз очень темный, смешанные оттенки радужной оболочки довольно редки. Эту характеристику мужских выборок в основных чертах подтвердили более поздние крупные исследования тувинского народа; везде обследовались представители двух полов.

Главное внимание М.Г. Левин уделил анализу восточно-саянских групп, их положению в антропологической классификации народов Сибири. Тоджинцы-скотоводы и оленеводы, как можно судить по табличным данным, очень сходны между собой. Они характеризуются рядом особенностей, которые отличают их от других групп тувинцев и сближают с тофаларами. Тоджинцы выделяются более светлой кожей, более мягкими волосами, значительно более слабым ростом бороды и бровей, низким по монголоидному масштабу лицом (131–132 мм в мужских выборках), более сильным выступлением скул, меньшей длиной тела (158–159 см у мужчин в среднем). М.Г. Левин предположил наличие в составе саянских оленеводов, в качестве одного из компонентов, катангского варианта байкальского антропологического типа [1954, с. 21]. В литературе закрепилась оценка антропологического типа этих двух этнических групп по выде-

ляющему их компоненту, причем было предложено называть его не катангским (по названию одного из районов Эвенкии), а саяно-енисейским – по ареалу близких комплексов расовых признаков [Левин, 1958, 1960]. Учитывая последнее, считаю важным акцентировать внимание на заметном отличии тофаларов и тоджинцев от западных эвенков, зафиксированном в табличном материале М.Г. Левина [1954, с. 21]. Обе группы, несмотря на свою специфичность, имеют много общего с группой степных тувинцев и сравнительной группой бурят. При этом к первым ближе тоджинцы, а ко вторым, согласно описательным признакам, – тофалары.

В связи с гипотезой алтае-саянской прародины самодийцев наибольший этногенетический интерес вызывает антропологическое сближение тофаларов и тоджинцев с более северными сибирскими группами. Действительно, черты катангского, или саяно-енисейского, типа четко проявляются у северных самодийцев [Аксянова, 2003]. Распределение генных частот белковых систем крови (ABO, MN, HP, GC, PI, TF, AP, PGM) позволяет провести параллели между тофаларами, тувинцами, горными шорцами и азиатскими тундровыми ненцами, однако внутрисаянские и центрально-азиатские связи исследованных тюрков Восточного Саяна более тесные [Спицын, Боева, Филиппов, 1984].

В.И. Богданова в 1970-х гг., в рамках выполнения диссертационной работы, обследовала четыре территориальные группы степных тувинцев – западную, юго-западную, центральную и южную (всего ок. 2 тыс. чел. с детьми школьного возраста). Она получила данные для описания физической внешности мужчин и женщин по традиционной программе, а также собрала материалы по дерматоглифике, одонтологии, группам крови. В сравнительном анализе В.И. Богданова перенесла акцент на внутриэтническую дифференциацию тувинцев и широкие межгрупповые сопоставления. При межэтническом сравнении ею установлено своеобразие комплексной антропологической характеристики тувинских популяций, которые, с одной стороны, имеют сходство с казахами, киргизами, алтайцами, с другой – с монголами и якутами. С первыми их объединяют более стабильные измерительные признаки, со вторыми – описательные признаки внешности. Это позволяет, на наш взгляд, считать южно-сибирский пласт в этногенезе тувинцев более ранним по сравнению с южным центрально-азиатским.

В.И. Богданова [1979, 1986], опираясь на анализ данных нескольких систем признаков, сделала вывод о неоднородности степных тувинцев. Она различает в их составе два антропологических типа – выраженно монголоидный (большинство групп) и с ослабленной монголоидностью (юго-западные тувинцы).

Показано, что изменчивость большинства антропометрических признаков на территории Тувы имеет географическую направленность: с запада на восток уменьшается степень развития бороды и бровей, снижается частота волнистых волос, темнеет пигментация волос, глаз и кожи, усиливаются монголоидные особенности глазной области и признаков носа, повышается частота вогнутых спинок носа. Юго-западную группу (овюрская и монгун-тайгинская суммарно) характеризуют значительное своеобразие и отклонение к южно-сибирскому типу: очень большие размеры головы и лица, сильная уплощенность и скуластость в сочетании с более выступающим носом, ослаблением пигментации, уменьшением частоты эпикантуса. С представителями этой группы объединяются западные тувинцы бассейна р. Хемчик. Другой полюс изменчивости, наиболее монголоидный по расовому типу, локализован на юге Тувы (Эрзинский р-н), к нему близки центральные тувинцы бассейнов рек Улуг-Хем и Кая-Хем. Причину отклонения юго-западных тувинцев к южно-сибирскому типу В.И. Богданова объясняет примесью древних европеоидов, которая могла длительно сохраняться здесь в условиях повышенной географической изоляции. Данная концепция звучит и в работах В.П. и Т.И. Алексеевых. Тувинцы Монгун-Тайгинского р-на повторно были изучены научной группой Т.И. Алексеевой по комплексной программе. Выяснилось их сближение с географически близкими теленгитами Кош-Агачского р-на Горного Алтая не только по расовому комплексу, сколько по морфофизиологическому статусу. Это доказывает единство адаптивных биологических реакций в популяциях, которые продолжительное время живут в сходных природных условиях [Антропоэкология..., 2005].

Такое же межэтническое соотношение на юго-западе Тувы выявлено анализом признаков кожного рельефа. В целом разнообразие дерматоглифических комплексов популяций степных тувинцев не уступает разнообразию в этнических группах в Горном Алтае. Выраженность монголоидного компонента у них варьирует по локальным группам в 2 раза сильнее, чем у алтайцев, и в 4 раза сильнее, чем у хакасов [Хить, 1986]. Наибольшее сходство в соотношении генных частот групп крови системы АВО, по данным В.И. Богдановой, тувинцы показали с алтайскими народностями. Как было установлено В.А. Спицыным по ферментам и другим белкам крови, тувинцы объединяются в общий кластер с группами Алтае-Саянского нагорья, халха-монголами, якутами и одной из эвенкийских популяций и характеризуют вариации частот в рамках центрально-азиатского подтипа сибирского типа [Спицын, Боева, Филиппов, 1984].

Согласно данным последнего обследования, проведенного в конце 1970-х гг. большой группой ант-

ропологов под руководством Т.И. Алексеевой, длина тела мужчин-тувинцев 163–165 см в среднем (для степных групп), женщин 151–152, тоджинцев 160 и 147 см соответственно. Самыми высокими оказались южные тувинцы Эрзинского р-на. В начале 1950-х гг. М.Г. Левин отметил у них же, наоборот, самый низкий рост – 160,4 см (эпохальная разница более 4 см). У тоджинцев прибавка в росте за то же время составила 1–2 см.

Эти многолетние исследования охватили популяции коренных народов Алтая-Саянского нагорья, Бурятии, Монголии по широкому комплексу программ. В Туве работы проводились в четырех территориальных группах – западной (Дзун-Хемчикский р-н), юго-западной (Монгун-Тайгинский р-н), южной (Эрзинский р-н) и восточной (Тоджинский р-н). Всего обследовано примерно 1 600 тувинцев, взрослых и детей.

В морфофизиологическом статусе тувинцев отмечены черты, присущие аборигенным популяциям Алтая-Саянского нагорья в целом: брахиморфные пропорции тела, увеличение жирового компонента тела, уплощенность грудной клетки. Исследователи объясняют эти особенности адаптивной реакцией человеческого организма на холодовой стресс в континентальных условиях резких суточных и сезонных колебаний температуры окружающей среды. По основному обмену, отражающему уровень теплопродукции, коренное население Алтая-Саян приближается к населению Арктики, а по уровню белков и липидов в сыворотке крови – к жителям умеренного пояса. Специфической чертой является пониженная минерализация скелета, характерная для жителей аридной зоны [Антропоэкология..., 2005, с. 292].

Т.И. Алексеева, сравнивая все группы с шорцами (горными и абаканскими), хакасами (качинцами и сагайцами) и якутами Горного р-на Якутии, подчеркнула следующие расовые особенности тувинцев: «...антропологическая характеристика тувинцев достаточно сложна и неоднозначна. Выраженная брахицефалия, широкий лоб, скошенный подбородок, довольно темная кожа отличают тувинцев как от других алтая-саянских народов, так и от якутов. По размерам и профилировке лица, размерам и форме носа, развитию складки века и эпикантуса, форме и ширине глазной щели, цвету волос и глаз, росту волосяного покрова на лице и теле тувинцы относятся к типичным представителям монголоидной расы» [1984, с. 103]. Все степные тувинские территориальные группы исследователь включает в один саянский вариант центрально-азиатского типа, отделяя его от вариантов, характерных для бурят, якутов и монголов того же типа. В районах контактов с монголами (южные тувинцы) усиливаются центрально-азиатские черты, а в районах изолированных (юго-западные тувинцы) сохраняются особенности древнего, возможно южно-европеоидного, населения. Малый

удельный вес последнего не дает оснований для выделения в составе тувинцев южно-сибирского типа.

По мнению Т.И. Алексеевой, формирование саянского варианта, характерного для тувинцев, происходило на основе межрасовых контактов представителей катангского варианта байкальского и собственно центрально-азиатского типов [1984]. Яркой морфологической особенностью первого является низкорослость и относительная низкотищесть, а второго – повышенная в монголоидном масштабе частота выпуклых профилей спинки носа. Подтверждено, что катангский тип наиболее четко проявляется у тувинцев-тоджинцев. Антропологи, вслед за этнографами и лингвистами, связывают этот тип с самодийским и кетским (т.е. дотюркским) субстратами в Саянах.

Относительно большая однородность степных тувинцев и их отличие от тоджинцев выявляются межгрупповыми сравнениями по признакам кожного рельефа и морфологии зубов [Хить, 1983; Халдеева, 1984; Битадзе, 1984]. Эти системы биологических особенностей довольно консервативны, а следовательно, могут информировать нас об относительно более ранних периодах этнической истории группы. По материалам В.И. Богдановой, в популяциях на западе Тувы отмечена тенденция к ослаблению монголоидности, обусловленная древней европеоидной примесью [Алексеев, 1984; Богданова, Халдеева, 1980; Хить, Богданова, 1980].

Опираясь на подробно опубликованный материал по народам Центральной Азии [Алексеева, 2005], мы оценили статистически внутриэтническое разнообразие тувинских, монгольских и горно-алтайских популяций по комплексу расоводиагностических признаков внешности (табл. 1, 2). Получены средний либо повышенный уровень разнообразия всех трех этнических общин (особенно алтайской) по измерительному комплексу. По критерию гармоничности рангов для количественных и качественных признаков тувинцы ближе к монголам, чем к алтайцам. Для тувинцев с наибольшей вероятностью допустима неоднородность генетического субстрата при высокой расовой гомогенности суперстратных компонентов (без учета современной метисации).

Кластеризация обследованных Т.И. Алексеевой групп севера Центральной Азии подтверждает повышенную неоднородность южных алтайцев (алтай-кижи и теленгиты). Не вызывает сомнений объединение алтай-кижи с представителями центрально-азиатского расового типа (см. *рисунок*). Халха-монголы четко отделяются как от алтайцев, так и от тувинцев, хотя в целом различия между ними малы по евразийскому масштабу. Из трех этнических общин наиболее однородную составляют халха при нарастающем разнообразии восточных популяций (группы из Бурда и Халхгола). Аналогичную степень однородности по-

Таблица 1. Антропологическая характеристика

Группа	Длина тела, см	Продольный диаметр головы, мм	Поперечный диаметр головы, мм	Морфологическая высота лица от бровей, мм	Скуловой диаметр, мм	Нижнечелюстной диаметр, мм
Халха-монголы Бат-Улзия	165,5	187,3	157,3	134,2	146,9	116,5
Халха-монголы Бурда	165,8	189,4	159,5	135,7	149,5	119,0
Халха-монголы Баян-Лига	164,7	186,6	159,1	133,3	148,3	117,6
Халха-монголы Жаргаланта	165,8	189,4	160,3	133,4	149,1	116,3
Халха-монголы Халхгола	165,2	185,6	160,3	134,3	148,7	116,8
Тувинцы Тоджинского р-на	159,8	186,9	158,7	133,7	146,0	115,4
Тувинцы Монгун-Тайгинского р-на	163,2	191,0	157,5	133,8	147,1	118,0
Тувинцы Дзун-Хемчикского р-на	163,2	189,4	158,0	135,0	147,8	115,2
Тувинцы Эрзинского р-на	165,0	189,7	161,7	135,0	150,6	118,1
Теленгиты Кош-Агачского р-на	166,9	186,9	160,4	136,3	147,1	117,2
Алтай-кижи Усть-Канского р-на	163,9	189,9	160,0	137,7	147,7	116,3
Алтай-кижи Онгудайского р-на	163,9	192,7	161,5	133,9	150,1	111,5
Тубалары Турочакского р-на	164,6	192,7	155,6	133,9	145,9	109,5

*Составлено по: [Алексеева, 2005], цвет волос у тувинцев и монголов – [Бацевич, 1984; Золотарева, 1990], алтай-кижи

Таблица 2. Показатели внутриэтнической дифференциации по сумме признаков головы и лица

Этническая группа	Восемь измерительных признаков	Восемь описательных признаков
<i>Первичные ранги 1–15</i>		
Халха-монголы, пять групп	9,5	6
Тувинцы, четыре группы	10	2
Алтайцы, четыре группы	12	12,5
<i>Вторичные ранги 1–5 (сигмальная рубрикация по Дебецу)</i>		
Халха-монголы, пять групп	3	3
Тувинцы, четыре группы	3	2
Алтайцы, четыре группы	4	4
<i>Общая оценка дифференциации по значениям всех рангов</i>		
Халха-монголы, пять групп	Средний уровень дифференциации этноса, возможна определенная гетерогенность субстратного антропологического пласта	
Тувинцы, четыре группы	Негармоничное сочетание первичных рангов; субстратные различия были перекрыты общим расовым пластом	
Алтайцы, четыре группы	Наиболее дифференцированная и неоднородная по антропологическому составу общность	

казали три тувинские группы – западная, юго-западная и примыкающая к ним восточная (тоджинцы). Как видим, монгун-тайгинская (юго-западная) группа по расовому комплексу ближе к своим соседям по этносу, чем к теленгитам. Наиболее своеобразными среди тувинцев по комбинации черт оказались не тоджинцы, а южная группа Эрзинского р-на. При общей мозаичности данного локального комплекса в нем отчетливо проступают черты сходства с монголами, хотя ближайшей группой, по данным В.И. Богдановой, являются все-таки центральные тувинцы.

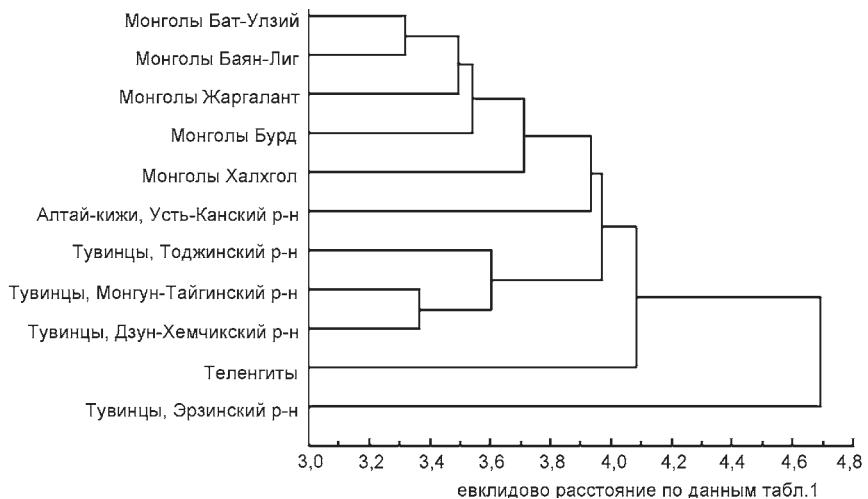
Сближение тоджинцев со степными тувинцами по расовым признакам соответствует данным о генетической близости между ними по набору белковых факторов крови. Так, при сравнении каждой из этих групп с тофаларами генетическое расстояние увеличивается примерно в 2 раза. Эти данные свидетельствуют о единстве происхождения всех территориальных групп Тувы и укрепляют мнение о тоджинцах как части тувинского народа [Спицын, Боева, Филиппов, 1984, с. 191–193].

Сравнение тоджинцев-скотоводов и оленеводов с тофаларами и центральными тувинцами по основным

этнотерриториальных групп Алтас-Саянского нагорья и Монголии*

Носо-брюхное расстояние, мм	Ширина носа, мм	Толщина обеих губ, мм	Очень слабый рост бороды, %	Уплощенное лицо, %	Низкое переносье, %	Вогнутая спинка носа, %	Иссиня-черные волосы, %	Темные глаза, %	Наличие эпикантуса, %	Прохейлия, %
8,7	38,9	16,0	60,5	66,2	23,4	24,7	51,2	72,3	70,1	65,3
8,8	39,1	16,8	72,6	61,7	12,2	24,4	60,5	80,0	71,9	50,6
9,4	38,6	15,0	74,6	65,2	17,4	17,6	61,8	78,3	66,7	67,2
8,3	37,9	15,7	58,8	47,1	12,9	17,6	80,3	83,7	63,5	81,0
8,4	36,5	16,3	72,5	51,7	23,3	20,0	62,5	88,5	71,7	56,9
9,0	37,7	15,3	58,3	74,7	18,4	25,3	50,0	89,4	60,7	15,1
8,4	37,9	15,5	57,7	76,1	26,4	18,8	42,6	83,3	65,8	16,7
6,5	36,5	15,3	74,2	81,2	14,6	19,4	50,0	80,6	60,8	23,6
9,2	37,9	15,2	50,0	78,0	18,0	10,0	50,0	82,0	57,2	20,0
6,3	36,8	16,8	51,7	60,0	3,3	20,0	42,6	66,7	60,0	62,1
6,2	38,3	16,3	74,2	71,2	3,0	24,2	47,8	65,8	66,7	58,5
11,5	38,8	17,4	47,5	66,7	69,6	16,4	47,8	70,6	56,5	62,3
8,8	38,9	16,3	52,5	19,6	50,0	20,0	29,2	55,3	50,0	45,8

Онгудайского р-на и тубалары – [Аксянова, 1992].

Кластеризация мужских групп халха-монголов, тувинцев и южных алтайцев по комплексу расовых признаков.

системам групп крови представлено в работе Ю.Г. Рычкова, И.В. Перевозчикова, В.А. Шереметьевой, Т.В. Волковой и А.Г. Башлай [1969]. Экспедиция работала в 1964 г. на территории Тофаларии, Тоджи и в г. Кызыле (центральная часть Тувы); ею было обследовано более 500 чел. Программа работ включала сбор генеалогических данных, антропологических фотографий и образцов волос, а также определение групп крови (ABO, MNSs, Rhesus, PI, Lewis) и расовых признаков внешности. Отмечено большое своеобразие тофаларов: очень высокая концентрация гена 0 (0,8036

в среднем); соотношение частот генов B > A, N > M и S > s; высокая частота NS; ярко выраженная специфика в наборе и частоте маркеров системы Rhesus. Для тувинцев же, особенно тоджинцев, характерны частоты гена 0 до 0,6560 и 0,5500 соответственно, а также обратная формула A > B, M > N (A = 0,2186 и 0,3176, M = 0,5215 и 0,6034). Статья Ю.Г. Рычкова, И.В. Перевозчикова, В.А. Шереметьевой, Т.В. Волковой и А.Г. Башлай содержит подробные цифровые данные по изученным генетическим маркерам в локальных и суммарных группах (даны частоты фенотипов, генов

и хромосом). Показано, что генетические особенности аборигенных популяций Восточного Саяна формировались не только под действием дрейфа генов в условиях изоляции, но и в результате их направленной миграции. Генетическое влияние распространялось преимущественно из Тувы, через Тоджу в Южную Тофаларию. Как предполагают авторы, на ранних этапах этногенеза саянских народов существовали три генетически разобщенные группы, следы которых сохраняются в характеристиках северной группы тофаларов, тоджинцев-скотоводов и степных тувинцев. Эта дробность, возможно, восходит к самодийскому или даже досамодийскому этапу истории региона. Данное предположение согласуется с мнением В.А. Дремова о том, что распространение в Алтае-Саянах носителей тюркского языка, скорее всего, обусловливало нивелировку расовых различий между популяциями.

Монгольское влияние, следы которого прослеживаются на юге Алтая и в Саянах, не привело к полной замене аборигенного населения, что сильнее выражено в крайних северо-восточных районах – в Тодже и Тофаларии. Процессы биологического смешения, а также относительная изолированность территорий и популяций рассматриваются антропологами как ведущие факторы формирования антропологического состава современных народов Алтае-Саянского нагорья.

Заключение

Территория Тувы, расположенная в Саянской горной системе Центральной Азии, неоднократно была местом подобных экспедиционных исследований коренного населения по физической антропологии. Широкие межгрупповые сравнения отражены в отечественной литературе по всем разработанным расогенетическим программам. Основные периоды в изучении современных тувинских популяций: 1900–1914, 1924–1947, 1952–1969, 1972–2005 гг.

У тувинцев выделяют не менее двух расовых комплексов в рамках североазиатских монголоидов: преобладающий саянский вариант центрально-азиатского типа, характерный для степных популяций, и катангский (саяно-енисейский, по терминологии М.Г. Левина) вариант байкальского типа, который преобладает у восточных тувинцев-тоджинцев. В ходе взаимодействия обоих типов формировались современные территориальные группы тувинцев. Предполагается, что специфика юго-западной группы обусловлена сохранением здесь древнего, вероятно южно-европеоидного, населения. Надежно документировано наибольшее отклонение к монголам южной территориальной группы, что придает ей уникальное своеобразие.

В морфофизиологическом статусе тувинцев отмечены черты адаптации к холодовому стрессу в кон-

тинентальных условиях: брахиморфия, увеличение жирового компонента тела, уплощенность грудной клетки. Особенностью является пониженная минерализация скелета, что в целом характерно для жителей аридной зоны.

Не вызывает сомнений автохтонное происхождение всех групп тувинцев на территориях традиционного компактного проживания. Надежно документировано наличие характерного комплекса черт, который, с одной стороны, отделяет тувинскую этническую общность от соседних народов, а с другой – образует с ними не только географическое, но и антропологическое единство на севере центральных районов Азии.

Список литературы

Аксянова Г.А. Изучение физического типа населения как метод этногенетического анализа (на примере алтайцев) // Новое в методике и методологии антропологического исследования. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – С. 86–104. (Мат-лы к серии: Народы и культуры; вып. 10: Антропологические исследования, кн. 2).

Аксянова Г.А. Соматология // Этнография и антропология Ямала. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 200–292.

Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. – 1962. – № 3. – С. 49–58.

Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370–390.

Алексеев В.П. Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 6–75.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль / Тр. Тув. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – Л.: Наука, 1970. – Т. 3. – С. 239–297.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Кокэль // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 87–107.

Алексеева Т.И. Антропологические особенности современных тувинцев. Кефалометрия и кефалоскопия // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 75–114.

Алексеева Т.И. Антропологический состав населения Центральной Азии и вопросы расогенеза // Антропоэкология Центральной Азии. – М.: Науч. мир, 2005. – С. 35–67.

Алексеева Т.И., Бацевич В.А., Ясина О.В. Строение тела у народов Центральной Азии // Антропоэкология Центральной Азии. – М.: Науч. мир, 2005. – С. 85–104.

Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – 224 с.

Антропоэкология Центральной Азии. – М.: Науч. мир, 2005. – 328 с.

- Бацевич В.А.** Фотоэлектроколориметрическое определение степени пигментации волос тувинцев в сравнительном освещении // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 115–125.
- Битадзе Л.О.** Дерматоглифическое изучение тувинцев-тоджинцев в сравнительном освещении // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 209–223.
- Богданова В.И.** Антропологическое изучение современных тувинцев в 1972–1976 гг. // Полевые исследования Института этнографии за 1976 г. – М.: Наука, 1978а. – С. 187–198.
- Богданова В.И.** Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев // СЭ. – 1978б. – № 6. – С. 46–58.
- Богданова В.И.** Антропологический состав и вопросы происхождения современных тувинцев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 22 с.
- Богданова В.И.** Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 108–162.
- Богданова В.И., Халдеева Н.И.** Одонтологические признаки у тувинцев // Современные проблемы и новые методы в антропологии. – Л.: Наука, 1980. – С. 184–195.
- Вайнштейн С.И.** Тувинцы // Народы России: энциклопедия. – М.: Большая Рос. Энцикл., 1994. – С. 337–342.
- Генофонд и геногеография народонаселения** / под ред. Ю.Г. Рычкова. – СПб.: Наука, 2000. – Т. I. – 611 с.; 2003. – Т. II. – 671 с.
- Горощенко К.И.** Сойоты // Рус. антропол. журн. – 1901. – № 2. – С. 62–73.
- Горощенко К.И.** Материалы по антропологии Сибири (сойоты, белтыры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы и мелецкие (чулымские) инородцы). – Красноярск, 1905. – 64 с. – (Зап. Краснояр. подотд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва по этнографии; т. 1, вып. 2).
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5–34.
- Дебец Г.Ф.** Краниологический очерк танну-тувинцев // Северная Азия. – 1929. – Кн. 5/6. – С. 133–140.
- Дебец Г.Ф.** К палеоантропологии Тувы // КСИЭ. – 1950. – Вып. 10. – С. 97–111.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.; т. 17).
- Золотарева И.М.** Некоторые итоги антропологического исследования современного населения МНР // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 173–184.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – С. 105–179.
- Ивановский А.А.** Енисейские инородцы (По материалам К.И. Горощенко) // Рус. антропол. журн. – 1907. – № 1/2. – С. 165–223.
- Клевцова Н.И.** Основные направления межгрупповой изменчивости строения тела у тувинцев // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 125–157.
- Козинцев А.Г.** Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 166 с.
- Левин М.Г.** К антропологии Южной Сибири // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 17–26.
- Левин М.Г.** Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1958. – 360 с. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.; т. 36).
- Левин М.Г.** Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1960. – С. 7–12.
- Руденко С.И.** Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири // Зап. АН по физ.-мат. отделению. – Петербург, 1914. – Т. 33, № 3. – 140 с.
- Рычков Ю.Г.** Особенности серологической дифференциации народов Сибири // Вопр. антропологии. – 1965. – Вып. 21. – С. 18–33.
- Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г.** К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (Материалы Сибирской антрополого-генетической экспедиции) // Вопр. антропологии. – 1969. – Вып. 31. – С. 3–32.
- Силинич И.П.** К краниологии сойот // Рус. антропол. журн. – 1901. – № 2. – С. 74–79.
- Спицын В.А.** Биохимический полиморфизм человека. Антропологические аспекты. – М: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – 214 с.
- Спицын В.А., Боева С.Б., Филиппов И.К.** Генетико-антропологическое изучение коренного населения Алтая-Саянского нагорья // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 185–194.
- Халдеева Н.И.** Одонтологический тип тувинцев и его положение в кругу популяций восточного одонтологического ствола // Антропо-экологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 195–208.
- Хить Г.Л.** Дерматоглифика народов СССР. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
- Хить Г.Л.** Расогенетические связи населения Алтая-Саян по данным дерматоглифики // Этнические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. – М.: Наука, 1986. – С. 208–220.
- Хить Г.Л., Богданова В.И.** Дерматоглифические данные к проблеме происхождения тувинцев // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. – Элиста: Калмыц. НИИ истории, филологии и экономики при Сов. Мин. КалмАССР, 1980. – С. 53–85.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А.** Расовая дифференциация человечества. – М.: Наука, 1990. – 206 с.
- Ярхо А.И.** Антропологический тип кемчических танну-тувинцев // Северная Азия. – 1929. – Кн. 5/6. – С. 127–132.
- Ярхо А.И.** Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей за 10 лет (1924–1934) // Антропол. журн. – 1936. – № 1. – С. 47–64.
- Ярхо А.И.** Алтая-саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан: Хаоблнациздат, 1947. – 148 с.
- Bunak V.V.** Le Tannou-Touva // Intern. Arch. Ethnogr. – Leiden, 1928. – Bd. 29. – S. 1–16.

УДК 572

В.Г. Моисеев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВОВ РЮКЮ: ИНТЕГРАЦИЯ КРАНИОМЕТРИЧЕСКИХ И КРАНИОСКОПИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Цель исследования состояла в проверке гипотез происхождения современного населения островов Рюкю. Для этого с помощью средств многомерной статистики были интегрированы данные двух систем антропологических признаков – краниометрии и краниоскопии. Полученные результаты свидетельствуют о метисном происхождении населения островов. Представляется, что оно сформировалось на основе по крайней мере трех различных по происхождению групп населения. Первые две из них – носители культур дзёмон и яёй – являются предковыми и для современных японцев. Выраженное антропологическое своеобразие рюкюсцев может быть обусловлено наличием южно-монголоидной примеси.

Ключевые слова: Японский архипелаг, острова Рюкю, интеграция краниометрических и краниоскопических признаков.

Введение

Архипелаг Рюкю представляет собой цепочку небольших островов, протянувшихся с северо-востока на юго-запад от о-ва Кюсю. До начала XVII в. здесь существовало независимое государство, которое было окончательно присоединено к Японии лишь в 1879 г. Длительный период автономного развития обусловил значительное своеобразие материальной и духовной культуры коренного населения архипелага Рюкю; многие особенности, несмотря на сильное культурное и политическое влияние японского государства, сохранились до наших дней.

До недавнего времени все вопросы популяционной истории коренного населения Рюкю представлялись решенными. Еще в 1911 г. Э. Бельц на основании анализа соматологических признаков выдвинул гипотезу о родстве современного населения островов Рюкю с айнами [Baelz, 1911]. К признакам, свидетельствующим о большем сходстве рюкюсцев с айнами, чем с японцами, он отнес значительное усиление третичного волосяного покрова, более темную пигментацию, ослабление монголоид-

ных особенностей глазной области, малую высоту лица и низкий рост. Данная точка зрения доминировала в японской физической антропологии до конца XX в. Она хорошо вписывается в общепризнанную в настоящее время т.н. дуальную структурную модель формирования населения Японских островов [Hanihara, 1991]. Модель предполагает, что популяционное разнообразие Японского архипелага возникло в процессе взаимодействия двух основных групп древнего населения.

Первая группа восходит к верхнепалеолитическому населению, проникшему на территорию Японского архипелага ок. 35–30 тыс. л.н. по сухопутному мосту, соединявшему в то время Юго-Восточную Азию и Японские острова. Архипелаг Рюкю представляет собой остаток этого моста. Именно здесь, на стоянке Минатогава (о-в Окинава), были собраны самые представительные для Японии палеантропологические материалы верхнепалеолитического времени. Останки, древность которых составляет ок. 18–16 тыс. лет, принадлежат трем индивидуумам. Лучше всего сохранился мужской скелет (Минатогава 1). Данная находка является ключевой для рекон-

струкции ранней популяционной истории Японии. По своим морфологическим особенностям череп Минатогава 1 сходен с предположительно верхнепалеолитическим черепом из Люцзяна (Южный Китай), что указывает на направление миграций верхнепалеолитического населения на территорию Японии. Вместе с тем отмечается сходство черепа Минатогава 1 с черепами носителей неолитической культуры дзёмон, которая демонстрирует отчетливо преемственную связь с верхним палеолитом Японии [Baba, Narasaki, 1991; Suzuki, Hanihara, 1982].

Вторая группа популяций, отличных по происхождению от дзёмонцев, начала проникать на территорию Японии, а именно на о-в Кюсю, ок. 300 г. до н.э. из Северного Китая и с Корейского полуострова. Мигранты привнесли с собой новую культуру – яёй. Основу хозяйственной стратегии яёйцев составляло рисовое земледелие; дзёмонцы были преимущественно охотниками-собирателями. Носители культуры яёй резко отличались от дзёмонцев по краниологическим признакам: у них были более выражены монголоидные черты. Предполагается, что в результате ассимиляции носителями культуры яёй аборигенного дзёмонского населения сформировались современные японцы; айны же являются потомками вытесненных на север дзёмонцев, лишь немного затронутых японским влиянием. В рамках «дуальной структурной модели» рюкюцы рассматриваются как потомки древнего дзёмонского населения, причем их отличие от айнов состоит в большей доле монголоидного компонента.

Изложенная концепция нашла свое подтверждение при анализе различных систем антропологических признаков и генетических маркеров [Левин, 1961; Kozintsev, 1992a; Higo et al., 2003], однако в конце XX в. она была поставлена под сомнение рядом исследователей, отрицавших наличие дзёмонского компонента в составе рюкюцев [Dodo, Doi, Kondo, 1998, 2000; Manabe et al., 1999; Pietrusewsky, 1999; Hatta et al., 1999].

Цель настоящей работы – проверить гипотезы происхождения современного населения островов Рюкю путем интеграции данных о двух системах антропологических признаков – краниометрии и краиниоскопии.

Материал и методика

Основой для анализа послужили сведения о краниологических сериях, представляющих культуры дзёмон, яёй и кофун, черепах токийцев эпохи Эдо (XVIII в.) и близких к современности японцев (в т.ч. островитян Рюкю), айнов Хоккайдо и Сахалина, китайцев (в основном северных) и индонезий-

Таблица 1. Источники использованных данных

№ п/п	Серия	Краниометрия	Краиниоскопия
1	Дзёмон	Неопубликованные данные автора	Kozintsev, 1992a
2	Яёй	Масафуми, 1988	Idem
3	Кофун	То же	»
4	Эдо	Неопубликованные данные автора	»
5	Японцы	То же	»
6	Рюкюцы*	Fukumine et al., 2001	»
7	Айны Хоккайдо	Дебец, 1951	»
8	Айны Сахалина	То же	»
9	Северные китайцы	Чебоксаров, 1982	»
10	Индонезийцы	Алексеев, 1984	»

*Данные дополнены измерениями автора (высота лица и угол выступания носа).

цев. Все серии были краиниоскопически исследованы А.Г. Козинцевым по предложенной им программе [Kozintsev, 1992a]. Мною проводился анализ значений пяти признаков – частоты клиновидно-верхнечелюстного шва (КВШ), заднескулового шва (ЗСШ), подглазничного узора типа II (ПГУ II) и надглазничных отверстий (НО), а также индекс поперечного небного шва (ИПНШ). Затылочный индекс (ЗИ) не учитывался: предварительный анализ показал, что данный признак не влияет ни на один из первых трех векторов, в которых концентрируется наиболее важная информация о межгрупповой изменчивости анализируемых групп. Это подтверждает вывод об отсутствии заметных градиентов в распределении ЗИ на территории Северной Азии [Козинцев, 1988], вследствие чего его применение в данном случае не оправдано.

В ходе исследования учитывались также 14 краниометрических показателей – длина, ширина и высота черепной коробки, ширина и высота лица, минимальная ширина лба, ширина и высота орбит и носа, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа. Использовались опубликованные данные различных исследователей. При отсутствии в публикациях некоторых признаков использованы мои собственные измерения (табл. 1).

Методы интеграции данных различных систем антропологических признаков были описаны мною в ряде работ [Моисеев, 2001, 2004].

Результаты

На первом этапе анализа, кроме данных о древних и современных группах с территории Японии, а также айнов Сахалина были использованы значения, характеризующие серию черепов северных китайцев, поскольку именно Северный Китай, а также Корея в настоящее время рассматриваются как территории, с которых происходила массовая миграция предков носителей культуры яёй на Японские острова.

Результаты изучения краиноскопических и краинометрических признаков оказались довольно сходными. Первый канонический вектор (I КВ), а также первая главная компонента (I ГК) противопоставляют дзёмонскую и северокитайскую серии (рис. 1). Первый из указанных векторов получен при анализе краинометрических, второй – краиноско-

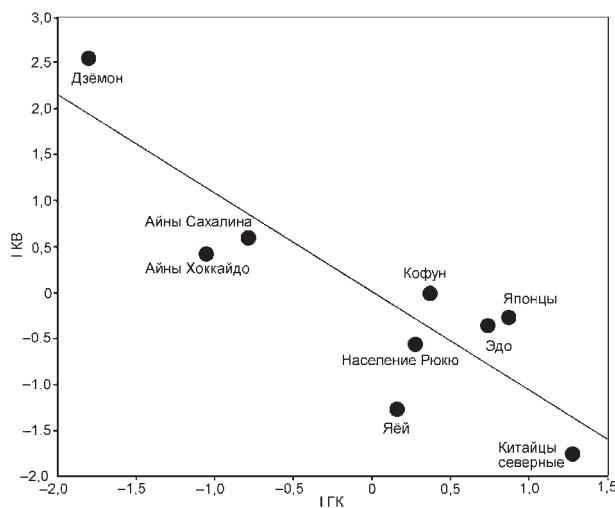

Рис. 1. Расположение групп в пространстве I ГК (по краиноскопическим признакам) и I КВ (по краинометрическим признакам). Северокитайская модель.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между краиноскопическими признаками и первыми двумя главными компонентами

Признак	I ГК	II ГК
КВШ	0,83*	-0,41
ЗСШ	-0,98*	0,03
II ПГУ	0,97*	0,05
ИПНШ	-0,22	-0,96*
НО	0,96*	0,11
Собственное число	3,56	1,10
% общей дисперсии	0,71	0,22

*Достоверно при $p < 0,05$.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между исходными краинометрическими признаками и первыми тремя каноническими векторами

Номер признака по Мартину и др.	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0,53	0,69*	0,28
8	-0,29	0,68*	-0,42
17	-0,09	-0,40	0,61
9	-0,83*	0,38	-0,21
45	-0,81*	0,40	0,16
48	0,57	0,57	0,57
55	0,84*	0,30	0,40
54	-0,10	0,52	-0,80*
51	-0,51	0,63	0,29
52	-0,10	0,36	0,78*
77	0,13	0,04	-0,42
$\angle zm$	0,24	0,40	-0,74*
SS:SC	-0,52	-0,57	0,40
75(1)	-0,78*	0,53	0,11

*Достоверно при $p < 0,05$.

скопических данных. Дзёмонцы характеризуются уникальным сочетанием как краиноскопических, так и краинометрических признаков. В краиноскопическом отношении их отличает сочетание крайне высоких значений ЗСШ с низкими II ПГУ, НО и КВШ (табл. 2).

Краинометрическое своеобразие дзёмонцев определяется большой по азиатскому масштабу шириной лба и лица, довольно сильным выступлением носа при малой его высоте (табл. 3). Корреляция между I ГК и I КВ высока и статистически достоверна ($r = -0,70$; $p < 0,05$). Это свидетельствует о высоком уровне антропологического своеобразия дзёмонцев, для формирования которого потребовался, вероятно, весьма длительный период изоляции. Статистически значимые коэффициенты корреляции между другими ГК и КВ отсутствуют (табл. 4).

На противоположном полюсе I КВ и I ГК находится северокитайская серия, в то время как древние и современные серии с территории Японского архипелага занимают промежуточные позиции. Такое расположение групп в пределах рассматриваемых векторов хорошо соответствует гипотезе о формировании населения Японии на базе двух основных компонентов – носителей культуры дзёмон и мигрантов из Северного Китая и с Корейского полуострова. К сожалению, в моем распоряжении нет данных о древних и современных корейских сериях.

Таблица 4. Коэффициенты непараметрической корреляции Спирмена между первыми тремя ГК и КВ

Показатель	I ГК	II ГК	III ГК	I КВ	II КВ	III КВ
I ГК	1,00					
II ГК	0,00	1,00				
III ГК	0,00	0,00	1,00			
I КВ	0,70*	-0,08	-0,12	1,00		
II КВ	-0,37	0,12	0,62	0,00	1,00	
III КВ	0,47	0,27	0,52	0,00	0,00	1,00

*Достоверно при $p < 0,05$.

Наибольшее сходство с дзёмонцами по обеим системам признаков проявляют айны, что еще раз подтверждает широко распространенное мнение о том, что айны – потомки дзёмонцев. Впрочем, разрыв между дзёмонской и ближайшими к ней айнскими сериями довольно велик по обеим системам, причем айны проявляют довольно выраженную северокитайскую тенденцию, что объясняется монголоидной примесью. Источником последней могут быть не только японцы, но и иные монголоидные группы, особенно носители раннесредневековой охотской культуры Южного Сахалина и Хоккайдо [Моисеев, 2008]. Некоторую роль в формировании различий между айнами и дзёмонцами, возможно, сыграли эпохальные микроДВИГИОННЫЕ изменения.

Остальные группы с территории Японии образуют в пространстве I КВ и I ГК довольно плотную группу, которая занимает промежуточное положение между дзёмонцами и айнами, с одной стороны, и северными китайцами – с другой. Различия между ними невелики и неустойчивы на межсистемном уровне. Так, яёйская серия оказалась ближе всего к северным китайцам по краинометрической характеристике (I КВ) и наиболее далека от них – по краинометрической (I ГК). Положение рюкюсцев также неустойчиво. По краинометрическим признакам они превосходят японцев и кофунцев по степени выраженности дзёмонских особенностей, но по краинометрическим наблюдается обратное. Однако, каково бы ни было реальное положение рюкюсцев в пределах дзёмонско-северокитайской шкалы, наличие дзёмонской тенденции у них, как и у всех близких к современности японских серий, а также у носителей культур яёй и кофун, не подлежит сомнению. На мой взгляд, вопрос состоит лишь в величине этой примеси у рюкюсцев и прочих японцев. При интеграции результатов анализа краинометрических и краинометрических признаков рюкюсцы, в частности, по первой интегральной ГК (ИГК), которая определяется в основном описанными выше I ГК и I КВ, несколько превосходят современных японцев

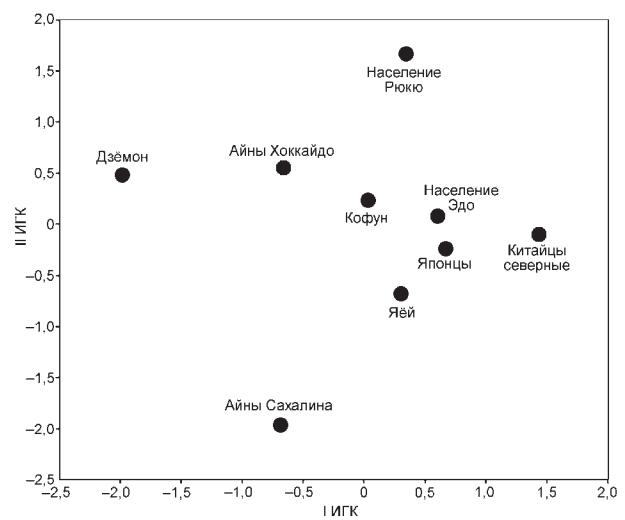

Рис. 2. Расположение групп в пространстве I и II ИГК. Северокитайская модель.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции исходных векторов и первых двух интегральных главных компонент (северокитайская модель)

Показатель	I ИГК	II ИГК
I ГК	0,97*	0,00
II ГК	0,01	-0,80*
I КВ	0,94*	-0,05
II КВ	-0,17	-0,68*
III КВ	0,16	-0,42
Собственное число	1,90	1,27
% общей дисперсии	0,38	0,25

*Достоверно при $p < 0,05$.

и серию эпохи Эдо по степени выраженности дзёмонских особенностей (рис. 2, табл. 5). Впрочем, различие невелико и может объясняться случайными факторами.

Смысл II ИГК состоит в противопоставлении айнов Сахалина рюкюсцам. Прочие серии на данной ИГК занимают промежуточное положение. Их отрыв от обеих групп достаточно велик и свидетельствует о нейтральности по данному вектору изменчивости. Иными словами, II ИГК указывает на присутствие в составе айнов Сахалина и рюкюсцев каких-то антропологических компонентов, отсутствующих в остальных группах. Что касается айнов Сахалина, то их уклонение от айнов Хоккайдо можно уверенно связывать с наличием у них существенной сибирской (скорее всего, тунгусо-маньчжурской) примеси [Kozintsev, 1992б]. Антропологическое своеобразие рюкюсцев теоретически можно объяснить либо микроэволюционными процессами в условиях островной изоляции, либо включением в их состав

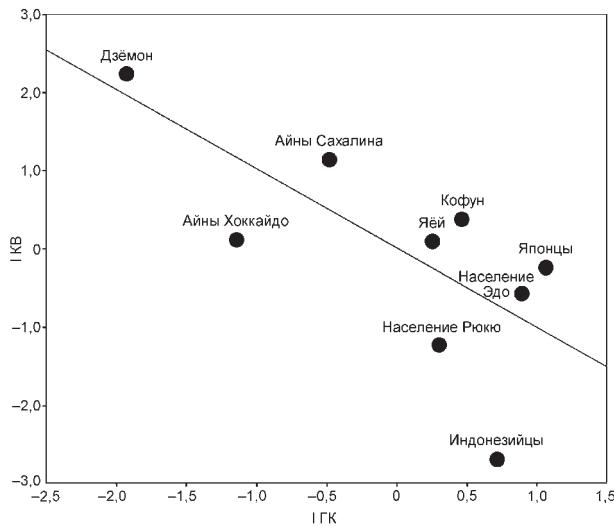

Рис. 3. Расположение групп в пространстве I ГК (по краиноскопическим признакам) и I KB (по краинометрическим признакам). Индонезийская модель.

Таблица 6. Коэффициенты корреляции исходных векторов и первых трех интегральных главных компонент (индонезийская модель)

Показатель	I ИГК	II ИГК	III ИГК
I ГК	0,858*	0,43	0,00
II ГК	-0,48	0,76*	-0,00
I KB	-0,74*	-0,40	0,47
II KB	0,33	0,30	0,88*
III KB	-0,55	0,72*	-0,10
Собственное число	1,91	1,53	1,00
% общей дисперсии	0,38	0,31	0,20

*Достоверно при $p < 0,05$.

какого-то отличного от всех анализируемых групп антропологического компонента. Значимые коэффициенты корреляции с данной ИГК имеют II ГК и II KB (табл. 5).

К сожалению, у меня нет краинологических данных по аборигенам Тайваня и Филиппин; а именно с ними острорияне Рюкю, скорее всего, поддерживали контакты. Для оценки возможности наличия у рюкюсцев южной примеси использовалась серия черепов индонезийцев. Был проведен повторный анализ, в котором эта группа заменила северокитайскую. Индонезийская модель оказалась несколько хуже северокитайской: коэффициент корреляции между новым I KB и новой I ГК снизился с 0,70 до 0,68, оставаясь, впрочем, достоверным на 5%-м уровне. Индонезийская серия несколько сильнее удаляется от межгрупповой линии регрессии, чем северокитайская (рис. 3). Как и в случае с северокитайской моделью, новая I ГК определяется в основном первыми векторами, полученными при внутрисистемном анализе (I KB и I ГК), однако коэффициенты корреляции между этими векторами и I ИГК существенно ниже (табл. 6). Исходя из вышесказанного, мне представляется нецелесообразным останавливаться на детальном описании расположения групп в пределах I ИГК.

Видимо, северокитайская модель более пригодна для объяснения источника монголоидной примеси в большинстве японских групп. Это не исключает возможности того, что для каких-то групп с территории Японии индонезийская модель может оказаться более адекватной. К тому же нельзя исключить наличия в антропологическом составе рюкюсцев нескольких компонентов. Для выяснения такой возможности я воспользовался приемом, предложенным А.Г. Козинцевым для определения пары наиболее вероятных предковых популяций какой-либо метисной группы [Kozintsev, 1992б].

В основе предложенного критерия RD (Relative Difference) – предположение о том, что отношение суммы евклидовых расстояний между метисной группой (B) и каждой из предполагаемых предковых групп (A и C) к расстоянию между последними может служить показателем степени пригодности той или иной метисационной модели. Критерий вычисляется по следующей формуле:

$RD = (AB+BC)/AC - 1$, где AB и BC – расстояния между метисной группой и двумя предполагаемыми родительскими группами, AC – расстояние между последними. Чем меньше RD, тем ближе метисная группа к прямой линии, соединяющей предковые группы и, следовательно, тем пригоднее эта модель.

В данном случае одной из предковых групп счи-тались дзёмонцы, а другой – китайцы и индонезийцы. Величина RD при использовании индонезийской

модели оказалась почти вдвое меньше, чем при использовании северокитайской (0,23 и 0,40 соответственно). Видимо, монголоидный компонент в составе рюкюсцев ближе к тому, который представлен у индонезийцев. Таким образом, полученные результаты позволяют предположить наличие у рюкюсцев южно-монголоидной примеси. Следует лишь повторить, что, скорее всего, речь идет о родстве не с индонезийцами, а с населением Тайваня и Филиппин.

Несомненный интерес для обсуждаемой темы представляют II и III ИГК, полученные при проверке индонезийской модели (рис. 4). Так, II ИГК отделяет древние группы яёй и кофун от остальных групп. Данные группы несомненно имеют единое происхождение; они являются потомками мигрантов с территории Кореи и Северного Китая. Крайнее положение занимают яёйцы, кофунская же серия несколько смещена в сторону остальных групп, вероятно, ввиду наличия у кофунцев большей, по сравнению с носителями культуры яёй, дзёмонской примеси. Из остальных групп именно рюкюсцы характеризуются наиболее выраженной яёйской тенденцией. По значениям данной ИГК к рюкюсцам близки также дзёмонцы, что позволяет интерпретировать II ИГК как вектор, отделяющий наиболее древние группы. Очевидно, рюкюсцы сохранили антропологическую специфику, характерную для ранних мигрантов с территории Кореи и Северного Китая. Вторая ИГК определяется в основном II ГК и III КВ, полученными при внутрисистемном анализе (табл. 6).

Смысль III ИГК состоит в фиксации южной тенденции у рюкюсцев, при этом основное значение для ее определения сыграли краинометрические данные (табл. 6). На отрицательном полюсе этой ИГК находятся рюкюсцы и индонезийцы, на положительном – японские группы, кроме серий яёй и кофун.

Таким образом, индонезийская модель позволяет конкретизировать источники недзёмонской примеси у населения островов Рюкю, тогда как северокитайская модель лишь указывает на антропологические отличия рюкюсцев от других японских популяций.

Выводы

1. Современное население архипелага Рюкю, так же как айны и японцы, имеет в своем составе единый антропологический компонент, который по происхождению связан с носителями неолитической культуры дзёмон.

2. Величина дзёмонского компонента у рюкюсцев близка к таковой у современных японцев.

3. Монголоидный компонент в составе рюкюсцев, вероятно, связан по происхождению с носителями культуры яёй.

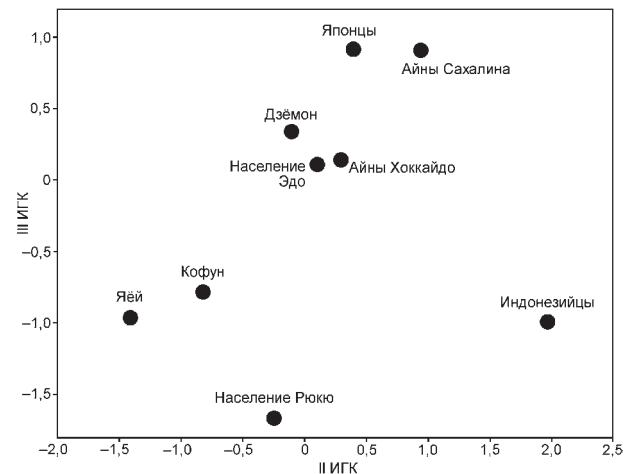

Рис. 4. Расположение в пространстве II и III ИГК. Индонезийская модель.

4. Рюкюсцы обладают выраженным антропологическим своеобразием, которое может быть следствием наличия в их составе южно-монголоидной примеси.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность профессору Т. Амано (Университет Хоккайдо), доктору Х.Оно (Университет Хоккайдо) и доктору Х. Манцумуре (Медицинский колледж Саппорто) за возможность изучить краинометрические коллекции. Особая благодарность – профессору Х. Исида (Университет Окинавы) за предоставление неопубликованных данных. Я также глубоко признателен А.Г. Козинцеву за критические замечания и помочь в работе.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Материалы по краинометрии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. Ч. II // Сб.МАЭ. – 1984. – Т. 39. – С. 26–60.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.; Т. 17).
- Козинцев А.Г.** Этническая краинометрия (расовая изменчивость швов черепа). – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
- Левин М.Г.** Некоторые проблемы этнической антропологии Японии // СЭ. – 1961. – № 2. – С. 63–75.
- Масафуми Н.** Нихон минзоку (Японцы и их культура). – Токио: Рокко, 1988 – Т. 2. – 320 с. (на яп. яз.).
- Моисеев В.Г.** Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №4. – С. 154–159.
- Моисеев В.Г.** Опыт интеграции различных систем антропологических признаков // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 186–200.

Моисеев В.Г. О происхождении населения охотской культуры Северного и Восточного Хоккайдо (по краниологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 133–140.

Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. – М.: Наука, 1982. – 301 с.

Baba H., Narasaki S. Minatogawa man, the oldest type of modern Homo sapience in East Asia // Quarter Results. – 1991. – Vol. 30. – P. 221–230.

Baelz E. Die Riu-Kiu-Islunaner, die Aino und andere kaukasierähnliche Reste in Ostasien // Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. – 1911. – Bd. 42. – S. 187–191.

Dodo Y., Doi N., Kondo O. Ainu and Ryukyuan cranial nonmetric variation: evidence which disputes the Ainu-Ryukyu common origin theory // Anthropological Science. – 1998. – Vol. 106. – P. 99–120.

Dodo Y., Doi N., Kondo O. Facial flatness of Ryukyuans // Anthropological Science. – 2000. – Vol. 108 (2). – P. 183–198.

Fukumine T., Doi N., Ishida H., Zukeran C., Sensui S., Saso A., Higa T. Human skeletal remains from the Yacchino-Gama and Kanjinbaru grave sites // Okinawa Prefectural Archaeological Center Research Report. – 2001. – N 6. – P. 345–385.

Hanihara K. Dual structure model for population history of the Japanese // Japan Review. – 1991. – N 2. – P. 1–33.

Hatta Y., Ohashi J., Imanishi T., Kamiyama H., Iha M., Simabukure T., Ogawa A., Tanaka H., Akaza T., Gojobori T., Juji T., Tokunaga K. HLA genes and haplotypes in Ryukyuans suggest recent gene flow to the Okinawa Islands // Human Biology. – 1999. – Vol. 71. – P. 353–365.

Higo T., Hanihara T., Sukawa H., Ishida H. Dental variation of Ryukyu Islanders: a comparative study among Ryukyu, Ainu, and other Asian populations // Amer. J. of Physical Anthropology. – 2003. – Vol. 15. – P. 127–143.

Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. – 1992a. – Vol. 43 (3). – P. 213–244.

Kozintsev A.G. Prehistoric and recent populations of Japan: multivariate analysis of cranioscopic data // Arctic Anthropology. – 1992б. – Vol. 29 (1). – P. 104–111.

Manabe Y., Kitagawa Y., Oyamada J., Kato K., Ito R., Kobayashi S., Rokutanda A. Genealogical positioning of the Okinawa main islanders in East Asian populations based on nonmetric tooth crown traits // Anthropological Science. – 1999. – Vol. 107. – P. 85.

Pietruszewsky M. A multivariate craniometric study of the inhabitants of the Ryukyu Island and comparisons with cranial series from Japan, Asia, and the Pacific // Anthropological Science. – 1999. – Vol. 107. – P. 255–281.

Suzuki H., Hanihara K. The Minatogawa Man: The Upper Pleistocene Man From the Island of Okinawa // University of Tokyo Bulletin. – Tokyo: University Museum, 1982. – N 19. – P. 7–49.

Материал поступил в редакцию 29.05.08 г.

ПЕРСОНАЛИИ

АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПРЯХИН

23 августа 2009 г. исполнилось 70 лет Анатолию Дмитриевичу Пряхину – доктору исторических наук, профессору кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (далее ВГУ).

А.Д. Пряхин родился в г. Ельце. Окончив в 1957 г. в Подмосковье среднюю школу, он поступает на историко-филологический факультет Воронежского госуниверситета. В университете А.Д. Пряхин начинает заниматься в научном студенческом археологическом кружке под руководством археолога-слависта Анны Николаевны Москаленко – ученицы В.И. Равдоникаса. Однако судьбоносным для Анатолия Дмитриевича стало участие в конце 1950-х гг. в раскопках древнего Любеча, которыми руководил акад. Борис Александрович Рыбаков. Неслучайно, что первые научные исследования А.Д. Пряхина были посвящены проблемам славянской и древнерусской археологии и истории. В 1961 г., будучи студентом, он проводит раскопки многослойного Воргольского городища эпохи бронзы, раннего железа, славяно-русского времени. Результаты изучения составили основу дипломной работы, которую Анатолий Дмитриевич успешно защитил в следующем году. В 1962–1966 гг. в должности ассистента, потом лаборанта кафедры истории СССР досоветского периода ВГУ А.Д. Пряхин совместно с А.Н. Москаленко исследует памятники роменско-боршевской культуры древнерусского времени (Боршевский курганный могильник, Малое Боршевское и Архангельское городища, другие археологические объекты).

В наибольшей же степени научный и организаторский талант Анатолия Дмитриевича раскрылся при изучении эпохи бронзы. А.Д. Пряхин является одним из знатоков евразийской степной и лесостепной бронзы.

В 1966 г. он защищает кандидатскую диссертацию, в которой были систематизированы материалы по бронзовому веку Верхнего и Среднего Подонья (II – начало I тыс. до н.э.). Со второй половины 1960-х гг. под руководством Анатолия Дмитриевича здесь начинаются систематические полевые исследования памятников эпохи бронзы. Важным этапом явились проводившиеся Институтом археологии АН СССР и ВГУ на рубеже 1960–1970-х гг. новостро-

ечные раскопки разновременных бытовых памятников в зоне строительства Воронежского водохранилища (Шиловское, Масловское, Северо-Восточное, Университетские поселения). Шиловское поселение стало первым практически полностью исследованным поселком абаевской культурно-исторической общности.

Полученные материалы во многом предопределили направление дальнейшей научной деятельности А.Д. Пряхина – изучение памятников эпохи средней и поздней бронзы, в первую очередь абаевской культурно-исторической общности, определение места и роли образующих ее культур.

В начале 1970-х гг. под руководством А.Д. Пряхина исследуются памятники эпохи бронзы Доно-Окского междуречья (Красное Озеро, Шлихтинское, Барковское поселения и др.), а в середине 1970-х гг. в ходе совместных работ с Уральским госуниверситетом, Башкирским и Самарским пединститутами – Заволж-

ско-Уральского региона (Сурушское, Береговское, Синташтинское поселения, Береговской курганный могильник и др.).

В 1977 г. А. Д. Пряхин успешно защищает докторскую диссертацию на тему «История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность)». Защите предшествовала публикация двух монографий «Поселения абашевской общности» (1976) и «Погребальные абашевские памятники» (1977).

Усилиями А.Д. Пряхина в ВГУ были созданы кафедра археологического профиля (1976), музей археологии (1983), лаборатория естественно-научных методов в археологии (1989), совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН лаборатория историографии археологии Евразии (1999).

Результатом изучения крупных культурно-исторических общностей эпохи бронзы лесостепи и степи Евразии, прежде всего абашевской и срубной, явилась созданная А.Д. Пряхиным характеристика особенностей развития исторического процесса в эпоху бронзы на лесостепных пространствах Евразии. Исследователем были выделены отдельные археологические культуры евразийской лесостепи эпохи средней – поздней бронзы (воронежская, доно-волжская абашевская, донская лесостепная срубная и др.).

Исключительную значимость для понимания социально-экономических процессов, происходивших в эпоху поздней бронзы в Евразии, имели раскопки Молосовского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности на р. Битюг (раскопки 1977–1984, 1989 гг.). Поселение было исследовано практически полностью, на нем обнаружены многочисленные свидетельства производственной деятельности его жителей. Впервые для пространств евразийской степи и лесостепи были получены доказательства наличия клана ремесленников с разными технологическими навыками. Изучение Молосовского поселения способствовало также выделению не одного, а двух (восточного и западного) срубных очагов металлообработки.

Исследованию западного пространства подчинена деятельность совместной экспедиции Института археологии НАН Украины, Донбасского горно-металлургического института (руководители В.В. Отрошенко и Ю.М. Бровендер) и ВГУ (руководитель А.Д. Пряхин). С 1995 г. экспедиция занимается изучением памятников эпохи бронзы Капитановского и Картамышского археологических микрорайонов (Луганская обл. Украины).

Деятельность А.Д. Пряхина не ограничивалась изучением проблем эпохи бронзы. Будучи сначала старшим преподавателем (1967), затем доцентом кафедры истории СССР досоветского периода, профес-

сором кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ (1978), А.Д. Пряхин стремился формировать вокруг себя коллектив, который занимался изучением широкого круга вопросов не только древней, но и средневековой истории. Основой для консолидации ученых стали работы в рамках научного направления «Восточно-европейская лесостепь и развитие обществ с производящей экономикой (эпоха бронзы – раннее средневековье)». Результаты деятельности коллектива представлены в издаваемых с 1979 г. сборниках научных работ в тематической серии «Археология восточно-европейской лесостепи».

Благодаря усилиям А.Д. Пряхина новый импульс получило изучение юго-восточных пределов славянского мира и особенно юго-востока Древней Руси. Большое значение имели проводившиеся под его руководством в 1984–1988, 1990 гг. раскопки Семилукского городища и селища на р. Дон. В ходе исследования были получены материалы по городищу домонгольского времени в Среднем Подонье. В рамках федеральной программы «Археология и археологическое наследие народов Российской Федерации» в 1993–1995 гг. в нижнем течении р. Воронеж были проведены целенаправленные полевые исследования по теме «Вантит – уникальная археологическая территория России».

Следует отметить также раскопки памятников домонгольского и монгольского времени на территории г. Ельца, которые осуществлялись в рамках научно-прикладной программы «Елец и его округа – уникальная историко-культурная территория России». Проблема сохранения и возрождения отечественно-го историко-культурного и археологического наследия России уже в течение нескольких десятилетий находится в центре внимания А.Д. Пряхина. Им написаны научно-популярные книги: «Археология... Наследие» (1988), «Археология и археологическое наследие» (1995).

Еще одно направление научной деятельности Анатолия Дмитриевича – история отечественной археологии. В 1986 г. увидела свет монография А.Д. Пряхина «История советской археологии», в которой проанализирован период становления советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). В вышедшей в 1999 г. книге «Археологи уходящего века» Анатолий Дмитриевич подчеркивает значимость роли личности ученого в археологии. По его мнению, тщательный анализ научного наследия крупных ученых помогает лучше понять достижения и тенденции развития всей науки.

В последние годы А.Д. Пряхин активно занимается изучением других периодов развития археологии. Уже много лет в Воронежском и ряде других университетов он читает спецкурс по истории отечественной археологии. Первая часть этого курса, посвя-

щенная дореволюционной археологии, представлена в опубликованной в 2005 г. «Истории отечественной археологии». Здесь А.Д. Пряхина обоснована периодизация, прослежена генеральная линия развития археологии в стране. В настоящее время он работает над историей изучения эпохи бронзы Доно-Донецкого региона. Написаны серия статей и первая часть монографии «Доно-донецкая степь – лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.)». Сейчас Анатолий Дмитриевич готовит к печати вторую часть исследования.

Без малого за 50 лет под руководством или при непосредственном участии А.Д. Пряхина раскопано более 100 разновременных курганов и вскрыто более 35 тыс. м² площади на поселениях эпохи бронзы – раннего средневековья. Активные полевые исследования Анатолий Дмитриевич сочетает с аналитической работой. Им опубликовано более 600 работ, в т.ч. 19 монографий и учебных пособий.

Приоритетной задачей для А.Д. Пряхина остается подготовка кадров историков и археологов. В 1980-е гг. в ВГУ был разработан и успешно реализован план подготовки специалистов в области археологии. Выпускники кафедры работают в разных университетах и научных учреждениях Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Под руководством Анатолия Дмитриевича подготовлены 20 кандидатов и 9 докторов наук.

Много лет жизни Анатолий Дмитриевич посвятил изучению древней и средневековой истории России, историографии отечественной археологии, проблем сохранения и возрождения историко-культурного и археологического наследия страны и ее Центрального региона. Он полон творческих планов и устремлений. Желаем ему крепкого здоровья, больших успехов и благополучия.

И.Е. Сафонов

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР
ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт
ВСОГО – Восточно-Сибирское отделение географического общества
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН

Аксянова Г.А. – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: gaksyanova@gmail.com

Березкин Ю.Е. – заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: berezkin1@gmail.com; berezkin@kunstkamera.ru

Бородовская Е.Л. – педагог по археологии Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей Дом детского творчества им. В. Дубинина, ул. Станиславского, 4, Новосибирск, 630108, Россия. E-mail: elena_ikar@mail.ru

Бородовский А.П. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: 32S@mail.ru

Васильев С.Г. – заместитель директора Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, ул. Бабушкина, 113, Чита, 672000, Россия. E-mail: tolbag@agatel.ru

Величко А.А. – заведующий лабораторией Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия. E-mail: paleo_igras@mail.ru

Глушкова Т.Н. – заведующая кафедрой Сургутского государственного педагогического университета, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия. E-mail: tam.g@mail.ru

Горюнова О.И. – доцент, ведущий научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Грушин С.П. – доцент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: gsp142@hist.asu.ru

Зах В.А. – заведующий лабораторией Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: viczakh@mail.ru

Карнаухов Д.В. – доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: dvkarn@mail.ru

Кирюшин Ю.Ф. – профессор, ректор Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: rector@asu.ru

Козинцев А.Г. – главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: agkozintsev@gmail.com.

Лагунов И.А. – фотокорреспондент. E-mail: uspeh08@bk.ru

Маточкин Е.П. – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: musey_anohin@mail.ru; pallady@ngs.ru

Матюхин А.Е. – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: matyukhin@rambler.ru

Моисеев В.Г. – старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: moiseyev@kunstkamera.ru; vmoiseyev@mail.ru

Новиков А.Г. – младший научный сотрудник Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Октябрьская И.В. – заведующая отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: oktyabrskaya@arch.archaeology.nsc.ru

Писарева В.В. – старший научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия. E-mail: paleo_igras@mail.ru

Рыбин Е.П. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rybin@archaeology.nsc.ru

Сапелко Т.В. – старший научный сотрудник Института озероведения РАН, ул. Севастьянова, 9, Санкт-Петербург, 196105, Россия. E-mail: tsapelko@mail.ru

Сафонов И.Е. – доцент, заместитель директора Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета, пр. Революции, 24, Воронеж, 394000, Россия. E-mail: safonov@lib.vsu.ru

Седов С.Н. – научный сотрудник Геологического института Национального Университета Мексики, Instituto de Geología, Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM), Cupulas 79, Jardines del Sur, Mexico, D.F. E-mail: sergey@geologia.unam.mx

Синицын А.А. – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: sinitsyn@as6238.spb.edu

Тимирева С.Н. – ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия. E-mail: paleo_igras@mail.ru; sttimireva@mail.ru

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2009 ГОДУ

Авилова Л.И. Модели металлопроизводства на Ближнем Востоке (энолит – средний бронзовый век)	2009, № 3 (39)
Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Развитие природных сообществ Северо-Западного Алтая в антропогене	2009, № 2 (38)
Аксянова Г.А. Основные результаты расогенетических исследований в Туве в XX столетии (обзор литературных источников)	2009, № 4 (40)
Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии	2009, № 3 (39)
Анисяткин Н.К. Среднепалеолитические индустрии начала позднего плейстоцена (OIS 5) на территории юго-запада Восточной Европы	2009, № 3 (39)
Бадмаев А.А. Будничное питание бурят в конце XIX – начале XX века	2009, № 1 (37)
Бар-Оз Г., Бельфер-Коэн А., Мешвелиани Т., Жакели Н., Мацкевич З., Бар-Йозеф О. Охота на медведя в мезолите на Южном Кавказе	2009, № 1 (37)
Бауло А.В. «Арлекин» – остыцкий идол	2009, № 3 (39)
Бауло А.В. Сокровища Священной реки	2009, № 1 (37)
Безрукова Е.В., Абзаева А.А., Летунова П.П., Кулагина Н.В., Орлова Л.А. Свидетельства нестабильности природной среды озера Байкал после последнего оледенения на примере пыльцевых записей из болотных экосистем	2009, № 3 (39)
Березкин Ю.Е. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космоними	2009, № 4 (40)
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Триквистры скифского времени Северного Алтая	2009, № 4 (40)
Васильев С.Г., Рыбин Е.П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья	2009, № 4 (40)
Величко А.А., Писарева В.В., Седов С.Н., Синицын А.А., Тимирева С.Н. Палеогеография стоянки Костенки-14 (Маркина гора)	2009, № 4 (40)
Волжанина Е.А. Демография сибирских ненцев в первой трети XX века	2009, № 1 (37)
Горюнова О.И., Новиков А.Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья	2009, № 4 (40)
Гохман И.И., Громов А.В. Тесинский грунтовый могильник Каменка III: данные краниометрии и краниоскопии	2009, № 1 (37)
Гудкова Л.К. Популяционная физиология человека: традиционные подходы и новые возможности	2009, № 2 (38)
Есин Ю.Н. Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туйм в Хакасии (К 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина)	2009, № 3 (39)
Желтова М.Н. Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя)	2009, № 2 (38)
Зах В.А., Глушкова Т.Н. Тканые пояса из Саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9	2009, № 4 (40)
Зубов А.А. Еще раз о зубах из пещеры Сельунгур	2009, № 2 (38)
Карнаухов Д.В. Образы этничности Евразии в трудах польских историков эпохи Возрождения	2009, № 4 (40)
Карпухин А.А. Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России	2009, № 1 (37)
Кедровый промысел шорцев: традиции и современность	2009, № 2 (38)
Кирчо Л.Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе)	2009, № 1 (37)
Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства бронзового века лесостепного Обь-Иртышья	2009, № 4 (40)
Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой)	2009, № 4 (40)
Коломиц В.Л., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии	2009, № 1 (37)
Коровушкин Д.Г. Этническое окружение переселенческих диаспор в Западной Сибири	2009, № 1 (37)
Корочкива О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы	2009, № 3 (39)
Крупочкин Е.П. Некоторые методические вопросы цифрового картографирования археологических памятников	2009, № 3 (39)

Кубарев В.Д. Два изваяния эпохи бронзы в Горном Алтае	2009, № 1 (37)
Кулакова М.И. Некоторые итоги дендрохронологического изучения археологической древесины из раскопок Пскова	2009, № 1 (37)
Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современной народно-православной и старообрядческой традициях Сибири	2009, № 3 (39)
Маншеев Д.М. Формы кочевания и содержание скота у бурят Восточного Присаянья в конце XIX – начале XX века	2009, № 2 (38)
Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья	2009, № 3 (39)
Маточкин Е.П. Петроглифы Поперечной Красноярки	2009, № 4 (40)
Матюхин А.Е., Сапелко Т.В. Вопросы геологии, хронологии и палеоэкологии палеолитического памятника Бирючья Балка-2	2009, № 4 (40)
Медведев В.Е. Глиняные шары с острова Сучу – материальные сакральные символы эпохи неолита	2009, № 3 (39)
Международная археологическая конференция «Неолит и неолитизация бассейна Японского моря. Человек и исторический ландшафт», посвященная 100-летию со дня рождения А.П. Окладникова. Владивосток, 17–18 марта 2008 г.	2009, № 1 (37)
Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье)	2009, № 2 (38)
Моисеев В.Г. О происхождении населения островов Рюкю: интеграция краниометрических и краниоскопических признаков	2009, № 4 (40)
Молодин В.И., Прасолова Л.А., Потапов М.А., Евсиков В.И. Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Видовая идентификация меха шубы пазырыкца из могильника Олон-Курин-Гол-10 (Монголия) на основе морфометрического анализа волос	2009, № 2 (38)
Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект	2009, № 3 (39)
Надель Д., Лендъель Г. Искусственные углубления в скальном дне (ступы и чашевидные формы) как поздненатуфийский социальный феномен	2009, № 2 (38)
Народные художественные промыслы современного Алтая	2009, № 1 (37)
Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа. Историко-археологические этюды	2009, № 1 (37)
Очередной А.К., Воскресенская Е.В. Условия залегания среднепалеолитических памятников бассейна верхней Десны	2009, № 2 (38)
Палагута И.В. «Технический орнамент» в декоре керамики трипольской культуры	2009, № 2 (38)
Пимокаты Алтая	2009, № 4 (40)
Пурунджан А.Л., Боровский И. Анализ эпохальных изменений в различных группах мужчин Израиля	2009, № 1 (37)
Роули-Конви П., Вострецов Ю.Е. Хозяйственная деятельность носителей янковской археологической культуры Приморья в свете остеологических данных	2009, № 2 (38)
Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического осмысливания петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири)	2009, № 2 (38)
Санкина С.Л. Динамика средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии	2009, № 2 (38)
Санкина С.Л. Происхождение антропологических особенностей населения Новгородской земли древнерусского времени (Х–XIII вв.)	2009, № 3 (39)
Серебро казахских зергеров: традиции в современном ювелирном искусстве	2009, № 3 (39)
Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала	2009, № 2 (38)
Смирнова Т.Б. Обычаи ряжения в календарных праздниках немцев Сибири	2009, № 3 (39)
Такаси Такеучи, Мыльникова Л.Н., Несторов С.П., Кулик Н.А., Деревянко Е.И., Алкин С.В., Кадзуюки Накамура. Электронно-микрозондовый анализ формовочных масс керамики с памятников Дальнего Востока	2009, № 1 (37)
Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2006 гг.)	2009, № 1 (37)
Черемисин Д.В. О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов	2009, № 1 (37)
Чикишева Т.А., Полосымак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия)	2009, № 3 (39)
Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия)	2009, № 3 (39)